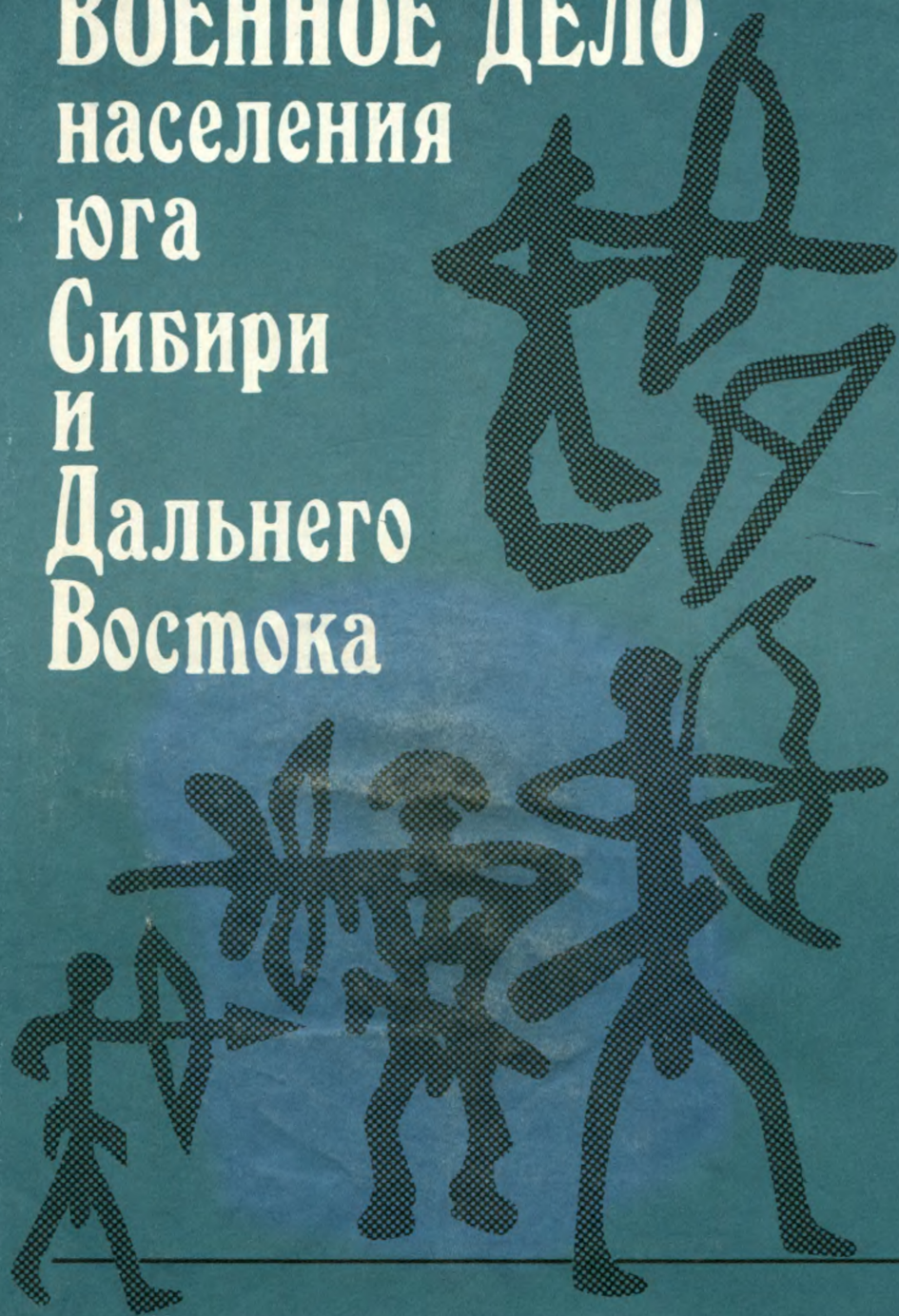

ВОЕННОЕ ДЕЛО населения юга Сибири и Дальнего Востока

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ВОЕННОЕ ДЕЛО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Ответственные редакторы
доктора исторических наук
В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков

ВО «НАУКА»
НОВОСИБИРСК
1993

ББК 63.4
В63

Рецензенты

доктор исторических наук *Е. И. Деревянко*
кандидат исторических наук *М. И. Рижский*

Утверждено к печати

Институтом археологии и этнографии СО РАН

Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Восто-
В63 ка.— Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская
фирма.— 1993.— 233 с.

ISBN 5—02—030288—0.

В сборнике представлены статьи по актуальным проблемам ору-
жиеведения, истории военного дела древнего и средневекового насе-
ления южных районов Сибири и Дальнего Востока. Исследуются
предметы вооружения, комплексы боевых средств, способы построе-
ния войск, технология изготовления оружия кочевым и оседлым на-
селением степных и таежных районов Западной Сибири, Саяно-Алтая,
Центральной Азии, Приамурья и Приморья. Анализируются данные
о ритуальном назначении декоративных элементов в оформлении от-
дельных видов оружия. В научный оборот вводятся находки из рас-
копок и новые изобразительные источники с территории Северной и
Центральной Азии.

Книга рассчитана на археологов, историков, оружейников и вос-
токоведов.

В 0504000000—134
042(02)—93 00—93

ББК 63.4

ISBN 5—02—030288—0

© Институт археологии и этнографии
СО РАН, 1993

© Российская Академия наук,
1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Оружиеведение — новое научное направление в археологии Сибири и Дальнего Востока. С начала 70-х гг., когда началась разработка оружейведческих проблем на материалах кочевых культур юга Сибири, в развитии данной отрасли знания достигнуты определенные успехи. В 70-х гг. была разработана программа оружейведческих исследований, методика систематизации и описания предметов вооружения, предпринят опыт анализа вооружения тагарской и кыргызской культур.

С начала 80-х гг. оружейведческие исследования на источниках сибирских, центрально-азиатских культур древности и средневековья развернулись широким фронтом. К настоящему времени систематизированы материалы по вооружению ряда древних и средневековых культур Восточной, Центральной Азии, Западной и Южной Сибири, Дальнего Востока.

На материалах вооружения Северной и Восточной Азии сибирскими археологами подготовлено и защищено несколько кандидатских диссертаций. Итогом целенаправленной работы специалистов явился выход в свет монографий по военному делу енисейских кыргызов, средневековых кочевников юга Сибири и Центральной Азии, мохэского и чжурчжэньского населения Приамурья, средневековых этносов Западной Сибири, сборников статей по проблемам изучения военного дела древних и средневековых культур на территории от Урала до Тихого океана.

Успешное решение вопросов систематизации и описания оружейведческого материала в Сибири стимулировало интерес к изучению оружия и в других регионах страны. Новый импульс для дальнейшего развития данного научного направления придаст объединение и координация усилий всех оружейведов страны в рамках единой научной организации.

Предлагаемый вниманию читателей сборник научных статей по военному делу кочевых и оседлых народов Сибири и Дальнего Востока в древности и средневековье содержит результаты исследований древнего и средневекового оружия североазиатских культур. Здесь анализируются вопросы становления оружейных комплексов в культурах раннего металла Западной Сибири и Дальнего Востока, эволюции оружия культур скифского и саяно-бийско-жужаньского времени. Значительная часть статей посвящена систематизации вооружения средневекового кочевого и оседлого населения Сибири, Дальнего Востока и сопредельных территорий.

ЭПОХА БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ

В. И. Молодин

НОВЫЙ ВИД БРОНЗОВЫХ КИНЖАЛОВ В ПОГРЕБЕНИЯХ КРОВОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

При раскопках погребений кротовской культуры могильника Сопка-2 обнаружен весьма представительный комплекс бронзовых кинжалов. Его научная значимость определяется прежде всего тем, что почти все эти изделия найдены *in situ*, причем чаще всего в неповрежденных захоронениях.

В последние годы при раскопках среди данного вида инвентаря, уже подвергнутого нами типологизации и прочим исследовательским процедурам¹, обнаружено три кинжала, несомненно нуждающиеся в особом рассмотрении (рис. 1—3). Такое исследование представляется нам актуальным в плане изучения предметов бронз самусьско-сейминского культурно-исторического пласта, частью которого является кротовская культура, а также ряда важнейших проблем развитой и поздней бронзы Сибири, Алтая, Казахстана и Средней Азии.

Кинжалы подобного вида были известны в Азии среди случайных находок или кладов и впервые обнаружены нами в надежно документированных и интерпретированных погребальных комплексах².

Первый кинжал (см. рис. 1) найден в мог. № 425 (кург. 58, погр. 26), расположенной в общем ряду других кротовских захоронений (рис. 4). Могильная яма не перекрыта насыпью кургана и относится к нему условно. Она овальной формы, стенки довольно ощутимо наклонены к полу, размеры 157 × 95 × 42 см. Ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Северо-восточная часть могильной ямы углублена несколько меньше, чем юго-западная. Погребен ребенок 1—1,5 лет. Он лежал на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток. Под спиной погребенного обнаружен массивный бронзовый кинжал, который, очевидно, находился в кожаных ножнах. Кожа поставлена мехом вовнутрь. Ножны практически не сохранились. В области височных костей найдены серебряные серьги, под кистью правой руки — бронзовое кольцо. В области шеи — два зуба животного. Погребение относится к кротовской культуре.

Второй кинжал обнаружен в мог. № 420 (кург. 58, погр. 21). Могила расположена в общем ряду других кротовских захоро-

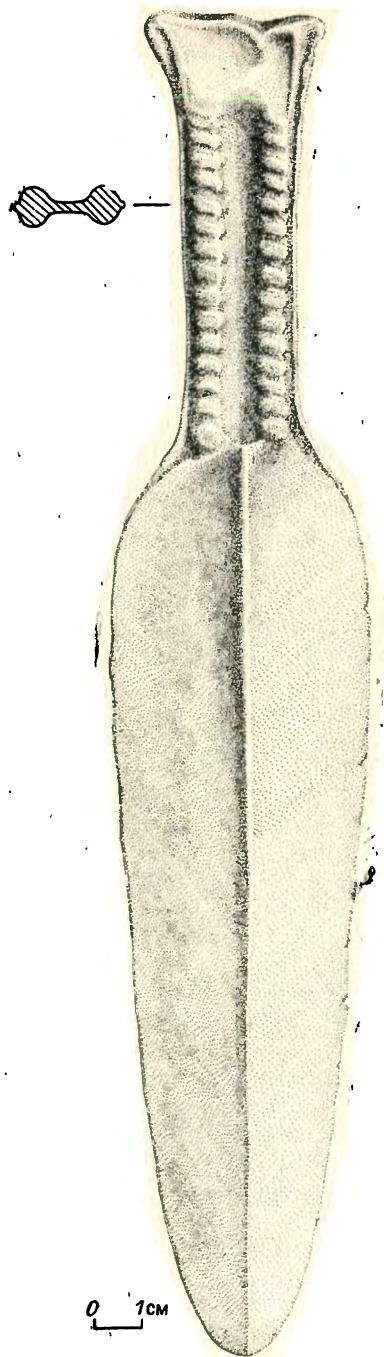

Рис. 1. Кинжал из мог. № 425.

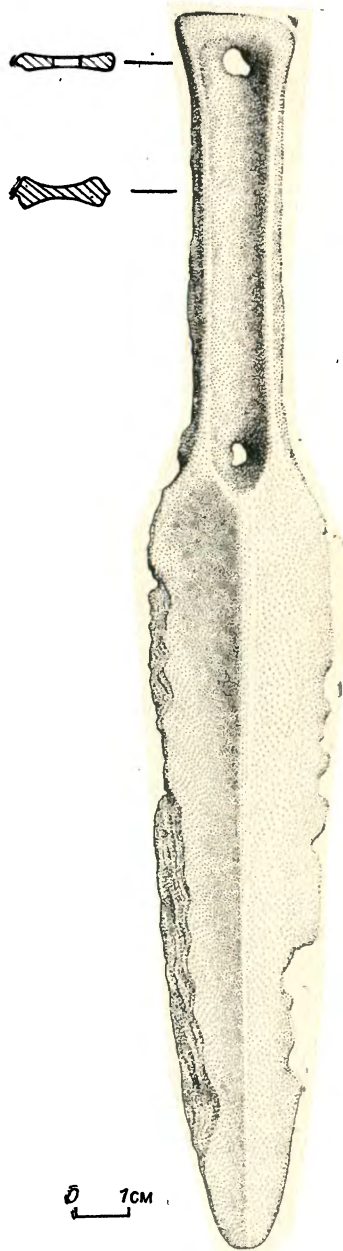

Рис. 2. Кинжал из мог. № 420.

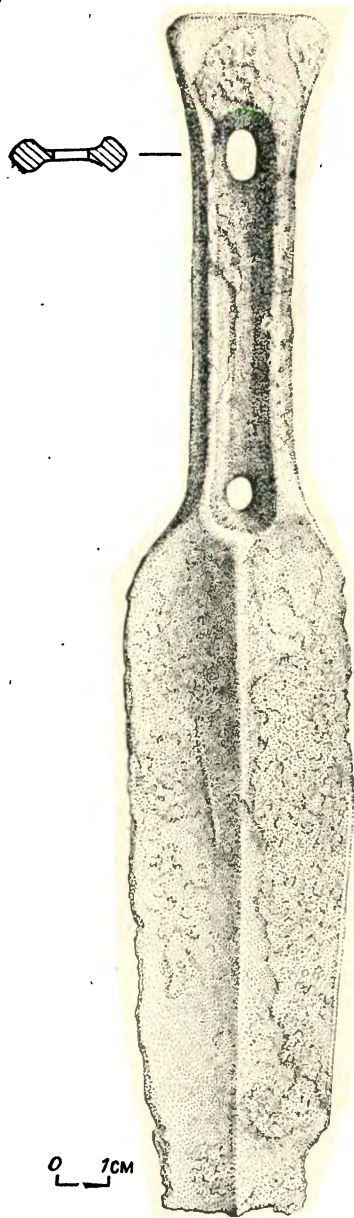

Рис. 3. Кинжал из мог. № 443.

жены четыре костяных и один каменный наконечник стрелы, а также костяная накладка. Погребение относится к кротовской культуре.

Третий кинжал обнаружен в мог. № 443 (кург. 58; погр. 44) (см. рис. 3). Могила расположена в общем ряду других кротов-

нений. Могильная яма правильной подпрямоугольной формы, ориентирована по линии северо-восток — юго-запад (рис. 5), размеры $200 \times 65 \times 69$ см. В заполнении ямы встречены кости человека. Как выяснилось, крестец, малая берцовая кость и несколько косточек голеностопа принадлежали разграбленному скелету, лежавшему внизу, на дне могилы. Здесь же была найдена нижняя челюсть другого погребенного. Вероятно, в могиле было ярусное захоронение, в котором сверху лежал мужчина. Кости таза и ног нижнего погребенного были выброшены из могилы, остальные кости находились *in situ*. Можно предположить, что ограбление совершалось тогда, когда связи еще достаточно хорошо сохранились. Погребен мужчина 20—30 лет. Он лежал на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток. Под спину погребенного был положен массивный бронзовый кинжал (см. рис. 2). В области таза обнаружен костяной наконечник стрелы. Между левой рукой погребенного и стеной могилы, вероятно, в мешочке или корообчке, компактной кучкой лежали 38 костяных наконечников стрел (один из них типа тамары), наконечник стрелы и зубчато-выемчатое орудие из яшмы, небольшой отщеп, 2 резца бобра, несколько кусочков охры. Наконечники стрел были положены в могилу без дротиков. У кисти левой руки лежало бронзовое шило. В ногах погребенного (возможно, впрочем, что они относятся к верхнему захоронению) находились наконечники стрел.

В той части могилы, где должны были быть ноги, в засыпи обнару-

Рис. 4. План мог. № 425
(кург. 58, погр. 26).

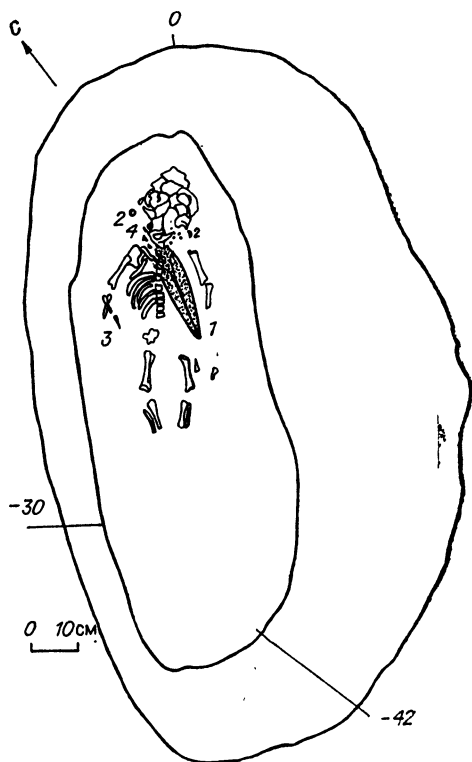
1 — кинжал, 2 — серьги, 3 — шило, 4 — зубы животного.

ских захоронений. Могильная зона не перекрыта насыпью кургана, но предположительно относится к нему. Имеет правильную подпрямоугольную форму, ориентирована по линии северо-восток — юго-запад, размеры $200 \times 95 \times 37$ см (рис. 6). В могиле лежал череп человека и часть левой руки в сочлении. Возраст умершего 14—15 лет. Остальные кости скелета отсутствовали, череп и кости левой руки лежали абсолютно непо потревоженными. У височных костей черепа обнаружены бронзовые серьги, у левой руки (между туловищем и рукой) — массивный бронзовый кинжал. В северном углу могильной ямы найден отщеп. Погребение относится к кротовской культуре.

Обращает на себя внимание, что линии обруба кончика кинжала и руки совпадают. Не исключено, что это было сделано при ограблении, когда сверху был нанесен сильный удар металлическим предметом, одновременно нарушивший кость и кинжал.

Как видим, кинжалы обнаружены во всех трех случаях *in situ* (мог. № 425 не потревожена, а в мог. № 420 и 443 кинжалы лежали в тех частях могильной ямы, которые не были затронуты грабителями). Не вызывает сомнения и культурная принадлежность кинжалов: мог. № 425, 420, 443, во-первых, планиграфически четко входят в ряды кротовских захоронений, во-вторых, такие виды инвентаря, как серьги в полтора оборота; каменные наконечники стрел, костяные наконечники с четырехугольным сечением и приостренным насадом, являются характерными предметами погребального инвентаря кротовских захоронений могильника Сопка-2³. Важно отметить, что все погребения с кинжалами сконцентрированы, и довольно плотно, в западной части могильника.

1. Кинжал из мог. № 425 изготовлен путем одновременной отливки лезвия и рукояти в двухстворчатой литейной форме

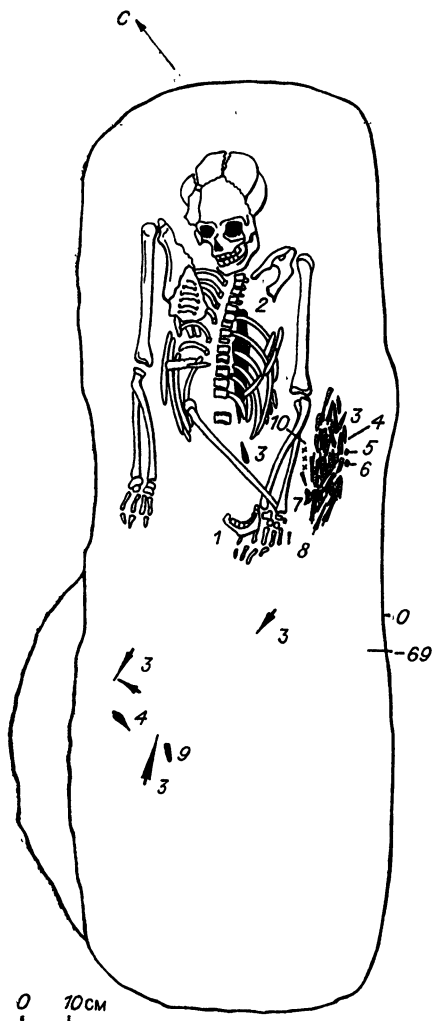

Рис. 5. План мог. № 420 (кург. 58, погр. 21).

1 — челюсть человека, 2 — кинжал, 3 — костяной наконечник стрелы, 4 — каменный наконечник стрелы, 5 — каменное зубчато-выемчатое орудие, 6 — отщеп, 7 — резец бобра, 8 — шило, 9 — костяная накладка, 10 — кусочки охры.

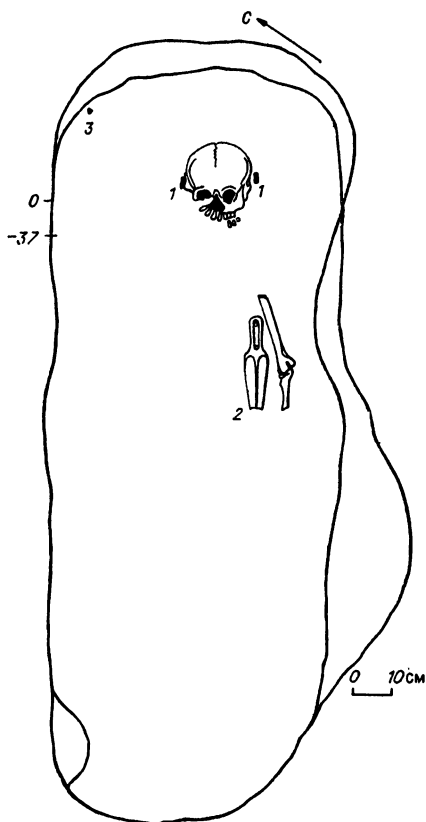

Рис. 6. План. мог. № 443 (кург. 58, погр. 44).

1 — серьги, 2 — кинжал, 3 — отщеп.

(см. рис. 1). Об этом свидетельствует общий для лезвия и рукояти литейный шов, сохранившийся на обеих сторонах рукояти и в верхней части лезвия. Заливка металла в литейную форму осуществлялась со стороны рукояти. После получения отливки лезвие было расковано, а затем подправлено образивом. Длина кинжала 29 см, максимальная ширина клинка 5,4 см, длина

клинка 19 см, длина ручки 10 см, указатель стройности 18,62 (указатель стройности рассчитан по методу, предложенному Н. Л. Членовой для карасукских ножей⁴), указатель клинка 28,4 (указатель клинка рассчитан по методу, предложенному Н. Л. Членовой для карасукских кинжалов⁵), толщина клинка в середине 8 мм, максимальная ширина ручки 3,7 см, минимальная толщина ручки 2,2 см, разность ширины максимальной и минимальной рукояти 1,5 см, максимальная толщина ручки 1 см. Сечение лезвия вытянуто-ромбовидное. По центру клинка проходит ребро жесткости. Сам клинок имеет пламевидную форму и весьма напоминает по своим пропорциям перо наконечников копий сейминско-турбинского типа. Рукоять тавровидного сечения. С обеих сторон кинжала края рукояти оформлены ритмически чередующимися выпуклостями.

2. Кинжал из мог. № 420 изготовлен путем одновременной отливки лезвия и рукояти в двухсторонней литейной форме (см. рис. 2). Об этом свидетельствуют сохранившиеся на рукояти литейные швы. Проковка лезвия не прослеживается. Длина кинжала 24,3 см, максимальная ширина клинка 3,6 см, длина клинка 15,4 см, длина рукояти 8,9 см, указатель стройности 14,81, указатель клинка 23,3, толщина клинка в середине 4 мм, максимальная ширина ручки 2,1 см, минимальная ширина рукояти 1,7 см, максимальная толщина рукояти 0,6 см. Сечение лезвия вытянуто-ромбовидное. По центру клинка проходит ребро жесткости. Рукоять тавровидного сечения. В ее противоположных концах имеются овальные отверстия диаметром 0,5 и 0,6 мм.

3. Кинжал из мог. № 443 изготовлен путем одновременной отливки лезвия и рукояти в двусторонней литейной форме, о чем свидетельствуют сохранившиеся на рукояти литейные швы, (см. рис. 3). Края лезвия дополнительно прокованы. Конец лезвия обломан при ограблении могилы, однако легко поддается реконструкции, поэтому мы указываем для данного предмета его истинные размеры: длина кинжала 27,4 см, максимальная ширина клинка 4,4 см, длина клинка 17 см, длина рукояти 10,4 см, указатель стройности 16,05, указатель клинка 25,8, толщина клинка в середине 6 мм, максимальная ширина рукояти 3,1 см, минимальная ширина рукояти 1,9 см, максимальная толщина рукояти 1 см. Сечение лезвия вытянуто-ромбовидное. По центру клинка проходит ребро жесткости. Рукоять тавровидного сечения. В ее противоположных концах имеются овальные отверстия диаметром 0,6 и 0,8 мм.

Разумеется, три имеющихся в наличии изделия — слишком малопредставительная выборка для того, чтобы определять какие-то тенденции в развитии их формы, однако в дальнейшем эти данные конечно же могут быть использованы.

Достаточно надежно можно представить первоначальный вид кинжалов из мог. № 425 и 420. В пазах рукояти обоих изделий были обнаружены остатки деревянного тлена, а на кинжале из мог. № 425 еще и остатки кожаного ремешка, которым обви-

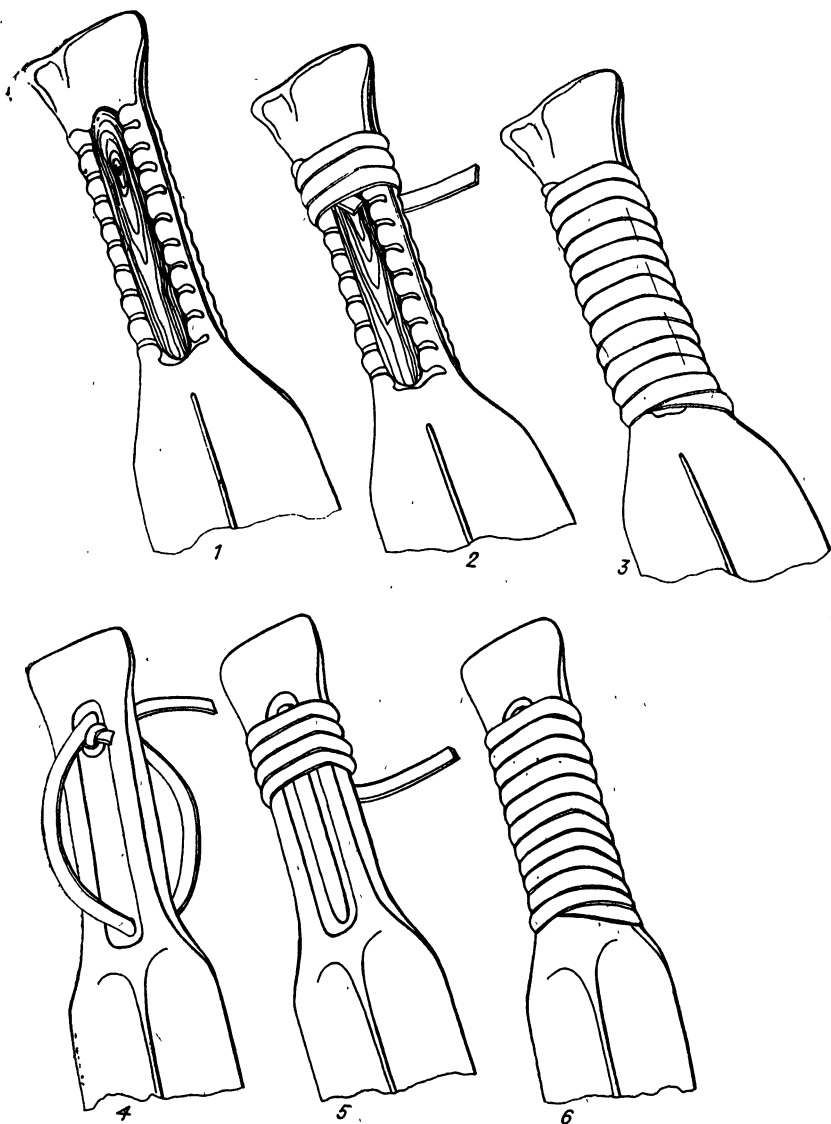

Рис. 7. Реконструкция рукоятей кинжалов из могил № 425 (1—3) и 420, 443 (4—6).

васалась рукоятъ. В специально сделанные пазы вставлялись деревянные планки, делающие рукоятъ объемной, после чего рукоятка дополнительно обматывалась кожаным ремешком, для крепления которого использовались круглые отверстия в противолежащих концах рукояти (рис. 7). На кинжале из мог. № 425 такие отверстия на рукояти отсутствуют, однако для плотности при-

легания сыромятного ремешка поверхность четырех выступающих граней рукояти делали бугристой. Таким образом, данные кинжалы имели сложносоставную рукоять с накладками.

Несомненный интерес представляет способ ношения данного вида оружия. В двух случаях (мог. № 425, 420) мы располагаем весьма любопытной информацией на этот счет. Оба кинжала находились под погребенным в области спины. Возможно, конечно, в этом заключен культовый смысл: по какой-то причине кипжал сначала клали в могилу, а на него труп. Эта гипотеза выглядит не беспочвенной, если учесть, что в мог. № 425, где похоронен ребенок 1—1,5 лет⁶, находился лучший из всех описываемых кинжалов, который не мог быть даже игрушкой. Случаи, когда в детские погребения помещали предметы вооружения, уже известны по кротовским захоронениям Сопки-2 (например, в погр. № 583, где был помещен ребенок, обнаружена кожаная панцирная пластина) и нуждаются в тщательном рассмотрении. Не исключено также, что перед нами особый способ ношения кинжалов, который может являться важным этнографическим показателем. Известно, что наиболее часто ножи и кинжалы носили на поясе. Вместе с тем известны традиции носить кинжалы и ножи за голенищем сапог (например, у русских воинов⁷), на бедре (в скифскую эпоху⁸), на шее или груди (у угро-самодийцев таежной зоны Западной Сибири⁹). Известны случаи ношения данного вида оружия за поясом сзади, это отмечено для эпохи поздней бронзы Китая, а также для европейского средневековья¹⁰. Однако зафиксированное на Сопке-2 местоположение кинжала более всего соответствует способу ношения подобного вида оружия у японцев, когда один или два меча помещали на спине рукоятью вверх, чтобы можно было скрыть наличие оружия или метать его из-за спины. Не исключено, что мы имеем дело с аналогичным способом ношения и использования кинжалов.

Все известные нам аналоги охарактеризованных предметов, к сожалению, являются случайными находками и не связаны с какими-либо археологическими комплексами. Абсолютно аналогичный кинжал обнаружен в районе г. Змеиногорска Алтайского края (хранится в Алтайском государственном университете, г. Барнаул)¹¹. Изделие имеет характерные для данного вида пропорции, рукоять с противолежащими отверстиями и вся как бы гофрирована (рис. 8, 1). Авторы публикации данного предмета Ю. П. Алексин и В. Н. Владимиров считают его кинжалом карасукского типа¹².

Аналогичен описываемым нами кинжал с территории равнинного Алтая, обнаруженный у совхоза «Урожайный», в 40 км к югу от г. Бийска (рис. 8, 2) (хранится в Бийском краеведческом музее)¹³. Это изделие наиболее близко кинжалу из мог. № 425 с той лишь разницей, что рукоять, помимо рельефных бугорков по краям, имеет еще и гофрированную поверхность по средним желобкам и овальное отверстие у окончания

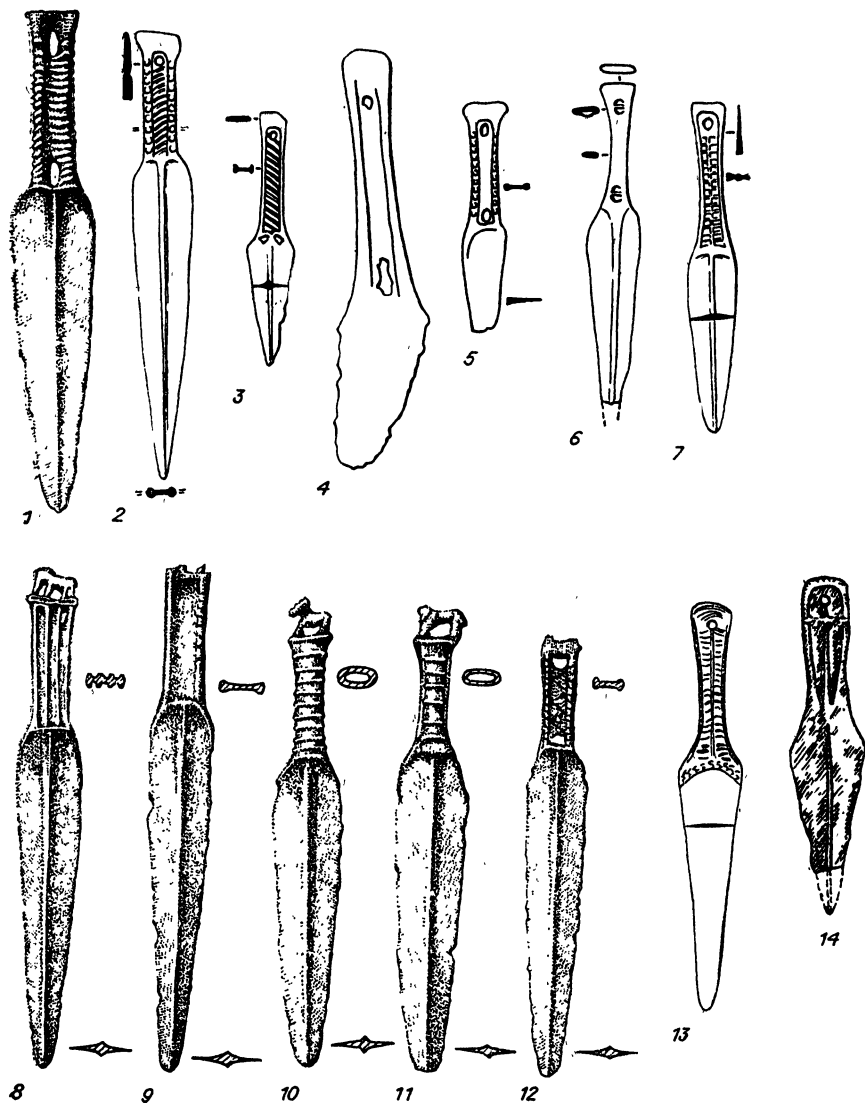

Рис. 8. Аналоги кинжалов из могильника Сопка-2.

1 — Алтайский край (по Ю. П. Алексину, В. Н. Владимирову), 2 — Алтайский край (по Н. Л. Членовой), 3 — Казахстан (по Н. Л. Членовой), 4 — Казахстан (по С. С. Черникову), 5 — Алтай или Казахстан (по Н. Л. Членовой), 6 — Казахстан (по Н. Л. Членовой), 7 — Енисейская губ. (по Н. Л. Членовой), 8—12 — Средняя Азия (по Д. Ф. Виннику, Е. Е. Кузьминой), 13 — Грузия (по Б. А. Куфтину), 14 — Афганистан (по В. И. Сарияниди).

рукояти. Н. Л. Членова относит данное и близкие к нему по форме изделия к карасукскому времени¹⁴.

Вторая группа изделий, аналогичных сопкинским, обнаружена на территории Северного и Восточного Казахстана. Наиболее

близкой параллелью является кинжал из Семипалатинского музея; опубликованный С. С. Черниковым, а затем переизданный Н. Л. Членовой (рис. 8, 3) (рисунок С. С. Черникова более схематичный)¹⁵. Данное изделие отличается от сопкинских наличием цепочки желобков, нанесенных вдоль средней части рукояти, и отверстия у обуха. Второй кинжал из Казахстана имеет очень сточенное лезвие (рис. 8, 4)¹⁶, однако по рукояти (тавровидной в сечении; с двумя противолежащими отверстиями) он близок кротовским.

Еще один кинжал, с территории Алтая или Восточного Казахстана, хранится в Государственном Эрмитаже (рис. 8, 5)¹⁷. Рукоять его оформлена так же, как у сопкинских кинжалов, однако клинок однолезвийный. Вряд ли приходится сомневаться в том, что данный предмет типологически несомненно относится к рассматриваемым в настоящем исследовании.

На территории Казахстана обнаружено еще три кинжала, близкие, на наш взгляд, по форме к анализируемым. Два из них имеют сходные с кротовскими пропорции, но менее сложную рукоять¹⁸. Интересен кинжал из Семипалатинска. По форме он абсолютно аналогичен рассматриваемым, однако его рукоять в разрезе овальная, а на месте отверстий сделаны пазы для крепления полосы обмотки (рис. 8, 6)¹⁹.

Близок к сопкинским кинжал из бывшей Енисейской губернии (рис. 8, 7)²⁰. Его отличает орнаментированная сетчатым узором рукоять. Н. Л. Членова относит все эти изделия к карасукскому времени²¹, С. С. Черников датирует кинжалы из Восточного Казахстана мало-красноярским этапом бронзового века, т. е. XIII—IX вв. до н. э.²²

Из более удаленных территориально аналогов следует назвать кинжалы из Второго Каракольского клада из Средней Азии (юго-восточный берег оз. Иссык-Куль) (рис. 8, 8—12)²³. По сути, данные образцы отличаются от кротовских только наличием паверший в виде бронзовых фигурок животных (или их обломков) на обухах рукоятей. Д. Ф. Винник и Е. Е. Кузьмина датируют данные изделия периодом поздней бронзы²⁴. Определенное сходство с рассматриваемыми имеют кинжалы с территории Афганистана (памятник Дашлы-3 (рис. 8, 14)²⁵), датируемые по радиоуглероду концом III—серединой II тыс. до н. э.²⁶ Опубликовавший данную находку В. И. Сарияниди указывает на отсутствие ей аналогов в регионально близких комплексах²⁷.

Наиболее удаленным аналогом кротовских кинжалов является бронзовый клинок из Сачхери (Грузия) (рис. 8, 13)²⁸. Б. А. Куфтин датировал данное изделие III тыс. до н. э., В. И. Марковин и М. Н. Погребова — серединой II тыс. до н. э.²⁹

Как видим, исследователи единодушно относят аналогичные кинжалы с Алтая, из Казахстана и Средней Азии к эпохе поздней бронзы. Слабость имеющей место аргументации заключается, конечно же, в отсутствии хотя бы одного предмета, обна-

руженного в надежно датированном комплексе, что не позволяет датировать и кротовские изделия эпохой поздней бронзы. Мы неоднократно приводили развернутую аргументацию в пользу относительной датировки кротовской культуры, в частности могильника Сопка-2, серединой II тыс. до н. э. — временем, предшествовавшим приходу на данную территорию андроновцев, которое определяется не ранее XIII в. до н. э.³⁰ Какие же еще аргументы можно привести в пользу предлагаемой нами датировки? Помимо общего (кротовского) контекста памятника Сопки-2 следует учитывать форму рассматриваемых образцов, совершенно отличных от карасукских, а также типологию рукоятей рассматриваемых кинжалов. Как неоднократно подчеркивала крупнейший знаток данной проблематики Н. Л. Членова, рукояти кинжалов с широкой щелью типологически более ранние, чем карасукские, и восходят к рукоятям с накладками³¹. Аналогичной точки зрения придерживается и М. Д. Хлобыстина³². Судя по реконструкции, перед нами рукояти с накладками, следовательно, типологически более ранние, чем карасукские. Нельзя не согласиться с Д. Ф. Винник и Е. Е. Кузьминой, которые синхронизируют намерения на кинжалах из Второго Каракольского клада с намерениями на ножах с Сеймы, Турбино и Ростовки³³, что также, по нашему мнению, свидетельствует в пользу относительной датировки рассматриваемых кинжалов самусько-сейминской эпохой. Наконец, следует учитывать, что аналогичный кинжал из Грузии относят к III — середине II тыс. до н. э., в этих же пределах датируют кинжал из Афганистана. Все это, как нам представляется, позволяет вполне обоснованно отнести рассматриваемые образцы с Сопки-2 и аналогичные им изделия с Алтая, из Казахстана и, возможно, Средней Азии к развитой поре бронзового века, т. е. к середине II тыс. до н. э. Открытие памятников кротовской культуры на равнинном Алтае³⁴ дает возможность говорить и о культурной принадлежности рассматриваемых в настоящей работе кинжалов с данного региона. К кротовской культуре может принадлежать и часть кинжалов из Казахстана, поскольку кротовские памятники известны и на данной территории³⁵. Определенную группу кинжалов из Казахстана вместе с орудиями сейминско-турбинского типа есть основания отнести к канайскому этапу бронзового века (по периодизации С. С. Черникова)³⁶. Аналогичный кинжал из Енисейской губернии, публикуемый Н. Л. Членовой, может быть отнесен в зависимости от точного места его нахождения к окуневской культуре либо к культуре, синхронной окуневской и кротовской в Ачинско-Мариинской лесостепи (поселения типа Шестоково IА, Дворниково и т. д.).

Рассматриваемые формы бронзовых кинжалов дают основание говорить о существенном вкладе носителей кротовской и соседствующих с ней культур в историю военного искусства. Не исключено, что бронзовый кинжал именно данной формы является своего рода прототипом классических бронзовых карасукских кинжалов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы.— Новосибирск, 1985.— С. 60—63, рис. 29, 30.
- ² Молодин В. И. Археологические исследования Западно-Сибирского отряда // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока.— Новосибирск, 1986.— С. 17—19.
- ³ Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы.— Рис. 16, 21, 22, 32, 34.
- ⁴ Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи // МИА.— М., 1972.— С. 16—182.
- ⁵ Членова Н. Л. Карасукские кинжалы.— М., 1976.— С. 5.
- ⁶ Антропологические определения пола и возраста умерших в характеризующих погребениях выполнены канд. биол. наук антропологом Т. А. Чикишевой, за что мы выражаем ей свою искреннюю признательность.
- ⁷ Совеигов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора в азбучном порядке расположения.— СПб, 1806.— С. 85; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие.— М.; Л., 1966.— Вып. 1.— С. 72.
- ⁸ Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ.— 1964.— Вып. Д1—4.— С. 63; Хаганов А. М. Очерки военного дела сарматов.— М., 1971.— С. 12—14; Кубарев В. Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— С. 29—54.
- ⁹ Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты.— Томск, 1977.— С. 32.
- ¹⁰ Тун Энчжэн. Исследование бронзовых мечей юго-западных районов нашей страны // Каогу сюебао.— 1977.— № 2.— С. 44, рис. 6, 8 (на кит. яз.); Müller H., Kölling H. Europäische Hieb- und Stichwaffen aus der Sammlung des Museums für Deutsche Geschichte.— Berlin, 1981.— S. 81.
- ¹¹ Алексин Ю. П., Владимиров В. Н. Разведочные работы в Предгорном Алтае // АО 1982 года.— М., 1984.— С. 189, 190, фото на с. 189.
- ¹² Там же.— С. 190.
- ¹³ Членова Н. Л. Карасукские кинжалы.— М., 1976.— С. 102, табл. 8, 21.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА.— М.; Л., 1960.— № 88.— Табл. XIV, 4; Членова Н. Л. Карасукские кинжалы.— Табл. 8—19.
- ¹⁶ Черников С. С. Восточный Казахстан...— Табл. XIV, 3.
- ¹⁷ Членова Н. Л. Карасукские кинжалы...— Табл. 8, 20.
- ¹⁸ Там же.— Табл. 8, 15, 16.
- ¹⁹ Там же.— Табл. 8, 14.
- ²⁰ Там же.— Табл. 8, 22.
- ²¹ Там же.
- ²² Черников С. С. Восточный Казахстан...— Табл. XXVII б, 1, 3.
- ²³ Винник Д. Ф., Кузьмина Е. Е. Второй Каракольский клад Киргизии // КСИА.— 1981.— 167.— С. 49, рис. 3—5.
- ²⁴ Там же.— С. 51, 52.
- ²⁵ Сарцианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана.— М., 1977.— С. 77, рисунок.
- ²⁶ Там же.— С. 169.
- ²⁷ Там же.— С. 76.
- ²⁸ Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция в Юго-Осетию и Имеретию.— Тбилиси, 1949.— С. 72, табл. X, 1.
- ²⁹ См. Членова Н. Л. Карасукские кинжалы.— С. 42.
- ³⁰ См.: Молодин В. И. Бараба в древности: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.— Новосибирск, 1983; Он же. Бараба в эпоху бронзы.
- ³¹ Членова Н. Л. Материалы по истории Сибири.— Улан-Удэ, 1964.— Т. 1.— С. 266; Она же. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры.— М., 1967.— С. 18—20; Она же. Карасукские кинжалы.— С. 6.
- ³² Хлобыстина М. Д. Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры: Дис. ... канд. ист. наук.— Архив ИА РАН, р. 2, № 1301, с. 116. Цит. по: Членова Н. Л. Карасукские кинжалы.— С. 6.

³³ Винник Д. Ф., Кузьмина Е. Е. Второй Каракольский клад...— С. 50.

³⁴ См.: Кирюшин Ю. Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.— Новосибирск, 1986.

³⁵ См. например: Глушков И. Г. Проблема южной границы кротовской культуры в Прииртышье // Тез. обл. науч. конф., посвященной 400-летию Тобольска, «Роль Тобольска в освоении Сибири».— Тобольск, 1987.— С. 17—19.

³⁶ Черников С. С. Восточный Казахстан...— Табл. XXVIIа.

П. М. Кожин

СИБИРСКАЯ ФАЛАНГА ЭПОХИ БРОНЗЫ

В Западной Сибири, на Урале, в лесостепных районах Восточной Европы обнаружено значительное количество отдельных находок и несколько могильников, содержащих комплексы металлических предметов, относимых к сейминско-турбинской культуре эпохи бронзы¹. Несмотря на огромные масштабы и неравномерность в насыщении находками ареала, отсутствие выраженных территориальных групп, нечеткость общих границ культуры, неоднородность погребального обряда, малочисленность и разнородность инвентаря, кроме серий металлических изделий, исследователи относят эти находки к единой культуре, а не культурной общности. Такое мнение представляется справедливым. Ведь в пределах сложного образования, каким является археологическая культурная общность, внутренние связи населения могли быть нерегулярными, а процессы дифференциации отдельных групп настолько значительными, что в бытовом и производственном инвентаре отдельных культур, включавшихся в общность, могли возникать и накапливаться заметные технические новшества, отражавшие различные пути развития производства, выделявшие и обособлявшие подобные культуры среди их этнически родственного окружения. Для сейминско-турбинских памятников, напротив, характерно значительное сходство изделий в пределах каждого типа по формам, технике изготовления, специфике художественного оформления, даже в тех случаях, когда аналогичные предметы происходят с наиболее удаленных друг от друга окраин ареала. Подобное сходство указывает либо на наличие постоянных прочных контактов населения во всем ареале, либо на кратковременность сейминско-турбинской культуры, на краткость этого хронологического этапа евразийского бронзового века.

Наиболее многочисленные серии металлических изделий образуют в сейминско-турбинских памятниках наконечники копий, дулеувийные кинжалы и ножи, топоры-кельты, втульчатые долота. Среди каменных изделий (встречающихся не повсеместно) этнокультурная специфика четко выявляется на кремневых наконечниках стрел, ретушированных кремневых вкладышах, из

которых составлялись лезвия ножей, вставлявшиеся в костяные или деревянные рукоятки, на нефритовых кольцах. Особое место в инвентаре занимают литейные формы из талькового камня.

Отсутствие данных о поселениях и производственных комплексах, неясность вопроса о керамическом производстве сейминско-турбинской культуры резко ограничивают возможности этноисторических и социально-экономических интерпретаций на базе исследуемого материала. Впрочем, сама по себе этнокультурная специфика комплексов может быть сравнительно надежно подтверждена особенностями инвентаря и своеобразием его набора. Обоснованные экономические и социальные характеристики культуры могут явиться итогом многоступенчатой интерпретации технологий изготовления инвентаря и способов его применения. Для отдельных ступеней такой интерпретации возможно использование разработок, касающихся проблем абсолютной и относительной хронологии, происхождения культуры, изучения ее металлургии и металлообработки, функциональных и технологических особенностей отдельных типов орудий, художественного стиля (украшения, скульптура, орнаментация), религиозно-магических представлений (погребальный обряд), антропологии. Большинство металлических изделий и форм для их изготовления из сейминско-турбинских памятников — это предметы вооружения. Поэтому естественно начинать характеристику культуры с анализа ее военной техники.

Несмотря на большое внимание к проблемам хронологии сейминско-турбинской культуры, обусловленное значением, которое имеют ее изделия для построения абсолютной хронологии бронзового века обширного евразийского ареала², типологические исследования этого инвентаря носят пока преимущественно формальный характер. Однако в самих изделиях отчетливо проявляются черты, которые могут служить основой для построения конструктивно-генетической типологии, определяющей направленность и формы развития производственных технологий, а также для выявления присущих данной археологической культуре этапов накопления инженерных знаний и позитивного опыта, позволяющих совершенствовать конструкции изделий с целью добиться их предельной наивысшей эффективности для соответствующего практического применения.

В приложении к древним предметам материальной культуры перспективность использования типологического метода прямо обусловлена тем, что в каждом этническом производстве постоянно возникали противоречия между стремлением к повышению функциональной эффективности орудия и желанием сохранить старые традиционные формы, считавшиеся особенно надежными. Отсюда проистекает стремление сохранить при производстве изделий рудиментарные признаки, указывающие на приемы, применявшиеся при изготовлении древнейших форм соответствующего инвентаря³. С учетом этих соображений необходимо проанализировать весь комплекс сейминско-турбинского оружия,

чтобы выявить те его наборы, которые могли изготовляться одновременно и использовались группами людей, занимавшими место в едином боевом строю. Однородность серий инвентаря и различия в технике изготовления предметов каждой серии создают предпосылки для выяснения направленности распространения носителей данной культуры, скорости этого процесса, интенсивности, а также позволяют наметить исходный ареал сложения культуры и ее различные модификации на территории от Поволжья до центрально-азиатских пустынь.

Все металлические изделия из сейминско-турбинских могильников принадлежат к двум основным категориям. Это либо втульчатые орудия, либо пластинчатые (брусковидные). И те и другие получены путем литья в каменных (реже обожженных глиняных) формах. Последующему переоформлению проковкой подвергались лишь отдельные пластинчатые изделия. Помимо оружия и инструментов металлообработки встречаются украшения и небольшое количество предметов неизвестного назначения. Принадлежность изделий к единой металлургической традиции подчеркивается единообразием находок в аналогичных комплексах, а также наличием литейных форм, предназначенных для отливки целых наборов различных предметов (некоторые формы обрабатывались вторично для отливки более мелких изделий).

Наиболее широко представлены наконечники копий и топоры-кельты. При тщательном сравнении, особенно предметов из разных памятников, выявляется большое разнообразие форм данных изделий. Кельты, по мнению многих исследователей, использовались как землекопные орудия⁴, но тщательность их изготовления, отливка в одних и тех же формах, что и другие виды оружия, убеждают в применении кельтов главным образом в качестве боевого оружия.

Основным принципиальным показателем различий в серии копий принято считать оформление втулки, которая в поперечном сечении на уровне основания пера бывает либо круглой, либо ромбической. Причем многие копья имеют в нижней части пера с обеих сторон втулки парные продольные выпуклые валики, охватывающие, как двузубая вилка, нижнюю часть нервюры пера. Эта конструктивная особенность — вильчатый стержень пера — учитывается во всех классификациях⁵. Однако если в Сейминском и Турбинском могильниках большинство наконечников вильчатых и с ромбическим сечением втулки обнаруживает сходство в общих очертаниях, то в Ростове эти наконечники определенно представляют четко различающиеся типы. Так, наконечники с вильчатым стержнем имеют длинное широкое перо, закругленное с нижнего края. Его протяженные прямые лезвия хорошо заострены четкой и аккуратной отбивкой на наковальне, подобно лезвиям современных кос. У основания втулки параллельно плоскости пера имеется пара противоположащих отверстий для штыря, который должен был скреплять наконечник с древ-

дом, а несколько выше этих отверстий располагалась пара небольших округлых ушек, между которыми втулку опоясывало несколько выпуклых тонких валиков. Вильчатые копыя Ростовки представлены двумя подтипами. При общем полном сходстве наконечников у одного из этих подтипов под пером с одной стороны имеется угловатое лезвие, обращенное хорошо заостренным краем в сторону древка. Сторона лезвия, обращенная к перу, утолщенная, скругленная, тупая.

Копья другого типа из Ростовки отличаются меньшими размерами, большей массивностью, полным отсутствием орнамента, очень большим диаметром втулки, обычно круглой на всем протяжении. Перо у них короткое, а лезвия скругленные по всей длине, заостренные менее тщательно (рис. 1, 1—3).

Топоры-кельты из Ростовки представлены также двумя разновидностями: это широкие почти прямоугольные в профиле топоры с овальным сечением у верха втулки и шестигранные в средней части. Шестигранность сечения достигается двумя выступающими ребрами, отграничивающими узкие стенки от средних, широких. Последние имеют слегка выпуклую поверхность. Под втулкой кельт опоясан двумя горизонтальными валиками, переходящими с боков в небольшие ручки-ушки, выступающие из боковых граней. Пространство между валиками заштриховано короткими вертикальными насечками. Под этой штрихованной полосой-лесенкой расположен ряд высоких равнобедренных треугольников, обращенных вершинами вниз, ниже их к лезвию с одной широкой лобной стороны кельта спускается ряд заштрихованных ромбов.

Кельты другого типа представлены всего в 2 экз. Они имеют узкую круглую втулку, которая плавно переходит в широкую пластинчатую лезвийную часть. Боковые стороны усилены трехгранными, выступающими по обеим сторонам пластины ребрами. Один из этих кельтов кроме опоясывающего орнамента из треугольников на втулке имеет над лезвием с лобной стороны изображение горного козла, напоминающее профильные наскальные рисунки. С боков на пластинчатой части кельта с одной стороны выполнены слабовыпуклые концентрические полуокружности, а с другой — выпуклые вертикальные зигзаги из попарно сгруппированных штрихов. Сравнив эти кельты со среднеазиатскими кельтами-лопатками, В. И. Матющенко отметил их отличия и назвал кельтами с крыльями⁶. М. Ф. Косарев по литейной форме для типичного кельта-лопатки на поселении Самусь IV обосновал значительно большую, чем предполагалось ранее⁷, древность этих изделий⁸. Указанные кельты из Ростовки позволяют наметить типологическую эволюцию всей серии кельтов. В кельтах-лопатках с их четко выраженной втулкой и прямоугольной лезвийной пластиной хорошо прослеживается форма первоначального составного орудия, которое либо собиралось из двух частей, либо сначала отливалась плоская лезвийная часть, помещавшаяся затем в форму для отливки втулки. При литье

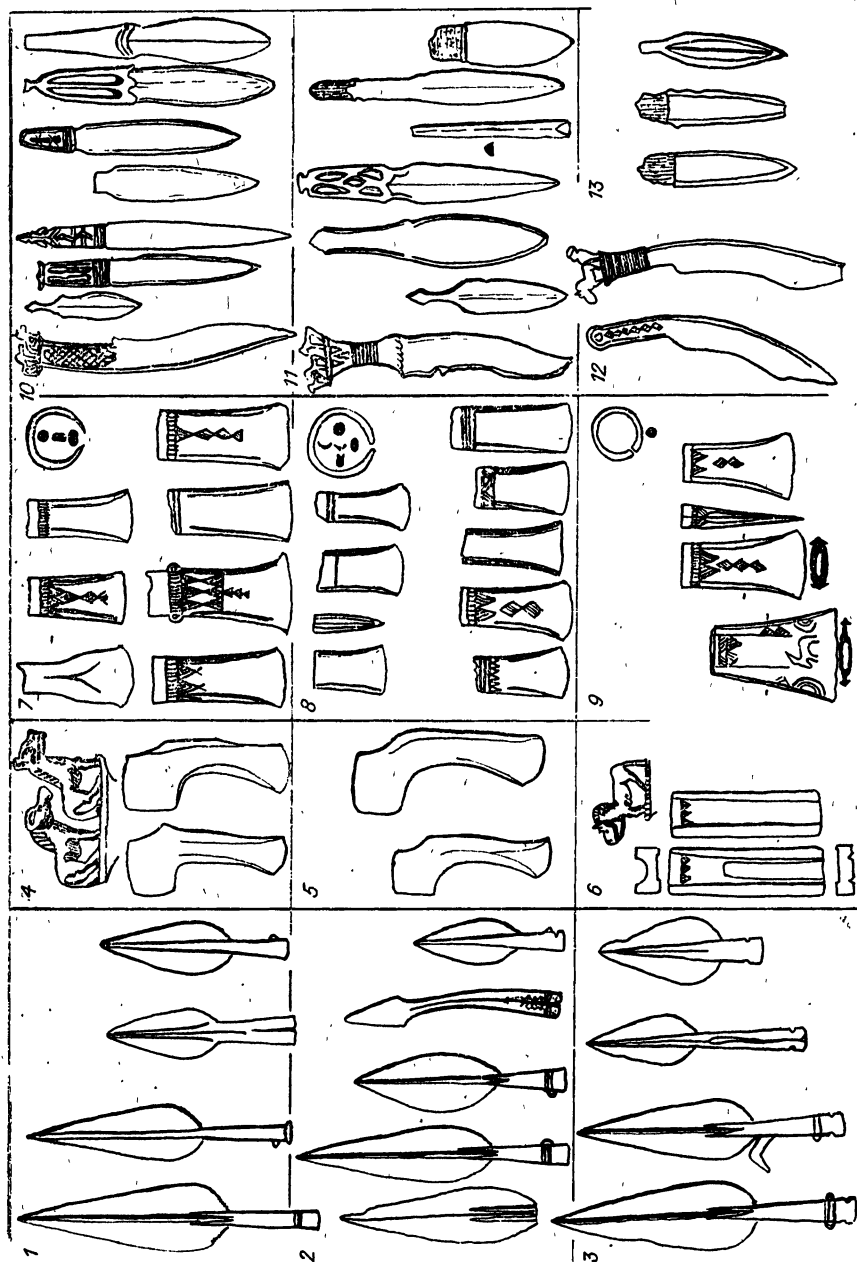

Рис. 1. Оружие из сейминско-турбинских могильников.

1, 4, 7, 10 — Сейма и Решное; 2, 5, 8, 11 — Турбино; 3, 6, 9, 12, 13 — Ростовка.

штулки расплавленный металл прочно приваривался к поверхности пластины. Возможно, при сборке изделия из отдельных частей их сваривали путем дополнительной заливки металла («покровного литья», по Г. Дрешеру⁹), что достаточно типично и для сейминско-турбинской металлургии, ибо таким способом исправлялись дефекты отливок¹⁰. Кроме того, в Сейме, Решном и Галичском кладе рукояти ножей наваривались на лезвийную часть. Причем это был единственный прием соединения рукояти с лезвием, так как ни на одном изделии не обнаруживаются хотя бы рудиментарные признаки применения заклепок для скрепления клинка и рукояти, что отличает данную техническую традицию от европейских и восточно-сибирских. Следует сказать, что у крупных дугообразно-обушковых ножей наваривалась не только рукоять, на ней закреплялись с помощью литья детали фигурных наверший. Усложнение техники изготовления литейных форм и, вероятно, широкое применение глиняных форм, получавшихся путем оттискивания в глине готовых изделий, позволили мастерам перейти к отливке предметов сложной конфигурации в один прием. Кельты-лопатки наиболее простых конструкций напоминают короткие массивные наконечники копий из Ростовки. Однако широкое применение каменных литейных форм, более прочных, чем глиняные, пригодных для многократного использования в силу самой технологии их изготовления, а также перемена функций изделий должны были вызвать изменения в самой конфигурации орудий. Изготовление литейных форм из талькового сланца, с доступными месторождениями которого, очевидно, прямо связаны первоначальные очаги сейминской металлургии, отличается очень однообразной и строго разработанной технологией. Основные контуры изделия, его объем первоначально намечались на рабочих плоскостях, формы широкими пропилами треугольного сечения, проходящими от одного узкого края заготовки к другому под наклоном к той плоскости формы, которая должна была в дальнейшем плотно прилегать ко второй его стороне. Материал между двумя пропилами выбирали сначала, быть может, также выпиливанием, а потом поверхности тщательно стачивали и зашлифовывали. Характерно, что при изготовлении сейминских форм не применялось сверление, игравшее столь важную роль при изготовлении каменных форм в северопрichernоморских мастерских¹¹. Точность соединения половинок форм обеспечивалась специальными поперечными желобками на их внешних сторонах, заклиниванием сочлененных, готовых к употреблению форм в какой-то твердой основе, использованием хорошо подогнанных сердечников. Использование пропилов для оформления контуров изделия предопределило появление разновидности «кельта с крыльями», а затем и шестигранного классического сейминско-турбинского кельта. Способ шлифовки дна формы обусловил и выпуклую конфигурацию широких стенок готовых изделий. Не исключено, что прямоугольно-треугольно-ромбический сейминско-турбинский ор-

намент (впрочем, это еще требует экспериментальной проверки на соответствующем материале) был задан самой слоисто-волокнистой структурой камня, служившего сырьем для формы. Вероятно, ряд ромбов на широкой лобной стороне шестигранных кельтов восходит к аналогичному орнаменту, украшавшему, как можно предполагать, лобную сторону втулок кельтов-лопатонок, хотя, возможно, вертикальные зигзаги на одном из ростовкинских «кельтов с крыльями» со временем преобразовались в крупные сплошные ромбы, которые затем стали заштриховывать¹² (рис. 1, 4—9).

Наличие в комплексах втульчатых долот с полулунным лезвием и желобчатой лезвийной частью указывает на эволюцию техники, благодаря которой сформировался тип наконечников копий с вильчатым стержнем. В результате соединения двух половинок форм с одинаковыми негативами образовалась втулка с вилкой. Обоюдоострый кинжал с ромбической нервюрой, с пёром с закрепленной втулкой стал прототипом для последующих цельнолитых копий. То, что конструктивная обусловленность данного типа наконечников была забыта, а вильчатый стержень воспроизводился лишь по традиции, хорошо видно по копьям из Турбина, у которых вилка все больше сливается с ромбической нервюрой. На отдельных экземплярах наличие вилки уменьшает прочность копья, которое ломается или сгибается на уровне вилки. Длительному сохранению вильчатости способствует применение каменных форм, обрабатывавшихся с помощью процилов. Преобладание в Сейме копий с ромбическим стержнем указывает на постепенное преодоление регрессивной технической традиции и на большее, чем в Турбине, внимание к функциональным качествам копий. Наличие в Турбине серебряных копий свидетельствует о том, что здесь копьё приобретает наряду с практическим определенное символическое значение, становясь каким-то ранговым отличием воинов. В культуре и погребальном обряде Турбина нет признаков, указывающих на резкую смену социальных отношений в обществе, на становление ранних форм государственной власти, появление регулярных воинских подразделений, требующих введения особых форм ранговых различий, поэтому по появлению серебряных копий можно судить лишь о достаточно мирной обстановке в данном регионе, когда копьё перестало применяться постоянно в боевых действиях, становилось символом определенного положения не столько в воинском строю, сколько в обществе.

Теперь обратимся к вопросу о происхождении втульчатых долот с желобчатым лезвием. Представляется, что самый простой способ выработки данного типа инструмента — отковка из тонкой пластины, которую скручивали в трубку, а на конце ковкой оформляли лезвие. Однако, учитывая, что изделия с несомкнутой втулкой из сейминско-турбинских памятников в основном не являются древнейшими формами предметов и получены к тому же с помощью отливки в сложной форме, реконструкция

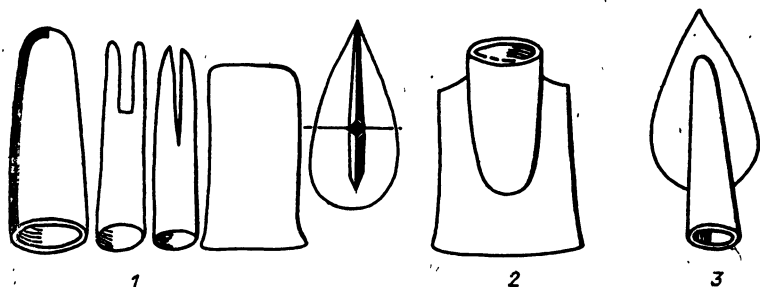

Рис. 2. Реконструкции металлических изделий сейминско-турбинского времени.

1 — заготовки для составных орудий, 2 — составной кельт-лопатка, 3 — составной наконечник копья.

первоначального вида втульчатого долота представляется несколько иначе. Вероятно, заготовкой для него могла служить литая трубка-втулка, один из концов которой проковывали, трансформируя часть трубки в желобчатое лезвие. Позже изделия стали выполнять непосредственно на каменных створках литейной формы.

Однообразие и массовый характер металлического инвентаря требовали для его изготовления соответствующих четко разработанных производственных приемов. В частности, для ускорения отливки наборов изделий применялись составные формы, в которых одновременно отливали несколько различных предметов. Этим создавались предпосылки для стандартизации изделий и для выработки сложных литейных форм для массовой продукции, например скифских наконечников стрел: формы для их отливки были компактны, удобны и просты в употреблении, что свидетельствует о большом опыте предшествующего бронзолитейного производства¹³ (рис. 2, 1—3).

Изготовление массового однородного инвентаря определялось его специфическими функциями. Функциональная обусловленность типов металлического вооружения наиболее ярко выявляется на материалах из могильника у д. Ростовка близ Омска. Представленные здесь две основные разновидности наконечников копий, безусловно, должны были применяться для разных целей. Короткие массивные наконечники определенно предназначались для длинных пик с толстым массивным древком. О большой толщине древка можно судить по значительному внутреннему диаметру втулки (около 4 см). Такая широкая втулка была необходима лишь для длинного древка, т. е. для пики, применявшейся для нанесения прямого колющего удара. Этому выводу не противоречит и простая форма листовидного пера с сильно округленными к острию лезвиями. Относительно малые размеры наконечника обусловлены тем, что увеличение его веса при больших размерах потребовало бы для уравнивания и без того тяжелого и массивного оружия еще большего

утяжеления его заднего конца за счет утолщения древка, которое становилось бы неудобным даже при захвате его копейщиком двумя руками.

Изящные наконечники с очень длинным пером и почти параллельными, постепенно сходящимися к острию лезвиями отличались меньшим диаметром втулок (менее 3 см). Те из них, которые были снабжены крюком, определенно не предназначались для метания, ибо крюк не только должен был затруднять их прицельный полет, но и становился совершенно ненужной конструктивной деталью, если воин не держал прочно копье в руке. Крюк использовался для движения на себя. Впрочем, и сама форма пера благодаря массе этнографических (особенно африканских) аналогов указывает на то, что наконечник данного типа предназначался для специальных фехтовальных копий с коротким древком (длина древка, предположительно зафиксированная О. Н. Бадером в одной из могил Турбина, близка 1 м¹⁴). Это вовсе не значит, что такие копья не могли метать в противника во время поединков, как это делали ахейские бойцы¹⁵, но основное их назначение связано с ведением наступательного рукопашного боя в пешей шеренге. Наличие двух видов копий (с крюком и без крюка) указывает на три возможных варианта использования этих фехтовальных наконечников: либо каждый боец в шеренге имел по два копья (как это было принято у ахейцев¹⁶), одно из которых он метал в противника, либо воины, снабженные копьями с крюками, будучи разделены бойцами с копьями без крюков, размещались в строю через определенные интервалы, либо копейщики, вооруженные копьями с крюками, составляли особую шеренгу, вступающую первой в непосредственное соприкосновение с противником. В данном случае третий вариант представляется наиболее вероятным. Дело в том, что сведения о применении щитов сейминско-турбинскими воинами отсутствуют. Более того, судя по масштабам распространения, кельтами были снабжены все воины. Как не была коротка их рукоять, но на бегу, в строю, пехотинцы не могли прикреплять их к поясу, подвешивать. Кельты приходилось держать в руке: иначе они мешали бы движению. Поэтому именно копье служило для отражения ударов противника. Копье, как это установлено на африканском этнографическом материале, заменяло щит. Собственно щит своим происхождением обязан именно копью¹⁷. Держа кельт в левой руке, воин мог наносить им мощные удары (рис. 3). Естественно, что отсутствие щита делало необходимым применение какого-то оборонительного доспеха. Остатки подобного снаряжения в виде длинных костяных пластин с мелкими частыми отверстиями вдоль длинных сторон для взаимного скрепления обнаружены в мог. 33 Ростовки¹⁸. На навершии ножа из мог. 2 изображен головной убор типа округлой каски¹⁹. Подобная каска хорошо моделирована на одном каменном портретном скульптурном изображении²⁰. Металлические каски в могильниках не встречаются, но нельзя исключить,

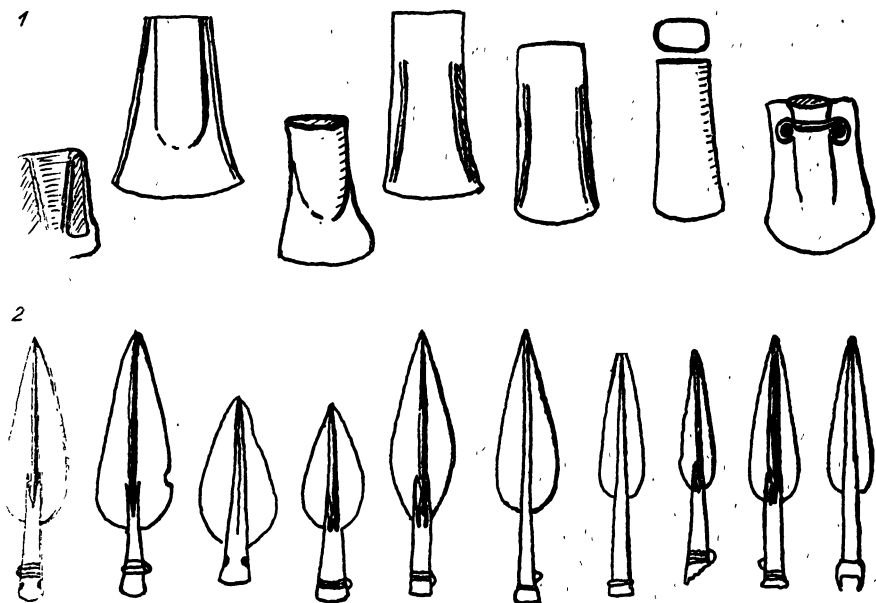

Рис. 3. Эволюция металлических изделий сейминско-турбинского времени.
1 — кельты, 2 — копья.

что их изготовляли из дерева, покрывали толстым слоем кожи и т. п. Тогда возможно объяснить применение топоров-кельтов, которые (как и каменные боевые топоры энеолитического времени из европейских памятников) предназначались для нанесения дробящих, раскалывающих ударов. К сожалению, костный антропологический материал из сейминских могильников не только крайне малочислен, но и отличается плохой сохранностью, так что судить о характере повреждений и ран, наносимых в бою, пока трудно.

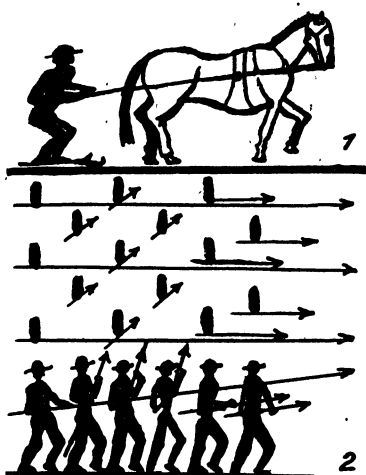
Однотипность и сравнительно длительное существование единого функционально-технологического комплекса вооружения указывают на то, что данный набор оружия был вполне эффективен. Судя по всему, воинские отряды носителей сейминской культуры вступали в вооруженные столкновения с противником, имевшим менее совершенное оружие, и подавляли его в стремительных и коротких войнах, в течение которых враг не успевал перестроиться, разработать свою тактическую систему боя, дающую возможность стойко противостоять организованному натиску копейного строя²¹, либо борьба велась с противником, имевшим равноценное вооружение. Подобные ситуации сражения равноценным оружием описаны в древнегреческом эпосе. Вероятность ведения войн с противником, обладавшим аналогичным вооружением, должна была предопределять особенности боевого построения. Так, в сейминско-турбинских памятниках не встречены детали колесничной упряжки и убранства. Это вовсе не значит,

что носители данной культуры не были знакомы с коневодством и традицией использования повозок, но отсутствие металлических стандартных наборов колесничного снаряжения дает основание для вывода о том, что колесницы не были организованной силой в боевом строю. Сражение вели пешие отряды.

Шеренга бойцов, вооруженных копьями с крюками, находилась на острие атаки, первой вступала в соприкосновение с противником и, вероятно, ее бойцы с помощью крюков повреждали защитное снаряжение врага, распарывали швы кожаных (и, очевидно, кожаных) лат. Следом вступала в бой шеренга воинов с фехтовальными копьями без крюков. Атаку передних шеренг поддерживали воины с длинными колющими пиками, сдерживавшие натиск врага, разделявшие движущиеся друг за другом шеренги противника, лишая тем самым мощи его встречный маневр. Итак, по специфическим особенностям копий реконструируется построение не менее чем из трех следующих друг за другом шеренг. В сущности, глубина построения могла быть большей. Ее определяли общая численность воинского контингента и длина колющих пик задней шеренги. Ведь наконечники пик задней шеренги должны были выступать вперед за линию своего строя не менее чем на длину копья с крюком, иначе их применение было бы неэффективным. Впрочем, в древнем китайском трактате о ремесленном производстве «Као гун цзы» указано, что применение пик длиной более чем в три человеческих роста нецелесообразно, так как бойцы не в силах были использовать их достаточно эффективно²². Итак, длина пики — это основной параметр, определяющий глубину построения. Длина шеренги определяется числом воинов, тактическими задачами, стоящими перед ними, их выучкой, способностью строго держать равнение в шеренгах.

Подобное построение воинов-копейщиков в несколько следующих друг за другом шеренг — это не что иное, как классическая пешая фаланга. Применение этого сомкнутого пешего строя в степных просторах Казахстана, юга Западной Сибири, Уральского и Поволжского регионов не могло вызывать затруднений: долины и плоскогорья междуречий крупных рек, безлесные предгорные районы были очень удобны для проведения разбега и маневрирования фаланг. Для создания таких боевых подразделений требовались, правда, весьма значительный объем популяции, а также основательно разработанные приемы физического и общественного воспитания населения. Причем расчеты для классических периодов жизнедеятельности греческих полисов показывают, что на каждого тяжеловооруженного воина, стоящего в строю фаланги, приходится до десятка воинов других частей и прислуги, а в общем составе народонаселения один гоплит приходится на сто жителей²³. Не исключено, что подобные данные являются преувеличенными и менее развитое общество западно-азиатских степей умело обходиться меньшими силами, но во всех случаях объем популяции должен был быть

рис. 4. Реконструкции лыжника, сдущего за конем (1), и построения сибирской фаланги эпохи бронзы (2).

достаточно велик. Ведь иначе, в частности, невозможно было наладить активное постоянное стандартизированное производство (рис. 4, 2).

В условиях Средиземноморья физическая закалка и коллективизм входили в быт и деятельность общества благодаря широкому участию населения в мореплавании. Экипажи крупных гребных судов образовывали слаженные боевые отряды. Даже исчисление ахейского войска в «Илиаде» осуществлено в форме «Каталога кораблей»²⁴. И в мирной жизни на берегу население группировалось в соответствии с принадлежностью к одной корабельной команде, к общему боевому строю, что находило соответствие в делении населения по родоплеменным группировкам. Сведения о пиловских «полках» в табличках линейного письма В, как полагают, также построены на учете экипажей боевых кораблей²⁵. Впрочем, и в Норвегии эпохи викингов боевые дружины формировались по специальным «корабельным округам», названным так потому, что от каждого такого округа в дружину конунга поставлялся полностью снаряженный корабль с экипажем. Однако и население внутриконтинентальных регионов в период завершения родового строя — начала ранней государственности дает яркие образцы воинских подразделений пеших копеечников, отличившихся высокой организованностью и профессиональной выучкой. Правда, о древнейшей шумерийской фаланге сохранилось недостаточно исторических данных, что, в частности, не позволяет определить, из каких групп населения она формировалась, как были расселены входившие в нее воины. Этнографические сведения, в частности по африканским народностям, объясняют роль бойцов-копеечников в общей структуре популяции, указывают на специфику общественной организации населения, применявшего в боях сомкнутый пеший копеечный строй. Так, мужское население подразделялось на четкие возрастные группировки, каждая из которых имела особые воинские обязанности²⁶. Такая структура оказывалась устойчивой в обществах, которые в переходный период к классовому устройству были вынуждены вести постоянную вооруженную борьбу с высокоорганизованными армиями ранних городских цивилизаций либо совершали длительные колонизационные марши в поисках новых земель для поселения, как это было, в частности, в случае с «подвижным королевством матебеле» на юго-востоке Африки²⁷.

При том, что сам факт построения в фалангу отмечен в исторических описаниях многократно, тактика боя, которую осуществлял этот строй, не может быть подробно исследована во все ее фазах²⁸. Так, гомеровские поэмы ограничиваются лишь описанием поединков предводителей, происходивших уже после соприкосновения враждебных фаланг. Кроме того, в бою грекам применялись не только копья, но и мечи. Это может свидетельствовать о специфике греческого вооружения в период троянской войны, а также о том, что в устной передаче греческого героического эпоса смешались два различных периода развития наступательного боевого оружия, причем первый из них связан с бронзовым веком, второй — с железным²⁹. Сейминско-турбинский же материал указывает пока лишь на четкую воинскую структуру, позволяющую реконструировать построение фалангой у населения степных территорий Западной Сибири. Собственно, чем дальше от могильника Ростовка отстоят в пространстве и во времени другие сейминско-турбинские памятники, тем менее четко в них фиксируется специфика воинского снаряжения, присущего классической фаланге. Так, в Сейме и Турбине стираются функциональные различия между разными типами копий, появляются бронзовые топоры с проухами, другие предметы, восходящие к иным традициям металлообработки. Вместе с тем в андроновских комплексах западных регионов, а также в памятниках срубной культуры Поволжья встречаются отдельные бронзовые копья³⁰, но отсутствие других типичных видов оружия свидетельствует, что они использовались иначе, тем более, что в андроновских и срубных памятниках фиксируются легкие боевые колесницы, а на казахстанско-среднеазиатских наскальных изображениях запечатлены сцены колесничных боев.

Характерно, что в Сейме и Турбине найдено большое количество кремневых наконечников стрел, что указывает на изменения в тактике ведения боя и, если не на отказ от применения боевого построения копейщиков, то на его усовершенствование за счет применения отрядов воинов с легким снаряжением для защиты флангов фаланги, которые всегда являлись наиболее уязвимыми участками³¹.

Разрешение этих вопросов, выяснение историко-политических взаимоотношений этнических групп, так или иначе связанных с сейминско-турбинским населением, находятся в прямой зависимости от уточнения относительной хронологии культур эпохи бронзы в пределах всего поволжско-южносибирского региона. Пока Ростовкинский могильник можно считать древнейшим известным памятником сейминско-турбинского типа. Однако типологические особенности его инвентаря свидетельствуют о том, что ему должны были предшествовать более древние комплексы. Прогнозировать их специфику можно лишь основываясь на наборе металлических изделий, ибо остальной инвентарь, особенно керамика, сравнительно атипичен. Несомненно, найденные в

большом количестве литейные формы для сейминского оружия указывают на длительность бытования и устойчивость культуры в зауральско-западносибирском регионе. Однако это не является доказательством местного происхождения данной культуры. Кельты-лопатки, обнаруженные преимущественно вне указанной территории, свидетельствуют скорее о пришлое характере указанной культуры, но окончательное формирование функционально-технологической специфики данного комплекса металлообработки и самого набора металлического инвентаря, очевидно, происходило в рассматриваемом регионе.

Комплекс литейных форм с поселения Самусь IV характеризуется значительно более поздний по сравнению с изделиями из Ростовки период развития металлургии «самусьско-сейминской эпохи»³². Так, на литейной форме для крупного копья вильчатый стержень заменяется тремя тонкими нервюрами³³. Перо копий делается более узким. В целом наконечники копий напоминают скорее дротики или очень узкие кинжалы. Втулка копья на наиболее хорошо сохранившейся форме украшена большим количеством декоративных, конструктивно неопределенных валиков (на форме представлены их негативы). Здесь четко соблюдается соотношение между нижними валиками и боковым ушком, которое часто нарушается на уральских образцах, что свидетельствует об их типологически более позднем облике. Кельты, хотя имеют слабо выраженное шестигранное поперечное сечение в средней части, в основном лишены треугольного и ромбического орнамента. Боковые грани на них подчеркнуты не одним широким четким пропилом, а парными мелкими прорезами. Поясок-лесенка вверху втулки выполнен лишь на одной форме³⁴. В других случаях мастер органичивался нанесением параллельных горизонтальных бороздок. Единственный кельт с боковым ромбическо-треугольным орнаментом украшен им в три вертикальных ряда, занимающих всю поверхность боковой стенки, что сближает его с поздней группой кельтов из коллекций Тюменского музея и Тюкова³⁵. Густо и однообразно орнаментированная керамика Ростовки сменяется в самусьской культуре сосудами с различными сложными, в том числе и антропоморфными, изображениями. Но если «самусьско-сейминский» комплекс в целом напоминает сосуды окуневской культуры³⁶, то керамика из Самусь IV заставляет вспомнить о традиции антропоморфных изображений, переходящей на керамику саргатского типа³⁷. Впрочем, если судить по металлическим находкам из окуневских могил, среди которых известны лишь игольнички-трубочки, листовидные ножи и единственные наконечник копья и молоток из поздних захоронений, связь между металлическим и керамическим комплексами в этой культуре не органична и, вероятно, не изначально³⁸.

Появление в Самусь IV глиняных литейных форм для кельтов объясняет причины, ведущие к упрощению и сглаживанию профиля этих орудий, ослаблению четкости граней и небреж-

ности в орнаментации. Параллельное применение глиняных каменных форм в дальнейшем формирует альтернативные типологические тенденции: появление сглаженных округленных оразцов кельтов, отливавшихся в глиняных формах (небрежно выполнявшихся и служивших для однократной отливки), и уложение орнаментации за счет, в частности, перерождения дталей в «технический орнамент» на изделиях, изготовленных каменных формах (ложные ушки, многочисленные валики, зи заги и пр.).

Различие технологий, по всей видимости, сказалось на типологических отличиях материалов Сейминского и Турбинского могильников. Показательно, что большинство турбинских кельтов обнаруживает сходство с самусьскими. Турбинские копья имеют, как правило, вильчатый стержень. У них сохраняются валики на уровне ушек. Даже значительный разбой в размерах, зачастую маленькое, узкое и короткое перо при мощной широкой втулке не придают комплексу позднего облика. Его архаичность еще более заметна при наличии в предполагаемом мог. 110 типичного наконечника пика³⁹, подобного ростовкинским. Лезвия турбинских кинжалов сохраняют в виде окислов следы деревянных черенков. Некоторые кельты в средней части имеют сечение близкое к четырехугольному (шестигранность едва заметна), выполнены они грубо, почти небрежно. Их сглаженные очертания, мягкая округленность в моделировке граней, характер поверхности отливки указывают на то, что изделия изготовлены в глиняных формах, за счет чего они и кажутся более поздними. Композиция кладбища, его структурное единство даже при наличии определенных закономерностей в распределении разнотипных, а следовательно и неодновременных металлургических изделий, принадлежащих к различным металлургическим группам по составу микропримесей в металле, по территории могильника определенно указывают на краткий период сложения всего могильного комплекса. Один обоюдоострый кинжал⁴⁰ с намечающимся перекрестием и узким, завершающимся треугольным расширением черешком, имеющий близкий аналог в Сейме⁴¹, может быть сопоставлен с большим количеством подобных пожей-кинжалов срубной культуры, что, впрочем, само по себе еще не дает оснований для уточнения абсолютной датировки. Ведь памятники срубной, андроновской, абашевской культур, распространенные в пределах очень крупных регионов, не представляют монолитных единств, где бы повсеместно с закономерной точностью один хронологический горизонт или этап сменял бы другой. Каждая из этих культур дает по нескольким линиям локальной эволюции. Причем процессы освоения ареалов каждой из этих культур проходили в определенной последовательности. Так, на востоке андроновского ареала памятники этой культуры появляются в Среднем Приобье позднее, чем формируется хакасско-минусинский вариант культуры, на западе — заселение бассейна Тобола предшествует расселению по Миас-

у, а последнее происходит раньше освоения западно-казахстанских и орско-оренбургских территорий. Таким образом, датировка общеареальных, общекультурных черт, исходных особенностей локальных вариантов оказывается различной даже на разных территориях одной культуры. Не проще обстоит дело и с датировками памятников, в которых проявляются смешанные срубно-андроновские, абашевско-андроновские черты. Памятники такого рода находятся на территориях, где контакты между культурами осуществлялись в течение длительного времени, и определить, к какому именно моменту взаимодействия соответствующих разнокультурных групп относится возникновение смешанных комплексов, оказывается весьма затруднительно. Кроме того, смешения могли происходить в форме длительного непрерывного процесса либо являться следствием многократных эпизодических взаимодействий этнических групп. Все указанные соображения крайне важны для анализа Турбинского могильника, ибо в нем, помимо отдельных черт срубной культуры, проявляются особенности, присущие абашевским материалам.

Абашевская керамика сопровождает захоронения в могильнике Решное⁴², свидетельствуя о том, что популяция «воинов-металлургов»⁴³, видимо, вступала в очень тесные контакты с местным населением, заимствуя у него бытовую материальную культуру или даже пользуясь тем инвентарем, которым эти аборигены располагали. Впрочем, ввиду недостаточной четкости типологии и относительной хронологии самой абашевской керамики нет возможности уточнить датировку последнего могильника по этой линии хронологических привязок.

С абашевской культурой могильник Турбино сближают бронзовые кольца-браслеты, треугольные в поперечном сечении. Эти браслеты получены путем отковки треугольного в сечении стержня на наковальне⁴⁴. Подобные браслеты встречаются в андроновских⁴⁵, абашевских, баланбашских памятниках и Турбинском могильнике. В последнем встречены также трубчатые пройки из свернутой в спираль проволоки — типичные украшения абашевских головных уборов⁴⁶. Особое значение для выявления связей Турбинского могильника с абашевско-баланбашскими памятниками имеет присущее всем им (и только им в пределах данного региона) применение серебра. В Турбине из него отливалось даже оружие (копья, кинжал). Там имеются и кольца из литой серебряной проволоки. Однако наиболее ярким показателем абашевско-турбинских связей являются бронзовые кольца, покрытые с внешней стороны тонкой серебряной фольгой. Описанная О. Н. Бадером техника изготовления этих колец⁴⁷ почти полностью совпадает со способами выделки обтянутых золотой фольгой андроновских височных колец⁴⁸. Таким же образом на желобчатую пластину с выпуклой внешней стороны накладывали фольгу, края которой загибали на внутреннюю сторону пластины. Только в отличие от андроновских колец, которые обрабатывались на специальной твердой основе, вкладывав-

щейся во внутренний желобок заготовки, благодаря чему пластину удавалось изогнуть вокруг этой основы, превращая ее в трубочку овального сечения, у турбинских колец, покрытых серебром, пластину вдоль перегибали пополам и затем проковывали так, что внутренние поверхности смыкались, зажимая край фольги. Кольца получались с овальным внешним краем уплощенными боковыми поверхностями и швом на внутренней стороне. Абашевско-баланбашские гривны из Верхне-Кизыльского клада не обрабатывали столь тщательно. Просто лобчатую пластину аккуратно обертывали серебряной фольгой. Изменения технологического процесса может быть реконструировано в такой последовательности: андроновская техника (кстати, неизвестна западно-андроновским группам или, во всяком случае, не применявшаяся ими) заимствуется самусьско-сейминским населением, видимо, непосредственно у центрально-казахстанских андроновцев, а затем по мере продвижения сейминцев на запад и в связи с отрывом от золотых рудников утрачивается. Однако не будучи полностью забыта, она переносится на вновь освоенный драгоценный металл, но уже в упрощенном виде. Еще большее упрощение она претерпевает при переходе к абашевским металлургам. Вопрос об источниках серебра пока не исследован столь же тщательно, как проблема медно-бронзового сырья⁴⁹, но допустимо, что население, связанное с турбинским и близкими к нему могильниками, ввело в употребление серебро среди определенных этнических групп эпохи бронзы Урала и Поволжья. Это тем более вероятно, что вильчатое копьё из Бородинского клада достаточно четко связывается с турбинским центром культуры⁵⁰. Вероятно именно абашевские племена, оказались той посреднической средой, через которую шло на запад турбинское серебро. Косвенным, но достаточно убедительным подтверждением такого вывода является распространение в абашевских памятниках дисковидных псалиев «микенского типа»⁵¹. В то же время считать абашевскую культуру единственным и даже основным поставщиком информации о колесном транспорте и передаточной средой, распространившей его образцы на весь Волго-уральский и сибирско-казахстанский регион в целом, — нет оснований. Ведь кроме дисковидных псалиев распространяются столбчатые, прямоугольно-пластинчатые и секировидные их формы⁵², а, судя по данным наскальных изображений, на территории Южной Сибири колесные пути формируются благодаря импульсам, исходящим из Средней Азии. Колесные дороги с юга на север расходятся веером по всему региону. Правда, помимо ряда меридиональных колесных путей намечается зона дорожного движения по линии запад — восток, от степного Заволжья до Внутренней Монголии, но связать ее с распространением и деятельностью какого-то моноэтнического населения не представляется возможным⁵³.

Сейминские группы обитали в окрестностях Перми, вероятно, значительно дольше, чем в других районах своего расселе-

ния, связанных с устьевыми районами притоков крупных рек⁵⁴, что, возможно, обусловлено и более спокойной обстановкой в данном регионе, и активной эксплуатацией (где-то в сравнительно близких районах) серебряных рудников. Типологические изменения, которые произошли здесь с металлическим инвентарем культуры, были очень значительны: в окрестностях Перми обнаружены плоские кинжалы с бронзовыми рукоятками, близкими по типу к рукояткам кинжалов из Сеймы. Навершие одного из них украшено изображением голов лосей — представителей местной фауны, выполненными в стилевом каноне, идущем от неолитической скульптуры и наскальных рисунков населения лесных регионов⁵⁵, а на поже из Турбина представлены изображения неместного вида горных баранов (архар, аргали или муфлон)⁵⁶. На кинжале из Сеймы, где в противоположность Турбинскому могильнику данный тип плоских кинжалов имеет бронзовую, а не деревянную рукоять, также запечатлена голова лося, притом в традиционном сочетании с контурным изображением змея⁵⁷ (см. рис. 1, 10—13).

При сравнении моделировки скульптурных изображений лошадей на дугообразно-обушковом ноже из Сеймы и лошади на подобном же ноже из Ростовки выявляются поразительная каноничность образа и нарастание в нем схематизма. Техника изготовления сейминского ножа, несомненно, выше. Достаточно обратить внимание на ажурную плетенку ручки, напоминающую ромбический узор другого ножа из Ростовки, но сами фигуры лошадей моделированы проще. Они как бы стандартизованы, что, несомненно, указывает на более поздний возраст сейминской находки. К тому же данное изделие выполнялось, вероятно, в глиняной форме. С изображениями лошадей связаны две проблемы. Одна из них — определение видовой принадлежности изображенных лошадей. По пропорциям фигур и на основании общетеоретических соображений эти скульптурки были приняты за изображения лошади Пржевальского⁵⁸. Скульптурка человека на ноже из Ростовки имеет столь искаженные общие пропорции, что не приходится доверять и пропорциям лошадиных фигур, тогда как моделировка каждой отдельной части фигур лошадей отражает более изящные и менее массивные формы, чем те, которые присущи лошади Пржевальского. В частности, изображенные морды напоминают фигуру на навершии каменного жезла⁵⁹. Вторая проблема: имеет ли отношение изображение взызданной лошади к реальной хозяйственной жизни сейминского населения?⁶⁰ Ранее, отвечая отрицательно, исследователи ссылались на то, что сейминский нож с изображением взызданной лошади был, как полагали, неместного происхождения. Теперь, когда имеется находка из Ростовки, не приходится сомневаться в том, что лошадь играла определенную роль в жизни самусьско-сейминского населения. По-прежнему не ясно, была ли у данного населения повозка или колесница, какие животные могли ходить в упряжке (быки или лошади), но в

принципе вопрос о возможности использования лошади для передвижения решается положительно. Авторы очерка о сейминско-гурбинских памятниках⁶¹ изображают противников этого населения «конными отрядами всадников, которых археологи связывают с абашево-андроновским или петровским типом культуры». Однако никаких реальных данных о всадничестве в степях до начала железного века не имеется. Все конское снаряжение да и сравнительные данные подтверждают применение в эпоху бронзы боевых колесниц различных видов⁶². Но находка из Ростовки указала еще на одну возможность древнейшего применения коня. Лошадь не только запрягали в колесницу, но и использовали для езды на лыжах. Держась за постромки, лыжники передвигались, как бы на буксире, за быстро движущейся лошадью. Такой сюжет изображен на навершии ножа из мого. Ростовки. Этим приемом могли пользоваться и сейминские воины и их противники. Именно для перерезывания постромки могли служить копыя с крюком⁶³. Предположение о том, что «крюком могли зацеплять лошадь, короб колесницы или самог возничего, лишая колесницу управления»⁶⁴, необоснованно, ибо сила лошади (а в колесничной запряжке их к тому же не менее двух) несоизмерима с силой человека. Лошадь скорее могли убить обычным копьем, чем стали бы с риском для жизни и практически бессмысленно «зацеплять» ее или быстро мчащуюся колесницу. Косвенным свидетельством того, что копыя не применялись для борьбы с колесницами или конницей является отсутствие у них втоков, с помощью которых можно было прочно втыкать в землю копыя, создавая из них прочный и не проходимый заслон для лошадей. Однако этот оборонительный прием появился в военной практике много позднее. Представление о возможности сдерживать колесницу крюком отчасти связано с тем, что авторы указанного пассажа приравнивают крюки ростовкинских копий к багру, но ведь последний не имеет режущего лезвия, которое по своей конструкции предназначен именно для перерезывания каких-то относительно мягких материалов.

Прямым аналогом ростовкинского лыжника можно назвать крупного идола из Галичского клада (рис. 5, 1). Руки, сложенные на поясе, напряженные и резко подчеркнутые мышцы голени присогнутых ног — это не поза шамана в момент камлания, а поза саамов, мчащихся за оленем на постромке (такую же устойчивую позу принимают спортсмены на водных лыжах). Вряд ли лыжники участвовали в движении фаланги, поскольку они могли передвигаться только по твердому насту или льду (выпроще, последнее требовало применения конских подков или аналогичных им приспособлений), по которым мог бы легко бежать конь. Кстати, перевозка груза за упряжным животным на волокуше предшествовала, как показывают этнографические данные по североамериканским индейцам, езде верхом⁶⁵. В всяком случае недооценивать возможность применения копыя

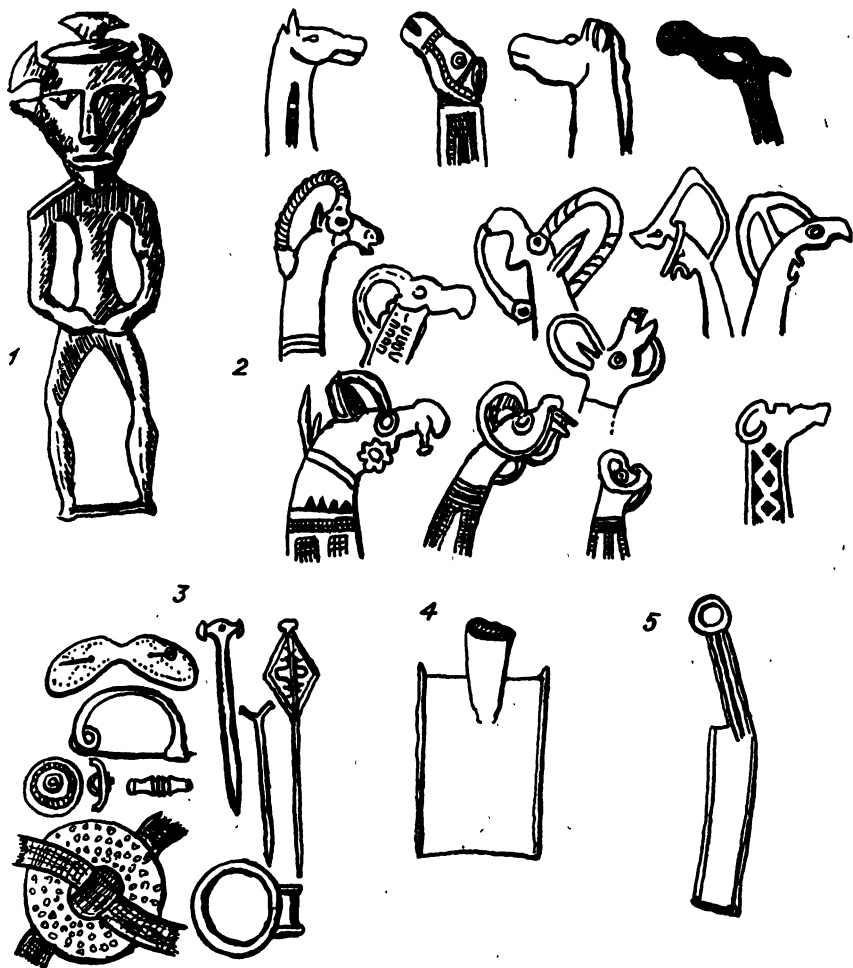

Рис. 5. Галицкий идол (1), навершия рукоятей кинжалов (2), застёжки (3), китайский серебряный кельт-лопатка (4) и монетный нож (5).

с крюком для перерезывания постромок не следует. Возможно, ложки или пилки, вставленные сбоку в костяную рукоять, а также копье из Сеймы с пальчатым оформлением заднего края пера служили для той же цели.

Среди могильников сейминско-самусьско-турбинского типа наиболее ранним является Ростовка, за ней Турбино, а затем Сейма. Установить хронологическую последовательность могильников Сейма и Решное сложно. Правда, обращает на себя внимание отсутствие в Решном проушных топоров и наличие наконечника пики, равное количество в коллекции наконечников с ромбическим и вильчатым стержнем, относительно короткая втулка у копий, составляющая одну треть общей длины копья,

что близко к пропорциям копий из Ростовки и Турбина (в Сейме втулки значительно длиннее, что сближает их с копьями Бородинского клада, как и наличие манжеты у основания втулки), более правильный прямоугольный боковой профиль кельтов и отсутствие на них усложненной орнаментации. Все это свидетельствует о большей архаичности материалов из Решного, чем из Сеймы.

Характерно, что окские сейминские памятники замыкают с севера регион абашевской культурной общности, как бы доминируя над началом «серебряной дороги» через юго-восток Европы, которая, в сущности, совпадает со средневековыми путями через эту территорию.

Наличие в Сейме и Турбине близких по типу проушных топоров и срубно-абашевских кинжалов с ромбическим сечением лезвийной части, а также единая направленность эволюции турбинских кинжалов (появление у них бронзовой вместо деревянной рукояти (и, очевидно, костяной⁶⁶)) могли бы указывать на становление прямых контактов между пермским и окским центрами культуры, если бы не отсутствие в составе сейминских металлических предметов серебряных изделий. Это дает основание полагать, что выход сейминских групп на Оку осуществился до начала широкого освоения турбинским населением обработки серебра.

В сущности, уже в период функционирования турбинского центра культуры кончается кратковременная история сибирской фаланги. Разнообразие размеров и типов наконечников копий в этом регионе не свидетельствует об их применении в согласованном сомкнутом строю. Видимо, контакты этого населения со своим ближайшим окружением были минимальными, хотя реминисценции культуры сохраняются до афаньинского времени⁶⁷. Более активными были контакты с окружающими группами у населения окского центра, ибо типичные сейминские копья Покровского и Кумацкого могильников⁶⁸, а также кинжалы из Кумакского могильника, Галицкого клада и других пунктов обнаруживают сходство с изделиями Сеймы — Решного.

Исследования последних десятилетий утвердили вывод о прямой связи между Бородинским кладом и сейминско-турбинской культурой. Следует лишь добавить, что по конструкции и пропорции вильчатое бородинское копье ближе сейминскому, чем турбинскому. Однако отсутствие прямых связей между Бородинским кладом и хорошо датированными микенскими шахтовыми гробницами⁶⁹ вынуждает вернуться к пересмотру абсолютной хронологии памятников эпохи бронзы всего восточно-европейского и западно-сибирского регионов. Пока же она может опираться на условную датировку Бородинского клада в пределах XV—XIII вв., так как вопрос о датировках дисковидных и колесовидных псалиев, и особенно о длительности их бытования, пока не решается однозначно⁷⁰ (рис. 5, 3). Основанием для установления связей между Бородинским кладом и самусьско-сейминской

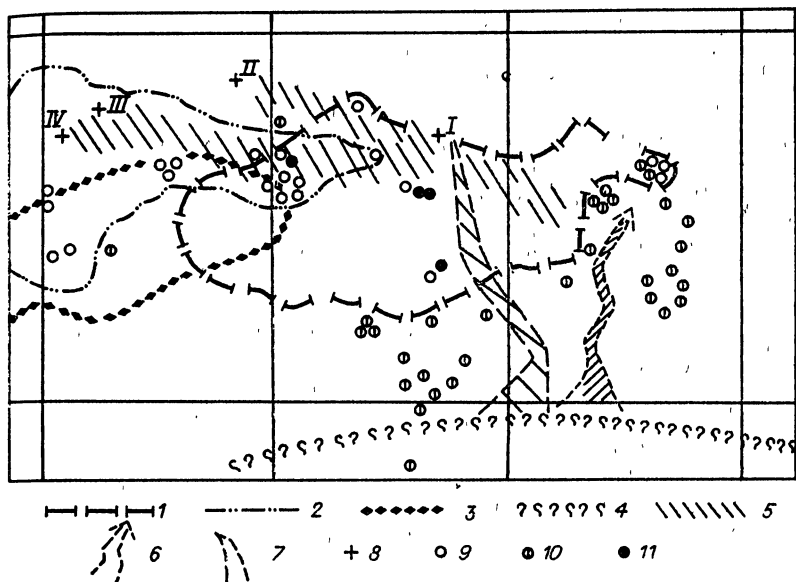

Рис. 6. Схема распространения культур эпохи бронзы.

1 — ирондовская общность, 2 — абашевская, 3 — срубная, 4 — гипотетическая про-
токультура, 5 — ареал сейминско-турбинских находок, 6 — направление движения
сейминско-турбинского населения, 7 — направление движения карасукского насе-
ления, 8 — сейминско-турбинские памятники, 9 — места находок псапиев, 10 — места
находок с изображением колесниц, 11 — места находок колесниц в могилах.

культурой могут служить боевые каменные топоры, обнаружен-
ные в памятниках андроновского облика в Челябинской обла-
сти ⁷¹ (рис. 6).

Вопрос о восточной линии хронологических привязок для
сейминско-турбинского комплекса много сложнее. В период соз-
дания хронологических разработок М. Лёра, С. В. Киселёва,
М. Гимбутас ⁷² в силу малочисленности материалов были еще
возможны прямые сопоставления крайне удаленных памятников
с формально сходными изделиями. Даже очень значительные
конструктивные отличия изделий, учитывая их малочисленность,
можно было оценивать как проявление локальных и временных
особенностей в пределах единой линии типологических измене-
ний. Так, карасукская культура и отдельные забайкальские на-
ходки непосредственно сравнивались с сейминско-турбинским
комплексом и с материалами Аньяна (см. рис. 5, 2). Накоплен-
ные материалы показывают, что сходные категории изделий из
этих крупных провинций эпохи бронзы включены в состав резко
разнящихся по своим производственным традициям функцио-
нально-технологических комплексов. У ростовкинско-сейминского
населения технология металлообработки базировалась в основ-
ном на отливке втульчатых предметов. Для карасукского круга
культур более характерно применение пластинчатого литья и
использование литых стержней-заготовок. В Аньяне применяют-

ся как равноправные приемы втульчатое, пластинчатое литье и отливка сложных форм изделий, преимущественно ритуальной посуды, по глиняным моделям⁷³. Показательно, что инвентарь тех категорий, среди которых обнаруживаются аналоги, местного производства. Притом эти предметы не являются подражанием изделиям из других регионов, а имеют все особенности местной продукции. Это, естественно, снижает их ценность при построении цепочек абсолютных датировок. Однако возникает вопрос: чем же было обусловлено сходство металлических изделий в разных регионах, как оно могло возникнуть и какие формы связей отражает. При рассмотрении вопроса о происхождении иньских колесниц, отмечая отсутствие промежуточных звеньев между западной зоной их распространения и восточной, естественно было прийти к выводу, что процесс распространения колесниц на восток был связан с какой-то мощной, но пока не выявленной в полупустынях и предгорьях Средней и Центральной Азии кочевой культурой⁷⁴. Культура эта может быть выявлена лишь после новых тщательных обследований всего региона, но ее ответвлениями могут считаться сейминская и карасукская культуры. Выделившись из единой протокультуры на разных фазах ее развития, они продолжали свое самобытное существование в границах своего региона, превращаясь в нем в устойчивый изолят, стабильность развития в котором регулировалась мощной традицией металлообработки. Позднейшим порождением той же протокультуры явилась металлургия Аньяна. Таким образом, можно считать, что для получения надежных привязок к аньянской линии абсолютной хронологии для сейминских и карасукских комплексов пока еще не достаточно надежных датированных промежуточных звеньев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наименование культуры по мере включения в нее новых эталонных памятников менялось, но первоначальное название «сейминская культура» может на правах приоритетного быть сохранено для всего ареала. Общую библиографию см.: *Эпоха бронзы лесной полосы СССР*.— М., 1987.

² Киселев С. В. Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии.— М., 1965.— С. 19, 31, 32, 51, 52.

³ Кожин П. М. Типология древней материальной культуры Евразии (неолит — железный век) // Типология основных элементов традиционной культуры.— М., 1984.— С. 201—206.

⁴ *Эпоха бронзы лесной полосы*.— С. 312.

⁵ Городцов В. А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России.— М., 1961.— С. 79—91, рис. 46—48; Тихонов Б. Г., Гришин Ю. С. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа // МИА.— М., 1960.— № 90.— С. 23—26.

⁶ Матющенко В. И., Ложникова Г. В. Раскопки могильника у деревни Ростовка близ Омска в 1966—1969 // Из истории Сибири.— Томск, 1969.— Вып. 2.— С. 31.

⁷ Кузьмина Е. Е. Два бронзовых кельта-лопатки из собрания Государственного Эрмитажа // СА.— 1961.— № 4.— С. 257—259.

⁸ Косарев М. Ф. Литейная форма из Среднего Приобья // СА.— 1966.— № 3.— С. 218—221.

- ⁹ См.: *Drescher H. Die Uberfangguss.*— Mainz, 1958.
- ¹⁰ *Бадер О. Н. Древнейшие металлургии Приуралья.*— М., 1964.— С. 122; *Он же. Бассейн Оки в эпоху бронзы.*— М., 1970.— С. 100, рис. 21, 22.
- ¹¹ См.: *Черняков И. Т. Техника изготовления литейных форм и металлических изделий в Северном Причерноморье в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР.*— Киев, 1967.
- ¹² *Матющенко В. И., Ложникова Г. В. Раскопки...*— С. 25, 26, табл. 14, 1; Музей Томского университета, № 7011—301.
- ¹³ *Goghlan H. H. Casting Moulds Made in Metall.*— Man., 1952.— Bd 52.— N 245.— S. 162—164, fig. 1.
- ¹⁴ *Бадер О. Н. Древнейшие металлургии Приуралья.*— С. 45 (мог. 108), 65.
- ¹⁵ *Илиада*, III, 345—347, 355—360; IV, 497; V, 98—99; и др.
- ¹⁶ Там же, XI, 43.
- ¹⁷ *Шурц Г. История первобытной культуры.*— М., 1922.— Вып. 2.— С. 400; *Липс Ю. Происхождение вещей.*— М., 1954.— С. 124.
- ¹⁸ *Матющенко В. И., Ложникова Г. В. Раскопки...*— С. 24, табл. II, 5.
- ¹⁹ *Матющенко В. И. Нож из могильника у деревни Ростовки // КСИА.*— М., 1970.— Вып. 123.— С. 104, рис. 34, б; *Произведения искусства в новых находках советских археологов.*— М., 1977.— С. 36, рис. 44—46.
- ²⁰ *Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири.*— М., 1976.— Табл. 6.
- ²¹ Типологические и технологические различия внутри оружия, сейминско-турбинцев указывают на то, что эти племена не образовывали прочных мощных военных объединений (ср.: *Эпоха бронзы лесной полосы...*— С. 105; *Кожин П. М. Гобийская квадрига // СА.*— 1968.— № 3.— С. 39, прим. 37). Политическое доминирование было возможно лишь в условиях непосредственного территориального соприкосновения победителей и побежденных.
- ²² *Kao гун цзи ту* (Записки о розысканиях о ремесленном производстве) // *Хуан цин цзин цзе.*— Гуанчжоу, 1829.— Т. 146, цз. 564.— Л. 25 (на кит. яз.); *Biot E. Le Tcheou-li, ou rites de Tcheou.*— P., 1851.— Т. 2.— S. 539; *Miskiewicz. O broni ludowej w pracy P. Aignera // Tradycja i przemiana.*— Poznan, 1978.— S. 117—123.
- ²³ *Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории.*— М., 1936.— Т. 1: Античный мир.— С. 320—330; *Блаватский В. Д. Дорийская фаланга и ее происхождение // Новое в советской археологии.*— М., 1965.— С. 225—229; *Он же. Черты военной демократии в дорийском обществе // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы.*— М., 1978.— С. 5—8; *Anderson J. K. Military Theory and Practice in the Age of Xenophon.*— Berkeley—Los Angeles, 1970.— S. 1—12, 37; *Snodgrass A. Early Greek Armour and Weapons from the End of Bronze Age to 600 b. c.*— Edinburgh, 1964.— S. 170—179; См.: *Problemes de la guerre en Grece ancienne/Sousla redaction de J.-P. Vernant.*— P., 1968.
- ²⁴ См.: *Kullmann W. Die Quellen der Ilias.*— Wiesbaden, 1960.
- ²⁵ *Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период.*— Л., 1986.— С. 126, 133, 134 (термин «о-ка»).
- ²⁶ См.: *Калиновская К. П. Возрастные группы народов Восточной Африки.*— М., 1976.
- ²⁷ *Брайант А. Т. Зулуский народ до прихода европейцев.*— М., 1953.— С. 44, 45, 241, 242, 304, 305, 308; *Rasmussen R. K. Migrant Kingdom: Mzilikazi's Ndebele in South Africa.*— L.— Cape Town, 1978.— S. 6, 11, 32, 44, 60, 148; *Frobenius L. Geographische Kulturkunde.*— Leipzig, 1904.— S. 10, 11, 49, 117.
- ²⁸ Ср.: *Блаватский В. Д. Дорийская фаланга...*— С. 225.
- ²⁹ *Андреев Ю. В. Ранне-греческий полис (гомеровский период).*— Л., 1976.— С. 6—11, 32—45; см. *Римшнейдер М. От Олимпии до Ниневии во времена Гомера.*— М., 1977.
- ³⁰ *Фёдорова-Давыдова Н. А. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э.: К вопросу о периодизации андроновской культуры // Археологический сборник.*— М., 1960.— С. 56—59, рис. 2; *Эпоха бронзы лесной полосы...*— Рис. 65, 21, 23; 77, 1, 2.
- ³¹ *Кожин П. М. К проблеме происхождения колёсного транспорта. Древняя Анатолия.*— М., 1985.— С. 175.

- ³² Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири.— М., 1981.— С. 76.
- ³³ Матющенко В. И. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи // СА.— 1959.— № 4.— С. 161, рис. 4, 1, 3; Косарев М. Ф. Бронзовый век...— С. 100, рис. 36, 1.
- ³⁴ Матющенко В. И. К вопросу о бронзовом веке...— С. 160, рис. 3, 3.
- ³⁵ Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья.— М., 1974.— Рис. 25, 14—16, 20, 21.
- ³⁶ Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век).— Томск, 1973.— Ч. 2: Самусьская культура.— С. 97—100, 114—117.— (Из истории Сибири; Т. 10).
- ³⁷ Левашова В. П. Два сосуда из курганов Омской области // КСИИМК.— М.; Л., 1984.— Вып. 20.— С. 86, рис. 42.
- ³⁸ С.: Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия.— М., 1986.— С. 263—267.
- ³⁹ Бадер О. Н. Древнейшие металлурги...— С. 45, рис. 39; с. 62.
- ⁴⁰ Там же.— Рис. 79, А.
- ⁴¹ Бадер О. Н. Бассейн Оки...— С. 159, рис. 4, 47.
- ⁴² Эпоха бронзы лесной полосы...— С. 203, рис. 44, 54—59. Сходный с абашевскими сосуд обнаружен на поселении Самусь IV.— Матющенко В. И. К вопросу о бронзовом веке...— С. 163, рис. 6, 1.
- ⁴³ Эпоха бронзы лесной полосы...— С. 105.
- ⁴⁴ Бадер О. Н. Древнейшие металлурги...— С. 88, рис. 83. Г.
- ⁴⁵ Черных Е. Н. Древнейшая металлургия...— Рис. 61, 20—27; 34—36, 64—66.
- ⁴⁶ Эпоха бронзы лесной полосы...— С. 224, рис. 62.
- ⁴⁷ Бадер О. Н. Древнейшие металлурги...— С. 90—91, рис. 86.
- ⁴⁸ Кабанов Ю. Ф., Кожин П. М., Черных Е. Н. Андроновские находки на реке Алтынсу // Памятники древнейшей истории Евразии.— М., 1975.— С. 236.
- ⁴⁹ Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА.— 1978.— № 4.— С. 53—82.
- ⁵⁰ Черных Е. Н. Результаты изучения химического состава металла бессарабского клада // СА.— 1965.— № 1.— С. 270—272.
- ⁵¹ Смирнов К. Ф. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей // СА.— 1961.— № 1.— С. 46—73; Кожин П. М. О псалиях из афанасьевских могил // Там же.— 1970.— № 4.— С. 189—193; Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий.— М., 1977.— С. 42—45; Зданович Г. Б. Щитковые псалии из древнего Прииртышья // КСИА.— М., 1986.— Вып. 185.— С. 60—65; Voeltner R. M. Die Kleinfunde von Bogazkoу.— Berlin, 1972.— S. 201.
- ⁵² Ср.: Горелик М. В. Боевые колесницы Переднего Востока III—II тыс. до н. э. Древняя Анатолия.— М., 1985.— С. 188—189. (Гипотетическое обоснование ранних датировок и сами даты — не убедительны.)
- ⁵³ Кожин П. М. О значении колесничных сюжетов в наскальном искусстве Центральной Азии (в печати).
- ⁵⁴ Эпоха бронзы лесной полосы...— С. 136.
- ⁵⁵ Членова Н. Л. К вопросу о первичных материалах предметов в зверином стиле // Проблемы скифской археологии.— М., 1971.— С. 208—217.
- ⁵⁶ Бадер О. Н. Древнейшие металлурги...— С. 123.
- ⁵⁷ Бадер О. Н. Бассейн Оки...— С. 116, рис. 50.
- ⁵⁸ Бадер О. Н. Бронзовый нож из Сеймы с лошадьми на навершии // КСИА.— М., 1971.— Вып. 127.— С. 100, 101. Ср.: Ковалевская В. Б. Конь и всадник.— М., 1977.— С. 10.
- ⁵⁹ Славин П. П. Каменный жезл с головкой коня // КСИИМК.— М.; Л., 1949.— Вып. 25.— С. 125—126.
- ⁶⁰ Бадер О. Н. Бассейн Оки...— С. 115.
- ⁶¹ Эпоха бронзы лесной полосы...— С. 105.
- ⁶² Ср.: Кожин П. М. Об иньских колесницах // Ранняя этническая история народов Восточной Азии.— М., 1977.— С. 283—285.
- ⁶³ Кожин П. М. Некоторые данные о древних культурных контактах с внутренними районами Евразийского материка // Н. Я. Бичурин и его

вклад в русское востоковедение: Материалы конф.— М., 1977.— Ч. 2.— С. 33—36.

⁶⁴ *Эпоха бронзы лесной полосы...*— С. 104.

⁶⁵ *Кожин П. М.* [Рецензия] // СА.—1972.— № 4.— С. 286 и прим. 4.— Рец. на кн.: Ю. П. Аверкиева. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв.— М., 1970.

⁶⁶ *Эпоха бронзы лесной полосы...*— Рис. 44, 6; 45, 39, 40; 50; 1; 65, 12.

⁶⁷ *Денисов В. П., Черных Е. Н.* Верхнемуллинская находка топоров-кельтов // СА.—1969.— № 3.— С. 239—243.

⁶⁸ *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА.— М., 1955.— С. 61, рис. 14, 9.

⁶⁹ *Бочкарев В. С.* Проблема Бородинского клада // Проблемы археологии.— Л., 1968.— Вып. 1.— С. 153; *Эпоха бронзы лесной полосы...*— С. 102.

⁷⁰ Ср.: *Либеров П. Д.* О хронологии некоторых костяных изделий эпохи поздней бронзы // КСИА.— М., 1980.— № 161.— С. 21—24; *Кузьмина Е. Е.* Еще раз о дисковидных псалях Евразийских степей // Там же.— С. 8—21.

⁷¹ *Генинг В. Ф. и др.* Исследования в Челябинской области // АО 1969 года.— М., 1970.— С. 140, 141; *Чемякин Ю. П.* Новое поселение андроновского времени в Южном Зауралье // АО 1975 года.— М., 1976.— С. 206, 207.

⁷² См.: *Киселёв С. В.* Древняя история Южной Сибири.— М., 1951; *Кривцова-Гракова О. А.* Бессарабский клад.— М., 1949; *Сафронов В. А.* Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века Восточной Европы // VII Международный конгресс доисториков и протоисториков: Докл. и собор. археологов СССР.— М., 1966.

⁷³ *Кожин П. М.* Об иньских и чжоуских бронзовых ритуальных котлах // «Общество и государство в Китае». Девятая науч. конф.: Тез. и докл.— М., 1978.— Ч. 1.— С. 42—47.

⁷⁴ *Кожин П. М.* Об иньских колесницах.— С. 285.

А. В. Варёнов

КИТАЙСКАЯ МАНИПУЛА ИНЬСКОГО ВРЕМЕНИ

Соотношение различных факторов, влияющих на тактику, можно представить в виде схемы (рис. 1). Материальной основой, определяющей тактику любой армии, является вооружение. Как правило, оружие хорошо фиксируется по данным археологии, но достаточно ли их для реконструкции тактики или хотя бы ее базового звена — организационной структуры войск, их боевого построения? Такая реконструкция удается тем легче, чем больше в комплексе оружия. Проще работать с крупным массивом материала, вычлняя отдельные элементы, а не собирая из маленьких кусочков сложную мозаику. Предел структурного дробления, «элементарная частица» армейской структуры — один комплект вооружения — ничего или почти ничего не сможет сказать о кон-

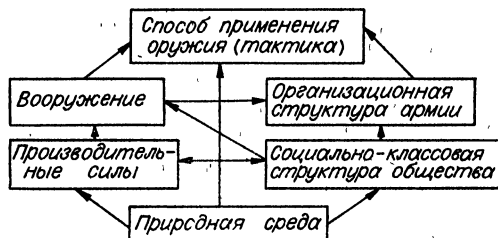

Рис. 1. Схема соотношения факторов, влияющих на тактику армии.

кретном виде боевого построения и, лишь кое-что о его общих принципах¹. Конечно, информацию о способе своего применения несет и один комплект, и даже отдельный предмет вооружения, особенно если при восстановлении условий его оптимального функционирования принимать во внимание соответствующую ландшафтно-климатическую реконструкцию, так как в разных природных условиях могут оказаться наиболее эффективными различные формы боевых построений, а в них даже одно и то же оружие может применяться по-разному. Однако определить конкретный вид боевого построения какого-либо подразделения по данным археологии обычно удается только в случае, когда имеется все или почти все его наличное вооружение.

Практика показывает, что крупные комплексы вооружения, соответствующие таким подразделениям, как рота, батальон и выше, сопровождали лишь могилы правителей. В идеальном случае эти «заупокойные» войска размещались в боевом или походном порядке. Однако помещение в могилу нескольких сот людей или моделей людей в натуральную величину требовало много места, следовательно, очень больших трудозатрат. Такое «расточительство» наблюдалось только при захоронении первого императора всего Китая Цинь Шихуана: близ его гробницы в специально сооруженных подземных галереях в строю расположены модели нескольких тысяч человек с оружием в натуральную величину². Подобные колоссальные расходы представляют собой исключительный случай. Обычно в древности шли по пути сокращения затрат, редуцируя «заупокойные» армии: изготавливая их уменьшенные глиняные модели, расположенные в боевом или походном порядке, как, например, в ханьское и последующее время в Китае³, или, как в доциньское время, когда традиция изготовления уменьшенных погребальных моделей целых армий с вооружением еще не существовала, размещая на небольшом пространстве их полноразмерное, практического применения вооружение без членения на мелкие подразделения, ряды или шеренги. Примером может служить царское захоронение НРКМ 1004 в Аньяне, в южном проходе которого на площади не более 30 м² свалено несколько сот наконечников копий, клевцов и металлических шлемов. Такая же картина наблюдается и в ритуальных комплексах, связанных не с конкретным погребением, а с некоей религиозной церемонией, например, в комплексах Супунь раннеиньского времени и в Баймяофань, относящемся к финалу эпохи Чжаньго, в круглых ямах диаметром 1,3 м и 0,6 м размещено до сотни наконечников копий и/или клевцов.

Существуют, впрочем, и иные интерпретации комплексов с оружием, сваленным в кучу. Так, С. А. Комиссаров считает Баймяофань тайным оружейным складом «противников циньского режима»⁴, а П. М. Кожин связывает оружие в южном проходе НРКМ 1004 с «церемониальным обрядом», подобным запрягиванию копий и щитов, якобы осуществленному чжоуским У-ваном после успешной военной кампании против Инь⁵. Воз-

никает вопрос, могли ли комплексы, формирование которых, по И. М. Кожину, «подчинялось ритуальным и магическим правилам»⁶, отражать реальную численность и состав подразделений? Очевидно, да, поскольку ритуал должен, пусть и опосредованно, отражать жизненную практику. Вместе с тем на практике численность реальных подразделений наверняка подчинялась тем же магическим (например, календарным) соотношениям. Иными словами, в древнем мире и ритуал, и практика существовали в неразрывном единстве. Таким образом, даже явно ритуальный характер комплекса не может служить аргументом против его использования в реконструкции численности и построения армейских подразделений. Однако, если оружие свалено в кучу, реконструкция построения возможна лишь на основе модульного членения отряда, за счет различия в вооружении воинов разных шеренг или рядов. Но если относительно крупную могилу, например, какого-либо военачальника или вождя, сопровождает оружие небольшого подразделения, от взвода до роты (30—100 чел.), то оно может располагаться и группами, соответствующими реальному построению отряда. Рассмотрим несколько примеров.

Клад раннеиньского времени Суцунь в уезде Чэнгу пров. Шэньси⁷. Здесь в яме глубиной до 3,5 м и диаметром 1,3 м обнаружен закрытый комплекс, включающий 413 бронзовых изделий. В клад из Суцунь входили два бронзовых сосуда лэй, лежащих на боку на расстоянии 7 см друг от друга. Вокруг сосудов и между ними находились 95 клевцов двух разных типов, 23 бронзовые маски-личины, 11 крупных бронзовых блях в виде бычьих морд и 90 круглых блях с отверстиями в центре. Еще 192 круглые островерхие бляхи помещались внутри сосудов. Клевцы, найденные в Суцунь, двух разных типов. Восемьдесят один предмет представляет собой оружие с широким треугольным бойком в виде равнобедренного треугольника с круглым отверстием, брусковидным утолщением или жилкой-нервюрой по центру бойка и двумя прямоугольными прорезами у его основания. Китайские исследователи обычно называют оружие такого типа «чо» (рис. 2, 1). Остальные 14 клевцов, именуемые «гэ», с длинной бородкой с четырьмя прорезами, с тремя жилками по центру вытянутого бойка. Угол между бойком и бородкой составляет менее 90° (рис. 2, 2). Двадцать три бронзовые личины представляют собой стилизованное рельефное изображение человеческого лица с отверстиями (диаметр 1,7 см) на месте глаз. Отверстия имеются также на месте ноздрей, рот оскаленный, прорезной, выделены зубы. В макушке личины проделано два отверстия (видимо, для закрепления на голове). Такие же отверстия есть в прямоугольных, отогнутых назад ушах. Высота личин 16,5 см, ширина 17,7 см (впрочем, зрительно высота личин заметно больше ширины). Расстояние между центрами глаз около 7 см (рис. 2, 3). Очевидно, личины из Суцунь являлись защитными масками: у них имеются приспособления для закреп-

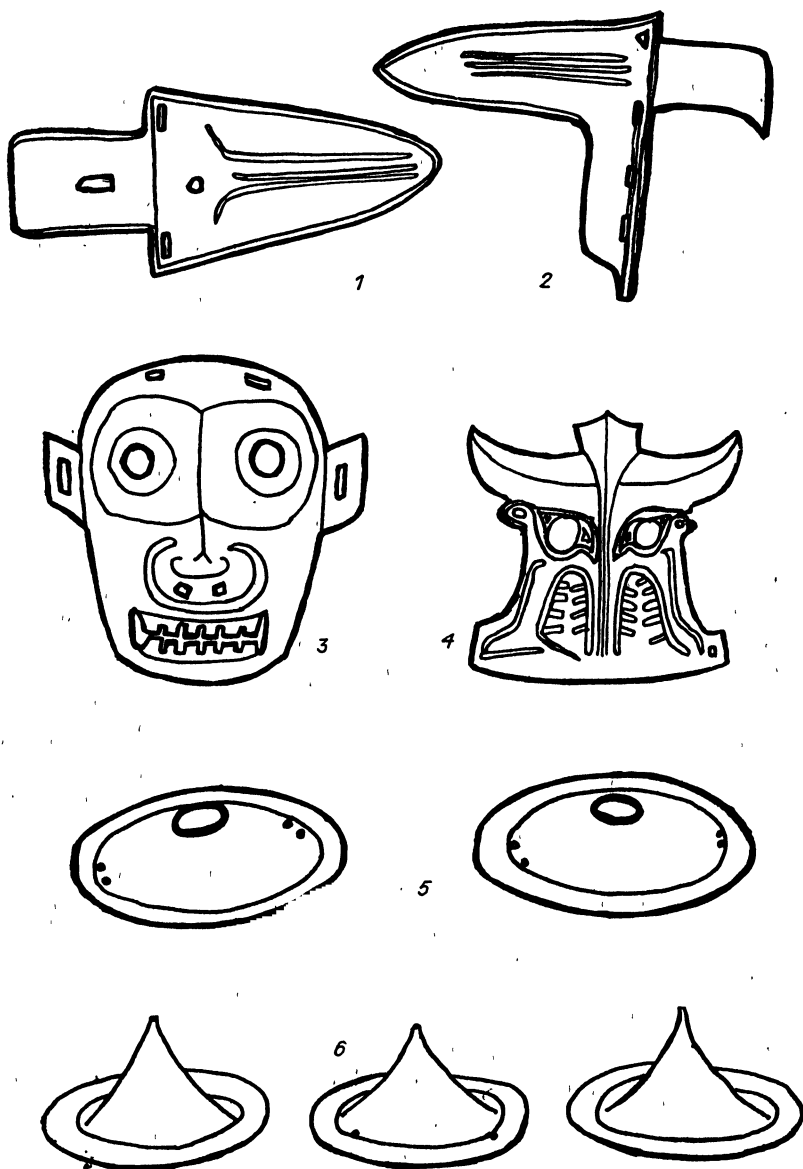

Рис. 2. Оружие из Сунцунь.

1 — клевец чо; 2 — клевец гэ; 3 — защитная маска-личина; 4 — умбон щита в виде бычьей морды; 5 — броневые блишки с отверстием в центре; 6 — островершние броневые блишки. Бронза. Масштаб разный. Прорисовка с фотографий.

ления на голове, расстояние между глазными отверстиями соответствует расстоянию между центрами зрачков человека, а абсолютные размеры — размерам человеческого лица. Одиннадцать блих оформлено в виде бычьих морд с крупными, горизонтально

направленными, загибающимися на концах вверх рогами, большими выпуклыми глазами и оскаленной пастью, без прорезных деталей. Посредине морды «быка» имеется ребро, делающее бляху в поперечном сечении У-образной. В районе ушей и рогов в боковых стенках есть отверстия для крепления. Высота блях 15—18 см, ширина между концами рогов 18—19 см, ширина по низу 14—16 см (рис. 2, 4). Они могли служить умбонами щитов. Девяносто круглых блях с отверстием в центре имели диаметр 11,5 см, 182 островерхие круглые бляхи — 10 см (рис. 2, 5, 6). У всех этих блях в полях от двух до восьми отверстий для крепления к кожаной или матерчатой основе.

Всего в Судзунь обнаружено 95 единиц наступательного оружия. Так как один воин не мог действовать сразу двумя клевцами (и гэ с длинной бородкой, и чо), то, очевидно, это количество оружия соответствовало численности подразделения. Теперь надо выделить модуль построения войска, т. е. определить, во сколько шеренг строилось подразделение, или вычислить количество воинов в шеренге. В рассматриваемом случае удобнее начать с защитного вооружения. Поскольку полного комплекта защитного вооружения (маска-личина, умбон, бляшки) на всех не хватает, то различия в защитном вооружении позволяют нам определить модуль построения войска. Очевидно, что лучше всего была защищена первая шеренга. Располагаясь сомкнутым строем, составлявшие ее воины прикрывали остальные ряды. Таких воинов 11. Но это еще не модуль построения отряда, поскольку 95 на 11 без остатка не делится. Как же были вооружены и расположены остальные 84 (95 — 11) бойца? Остаются незадействованными 12 (23 — 11) защитных масок-личин, которыми логично вооружить воинов второй шеренги, стоящих не в затылок бойцам первой, а со сдвигом на полкорпуса в сторону. Им надо защищать только лица. Грудь надежно прикрыта первой шеренгой. Поскольку 84 делится без остатка на 12 (количество человек во второй шеренге), то последнее число и есть искомый модуль построения отряда. Остальные воины стоят в затылок второй шеренги, а всего шеренг, включая короткую первую, восемь.

Как же распределялось наступательное вооружение? Гэ с длинной бородкой и четырьмя прорезами при ударе, наносимом сверху вниз, т. е. при движении в вертикальной плоскости, не обладает существенными преимуществами перед другими типами аналогичного оружия. Если клевцом с длинной бородкой действовать в горизонтальной плоскости, как косой, он превращается в страшное оружие, наносящее резаные раны и цепляющее противника. Но размахивать клевцом в горизонтальной плоскости, находясь в середине боевого построения, нельзя — будут мешать свои же товарищи из внешних шеренг. Первую шеренгу вооружить клевцами-косами также нельзя, поскольку численность бойцов в ней не соответствует количеству оружия. Вдобавок это мешало бы стоявшим сзади воинам принять участие в

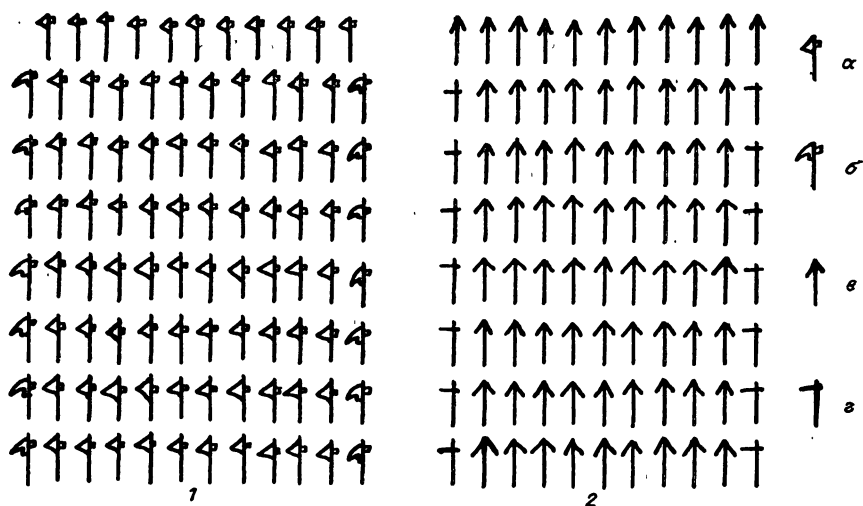

Рис. 3. Схемы построения отряда из Суцунь (1) и одного из подразделений из царского погр. НРКМ 1004 в Апяне (2).

а — клевцы чо, б — клевцы гэ, в — пламевидные копья, г — проушные клевцы.

схватке. Очевидно, они должны были действовать своим оружием (чо) в промежутках между бойцами первой шеренги. Как мы только что убедились, удары из глубины построения можно наносить только в вертикальной плоскости. Таким образом, оружие воинов первой и второй шеренг двигалось бы во взаимноперпендикулярных плоскостях, в результате чего оно бы сталкивалось и сцеплялось, т. е. мешало бы друг другу. Итак, первая шеренга исключена. Остаются фланги и тыл, которые при сомкнутых построениях как раз и нуждаются в усиленной обороне. Если не считать короткую первую шеренгу, которая вся должна была включиться в бой при фронтальном столкновении, фланги прикрывались именно 14 войнами, стоящими крайними в семи длинных шеренгах; это соответствует количеству клевцов-кос (тоже 14). Построение войск в таком случае показано на рис. 3, 1.

Попробуем проверить полученную расстановку отряда распределением круглых защитных бляшек. Всего их 282 двух разных типов: 90 с отверстием в центре и 192 островерхих, причем разнотипные бляшки найдены отдельно друг от друга. Из археологических раскопок известно, что в иньское время три такие бляшки составляли комплект нагрудного защитного доспеха⁸. Следовательно, перед нами 94 (30 + 64) защитных доспеха, а воинов в отряде 95. Как же доспехи распределялись в строю, и почему не хватает одного комплекта? Тридцать доспехов из блях с отверстиями в центре можно выдать прикрывающим фланги четырем крайним воинам в длинных шеренгах и двум в короткой первой. Подсчитаем, сколько же требовалось доспехов

остальным бойцам. Число воинов без доспехов в одной шеренге — 8 (12 — 4) — умножим на количество шеренг — 8. Получается 64, что соответствует количеству доспехов, спрятанных в бронзовых сосудах лэй. Конечно, при этих подсчетах мы забыли, что в первой шеренге без доспехов остались не восемь, а девять бойцов. Не совершили ли и древние жители Суцунь при загромождении оружия аналогичной ошибки? Конечно, приведенный вариант построения отряда и распределения в нем оружия не единственно возможный, но это — самое непротиворечивое и логичное решение.

С кем же сражался отряд из Суцунь? Его противники явно были вооружены не клевцами. У воинов из Суцунь защищены лицо и грудь. Воины могли пострадать от удара клевцов, стоя боком к нападающему (удар клевцом можно нанести только сверху или сбоку (в последнем случае необходимо действовать оружием в горизонтальной плоскости)). Доспехи из Суцунь защищали от прямого удара или, скорее, укола, т. е. от копья. В этой связи обращают на себя внимание найденные в царском погребении ПРКМ 1004 в Аньяне, близком по дате к Суцунь, многочисленные копья, бронзовые шлемы, проушные клевцы и кожаные доспехи. Там встречено оружие нескольких аналогичным образом построенных подразделений, каждое из 8 шеренг по 11 человек (рис. 3, 2), только основная масса воинов вооружена не клевцами, а копьями, и первые шеренги защищены шлемами, а не масками-личинами и щитами с умбонами⁹. Шлемы из Аньяна призваны прикрывать голову от ударов клевцами сверху. Как видим, наступательное и защитное вооружение отрядов из Суцунь и Аньяна находится в дополнительной дистрибуции. Так и видятся эти два войска стоящими друг против друга. Проушные клевцы аньянского подразделения использовались так же, как и соответствующее оружие с длинной бородкой и четырьмя прорезями из Суцунь. Вооруженные ими воины должны были прикрывать наиболее уязвимую часть боевого порядка — фланги, которым в первую очередь могли угрожать подвижные части противника — колесницы.

Погребение М 1713 в западном районе Иньского городища в Аньяне¹⁰. Погребение М 1713 входит в крупный могильник, расположенный близ д. Сяоминьтунь в западном районе Иньского городища. Оно было исследовано в июне 1984 г. Погребение совершено в прямоугольной яме, ориентированной с небольшим отклонением по линии юг — север, длиной 3 м и шириной 1,56 м. Устье могильной ямы расположено на глубине 1,8 м от современной поверхности, дно — на глубине 6,5 м; первоначальная глубина могилы 4,7 м. У дна могильной ямы вдоль ее стен идет уступ из обожженной земли (эрцэнтай) высотой 60 см и шириной 15—20 см. Посреди могильной ямы вырыт так называемый яокэн (буквально «поясничная яма») длиной 90 см, шириной 32 см и глубиной 35 см, в который помещен скелет собаки, ориентированный головой на юг.

Умерший был заключен в деревянный гроб, а тот, в свою очередь, в деревянную погребальную камеру. И гроб, и погребальная камера сохранились очень плохо, почти целиком сгнили и восстанавливаются только по остаткам украшавшей их цветной, покрытой лаком росписи. Камера длиной 2,66 м, шириной 1,26 м, высотой 0,6 м занимала практически все пространство, ограниченное уступом-эрцэнтай. Размеры гроба $2 \times 0,64$ м, высоту установить не удалось. Погребенный лежал в гробу вытянуто на спине, головой на юг, его левая рука была вытянута вдоль туловища, слегка согнутая правая лежала кистью на животе, ступни ног сведены вместе. Основное погребение сопровождали трое сопребенных. Один из них помещался на северной стороне уступа-эрцэнтай вытянуто на груди, головой на запад. Двое других находились друг на друге внутри погребальной камеры, но вне гроба, к востоку от него, головой на юг, параллельно оси основного захоронения. Нижний лежал вытянуто на спине, со слегка согнутыми в коленях ногами, в верхний — вытянуто на боку, лицом на запад. Все трое сопребенных были весьма молодыми, детьми или подростками. Их рост не превышал 130—140 см.

В могилу, в основном в пределах погребальной камеры, но вне гроба, было помещено большое количество сопровождающего инвентаря: 10 сосудов глинистой серой керамики (гу, цзюэ, пань, гуань (6 экз.) и лэй), 17 бронзовых сосудов (дин (4 экз.), янь, гуй (2 экз.), цзя, цзюэ (3 экз.), гу (2 экз.), ю, цзунь, хэ, пань, в том числе 5 сосудов с надписями), 65 единиц бронзового оружия, орудия труда, украшения и т. п. Судя по результатам проведенного китайскими археологами анализа керамических и бронзовых сосудов, погребение должно относиться к позднему периоду IV этапа существования иньского городища в районе Аньяна, или, в абсолютных датах, ко времени правления последнего иньского вана Ди-синя. В пользу такой датировки говорят также текстуальные и палеографические особенности надписей на бронзовых сосудах, подчас весьма пространных (до 21 знака в три строки).

В контексте данного исследования нас в первую очередь интересует сопровождающее погребение оружие. Всего в могилу было помещено 30 наконечников копий, 30 клевцов, 2 секиры, 2 ножевидных алебарды и боевой (?) нож, а также кельт, кельт-лопатка и 2 долота. Китайские археологи, опубликовавшие материалы памятника, учитывая, что в погребении находилось по 30 клевцов и копий, в царском погребении НРКМ 1004 в Сибэйгане в Аньяне наконечники копий были сгруппированы в пучки по 10 экз. и одна из надписей на гадательных костях времен вана У-дина сообщала о посылке 300 чел. в военную экспедицию, сделали вывод о десятичной организации шанского войска¹¹. Нам такой подход кажется слегка поверхностным, тем более что материал погребения М 1713 позволяет проанализировать структуру иньских вооруженных отрядов гораздо глубже. Начнем с рассмотрения самих предметов вооружения.

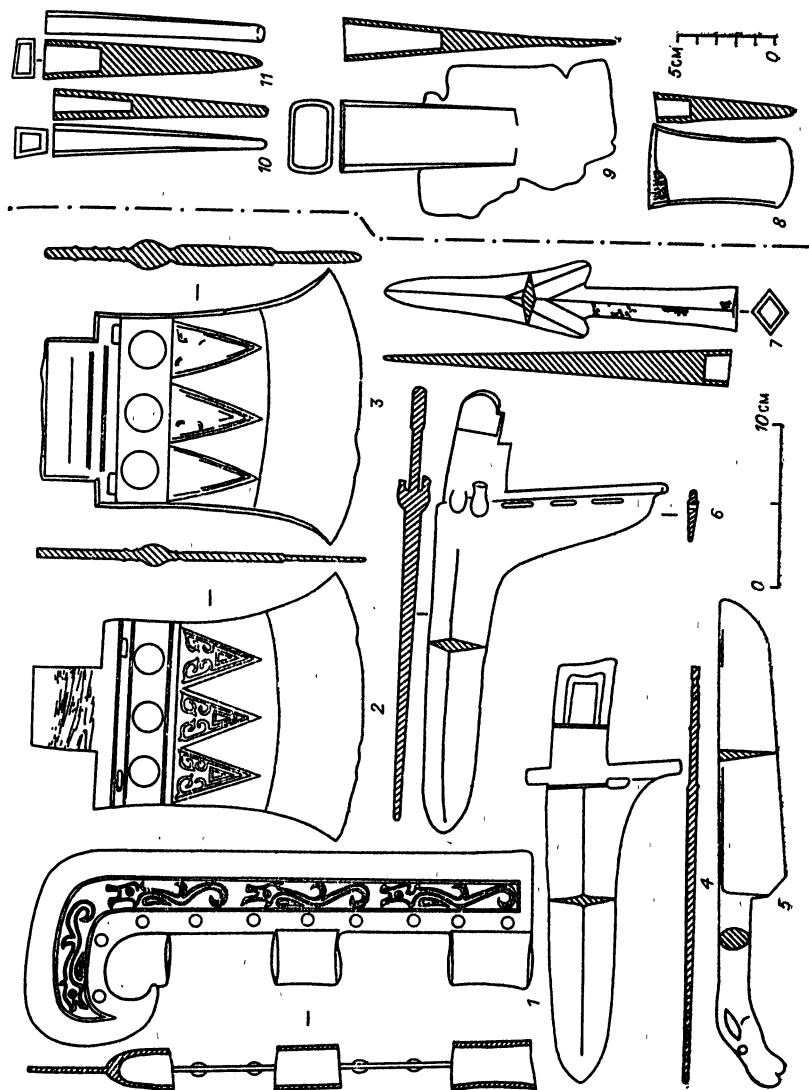

Рис. 4. Оружие и снаряжение из погребения М 1713 в Аньяне.

1 — ножевидная алебарда; 2, 3 — секиры юз; 4 — клевец га с короткой бородкой; 5 — нож с зооморфным навершием; 6 — клевец га с длинной бородкой; 7 — броневой наконечник копья; 8 — кельт-тесло; 9 — кельт-лопатка; 10, 11 — долота. Бронза.

Ножевидные алебарды представлены в 2 экз. Обе одинаковы по форме и размерам. Это разновидность древкового рубяще-ржущего оружия с втулчато-проушным креплением и длинны параллельным древку лезвием (рис. 4, 1). Боек и лезвие прямые, в верхней части оружия загибаются назад, охватывая втулку, в которую входит конец древка. К спинке бойка в средней его части и внизу прикреплено два кольца-проуха. Боек вдоль спинки орнаментирован 10 круглыми выпуклыми кнопками, за ним ближе к лезвию, — ряд из четырех стилизованных дракончиков куй. Общая длина алебард 31 см, ширина бойка по верху 11,8 см, ширина внизу (вместе с проухом) 8,5 см.

Секиры юэ — 2 экз. Представляют собой плоские черешковые топоры с коротким обухом, прямоугольным, расширяющимся лезвием бойком и дугообразным лезвием. В плечиках сделаны две прорези для прикрепления к древку. Боек у основания обеих сторон украшен тремя круглыми выпуклыми кнопками расположенными ниже их тремя заполненными орнаментом «повешенными» треугольниками из вдавленных линий. Общая длина 20,1 (рис. 4, 2), ширина лезвия 16,6 см, ширина плечика 11,6 см, высота обуха 4 см, ширина 5 см, толщина бойка 0,4 см. Общая длина 19,3 см (рис. 4, 3), ширина лезвия 16,7 см, ширина плечиков 11,7 см, высота обуха 3,4 см, ширина обуха 8,5 см, толщина бойка 0,7 см.

Клевцы гэ встречены двух разных типов. Клевцы первого типа — 29 экз. По форме и размерам все они одинаковы: с прямоугольным обухом, довольно длинным приостренным гранчатым бойком, короткой бородкой с одной прорезью и верхним и нижним зубчиками (рис. 4, 4). Общая длина 26 см, длина бойка 18,5 см. Клевец второго типа с довольно длинным закругленным обухом с шипом, длинным ромбовидным в сечении бойком, длинной бородкой с тремя прямоугольными прорезями (рис. 4, 6). У основания бойка, в районе бортика, с каждой из его сторон по два рельефных выступа, напоминающих бутылкообразные рога некоторых разновидностей масок тао-те. Верхний зубчик у бортика отсутствует. Общая длина клевца 27,2 см, высота (вдоль бортика) 14 см, длина прорезей 2 см.

Копий найдено 30 экз. По форме все они одинаковы: с узким ромбическим в сечении пером треугольной формы, со слегка вогнутыми лезвиями, небольшими вырезами в основании пера, благодаря которым образуются закругленные шипы, и ромбической в сечении втулкой без ушек (рис. 4, 7). Общая длина 21,5 см, длина втулки 9,4 см, размеры сечения втулки 2,5 × 2 см.

Крупный боевой (?) нож только один (рис. 4, 5). Рукоять и спинка ножа образуют прямую линию, лезвие клиновидного в сечении клинка изгибается вверх. Переход рукояти в клинок уступчатый, но без шипа, овальная в сечении рукоять увенчана стилизованной головкой лошади. Общая длина ножа 30,5 см, длина клинка 18,3 см.

В состав погребального инвентаря входили также: прямо-

толстый в сечении кельт-тесло со слегка вогнутыми, сужающимися к дугообразному лезвию боковыми сторонами (рис. 4, 8), общей длиной 7,2 см, шириной лезвия 3,4 см и размерами устья втулки $3,9 \times 1,2$ см; кельт-лопатка подпрямоугольной формы со слегка вогнутыми боковыми сторонами, дугообразным лезвием, достигающей до середины плоскости подпрямоугольной в сечении втулкой с прямыми сторонами (рис. 4, 9), общей длиной 14 см, размерами плоскости $10 \times 7,8$ см и сечением втулки $3,6 \times 1,2$ см; два трапециевидных в сечении долота длиной 11,2 см (рис. 4, 10) и 11 см (рис. 4, 11).

Копья из погр. М 1713 принадлежат к специфическому, так называемому бронебойному типу с узким и острым, но довольно толстым, ромбическим в сечении пером и длинной узкой втулкой без ушек, распространенному в позднейшее время преимущественно на иньских памятниках, расположенных на территории, непосредственно граничившей с «варварской» периферией¹². Такие копья появились, скорее всего, как реакция на развитие защитного доспеха у соседей иньцев и предназначались преимущественно для прямых колющих ударов в лицо и грудь. Однако узкая втулка свидетельствует об относительно коротком древке, которое не исключает возможности использования фехтовальных приемов. Клевцы при действии в вертикальной плоскости поражали головы и плечи противника, однако бородка позволяла наносить ими, как косами, очень эффективные удары в горизонтальной плоскости в область шеи и особенно ног. Подобным же образом сражались женщины из личной охраны последнего сёгуна из дома Токугава против японских революционеров эпохи Мэйдзи в 60-х гг. XIX в.¹³ Иньские секиры и ножевидные алебарды обычно оцениваются как судебно-пенитенциарное или репрезентативно-ранговое оружие¹⁴, что, впрочем, не исключает возможность их боевого применения, поскольку по весу секиры рассматриваемого типа (300—600 г)¹⁵ вполне сопоставимы с боевыми клевцами (300—450 г)¹⁶.

Исходя только из численности, функций и условий эффективного применения рассмотренного оружия, особенно массовых его типов, построение отряда, сопровождавшего М 1713, можно представить в виде двух шеренг, одна из которых была вооружена копьями, а другая — клевцами. Клевец с длинной бородкой, так же как и нож, кельт и кельт-лопатка, могли быть личным оружием и снаряжением командира всего подразделения. Первая шеренга состояла из 29 воинов, вооруженных клевцами с короткой бородкой (тогда у них появлялась возможность действовать оружием и в горизонтальной, и в вертикальной плоскости). Воины второй шеренги, стоя не в затылок товарищам, а со сдвигом на полкорпуса в сторону, могли выставить свои «бронебойные» копья в промежутках между бойцами первой шеренги. Секирами и ножевидными алебардами в таком случае были вооружены командиры шеренг и их заместители, стоявшие на флангах строя (рис. 5, 1). Однако приведенная реконструкция является

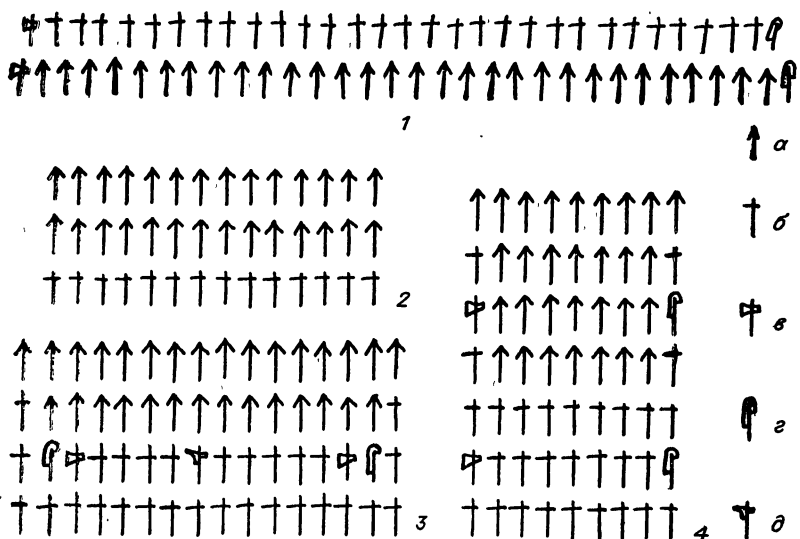

Рис. 5. Схемы возможных вариантов построения отряда из погр. М 1713. Аньяпе.

1 — построение в две шеренги, 2 — в три шеренги по 14 воинов в каждой, 3 — в четыре шеренги по 16 воинов в каждой, 4 — колонна в семь шеренг по девять воинов в каждой. а — броневой копья, б — копья с короткой бородкой, в — секира, г — секира, д — секира с длинной бородкой.

серьезным упрощением ситуации. Реальное расположение оружия в могиле дает гораздо более сложную картину.

Клевец с длинной бородкой (рис. 6, 55), кельт (рис. 6, 57) кельт-лопатка (рис. 6, 59) и оба долота (рис. 6, 56, 58) расположены у западной стенки погребальной камеры, близ левого руки погребенного и, скорее всего, являлись его личным оружием и снаряжением. В юго-восточном углу погребальной камеры находились 16 копий (рис. 6, 1—16), причем два из них отдельно, гораздо глубже всех остальных (рис. 6, 15, 16). Еще 14 копий располагались близ голов сопогребенных у восточной стенки (рис. 6, 21—34). По одной секире и ножевидной алебарде находилось чуть выше (южнее) голов этих сопогребенных (рис. 6, 19, 20), еще одна секира — в северо-восточном углу могилы (рис. 6, 51), а ножевидная алебарда — в северо-западном (рис. 6, 52). Рядом с последней секирой обнаружены 14 клевцов с короткой бородкой (рис. 6, 37—50), а рядом с ножевидной алебардой в северо-западном углу — 7 (рис. 6, 63—69). По два клевца располагались в районе таза (рис. 6, 35, 36) и выше головы (рядом с секирой и ножевидной алебардой) (рис. 6, 17, 18) сопогребенных у восточной стенки и симметрично им — четыре клевца у западной стенки, по два — севернее (рис. 6, 61, 62) и южнее (рис. 6, 53, 54) личного оружия основного погребенного.

Расположение 64 или 63 (если не учитывать личный клевец основного погребенного) единиц наступательного оружия в могиле

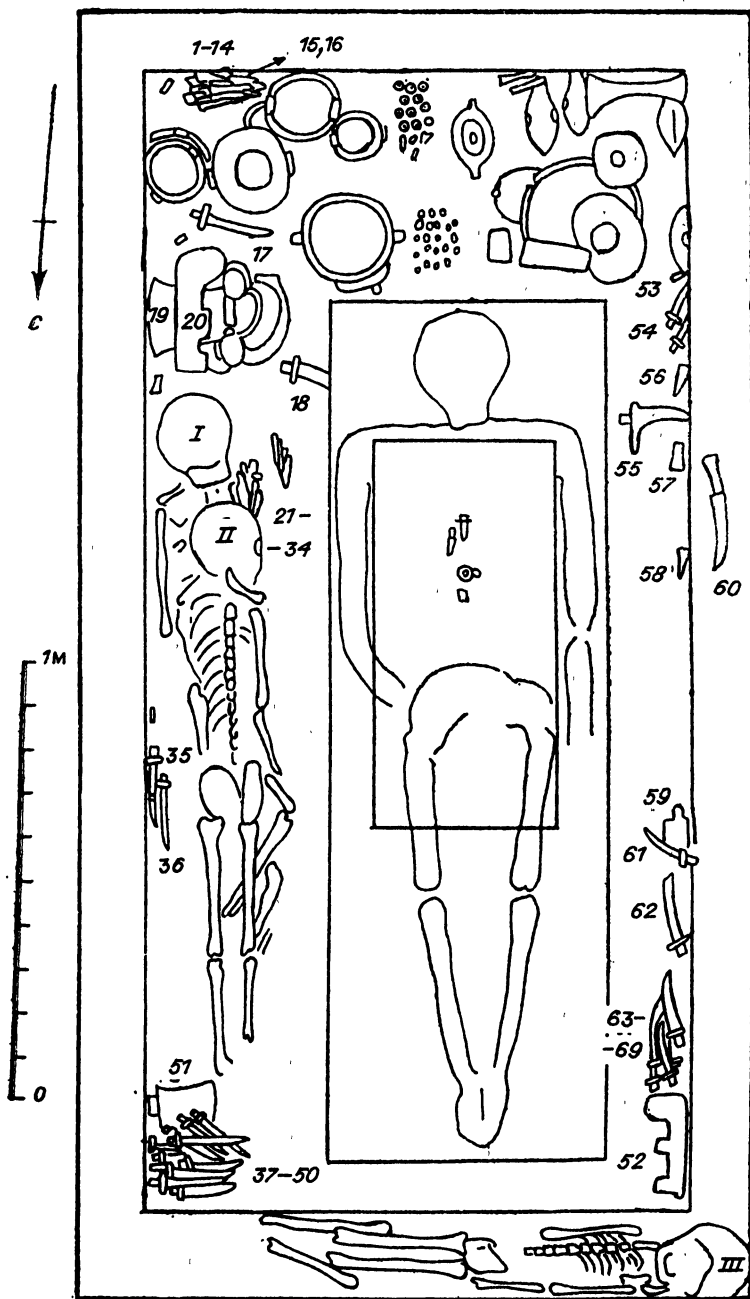

Рис. 6. План погр. М 1713 в Аньяне.

1—16, 21—34 — бронзовые наконечники копий; 17, 18, 35, 36, 37—50, 53, 54, 61, 62, 63—69 — кельцы с короткой бородкой; 19, 51 — секиры юэ; 20, 52 — ножевидные алебарды; 55 — кельец с длинной бородкой; 56, 58 — долота; 57 — кельт-тесло; 59 — кельт-лопатка; 60 — нож с зооморфным навершием. I—III — сопогребенные, сопровождающие основное захоронение.

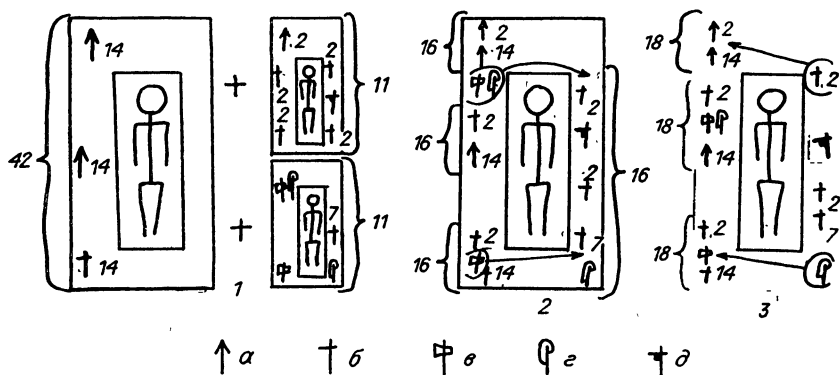

Рис. 7. Варианты группировки оружия из погр. М 1713 в Апыяне.

а — бронебойные копья, б — клевцы с короткой бородачкой, в — секиры юз, г — но-
видные алебарды, д — клевец с длинной бородачкой.

ле допускает несколько вариантов его группировки: а) по 14 к-
пий у юго-восточного угла могилы, а также близ восточной сте-
ки у ее середины и 14 клевцов у ее северо-восточного углу
2 копия на глубине в том же юго-восточном углу и по 2 клев-
у каждого из четырех углов гроба, как бы окружая и «охраня-
его, и личный клевец с длинной бородачкой, что в сумме да
11 экз. оружия; секира в северо-восточном углу могилы, нож-
видная алебарда в северо-западном, секира и ножевидная ал-
барда у юго-восточного угла гроба окружали 7 клевцов у е-
западной стенки, в сумме также 11 экз. оружия (рис. 7, 1)
б) 16 (14+2) копий у юго-восточного угла могилы, 14 копи-
и 2 клевца (всего 16) у середины ее восточной стенки, 16 (14-
+2) клевцов у северо-западного угла могилы, ножевидная ал-
барда, гз с длинной бородачкой и 11 (2+2+7) клевцов у запа-
ной стенки, что вместе с ножевидной алебардой и двумя сек-
рами у восточной стенки в сумме также дает 16 экз. наступа-
тельного оружия (рис. 7, 2); в) 16 (14+2) копий у юго-восточ-
ного угла могилы, 2 клевца у юго-западного угла гроба, в сумм-
18 экз.; 14 копий, 2 клевца, секира и ножевидная алебарда
середины восточной стенки могилы, в сумме 18 экз.; 16 (14+2
клевцов, секира у северо-восточного угла могилы, ножевидна-
алебарда в ее северо-западном углу, в сумме тоже 18 экз.
9 (7+2) клевцов у западной стенки могилы; клевец с длинной
бородачкой и другое «личное» оружие оказывается вне группиро-
во (рис. 7, 3).

Если допустить, что в М 1713 представлено построение войс-
в редуцированном виде, а специально скомпонованные группы
оружия обозначают структурные части воинского строя (напри-
мер, шеренги), и принять за его фронт южное направление, куда
обращен головой основной погребенный, то по первому варианту
группировки построение состоит из трех шеренг по 14 бойцов,
две из которых вооружены копьями, а третья, задняя, — клевца-

ш (см. рис. 5, 2). На уровне «человеческого фактора» каждой шеренг соответствует сопогребенный, двое у восточной стены — копейщикам, один у северной — клевценосцам, олицетворяя отсутствующих реально воинов и как бы «оживляя», «одушевляя» их оружие. Тогда остальное оружие (две группы, в каждой из которых по 11 экз.) — вооружение охраны хозяина могилы, расположенное по углам его гроба. Но данная схема представляется чересчур усложненной, а разделение оружия по группам — несколько искусственным и надуманным.

Второму варианту группировки соответствуют три шеренги по 16 бойцов: первая сплошь из копейщиков, основу второй составляют 14 копейщиков, фланги которых прикрывают 2 воина клевцами, третья — вся из клевценосцев. Оставшиеся 16 экз. оружия составляют личный эскорт основного погребенного, но могут образовывать вместе с ним и дополнительную шеренгу, стоящую перед последней, вооруженной клевцами, что подтверждается и расположением основного захоронения и сопогребенных в М 1713 (см. рис. 5, 3).

При третьем варианте компоновки одна из групп оружия, а именно 9 (7 + 2) клевцов у западной стенки, оказывается вдвое меньше трех других, состоящих из 18 единиц. Возникает законный вопрос: а не могла ли шеренга построения из М 1713 быть вдвое короче, только из девяти бойцов по фронту? Тогда всего шеренг должно получиться 7 (63 : 9). Судя по реконструкциям построенных отрядов из Судунь и НРКМ 1004, фланги всех шеренг, кроме первой, должны прикрывать воины с рубяще-режущим оружием, как правило, клевцами. Но в качестве рубяще-режущего оружия могли выступать ножевидные алебарды и секиры. Всего в М 1713 четыре отдельно расположенные пары клевцов, две секиры и две ножевидные алебарды, т. е. шесть пар рубяще-режущего оружия, что необходимо и достаточно для прикрытия флангов именно шести шеренг. На флангах еще одной, первой шеренги, входящей во фронтальное соприкосновение с противником, стояли два копейщика, оружие которых захоронено на глубине в юго-восточном углу могилы. Причем помещение секиры и ножевидной алебарды в одном случае вместе, а в другом порознь, у противоположных стенок могилы, указывает на необходимость рассматривать их вместе как принадлежность одной группы оружия, но располагать на противоположных флангах шеренги. Тогда в первой шеренге оказываются девять бойцов, вооруженных копьями. Основу трех следующих шеренг составляют семь копейщиков в каждой. Фланги шеренг прикрывают воины с клевцами (в двух случаях) или с секирой и с ножевидной алебардой. В трех оставшихся шеренгах из девяти человек почти все бойцы вооружены клевцами, только у двух секира или ножевидная алебарда (см. рис. 5, 4). Видимо, эти двое исполняли какие-то командные функции в клевценосной части отряда, а два их товарища с аналогичным ранговым оружием играли такую же роль у копейщиков. Не случайно только

двое сопогребенных помещены внутри погребальной камеры и той же ориентацией, что и основной умерший, соответствуя двум частям отряда и двум комплектам «командного» оружия. Третий сопогребенный, захороненный на уступе-эрцэнтай вне погребальной камеры с перпендикулярной ориентацией, не имеет отношения к оружию «заупокойного» отряда, а является, например, искипительной жертвой.

Погребение М2 в Цзинцзецунь уезда Линши пров. Шаньси
Оно входит в небольшой, состоящий из трех захоронений могильник, находящийся к востоку от д. Цзинцзецунь, что в 15 км к северо-востоку от уездного центра, расположенного в центральной части пров. Шаньси, к востоку от р. Фэньхэ, на западном горного хребта Тайхан¹⁷. Оно было исследовано в январе 1985 г. Погребение двойное, совершено в прямоугольной яме, ориентированной по линии восток — запад с отклонением к югу (ориентация 110°), длиной 3,4 м, шириной 2,2 м и глубиной 6 м (рис. 8). Посреди могильной ямы в ее дне вырыт яокэн длиной 80 см, шириной 30 см и глубиной 26 см, в котором находится ориентированный головой на восток скелет собаки. На дне могилы располагалась деревянная погребальная камера длиной 2,56 м, шириной 1,44 м и высотой не менее 0,3 м. Камера сохранилась очень плохо и прослеживается только по следам покрывавшей ее росписи красного и бурого цвета. Основной погребенный, мужчина, лежал в центре могилы, вытянуто на спине, головой на восток. Рядом с ним, к северу, находилось сопровождающее женское захоронение. Умершая лежала на левом боку, лицом к мужчине, со слегка согнутыми в коленях ногами. Гробы основного и сопровождающего захоронения полностью сгнили и лишь с трудом угадывались по следам цветной росписи. В северо-западном углу могилы, в 0,9 м выше ее дна находился скелет еще одного сопогребенного; он лежал вытянуто на спине, головой на восток. В состав сопроводительного инвентаря, размещенного в погребальной камере, но вне гробов, входили 18 бронзовых сосудов (дин, гуй, лэй, ю, гу (4 экз.), цзюэ (10 экз.)), 47 единиц бронзового оружия, 2 «модели ярма», бронзовый прорезной подвесной колокольчик, нефритовые украшения и др. Проведенный китайскими археологами анализ бронзовых и керамического сосуда ли (единственный здесь) показал, что погребение должно относиться к позднему периоду существования Иньского городища или к хронологической границе между Инь и Западным Чжоу. Из бронзового оружия в могилу были помещены 11 клязов, 19 копий, 16 наконечников стрел и боевой (?) нож.

Крупный боевой (?) нож (рис. 9, 1) — дугообразно-обушкового типа, с плавно изогнутым лезвием, загibaющимся на конце вверх «хвостатым» клинком и ребром вдоль всей длины спинки клинка. Переход клинка в рукоять уступчатый, без специально выделенного в контуре изделия шипа. Последний как бы сливается с контуром клинка, хотя и выступает рельефно над уровнем боковых сторон его основания. Рукоять овальная в сечении,

Рис. 8. План. погр. М. 2 в Цзинцзесунь.

1—5, 16—18, 26, 27 — проушные клевцы с бородкой; 6—10, 12, 21—23 — бронебойные наконечники копий; 11, 13—15, 20, 24, 25, 28—31 — крыльчатые наконечники копий; 19 — черешковый клевец без бородки; 32, 33 — «модели ярма»; 34 — нож с зооморфным навершием; 35 — набор стрел. Два крыльчатых наконечника сломаны в древности. Острие 25 и втулка 13, острие 20 и втулка 30 попарно составляют одно целое.

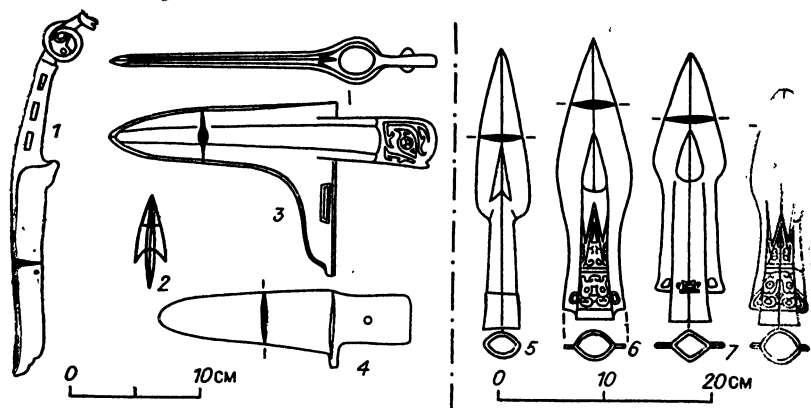

Рис. 9. Оружие из погр. М 2 в Цзинцзецунь.

1 — нож с зооморфным навершием; 2 — наконечник стрелы; 3 — проушный кле с бородкой; 4 — черешковый клевец без бородки; 5 — бронебойный наконеч копья; 6—8 — крыльчатые наконечники копий. Бронза.

с тремя прямоугольными прорезями, увенчана навершием в виде головы барана с удлинено-вытянутой мордой, под которой располагается колечко-петелька, с глазами в форме колец, выступающими над линией носа ноздрями, и с начинающимися пер глазами большими загнутыми назад рогами, образующими почти полное кольцо. От рукояти навершие отделено небольшим шпом. Общая длина ножа 27,5 см.

Наконечников стрел обнаружено 16 экз. (рис. 9, 2). Все однотипны: двухлопастные, с плоским треугольным пером с опущенными жальцами, с круглым в сечении черешком, без упор переходящим в ромбический стержень, общей длиной 4,6—6,6 см. Клевцы же двух типов. К первому типу относятся 10 экз. В они одинаковы по форме и размерам: проушные, с прямым, с кругленными на углах обухом, с шипом внизу, украшенным стлизованным изображением глаза, с прямым, плоским и острым на конце бойком, через всю длину которого проходит линзовидная в сечении довольно широкая и толстая жилка-нервюра, проходящая на овальный проух, с довольно длинной бородкой, в середине которой близ бортика имеется одна прорезь (рис. 9, 3). Общая длина этих клевцов 24,4 см, в проухах некоторых образцов сохранились остатки деревянного древка. Клевец второго типа — один — черешковый, прямообухный, с прямым в сечении бойком без выделенного ребра и с закругленным острием, без бородки, с небольшими зубчиками, верхний из которых обломан еще в древности, и с прямоугольным обухом с отверстием (рис. 9, 4). Общая длина его 19 см.

Копья в М 2 в Цзинцзецунь также двух типов. К первому типу относятся девять копий. Они с длинной овальной в сечении втулкой, с утолщением-манжетой у основания, узким длинным острым пером пламевидной формы, в центре которого выступаю

не лезвия образуют сердцевидную фигуру. Копья принадлежат «бронбейному» типу (рис. 9, 5). Их длина 26,2 см. Во втулках многих образцов сохранились остатки деревянного древка. Есть копья второго типа — крыльчатые, широко распространенные на иньских памятниках. У них острое довольно широкое ромбическое в сечении перо со стрелковидной выемкой в центре, переходящее в охватывающие с двух сторон длинную втулку крылья с отверстиями у основания, характерной формы длинные изогнутые лезвия, начинающиеся с пера и тянущиеся по всей длине крыльев (рис. 9, 6—8). Овальная (в одном случае ромбическая) в сечении втулка украшена тао-те и/или значком, видимо, клановой эмблемой), встречающимся также на многих бронзовых сосудах из Цзинцзецунь.

Итак, в погреб. М 2 в Цзинцзецунь обнаружено девять «бронбейных» копий с острым и узким, но довольно толстым в сечении пером и длинной узкой втулкой без ушек. Они предназначались для удара по противнику, защищенному доспехами (возможно, частично металлическими), и не исключали возможности использования фехтовальных приемов. Крыльчатые копья с длинным сужающимся краем и толстым, ромбическим в сечении пером должны были оставлять широкие, долго не закрывающиеся и обильно кровоточащие раны, особенно у противника, не защищенного металлическими доспехами. Но широкая втулка предполагает острое древко, которое затрудняет фехтование. Такие копья удобнее использовать не в первой, а как минимум во второй-третьей шеренгах для отпихивания врагов от фронта своего подразделения. Проушные клевцы с длинной бородкой по действию аналогичны клевцам-косам из Суцунь и М 1713 и должны быть одинаково полезны как в первой шеренге, так и при прикрытии флангов и тыла построения. Единственный черешковый прямолинейный клевец, даже чисто типологически выглядящий гораздо архаичнее прочего оружия из М 2, вероятно, являлся личным оружием основного погребенного, так же как и крупный боевой нож. Входящие в состав погребального инвентаря две «модели ярма», применение которых большинство отечественных археологов, включая и автора данной статьи, однозначно связывают с колесницами¹⁸, указывают на то, что основным погребенным был, скорее всего, колесничим. Как правило, в комплект вооружения иньского воина-колесничего входили колчаный набор (лук и не менее 10 стрел), боевой нож и клевец¹⁹. Резная костяная копцевая накладная на лук и 16 бронзовых стрел в М 2 имеются²⁰. Поэтому учитывать их, равно как и черешковый клевец с боевым ножом, при реконструкции построения пехотного подразделения вряд ли целесообразно.

Исходя только из численности, функций и условий эффективного применения массовых типов оружия, построение отряда, сопровождавшего М 2 в Цзинцзецунь, можно представить в виде трех шеренг, две из которых были вооружены копьями разных типов, а третья — клевцами. Первую шеренгу составляли 9 вои-

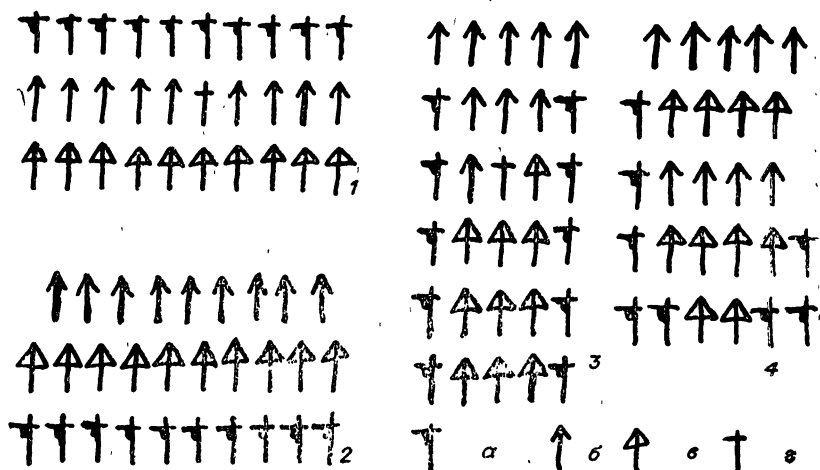

Рис. 10. Схемы возможных вариантов построения отряда из погр. М 2 Цзинцзунь.

1 — построение в три шеренги, впереди воины с клевцами; 2 — в три шеренги, тылу воины с клевцами; 3 — колонной в шесть шеренг, по пять воинов в каждой; 4 — колонной в пять шеренг, а — проушные клевцы с бородкой, б — бронебойный копь, в — крыльчатые копь, г — черешковый клевец без бородки.

нов с «бронебойными» копиями, вторую — 10 выставивших св оружие в промежутки между товарищами из первой шеренг бойцов с крыльчатыми копиями, а тыл прикрывали 10 чел. клевцами (рис. 10, 2). По другому варианту в первой шерен стояли 10 клевценосцев, во второй — 9 копейщиков с «брон бойными» копиями и командир с черешковым клевцом в третьей — 10 копейщиков с крыльчатыми копиями (рис. 10, 1) Однако приведенные реконструкции, какими бы убедительным и непротиворечивыми они не казались, опять не учитывают ре альное расположение оружия в могиле.

Тело основного погребенного является как бы центральной осью симметрии в М 2. К северу от него, вдоль головы и правой руки, помещено пять проушных клевцов, причем два самых во сточных в ряду — друг на друга, а остальные, — постепенно от ступая к западу, но так, что их древки образуют одну линию параллельную длинной оси могилы (рис. 11, 1—5). Три други проушных клевца расположены к югу, слева от головы поgre бенного (рис. 11, 16—18), чуть западнее — черешковый клевец (рис. 11, 19), а еще два, проушных, — южнее левой бедренной кости (рис. 11, 26, 27). Пять «бронебойных» наконечников ко пий лежали веером в районе головы — грудной клетки сопогре бенной женщины, к северу от основного погребенного и уж описанного ряда из пяти проушных клевцов у его руки (рис. 11 6—10). У правого бедра — колена женщины помещались «бро небойный» (рис. 11, 12) и крыльчатый наконечники (рис. 11, 11) Еще один целый крыльчатый наконечник (рис. 11, 14) и втулк от другого (рис. 11, 13) лежали в северо-западном углу, на дн

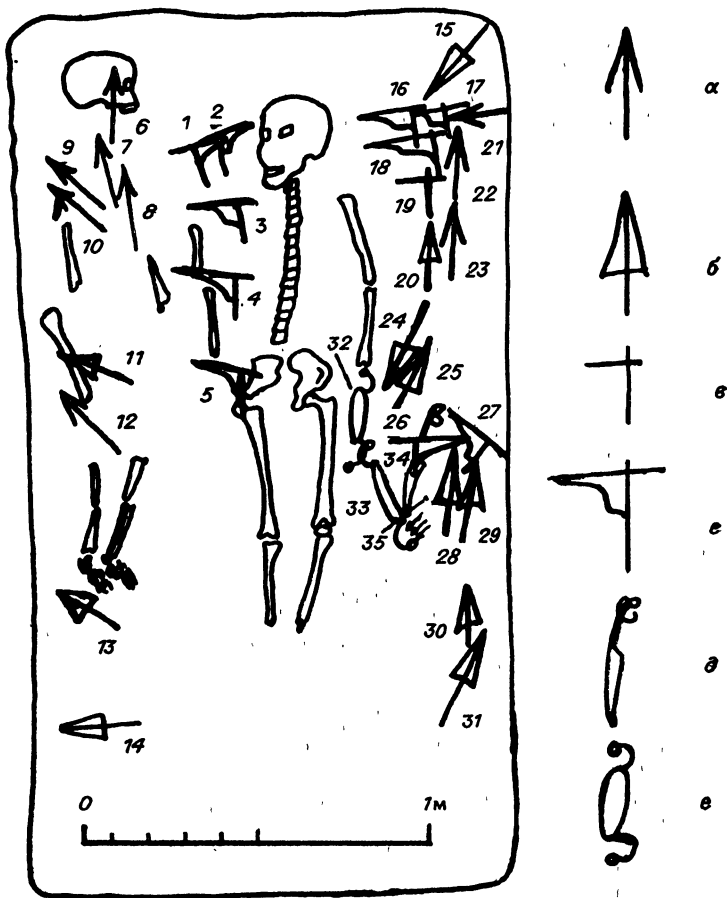

Рис. 11. Схема расположения оружия в погр. М 2 в Цзинцзецунь.

1—5, 16—18, 26, 27 — проушные клевцы с бородкой; 6—10, 12, 21—23 — бронебойные наконечники копий; 11, 13—15, 20, 24, 25, 28—31 — крыльчатые наконечники копий; 19 — черешковый клевец без бородки; 32, 33 — «модели ярма», 34 — нож с зооморфным навершием, 35 — набор стрел. а — бронебойные копыя, б — крыльчатые копыя, в — черешковый клевец без бородки, г — проушные клевцы с бородкой, д — нож с зооморфным навершием, е — «модели ярма».

могилы на проекции таза — левого плеча погребенного выше погребальной камеры. Здесь следует оговориться, что два крыльчатых наконечника были разломаны пополам, а половинки отнесены довольно далеко друг от друга, поэтому учитывать их при реконструкции придется либо только по остриям, либо только по втулкам. Один из крыльчатых наконечников (образец 2) на плане вообще не обозначен, что, конечно, затруднит реконструкцию. К югу от основного погребенного, на уровне его головы — левой плечевой кости, чуть южнее и западнее клевцов, помещались три «бронебойных» копыя (рис. 11, 21—23). Рядом с ними было обломанное острие крыльчатого копыя (рис. 11, 20),

а целый наконечник — в юго-восточном углу могилы (рис. 1, 15). Еще одно целое крыльчатое копье (рис. 11, 24) и остр (рис. 11, 25), соответствующее втулке (рис. 11, 13) у северн стены, лежали близ левой локтевой кости основного погребеного, восточнее пары клевцов, два крыльчатых наконечни (рис. 11, 28, 29) — чуть западнее их, на уровне левого бедра колена, и еще один крыльчатый наконечник (рис. 11, 31) и втука (рис. 11, 30) от острия (рис. 11, 20), что помещалось бл «броневойных» копий, в юго-западном углу могилы на уровне левой стопы. Обе «модели ярма» находились в районе таза левого бедра, там же, но чуть южнее — нож и набор стрел.

В первую очередь выделяется линия из пяти проушинных клевцов у правой руки основного погребенного (рис. 11, 1—5) и расположенные в целом симметрично ей пять клевцов слева (рис. 11, 16—18, 26, 27). В предыдущих реконструкциях клевцы с бородкой использовались прежде всего для прикрытия фланго построения. Если и в Цзинцзецунь это так, то всего шеренг должно быть не менее пяти или четырех (учитывая, что два клевца справа от головы лежат друг на друге). Веер из пяти «броневойных» копий в северо-восточном углу (рис. 11, 6—10) образует фронт первой шеренги. Тогда в каждой последующей шеренге, помимо двух клевцов на флангах, оказываются по три копья. В этом плане особенно привлекает внимание ситуация западной части могилы: два копья слева (южнее) от погребенного, одно — симметрично им, примерно на том же уровне, справа, т. е. севернее. Если принять такую группировку и вести подсчет по втулкам, то в последнюю шеренгу входят крыльчатые копья 30, 31 и 14, в предпоследнюю — 28, 29 и 13, в третью конца — 24, 11 и 15 (?). Во второй от фронта шеренге логично поместить три «броневойных» копья 21, 22, 23, а в третьей «броневое» копье 12, отсутствующее на плане крыльчатое 3 (образец 2) (возможно, оно должно было бы поменяться местами с 15) и между ними — черешковый клевец без бородки 19. Тогда построение оказывается из шести шеренг по пять воинов в каждой. Первая шеренга сплошь состоит из копеечников, а во второй и последующих на флангах размещаются клевценосцы. Вид отряда в целом показан на рис. 10, 3. Но в данном варианте реконструкции в состав пехотного подразделения включено и личное оружие основного погребенного — колесничего, а кроме того, одна из шеренг образована из разнородного оружия — крыльчатого и «броневойных» копий и клевца без бородки, что также нежелательно.

Другой вариант реконструкции построения, позволяющий избежать отмеченных недостатков, основан на следующем наблюдении: по два клевца справа и слева от основного погребенного лежат друг на друге, т. е. сдвоены, и все четыре могут, следовательно, относиться к одной шеренге, предположительно последней, нуждающейся в усиленной защите. Тогда равных по численности шеренг с клевцами на флангах оказывается четыре,

а всего шеренг пять. Первая, короткая, шеренга без клевцов, как и в предыдущем случае, состоит из пяти копейщиков, вооруженных «бронбойными» наконечниками (рис. 11, 6—10). Во второй и последующих шеренгах стоят по шесть бойцов. Следует отметить также, что фронт «построения» у копий из М 2 в Цзинцзецунь обращен к северо-восточному углу могилы, а не к торцовой стенке, как у клевцов. Если вести подсчет по остриям, то вторую шеренгу составляют крыльчатые наконечники 15, 20, 11 и 32 (?), третью — «бронбойные» 21, 22, 23 и 12, четвертую — крыльчатые 24, 25, 28, 29, пятую, последнюю, — крыльчатые 14, 31 плюс четыре клевца. Подсчет по втулкам дает незначительные изменения в комбинации крыльчатых наконечников по шеренгам. Реконструкция построения подразделения из Цзинцзецунь представлена на рис. 10, 4.

В заключение вернемся к вопросу, насколько объективны предположенные реконструкции боевых построений, и не случайны ли сами рассмотренные погребальные наборы вооружения? В пользу справедливости наших реконструкций боевых построений косвенно свидетельствуют данные пиньских надписей на гадательных костях. В 1983 г. анализируя группу надписей времени вана У-дина о пожаловании копий, мы отметили, что чаще всего производились пожалования в 3, 4, 7 и 10 наконечников и предположили связь этих чисел с организационной структурой пиньского копьеносного войска²¹. Согласно предлагаемым реконструкциям, именно 3, 4, 7 и 10 копейщиков составляли одну шеренгу (без прикрытия из клевцов на флангах) в различных вариантах построения в виде глубокой колонны подразделений из Цзинцзецунь, М 1713 и Суцунь. Причем следует особо подчеркнуть, что при реконструкции построений данные гадательных надписей нами во внимание не принимались. Более того, соответствие это было подмечено уже весьма значительное время спустя после завершения работ по реконструкции. Что касается численности подразделений из Цзинцзецунь, М 1713, Суцунь и НРКМ 1004, то она представляется отнюдь не случайной. Общее количество древкового оружия ближнего боя из Цзинцзецунь (30) и М 1713 (64) в сумме дает 94 (30 + 64), что в точности соответствует численности отряда из Суцунь, подсчитанной по защитным доспехам, и его структуре (30 комплектов нагрудников из броневых блях с отверстиями в центре и 64 комплекта из островерхих блях). Так что «недовложение» одного защитного комплекта в Суцунь отнюдь не было случайностью. Если произвести подсчет только массового стандартного древкового оружия ближнего боя, отбросив «нетипичные» клевцы, принадлежавшие основным погребенным, а также секеры и пожевидные алебарды, то Цзинцзецунь (29) и М 1713 (59) в сумме составят 88, что абсолютно точно соответствует численности одного подразделения из НРКМ 1004 в Аньяне (тоже 88). Числа 88 и 94 (95) также весьма примечательны. В сумме они составляют 182 (183), что равно половине дней в солнечном году, а при сложе-

нии дадут и целый год — 365. В этой связи уместно напомнит что копия в НРКМ 1004 были захоронены в два слоя: в одно 360 наконечников, в другом — 370, что в сумме дает число дне в двух солнечных годах (730). Впрочем, календарно-астрономические исследования — совершенно самостоятельный сюжет, далеко выходящий за рамки тематики и объема данного сборник

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср.: *Кожин П. М.* О хронологии иньских памятников Аньяна // *Китай в эпоху древности*. — Новосибирск, 1990. — С. 54.

² См.: *Цинь Шихуан* лип бин-ма юн янцзю (Исследование статуй солдат и лошадей из мавзолея Цинь Шихуана). — Пекин, 1989 (на кит. яз.)

³ См.: *Кожанов С. Т.* Снаряжение и одежда воинов эпохи Хань (по материалам глиняных скульптур Янцзявань) // *Древние культуры Китая: Палеолит, неолит и эпоха металла*. — Новосибирск, 1985.

⁴ *Комиссаров С. А.* Клад бронзового оружия в Баймяофань // *Китай эпоху древности*. — Новосибирск, 1990. — С. 73—74.

⁵ *Кожин П. М.* О характере личной собственности в эпоху Инь-Чжо (по археологическим данным) // «Общество и государство в Китае». Тринадцатая науч. конф.: Тез. и докл. — М., 1982. — Ч. 1. — С. 17.

⁶ *Кожин П. М.* О хронологии иньских памятников... — С. 54.

⁷ См.: *Тан Цзинъюй, Ван Шоучжи, Го Чанцзян.* Краткое сообщение о открытии шан-иньских бронз в уезде Чэнгу пров. Шэньси // *Каогу*. 1980. — № 3 (на кит. яз.).

⁸ *Варёнов А. В.* Реконструкция иньского защитного вооружения и тактики армии по данным оружейных кладов // *Китай в эпоху древности*. Новосибирск, 1990. — С. 63—65.

⁹ См.: *Варёнов А. В.* Китайская армия иньского времени: состав и взаимодействие подразделений (опыт реконструкции по данным археологических находок) // «Общество и государство в Китае» Девятнадцатая науч. конф.: Тез. и докл. — М., 1988. — Ч. 2.

¹⁰ См.: *Ян Сичжан, Ян Баочэн.* Раскопки могилы № 1713 в западном районе иньского городища в Аньяне // *Каогу*. — 1986. — № 8 (на кит. яз.).

¹¹ Там же. — С. 712.

¹² *Варёнов А. В.* Копья иньского времени и выявление инокультурных памятников: Методические указания. — Новосибирск, 1989. — С. 16.

¹³ *Спеваковский А. Б.* Самурай — военное сословие Японии. — М., 1981. — С. 98—99.

¹⁴ *Кучера С.* Китайская археология 1965—1974 гг.: Палеолит — эпоха Инь. — М., 1977. — С. 125—126.

¹⁵ *Loehr M.* Chinese Bronze Age Weapons. — Ann Arbor, 1956. — P. 123—124.

¹⁶ *Ibid.* — P. 149—152.

¹⁷ *Тао Чжэнган, Лю Юншэн, Хай Цзиньлэ.* Шанские могилы в Цзинцзе-цунь уезда Линши пров. Шаньси // *Вэньбу*. — 1986. — № 11 (на кит. яз.).

¹⁸ *Кожин П. М.* О хронологии иньских памятников... — С. 48, 49; См.: *Варёнов А. В.* О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // *Новое в археологии Китая: Исследования и проблемы*. — Новосибирск, 1984.

¹⁹ *Варёнов А. В.* О функциональном предназначении «моделей ярма»... — С. 43—44.

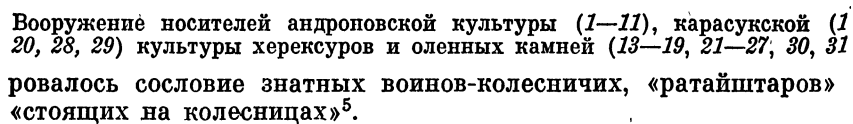
²⁰ *Тао Чжэнган, Лю Юншэн, Хай Цзиньлэ.* Шанские могилы в Цзинцзе-цунь... — С. 15—16.

²¹ *Варёнов А. В.* Иньские копия // *Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук*. — 1983. — № 1, вып. 1. — С. 121.

ВООРУЖЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

В XVII—XV вв. до н. э. по территории степей Урала, Казахстана, Средней Азии, Западной и Южной Сибири расселились скотоводческие племена андроновской культурной общности. По мнению некоторых ученых, это были арии или индоиранцы, которые в процессе миграции достигли Ирана, Индии, Передней Азии и Синьцзяна¹. Освоение степных пространств Евразии андроновскими племенами стало возможным благодаря развитию пастушеского скотоводства, бронзолитейной металлургии и транспортных средств. Наличие скота, колесного транспорта и металлического оружия были условиями для переселения, освоения новых пастбищ и охраны стад от нападений иноплеменников. Хотя в памятниках андроновской культуры встречаются предметы вооружения из камня, шлифованные сверленные боевые топоры, булавы, ретушированные наконечники стрел, широкое распространение в рассматриваемый период получает бронзовое оружие. Из металла изготавливалось оружие ближнего боя: втульчатые копья с двухлопастным пером, вислобушные топоры, кельты, черешковые кинжалы. Появились первые металлические предметы вооружения дистанционного боя: бронзовые втульчатые двухлопастные наконечники дротиков и стрел. Судя по наличию специализированного металлического метательного колющего древкового и рубящего оружия, в андроновское время наступательный бой включал три этапа: стрельбу из лука и метание дротиков с дистанции полета; ближний бой с использованием копий, боевых топоров и кельтов; рукопашный бой с применением кинжалов. Подобный набор оружия был достаточно эффективным в пешем строю и требовал шереножного разделения или сомкнутого построения воинов. Обилие высокоэффективных средств поражения в дистанционном, ближнем и рукопашном бою дает основание предполагать, что у андроновских воинов имелись и какие-то средства защиты, возможно плетеные щиты. Распространение стандартных форм вооружения, приспособленных для применения в шереножном построении, свидетельствует о появлении у андроновских племен воинских формирований, вероятно племенных ополчений².

В этот период получили широкое распространение боевые колесницы, методика тренинга лошадей для боевых колесниц и основанная на ней колесничная тактика боя. По мнению К. Ф. Смирнова и Е. Е. Кузьминой, боевые колесницы появились в Передней Азии вследствие миграции ариев³. Богатые захоронения знатных воинов-колесничих исследованы на ранних андроновских памятниках Приуралья⁴. Как считает Е. Е. Кузьмина, в XVII—XVI вв. до н. э. у андроновских племен сформирова-

66

отдельного рода войск. Видимо, они использовались отдельными знатными воинами для нарушения построения или преследования противника, но для ведения ближнего и рукопашного боя колесничие должны были спешиваться. Колесницы могли служить ориентиром для атакующих в процессе атаки. Они использовались и как транспорт.

В южных районах Сибири комплекс вооружения андроновских воинов включал: втульчатые копья с двухлопастным пером, массивные вислообушные топоры, кельты, черешковые кинжалы с двухлопастным и линзовидным клинком, втульчатые двухлопастные наконечники стрел. На проухи топоров, втулки кельтов, втулки и лопасти стрел наносился геометрический орнамент⁶. По составу и оформлению комплекс предметов вооружения воинов из Южной Сибири не отличался от оружия из памятников андроновской культурной общности с других территорий ее распространения (см. рисунок, 1—11).

Памятники андроновской культурной общности и следы ее влияния отмечены в археологических материалах Средней Азии. Однако ни в Иране, ни в Пакистане нет свидетельств проникновения андроновских племен. Поэтому В. И. Сарианиди предложил связать с ариями бактрийско-маргианский археологический комплекс, сложившийся в конце III — начале II тыс. до н. э. на юге Средней Азии, в Иране и Белуджистане⁷. В памятниках этого комплекса представлены бронзовые высокообушные проушные топоры с расширяющимся скошенным лезвием и отогнутым высоким обухом, проушные топоры с равномерно расширяющимся лезвием, узкий проух с расширяющейся в обе стороны верхней частью и низкий конический обухок, черешковые кинжалы с линзовидным или ромбическим в сечении клинком и первурой⁸. Подобные формы оружия заметно отличаются от андроновских, однако характерны для кинжалов и копий Ирана⁹. Эти отличия обусловлены принадлежностью носителей бактрийско-маргианского археологического комплекса к земледельческому населению, связанному своим происхождением со среднеазиатскими энеолитическими культурами¹⁰. Это ставит под сомнение правомерность отождествления населения андроновской культурной общности с индоиранцами, однако совершенно очевидно, что в дальнейшем на базе этой общности развились культуры ираноязычных кочевников степного пояса Евразии. По представлениям ряда ученых, андроновская культура продолжала бытовать в степях Казахстана до IX в. до н. э.¹¹ На территории Южной Сибири она прекратила свое существование значительно раньше, в XI в. до н. э.¹²

В Минусинских степях в конце II — начале I тыс. до н. э. получила распространение карасукская культура, которую некоторые исследователи считают происходящей от андроновской¹³. На территории Горного Алтая, Тувы, Монголии, Забайкалья, Восточного Туркестана распространяются памятники культуры херексуров и оленных камней¹⁴. Отдельные предметы этой культу-

ры встречаются в Киргизии, Казахстане, Приуралье, в Северном Причерноморье, на Северном Кавказе¹⁵. Этническая принадлежность носителей карасукской культуры определялась по-разному. Э. Б. Вадецкая считает, что эта культура сформировалась из двух, индоиранского и самодийского, компонентов¹⁶. По мнению Л. Л. Членовой, карасукцы — кеты¹⁷. Культуру херексуров оленных камней ученые связывают с динликами¹⁸. Этническая принадлежность динликов остается дискуссионной. Учитывая, что в данной культуре значительного развития достигло искусство звериного стиля, получившее в дальнейшем широкое распространение в культурах кочевников скифского времени, ее носителей можно считать ираноязычными.

Формирование степных культур Южной Сибири в эпоху поздней бронзы совпало с выделением из комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства кочевого скотоводства. Выход кочевников со своими стадами из речных долин на водораздел обусловил значительное увеличение площади пастбищ, количества скота и численности населения. Резко возросла роль военного дела, вооружения и транспортных средств.

Погребальные памятники носителей культуры херексуров оленных камней, курганы с кольцевой или квадратной оградой не содержат предметов вооружения, однако комплекс вооружения этой культуры может быть восстановлен по изображениям на оленных камнях и петроглифах и по находкам вне комплексов. Свообразие культуры херексуров и оленных камней связано новациями в социальной сфере, с появлением новой военной организации, включившей особый род войск — боевые колесницы. В облике херексуров и оленных камней ярко отразились идеологические и эстетические представления военной аристократии воинов-колесничих. Колесничная символика просматривается в форме херексуров с кольцевой оградой и перемычками, которые напоминают в плане колеса со спицами, и в облике оленных камней, запечатлевших воинов-колесничих с разнообразным набором вооружения¹⁹.

Оружие дистанционного боя на оленных камнях представлено луком и стрелами. Изображены сложносоставные луки круто загнутыми концами и натянутой тетивой, иногда в гортах. Стрелы вставлены в тетиву и насторожены. Наконечники выделяются²⁰. Среди бронзовых втульчатых двухлопастных наконечников имеются экземпляры удлиненно-ромбической формы скрытой втулкой, которые могут относиться к культуре херексуров и оленных камней²¹. Гориты представляли собой прямоугольные или слегка расширяющиеся сверху футляры, в которые помещался с натянутой тетивой примерно на половину своей длины. Стрелы в горитах, вероятно, размещались на всю длину. Снизу к гориту крепилась кисть. Гориты подвешивались к поя с правого бока воина с помощью одного или двух подвесных ремешков или петли. В одном случае вдоль горита изображен колесничнаяпряжка с загнутыми концами.

На оленных камнях показано различное оружие ближнего боя. Сравнительно редко изображали копья с удлинненно-ромбическими наконечниками. Иногда на втулке заметны выступы и на древке изображен узкий штандарт с шаровидным окончанием. Копья обычно изображали на задней стороне оленных камней. В одном случае рядом с копьем показан дротик с удлинненно-треугольным наконечником. Бронзовые двух- и трехлопастные лезвийчатые наконечники копий найдены в восточных районах распространения культуры херексуров в Забайкалье²².

Наиболее распространенным оружием воинов-колесничих, судя по изображениям на оленных камнях, были чеканы или клеветцы с узким невысоким бойком, нередко фигурно оформленным обухом и длинной рукояткой. Иногда на конце рукоятки показан вток. Обухок чекана часто имел петлю для подвешивания к поясу. Подобные клеветцы были широко распространены в памятниках культур поздней бронзы и раннего железа в Саяно-Алтае и сопредельных районах Сибири²³. Встречаются они и в Забайкалье²⁴. Клеветцы были одним из основных видов оружия колесничих в Китае в эпоху Чжоу²⁵. Правда, в Китае их нередко насаживали на очень длинные двуручные древки. Рукоятки клеветцов, изображенных на оленных камнях, значительно короче, так как они подвешивались к поясу и были предназначены для удара одной рукой. На некоторых рукоятках изображены поперечные перегородки. Возможно, это цельнолитая с клеветцом бронзовая рукоять. Кроме клеветцов на оленных камнях изображали боевые топоры-секиры с широким лезвием и низким обухом или вислообушные²⁶. В одном случае можно предполагать изображение кельта на изогнутой рукоятке²⁷. Клеветцы, секиры, кельты носили подвешенными к поясу, чаще всего с правого бока воина. Клеветцы и кельты происходят с территории Тувы, Монголии, Забайкалья, входившей в ареал культуры херексуров и оленных камней.

Иногда на оленных камнях изображали длинные стержни с многочисленными зубцами по обе стороны²⁸. Вероятно, эти предметы могли быть ударным оружием. На древнекитайском сосуде из Шаньбяочжень изображены клеветцы и копья с подобными зубцами на древках²⁹. Подобные многозубчатые ударные орудия на длинных древках использовались в Китае в эпоху Чжоу³⁰. В материалах, которые можно отнести к культуре херексуров и оленных камней, подобные комбинированные орудия не зафиксированы.

Очень часто на оленных камнях изображали кинжалы. Вероятно, это был один из самых распространенных видов оружия воинов-колесничих. На кинжалах имелось короткое шипастое перекрестье, цельнолитая рукоять с округлым кольцевым зооморфным навершием и удлинненно-треугольный двулезвийный клинок. На некоторых экземпляров рукоять скошена на одну сторону. Подобные кинжалы очень широко распространены по территории Алтая, Тувы, Монголии, Забайкалья, встречаются в других регионах³¹.

Кинжалам близки по форме двулезвийные клинки и мечи. На оленных камнях можно отметить несколько изображений мечей с длинным клинком, шипастым перекрестьем, овальным или кольцевым навершием³². На территории распространения культуры херексуров и оленных камней обнаружены два меча: длинным обоюдоострым клинком, шипастым перекрестьем, скошенной рукоятью и навершием в виде головы барана³³. Подобные мечи, как и кинжалы, могли использоваться только для нанесения колющего удара.

Очень часто на оленных камнях изображали изогнутые однолезвийные кинжалы с округлым кольцевым и зооморфным навершием³⁴. Чаще других такие кинжалы встречаются в материалах поздней бронзы с территории Центральной Азии³⁵. Обычно они считаются бытовыми ножами, но некоторые из них имели массивный длинный клинок и могли применяться для нанесения колющего удара (см. рисунки, 13—19, 21—27, 30, 31).

Мечи и кинжалы вряд ли могли использоваться воинами колесничного боя (они были приспособлены для нанесения колющего удара), но широко применялись пешими в рукопашном бою.

Воины — носители культуры херексуров и оленных камней обладали некоторыми средствами защиты. На тыльной стороне оленных камней нередко изображали щиты прямоугольной формы с пристроенным верхом³⁶. Поверхность щита орнаментирована косыми линиями или ромбическим узором. Подобные щиты найдены в пазырыкских курганах Алтая³⁷. Защитную функцию выполняли, видимо, пояса, изображенные на оленных камнях. Нередко они довольно широкие и орнаментированы ромбами или ломанной линией, аналогично щитам³⁸. Спереди к поясу крепилась колесничная пряжка с загнутыми концами, за которую колесничий мог крепить вожжи в момент стрельбы. На оленных камнях такие пряжки изображали в виде двух крючьев, загнутых в разные стороны³⁹. Обычно такая пряжка имела в центре широкую пластину, но встречаются и крючья без пластины, похожие на изображенные на оленных камнях⁴⁰.

Наряду со знатными воинами-колесничными в войске центрально-азиатских кочевников были и рядовые ополченцы, вооруженные луками и стрелами, копьями, боевыми топорами и кинжалами. Они составляли отряды пехоты. Колесничные войска вряд ли были многочисленными. Атака колесниц возможна в одном или двухшереножном построении, в шахматном порядке. Такие отряды должны были составлять основную ударную мощь войска. Они могли достаточно эффективно атаковать на открытой ровной местности. В условиях пересеченного рельефа колесничные войска не были способны действовать успешно.

Судя по распространению оленных камней, херексуров, данная культура сложилась на территории Западной Монголии, постепенно распространилась на Алтай, Туву, Восточную Монголию, Забайкалье, Восточный Туркестан. Это продвижение по

сило характер военной экспансии⁴¹. В результате территориального распространения и расширения влияния данной культуры бронзовое оружие сходных форм появилось в Западной Сибири, Минусинской котловине, Казахстане, Северном Китае.

Влияние племен культуры херексуров и оленных камней в военной области в наибольшей степени сказалось на карасукской культуре Минусы. Оружие дистанционного боя карасукских племен включало лук и стрелы. О формах луков нет каких-либо данных. Металлические стрелы применялись очень редко. Найдено два трехгранных черешковых наконечника из бронзы. Использовались костяные и кремневые наконечники⁴².

Оружие ближнего боя представлено копьями с листовидными прорезными наконечниками, боевыми топорами, кельтами и чеканами, кинжалами с дву- и однолезвийным клинком⁴³ (см. рисунки, 12, 20, 28, 29). Среди находок преобладают кинжалы, что свидетельствует о большой роли рукопашного боя в пешем строю. Однако карасукские племена должны были знать и боевые колесницы, поскольку у них имелись колесничные пряжки с широкой пластиной и загнутыми концами⁴⁴. В Минусинской котловине масштабы колесничных боев в силу ограниченности пространства для них не могли быть слишком большими. Вероятно, у карасукских племен не сложилось особого рода войск — боевых колесниц, а преобладала пехота. Колесницы использовались ограниченно. Не выделились колесничие и в особую военно-аристократическую касту.

В последний период существования карасукской культуры кочевниками была освоена верховая езда. Использование больших масс конницы для ведения боя было гораздо эффективнее, чем применение боевых колесниц. В начальную пору железного века конница вытеснила боевые колесницы из боевой практики, что предопределило исчезновение колесничих как привелегированной ударной части войска⁴⁵. Это привело к падению престижности колесничной символики как в социальной иерархии, так и в погребальной и поминальной обрядности⁴⁶. На рубеже раннего железного века культура херексуров и оленных камней распалась на отдельные скифоидные культуры, в которых ярко проявились элементы скифской триады: вооружение, конская сбруя и украшения в зверином стиле. В Забайкалье и Восточной Монголии племена данной культуры были вытеснены монголоидным населением культуры плиточных могил.

В памятниках аржанского этапа алды-бельской культуры Тувы и ранних этапов тагарской культуры Минусинской котловины сохранились отдельные элементы колесничной символики в погребальной обрядности и инвентаре. Комплекс вооружения кочевников раннего железного века в Южной Сибири и Монголии, в основе которого лежит оружие бронзового века, в значительной мере трансформировался под влиянием новой тактики конного боя в рассыпном строю. Резко возросла роль средств дистанционного боя — лука и стрел⁴⁷.

В рассматриваемый период поздней бронзы комплекс вооружения кочевников Южной Сибири и Центральной Азии, несмотря на большое сходство с оружием кочевого населения Казахстана, Средней Азии и Ирана, имел ряд отличительных черт обусловленных особенностями колесничного боя и широким распространением рубящего оружия — чеканов или клевцов на длинной рукоятке. Эти различия сохранились и в раннем железном веке. Подобная разница в наборе вооружения определялась спецификой боевой практики. Скифам, сарматам, сакам нередко приходилось противостоять регулярным армиям государств Персидской Азии и Античного мира, что ускорило освоение средств ближнего боя и защиты, способствовало зарождению тяжеловооруженной конницы⁴⁸. Кочевники Южной Сибири и Центральной Азии такого боевого опыта не имели, поэтому развитие оружия у них происходило в рамках традиций, сложившихся в бронзовом веке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свет новейших археологических открытий.— М., 1977.— С. 51—55; Кузьмина Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня.— Фрунзе, 1986. С. 100—111.

² Худяков Ю. С. Процесс перехода от бронзолитейной к железоделательной технологии в оружейном производстве в Западной и Южной Сибири / Западно-сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков.— Тюмень, 1989.— С. 28—30.

³ Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев...— С. 53

⁴ Генинг В. Ф. Могилиник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА.— 1977.— № 4.— С. 53—73.

⁵ Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы...— С. 97.

⁶ Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири.— М., 1981.— С. 123

⁷ Сарцианиди В. И. Древности страны Маргуш.— Ашхабад, 1990. С. 99—102.

⁸ Там же.— С. 145.

⁹ Там же.— С. 67.

¹⁰ Там же.— С. 76—89.

¹¹ Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы...— С. 99.

¹² Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея.— Л., 1986.— С. 47.

¹³ Там же.— С. 60—63.

¹⁴ Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии.— Новосибирск, 1987.— С. 155.

¹⁵ Членова Н. Л. Оленные камни как исторический источник.— Новосибирск, 1984.— С. 7.

¹⁶ Вадецкая Э. Б. Археологические памятники...— С. 63.

¹⁷ Членова Н. Л. Карасукская культура в Южной Сибири // Материалы по древней истории Сибири.— Улан-Удэ, 1964.— С. 277—278.

¹⁸ Новгородова Э. А. Древняя Монголия.— М., 1989.— С. 315.

¹⁹ Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни.— С. 158.

²⁰ Волков В. В. Оленные камни Монголии.— Улан-Батор, 1981.— С. 232

²¹ Новгородова Э. А. Древняя Монголия.— С. 194.

²² Волков В. В. Бронзовые наконечники стрел из музеев МНР // Монгольский археологический сборник.— М., 1962.— С. 20.

- ²² Гришин Ю. С. Памятники палеолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья.— М., 1981.— С. 184.
- ²³ Худяков Ю. С. Процесс перехода...— С. 32.
- ²⁴ Гришин Ю. С. Памятники...— С. 184.
- ²⁵ Комиссаров С. А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы.— Новосибирск, 1988.— С. 21.
- ²⁶ Волков В. В. Оленные камни...— С. 231.
- ²⁷ Там же.— С. 199.
- ²⁸ Там же.— С. 159, 183, 200, 206.
- ²⁹ Комиссаров С. А. Комплекс вооружения...— С. 60.
- ³⁰ Там же.— С. 59.
- ³¹ Членова Н. Л. Карасукские кинжалы.— М., 1976.— С. 19.
- ³² Волков В. В. Оленные камни...— С. 230.
- ³³ Гришин Ю. С. Памятники...— С. 176.
- ³⁴ Волков В. В. Оленные камни...— С. 233.
- ³⁵ Новгородова Э. А. Древняя Монголия.— С. 131—134.
- ³⁶ Там же.— С. 197.
- ³⁷ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время.— М.; Л., 1953.— С. 263.
- ³⁸ Волков В. В. Оленные камни...— С. 237.
- ³⁹ Там же.— С. 236.
- ⁴⁰ Гришин Ю. С. Памятники...— С. 129—131.
- ⁴¹ Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни...— С. 155.
- ⁴² Вадецкая Э. Б. Археологические памятники...— С. 55.
- ⁴³ Членова Н. Л. Карасукская культура...— С. 266.
- ⁴⁴ Вадецкая Э. Б. Археологические памятники...— С. 59.
- ⁴⁵ Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни...— С. 159.
- ⁴⁶ Там же.— С. 159—160.
- ⁴⁷ Худяков Ю. С. Процесс перехода...— С. 34.
- ⁴⁸ Худяков Ю. С. Сложение военного дела культур скифского времени в Южной Сибири // Скифо-сибирское культурно-историческое единство.— Кемерово, 1980.— С. 143.

А. Г. Гаврилюк, А. Д. Таиров

ЭВОЛЮЦИЯ НЕКОТОРЫХ ФОРМ САВРОМАТО-САРМАТСКИХ МЕЧЕЙ

К концу IV — началу III вв. до н. э. в недрах самаро-уральского варианта савроматской культуры окончательно сложилось новое культурное образование, носителей традиций которого принято называть сарматами. Проблема их происхождения неоднократно привлекала внимание исследователей¹. Появление новых материалов по ранним кочевникам юга уральского региона позволяет вновь обратиться к ее отдельным аспектам.

Одним из ярких и специфических компонентов материальной культуры ранних сарматов являются мечи так называемого прохоровского типа, характеризующиеся наличием прямых эфесов и прямых же или серповидных навёрший (рис. 1, 7—9; 2, 3, 5). Относительно их происхождения в литературе прочно утвердилась концепция, начало которой положил М. И. Ростовцев², а окончательно сформулировали К. Ф. Смирнов и М. Г. Мошкова³.

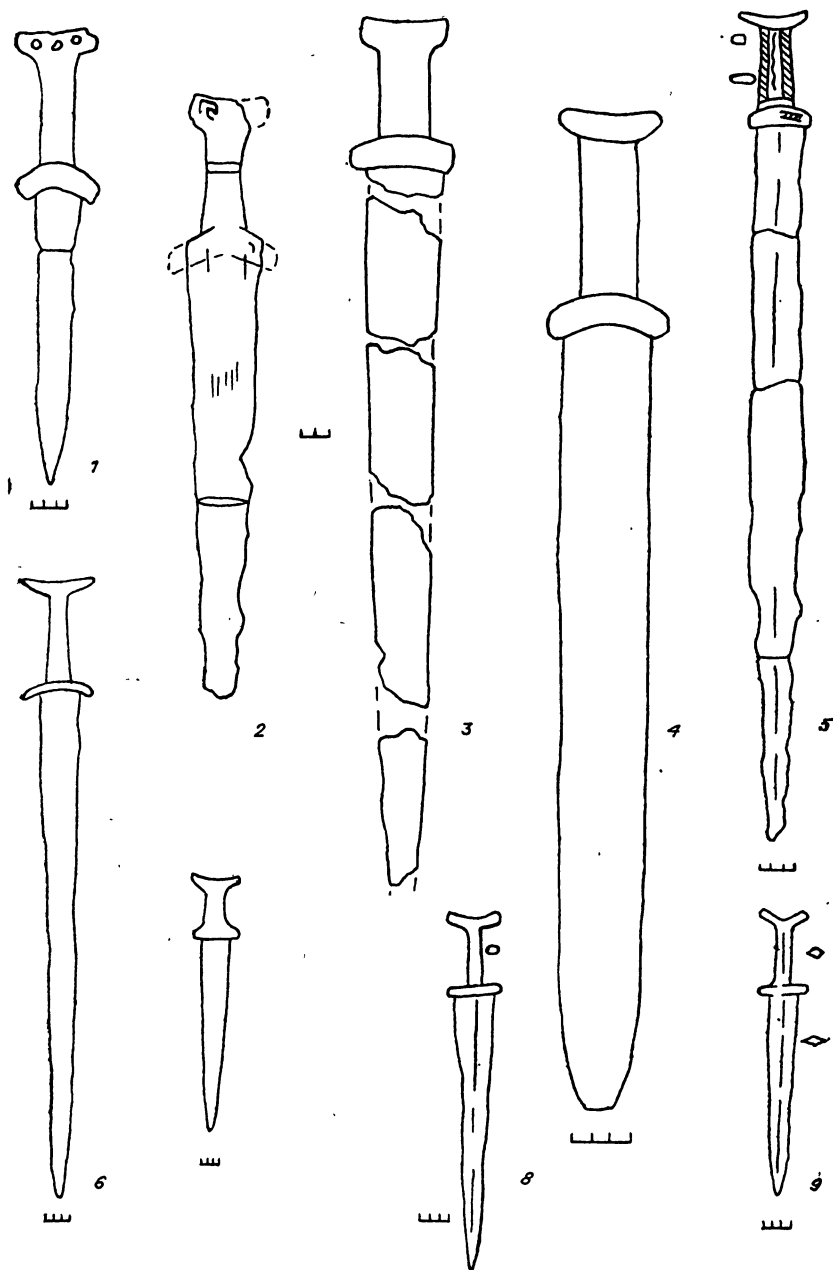

Рис. 1. Мечи и кинжалы V—IV вв. до н. э.

1 — Муракаевский могильник, кург. 5, погр. 5; 2 — хутор Веселый; 3 — Ново-Мурап-
таловский могильник VII, кург. 1, погр. 2; 4 — могильник Три Мара, кург. 4, погр. 1;
5, 8 — городище Курман-Тау; 6 — с. Гришино; 7 — Рычковский могильник I, кург.
2, погр. 1; 9 — могильник Старые Киньши, кург. 4, погр. 5.

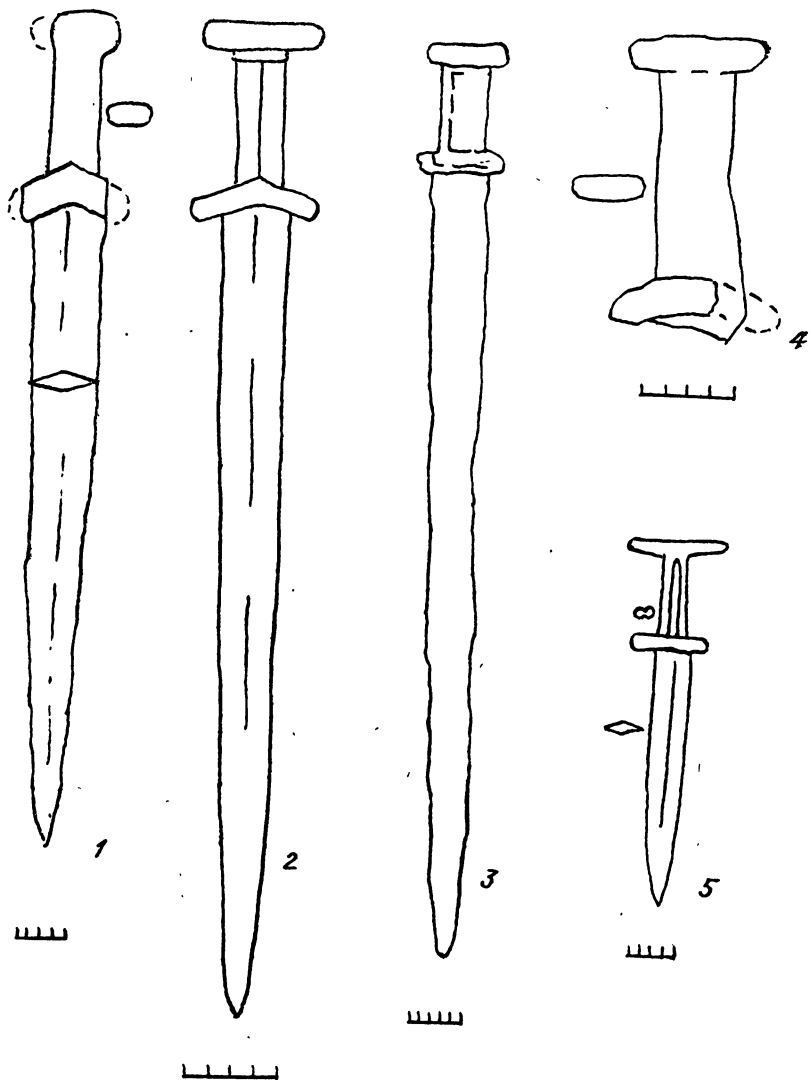

Рис. 2. Мечи и кинжал конца V—IV вв. до н. э.

1 — Сибайский могильник II, кург. 7; 2 — Оренбургская обл.; 3 — Мечетсайский могильник, кург. 8, погр. 1; 4 — Ново-Кумакский могильник, кург. 16; 5 — могильник у с. Прохоровна, кург. 2.

Прямыми прототипами прохоровских мечей единодушно признавались мечи переходных форм IV в. до н. э. (рис. 1, 3—5; 2, 1, 2, 4). М. И. Ростовцев обратил внимание на то, что их дуго-видные или тупоугольные перекрестья следует рассматривать как промежуточную форму между «сердцевидной крестовиной и прямой»⁴. С точки зрения К. Ф. Смирнова, «серповидное на- вершие развилось из древнего брусковидного через короткое,

слегка изогнутое навершие... переходных мечей IV в. до н. э. и под влиянием волютного»⁵. Однако причины появления слегка изогнутого навершия и механизм влияния одной модели навершия на другую, до этого существовавшую совершенно отдельно, остаются неясными.

Не решен однозначно вопрос и о территории, явившейся родиной сложения прохоровской формы колюще-рубящего оружия. Каждый из исследователей делал акцент именно на том регионе, население которого, по его мнению, сыграло определяющую роль в процессе сложения всего комплекса культуры ранних сарматов. М. И. Ростовцев считал, что указанная форма оружия была привнесена с Востока⁶. М. Г. Мошкова видела в них результат развития савроматских моделей, испытавших, вероятно, определенное воздействие со стороны оружия оседлых и полuosедлых культур Зауральской лесостепи⁷. К. Ф. Смирнов, придерживаясь версии о савроматских корнях прохоровских мечей и кинжалов, полностью отрицал западное влияние, но признавал возможность связи с майэмирско-тагарскими или среднеазиатскими традициями⁸. Со времени публикации исследований К. Ф. Смирнова и М. Г. Мошковой накоплены значительные материалы по ранним кочевникам Евразии, что, на наш взгляд, позволяет вновь обратиться к вопросу о сложении раннесарматских форм колюще-рубящего оружия.

Как нам представляется, ключ к возможности выявления реально существовавших эволюционных линий следует искать в объективно фиксируемых различиях между вариантами наверший переходных и прохоровских мечей. К. Ф. Смирнов и М. Г. Мошкова в своих известных классификационных работах не посчитали возможным формально разделить по отделам ни варианты переходных, ни варианты классических прохоровских мечей⁹. По нашему мнению, переходные мечи IV (VI) отдела по вариантам наверший следует разделить на два отдела*. Экземпляры с массивным прямым навершием выделяются в отдел IV (VI) А (см. рис. 2, 1, 2, 4), а со слегка изогнутым и широким серповидным — в отдел IV (VI) Б (см. рис. 1, 3—5). Аналогичная разбивка целесообразна и в отношении собственно прохоровских образцов. Мечи с узким прямым навершием следует выделить в отдел VA (см. рис. 2, 3, 5), а с узким серповидным — в отдел VB (см. рис. 1, 6—8). Рожковые навершия (см. рис. 1, 9) от наверший серповидных, вероятно, отделять не следует. Как нам кажется, это различные трактовки одной идеи. После этих уточнений мы вправе говорить о следующих прямых преемственных связях: мечи отдела IV (VI) А явились непосредственной базой для создания прохоровских мечей отдела VA, а мечи IV (VI) Б — базой для отдела VB (см. рис. 1, 6, 7).

* В качестве исходной схемы использована классификация прохоровского оружия, разработанная М. Г. Мошковой¹⁰. Чтобы не нарушать ее последовательности, к номеру отдела добавляется литерная буква.

Сосуществование на одной территории и в рамках уже относительно однородной культурно-этнической организации различных трактовок одних и тех же элементов функционально идентичных предметов не позволяет допустить какого-либо индетерминизма. Логично предположить, что отличия такого рода — есть отражение существования достаточно обособленных линий развития, уходящих корнями в савроматское время.

В таком случае поставленная перед нами проблема несколько видоизменяется. По сути, необходимо выявить прототипы и территорию появления мечей переходного типа, ибо указанные выше связи являются звеньями двух различных эволюционных линий. В отношении моделей, включаемых в отдел IV (VI) А, никаких затруднений не возникает. Эти мечи и кинжалы генетически продолжают более древний вариант оружия, снабженного брусковидным навершием и почко- или бабочковидным перекрестьем. Детали их эволюции в савроматское время подробно рассмотрены К. Ф. Смирновым¹¹.

Сложнее найти прототипы переходных мечей отдела IV (VI) Б. В погр. 1 кург. 1 могильника Бесоба на р. Илек, датированном VI в. до н. э., найден кинжал с дуговидным навершием¹². Однако, учитывая, что он происходит из заполнения грабительского хода, а также факт отсутствия мечей этой формы в погребениях последующего времени (вплоть до начала сарматской эпохи), мы не вправе отводить этой находке роль репера. Тем более, что на сегодняшний день можно привести пример сочетания и в другом, также частично ограбленном, погребении вещей, надежно определяемых V в. до н. э., и типично прохоровского меча с прямым перекрестьем¹³. Убедительно объяснить происхождение этих комплексов пока не представляется возможным.

Гораздо перспективнее, на наш взгляд, обратиться к серии акинаков финала савроматской эпохи, очень близких по внешнему облику переходным мечам. Их навершия имеют вид широкой серповидной пластины с тремя отверстиями¹⁴ или даже без них (рис. 3, 10; 1, 1, 2), но типологически определяются как когтевидные. На этих же образцах мы впервые встречаем и перекрестья переходного типа. Для того чтобы более полно представить себе процесс, обусловивший появление мечей с когтевидным навершием такого облика, имеет смысл подробнее остановиться на их генезисе внутри самаро-уральского варианта савроматской культуры.

По различиям в схемах наверший мечей этого типа можно разделить на два варианта: несущие когтевидное навершие без перекладинки между волотами (см. рис. 3, 3, 4) и с перекладинкой (см. рис. 3, 5, 7—10; 1, 1).

Наиболее ранние экземпляры мы находим среди образцов первого варианта. Это мечи из имения Соловка и с. Озерки (см. рис. 3, 3, 4), датируемые концом VI — началом V в. до н. э.¹⁵ В литературе уже отмечалась возможность их автохтонного происхождения и генетической связи с мечами, имеющими простое

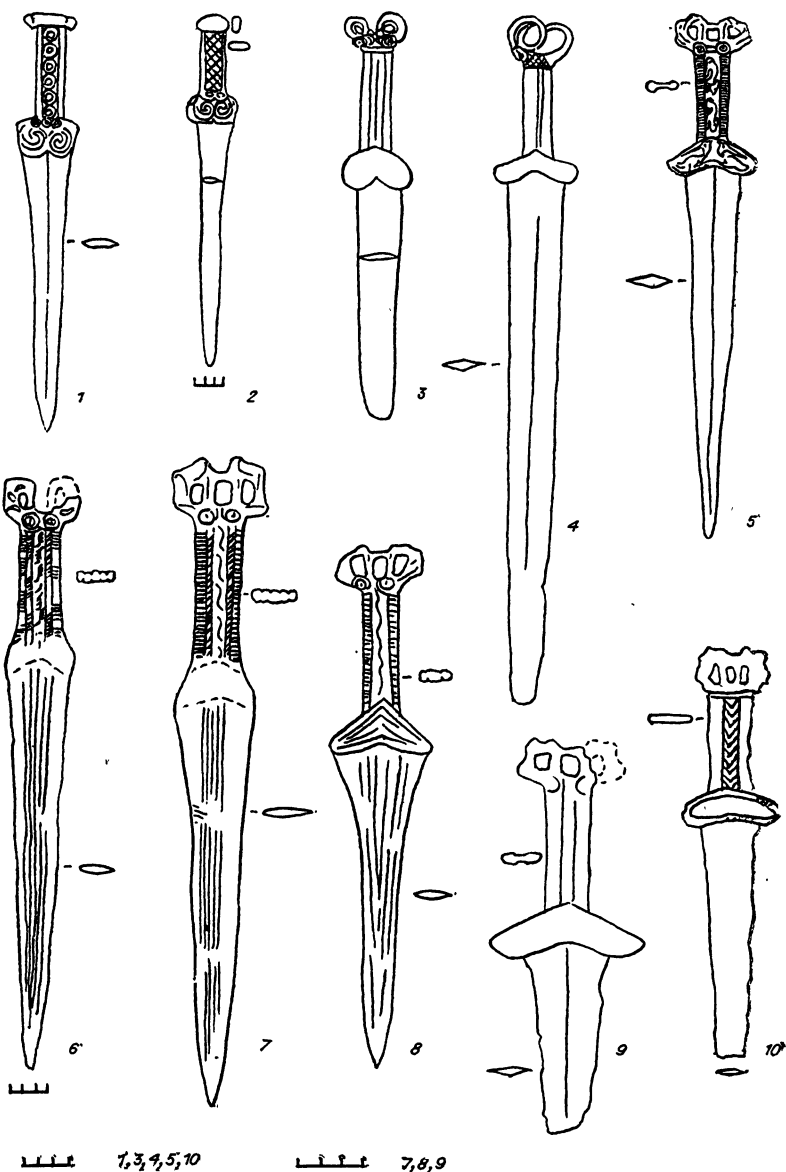

Рис. 3. Мечи и кинжалы VII—V вв. до н. э.

1 — ст. Марычевка; 2 — д. Талачево; 3 — имение Соловка; 4 — с. Озерки; 5 — с. Новая Богдановка; 6 — Аргаяшский р-н Челябинской обл.; 7 — д. Акназарово; 8 — Башкортостан; 9 — пос. Дадановка; 10 — с. Воскресенское.

«антенное» навершие¹⁶. Однако генетическая связь с ними не раскрывает причин столь резкого увеличения композиционной загруженности ранних экземпляров когтевидных наверший. Нет сомнений, что этот процесс невозможно объяснить с точки зре-

ния стилизации, ибо здесь мы наблюдаем противоречие с ее основным принципом, суть которого — в эволюции от иконических знаков к знакам-символам и далее к знакам-индексам. К тому же, строго говоря, навершенный рассматриваемых мечей нельзя определить как собственно когтевидные. Их округлые, сильно загнутые волюты с изображениями глаз у основания выглядят скорее как головки грифонов или хищных птиц. Среди савроматского оружия имеются прямые прототипы навершенный подобной формы. Этим двум мечам хронологически предшествует серия акинаков марьчевского типа (см. рис. 3, 1, 2), датированных второй половиной VII — первой половиной VI в. до н. э.¹⁷ Или, что представляется менее вероятным, VI — началом V в. до н. э.¹⁸ Особенности изображений головок грифонов или хищных птиц на их перекрестьях аналогичны манере воплощения того же мотива на навершенных мечей из имения Соловка и с. Озерки. Особенно наглядно сходство проявляется между мечами из д. Талачево и с. Озерки: здесь совпадает даже диагональная штриховка поля рукояти.

Такая трактовка когтевидного навершенного не получила распространения в «савроматской» традиции, и несколько позже под непосредственным скифским влиянием у кочевников Южного Урала появляются акинаки с навершенным второго варианта¹⁹. Подобные экземпляры из Скифии А. И. Мелюкова датировала концом V — началом III в. до н. э.²⁰ На наш взгляд, эта датировка не может быть принята безоговорочно. Если верхняя граница даты возражений не вызывает, то нижняя, вероятно, является несколько завышенной. Наиболее ранний меч* с навершенным такой схемы (рис. 4, 1) найден в богатом погребении кург. 3 могильника у с. Аксютинцы (урочище Сайхин Верх)²¹. Время сооружения этого кургана определяется самым началом V в. до н. э. или даже концом VI в. до н. э.²² Временем не позднее второй четверти V в. до н. э. датируется другой комплекс с парадным, обложенным золотом мечом с когтевидным навершенным (рис. 4, 2) из кург. 2 могильника у с. Аксютинцы (раскопки Мазараки, 1883—1885 гг.)²³.

Самаро-уральские мечи второго варианта этого типа, наиболее близкие скифским образцам и относящиеся к случайным находкам, ранее датировались началом IV в. до н. э.²⁴ В настоящее время в Южном Зауралье, где оружие данной формы было довольно широко распространено²⁵ (см. рис. 3, 6), известен погребальный комплекс VI — начала V в. до н. э., аналоги которому в массе своей уводят в Скифию²⁶. Учитывая наличие мечей с когтевидным навершенным в Скифии в конце VI — начале V в. до н. э. и существование комплекса, документирующего прямую связь самаро-уральского населения со скифами в это время, мы вправе допускать появление подобных акинаков в Юж-

* Насколько нам известно, этот меч является единственным из скифских второго варианта, на котором нет золотых обкладок.

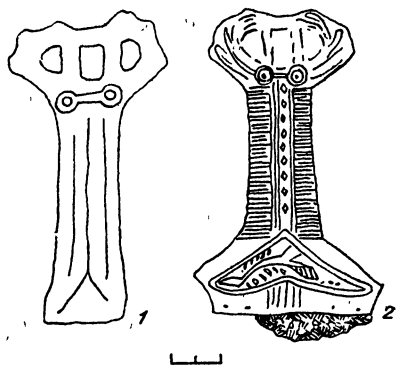

Рис. 4. Скифские акипаки конца VI—V вв. до н. э.

1 — могильник у с. Аксютинцы, кург. 3;
2 — могильник у с. Аксютинцы, кург. 2.

ном Приуралье еще в начале V в. до н. э. Такое предположение тем более приемлемо, что оно устраняет хронологическую лакуну между мечами первого и второго вариантов этого типа.

Оформление рассматриваемых мечей в савроматоидной среде

не законсервировалось в виде канонизированного кода, а начало активно эволюционировать в сторону примитивизации декора (см. рис. 1, 6—10; 2, 1, 2). Результатом этого процесса явилось появление ряда коротких мечей-акинаков, на вершних которых стилизованы почти до неузнаваемости.

Весьма интересны в этом отношении два акинака из Башкирии. Один из них обнаружен в ее юго-восточной, зауральской, части, в погр. 5 кург. 5 Муракаевского могильника, датированном ранее началом IV в. до н. э.²⁷ Его навершие выполнено в форме слегка изогнутой пластины с тремя отверстиями и волнистым верхним краем. Перекрестье дуговидное (см. рис. 1, 1). Второй акинак* — результат недокументированных раскопок М. С. Смирнова²⁸ (16, № 1352) у хутора Веселый под г. Стерлитамаком (см. рис. 1, 2), опубликован Р. Б. Исмагиловым²⁹. Навершие этого меча частично обломано, но судя по оставшейся части, оно имело вид слегка изогнутой сплошной пластины размерами 6 × 2,5 см. Перекрестье не сохранилось, но его четкий отпечаток позволяет предполагать, что оно было переломлено под тупым углом. По форме и общему облику данный меч вполне может быть отнесен к группе переходных мечей IV в. до н. э. Однако по сохранившимся на нем элементам декора возможно определить его истинную типологическую принадлежность. На навершии хорошо просматривается рельефно прокованный угловатый завиток в три изгиба, а на клинке фрагментарно сохранились следы неглубоких бороздок, спускающихся от перекрестья к острию. Такие элементы декора весьма характерны для мечей с когтевидным навершием и встречаются на всей территории их распространения от Фракии до Зауральской лесостепи.

На наш взгляд, именно наиболее поздние мечи с когтевидным навершием, подобным муракаевскому и веселовскому, явились исходной формой для возникновения ранних переходных мечей отдела IV (VI) Б. Как подтверждение этой предположительно-

* Хранится в Стерлитамакском филиале Башкирского государственного областного музея, инв. № 80.

сти можно рассматривать меч переходного типа с городища Курман-Тау в Центральной Башкирии³⁰. Орнамент на его рукояти (см. рис. 1, 5) практически идентичен орнаментации одного из приуральских акинаков с когтевидным навершием³¹ (см. рис. 3, 8).

Как представляется, на происхождение мечей переходного типа со слегка изогнутым навершием от мечей с когтевидным навершием косвенно указывают преемственность форм и абсолютное преобладание серповидных и слегка изогнутых наверший у мечей переходного и прохоровского времени над навершиями прямыми. Известно, что роль колюще-рубящего оружия, и без того высокая в савроматский период, еще более возросла в прохоровское время³². Исходя из этого, а также учитывая значение религии в жизни ранних кочевников, роль прототипа переходных мечей отдела IV (VI)Б, а следовательно и отдела VB следует отнести предметам вооружения, обладавшим повышенной сакральностью.

Одним из авторов этой статьи уже делалась попытка расшифровки текста, закодированного в декоре парадных скифских акинаков с когтевидным навершием, имевшим весьма высокий семиотический статус³³. В ходе исследования был сделан вывод о возможной связи их семантики с представлениями о скифском боге войны Арее и о Фарне. Ряд соображений, высказанных в этой работе, можно спроецировать и на семантику аналогичных савроматских образцов.

О поклонении савроматов мечу сообщал Климент Александрийский³⁴. В более позднее время культ, подобный скифскому, был отмечен Аммианом Марцеллином и у аланов³⁵. При этом К. Ф. Смирнов считал, что «меч у савроматов был одним из главных видов оружия. Поэтому савроматы с большим основанием, чем скифы, могли поклоняться мечу»³⁶.

В плане признания близости семантики савроматских и скифских акинаков с когтевидным навершием весьма показателен короткий меч, найденный в Аргаяшском районе Челябинской области* (см. рис. 3, 6). Длина его 46,5 см. На клинке, имеющем форму сильно вытянутого треугольника длиной 32 см, по центру прочерчено по пять параллельных бороздок с каждой стороны. Клинок линзовидный в сечении, его ширина у перекрестья 4,5 см. Навершие, один конец которого обломан, выполнено в виде стилизованных птичьих когтей. У их основания выбито по два концентрических кружка, изображающих глаза. Перекрестье не сохранилось, но судя по отпечатку, имело бабочковидную или ложнотреугольную форму. Узкие полосы, отделяющие середину рукояти, орнаментированную S-видными знаками с «ресничками», от ее гофрированных краев выполнены косыми насечками. По аналогии с мечом из д. Акназарово (Центральная Башкирия)³⁷ (см. рис. 3, 7) аргаяшский акинак можно

* Хранится в Аргаяшском краеведческом музее.

отнести к мечам с когтевидным навершием второго варианта, хотя он не имеет перекладинки между волютами. В свете признания последней деталью, служившей для более прочного закрепления золотых обкладок на железной основе скифских парадных экземпляров³⁸, представляется, что зауральский мастер при изготовлении этого меча убрал перекладинку, не зная ее смысла*.

Следует обратить внимание на изображения волков на рукояти акинака с когтевидным навершием из Новой Богдановки (см. рис. 3, 5). Образ волка является вообще одним из основных в савроматском искусстве, но для нас сейчас важна одна из его функций, выявленная В. И. Абаевым для древнейшего пластинчатого осетинского нартского эпоса: там волк осмысливался в качестве бога-покровителя военной дружины³⁹.

Б. М. Граков, а вслед за ним и М. Я. Мерперт объяснял семантику мотива когтя и глаза на оружии скифов с позиций магии: как символа силы и меткости удара⁴⁰. В данном случае смысловой контекст оформления был действительно обусловлен утилитарным назначением предмета и доорганизовывал его семантику. Однако «магическая функция, несомненно присущая характерным для этого искусства мотивам, не только не исчерпывается их содержанием, но может быть напрямую не связана с этим содержанием, не определять его и не вытекать из него»⁴¹. Данный случай является примером, когда «магические» и иные толкования объединить как раз возможно. Принимая трактовку М. Я. Мерперта, следует вспомнить о даре Веретрагны — скифского Арея⁴² — Заратуштре, который характеризовался мужской силой, крепостью рук и остротой зрения⁴³. Мысль о том, что скифский акинак (особенно в ножнах) при определенных условиях мог восприниматься как фаллический символ, не нова. Идеи же остроты зрения и крепости рук, т. е. силы вообще, вполне могли быть выражены глазами и судорожно сжатыми когтями (лапами). В таком случае налицо прямая связь между предложенными трактовками: знак — символ или индекс, обозначающий основные характеристики военного божества, приобретал и соответствующую магическую функцию. Или же связь обратная: магическое содержание каких-либо мотивов или членов (частей членов) скифо-савроматского бестиария в процессе исторической эволюции было спроецировано на конкретное божество.

Все приведенные соображения, на наш взгляд, достаточно убедительно свидетельствуют о большой семантической близости декора савроматских и скифских акинаков с когтевидными навершиями, что определялось, вероятно, их тесной связью с

* Сегодня не известен ни один обложенный золотом савроматский меч этого типа.

военным культом *. Мы далеки от мысли лишь им отводить роль апотропеев культа бога-меча. Можно привести и другие примеры савроматских мечей, изображения грифонов, хищных птиц или волков на которых свидетельствуют о реализации подобных представлений ⁴⁴.

Однако богатство декора и инвариантность схемы его распределения на мечах с котгевидным навершием свидетельствуют о их сакральном значении. Теснейшая связь акинаков именно этих моделей с культом почитания меча **, вероятно, и обусловила возможность их дальнейшей эволюции и большую популярность мечей с серповидными навершиями в уже сарматское время. Таким образом, подоплека этого процесса кроется в перестроенном значении составляющих «мифологической модели мира как тотальной моделирующей знаковой системы» ⁴⁵ для регламентирования всех сторон жизнедеятельности древних человеческих сообществ.

Неустоявшиеся традиции материального воплощения различных инноваций, а также огромное влияние традиций савроматского времени чрезвычайно затрудняют определение не только абсолютной, но и относительной хронологии памятников переходного времени. Вот почему очень важно уточнить хронологию переходных мечей, существование которых пришлось на сравнительно короткий промежуток времени ⁴⁶, а появление в погребальных комплексах играло роль индикатора хронологической и в какой-то степени культурной принадлежности.

По мнению К. Ф. Смирнова и М. Г. Мошковой, мечи переходного типа получили распространение в IV в. до н. э. ⁴⁷, очевидно, в самом его начале. Материалы последующих исследований на территории Южного Приуралья позволяют, на наш взгляд, относить их возникновение к концу V — началу IV в. до н. э. Меч переходного типа с изогнутым навершием встречен во впускном погр. 1 кург. 4 группы Три Мара (рис. 1, 4), датированном, как и центральный погр. 2 этого кургана, временем не позднее конца V в. до н. э. ⁴⁸ Рубежом V—IV вв. до н. э. датируется и Березовский курган у г. Южноуральска, в котором обнаружен длинный железный меч с изогнутым брусковидным навершием и дуговидным перекрестьем ⁴⁹. К этому времени от-

* Весьма показательна их прямая генетическая связь с мечами, имеющими простое «антенное» навершие, идея которого уходит еще в киммерийскую традицию.— *Шрамко Б. А.* Из истории скифского вооружения. Вооружение скифов и сарматов.— Киев, 1984.— С. 33, рис. 5. Геродот особо подчеркивал, что «кумиром Ареса» является древний меч.

** Насколько нам известно, из европейских «нескифских» народов мечи с котгевидным навершием знали лишь фракийцы, заимствовавшие эту модель в Скифии, но придавшие ей собственный колорит.— *Мелюкова А. И.* К вопросу о взаимосвязях скифских и фракийского искусства // Скифо-скифский звериный стиль в искусстве народов Евразии.— М., 1976.— С. 107, рис. 1, 4—6. Примечательно, что именно Арей является ближайшей параллелью Залмоксиса гетов и адрисов, фракийского военного божества.— *Бессонова С. С.* О культе оружия.— С. 14.

носятся и коллективное погребение в кург. 7 II Сибайского могильника⁵⁰. Здесь обнаружено три меча с переломленным под тупым углом перекрестьем и простым волютным и массивным брусковидным навершиями (см. рис. 2, 1). Меч переходного типа найден и в погребении кург. 4 Альмухаметовского могильника, включенном А. Х. Пшеничиюком в группу погребений конца VI—IV в. до н. э.⁵¹ Наличие вместе с ним набора наконечников стрел довольно архаичных типов и погребенного с западной ориентировкой⁵² позволяет конкретизировать датировку меча — конец V — начало IV в. до н. э. Интересный меч переходного типа происходит из погр. 2 кург. 1 VII Ново-Мурапталовского могильника⁵³. Он имеет, судя по публикации, дуговидное перекрестье и навершие в виде широкой, слегка изогнутой пластины (см. рис. 1, 3). Дата этого погребения, как, вероятно, и синхронного ему погр. 1 этого же кургана, определяется всем комплексом инвентаря и погребальным обрядом, очевидно, началом IV в. до н. э.⁵⁴ или концом V в. до н. э.

Таким образом, наиболее поздние образцы савроматских моделей мечей с когтевидным навершием (муракаевский, веселовский и др.), вероятно, к концу V — началу IV в. до н. э. трансформировались в мечи переходного типа (памятники Ново-Мурапталовский, Три Мара, кург. 4, и др.). Их дальнейшая эволюция привела к концу IV в. до н. э. к возникновению мечей прохоровского типа (рис. 5), для которых характерна изящность форм.

Одним из критериев уточнения хронологии переходных и прохоровских мечей может служить, видимо, степень массивности рукояти. Наиболее ранние мечи отделов VA и VB из погр. 6 и 7 кург. 7 и погр. 1 кург. 8 могильника Мечет-Сай⁵⁵, погр. 1 кург. 2 I Рычковского могильника⁵⁶, датируемые концом IV и рубежом IV—III вв. до н. э., имеют весьма массивные рукояти (см. рис. 1, 7; 2, 3).

Среди переходных мечей отдела IV (VI)B одними из ранних были, очевидно, мечи с навершиями в виде широкой, слегка изогнутой пластины. Именно такую схему имеют когтевидные навершия веселовского и муракаевского акинаков.

С IV в. до н. э. наблюдается широкое распространение длинных мечей. Появление оружия, выполнявшего колюще-рубящую функцию, было обусловлено переходом к новой тактике ведения боя⁵⁸, а не каким-либо другим фактором.

Нет необходимости искать инокультурные воздействия и на эволюцию перекрестий позднесавроматских — раннесарматских мечей. Бабочковидная форма перекрестья — оптимальная для оружия из бронзы⁵⁹, вероятно, не была обоснованной с позиций утилитарной потребности на железных мечах и кинжалах. Длительность ее существования в скифо-савроматское время обусловлена значительной долей традиционности в области материального производства. Ломка и трансформация некоторых культурно наследуемых традиций и обычаев в IV—III вв. до

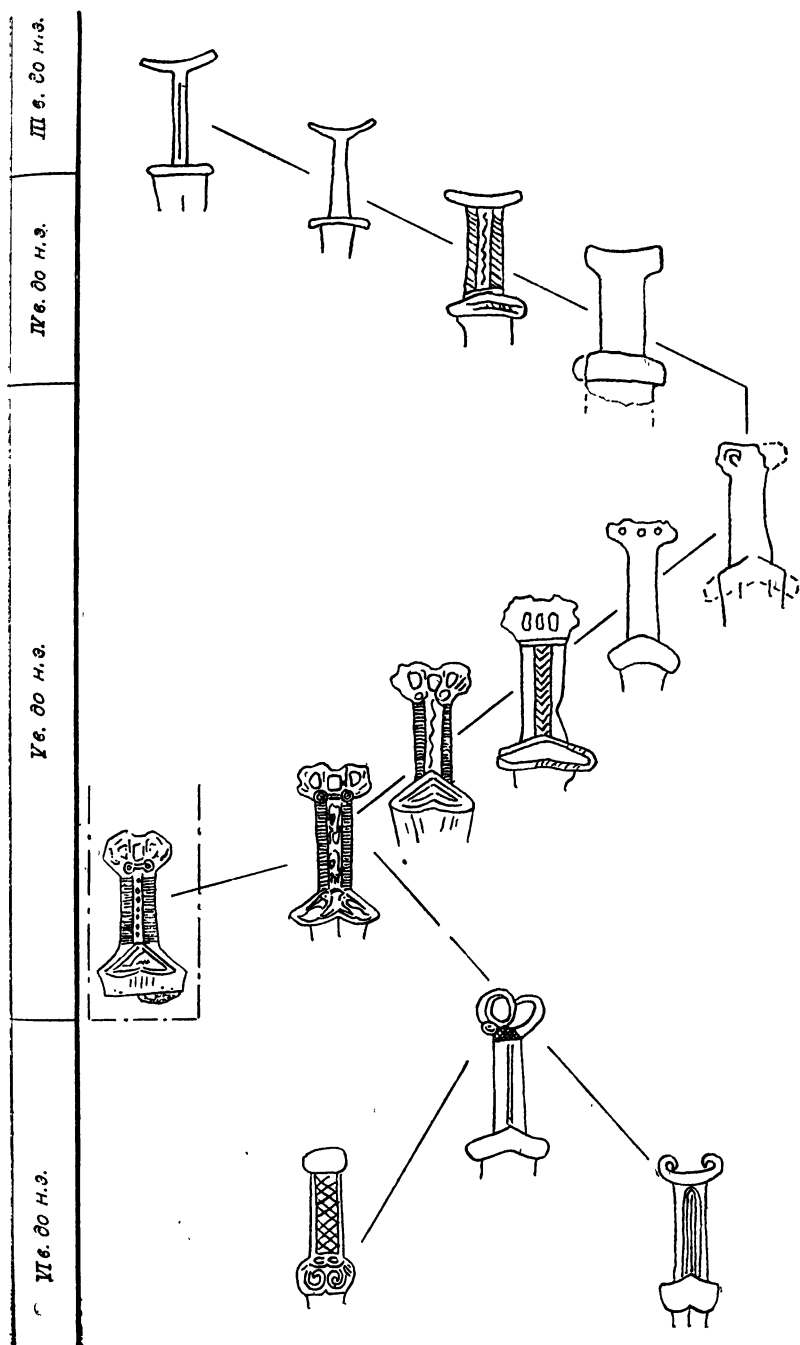

Рис. 5. Схема эволюции некоторых форм рукоятей савромато-сарматских мечей и кинжалов.

н. э., связанные с изменением соответствующих элементов религиозного сознания ираноязычных кочевников, открыли путь для резких качественных превращений и в сфере их материальной культуры.

Появление у ранних сарматов мечей со слегка изогнутым широким серповидным навершием и дуговидным или тупоугольным перекрестьем, на наш взгляд, произошло на местной почве. Факт заимствования в Скифии форм акинаков с когтевидным навершием второго варианта не следует расценивать как аргумент, свидетельствующий о прямом западном влиянии на формирование мечей переходного типа. Воздействие прототипов скифского происхождения было полностью опосредовано их самостоятельной эволюцией в «савроматской» среде.

Территорией сложения мечей переходного типа, несомненно, являлся самаро-уральский регион «савроматского» мира⁶⁰, скорее всего, его восточная и северо-восточная периферия. Именно отсюда происходит наибольшее количество мечей переходных форм. Вряд ли в этот регион следует включать районы Центральной Башкирии, где отмечались аналогичные находки. Судя по всему, они связаны с проникновением на эти территории сарматских отрядов⁶¹ и оседлого и полуседлого населения Зауральской лесостепи⁶².

Подводя итоги, следует заметить, что наша точка зрения на происхождение мечей переходного типа, возможно, и не является альтернативной точке зрения К. Ф. Смирнова. В условиях формирования какой-либо археологической культуры, особенно при столь неоднозначных взаимосвязях ее изначальных компонентов, как это имело место при сложении прохоровской культуры, проникновение инноваций происходило на первых этапах разными путями. При этом глубинное их родство, безусловно, должно было иметь место*. Именно оно в конечном итоге, аккумулируясь уже устоявшейся однородной средой, выступало роли фактора, интегрирующего различия внешнего, формального, плана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. — М., 1974. — С. 3—9.

² Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. — 1918. — № 37. — С. 61.

³ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // МИА. — М.; Л., 1961. — № 101. — С. 24, 30—31; Мошкова М. Г. Происхождение... — С. 24.

⁴ Ростовцев М. И. Курганные находки... — С. 61.

⁵ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — С. 30—31.

⁶ Ростовцев М. И. Курганные находки... — С. 61.

*В данном случае такое родство, вероятно, заключалось в близости семантики оформления функционально значимых элементов мечей савроматского времени.

- ⁷ Мошкова М. Г. Происхождение...— С. 24—25.
- ⁸ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— С. 30—31.
- ⁹ Там же.— С. 24—27; Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры // САИ.— 1963.— Вып. Д1—10.— С. 33—34.
- ¹⁰ Мошкова М. Г. Происхождение...— С. 33—35.
- ¹¹ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— С. 9—16, 29—30.
- ¹² Там же.— С. 104, 112—114. Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре.— Алма-Ата, 1977.— С. 104, 112—114.
- ¹³ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— С. 18; Он же. Савроматы.— М., 1964.— С. 59—60, рис. 40, 1.
- ¹⁴ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— С. 21—22, рис. 3, 6; Мажитов Н. А., Пшеничник А. Х. Курганы раннесарматской культуры в Южной Юго-Восточной Башкирии // Исследования по археологии Южного Урала.— Уфа, 1977.— С. 60, рис. 5, 12.
- ¹⁵ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— С. 20—21.
- ¹⁶ Исмагилов Р. Б. Кинжалы позднесавроматского времени из Башкирии // СА.— 1978.— № 4.— С. 233; Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— С. 20.
- ¹⁷ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— С. 13—14, рис. 1, 10; Исмагилов Р. Б. Меч скифского типа: истоки происхождения // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы I Всесоюз. арх. конф.— Кемерово, 1980.— С. 91, рис. 2.
- ¹⁸ Исмагилов Р. Б., Скарбовенко В. А. Новые находки савроматского оружия в междуречье Волги и Урала // Средневожская археологическая экспедиция.— Куйбышев, 1977.— С. 78—82, рис. 2, 1.
- ¹⁹ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— С. 20—22, рис. 4, 3—8; Исмагилов Р. Б. Кинжалы...— С. 229—235, рис. 1; Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА.— 1976.— № 3.— С. 240—241, рис. 1, 9, 10.
- ²⁰ Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ.— 1964.— Вып. Д1—4.— С. 55.
- ²¹ Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного правобережья (курганы Посулья).— Киев, 1968.— С. 28—29, табл. VII—VIII.
- ²² Там же.— С. 75—76.
- ²³ Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного правобережья...— С. 76—77, табл. XV—XVI.
- ²⁴ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— С. 22, рис. 4, 5; Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б. Новые находки...— С. 241 рис. 1, 9.
- ²⁵ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— С. 21—22, рис. 3, 6; Мажитов Н. А., Пшеничник А. Х. Курганы...— С. 60, рис. 5, 12; Стоянов В. Е., Фролов В. Н. Курганные могильники у д. Воробьево // ВАН.— 1962.— Вып. 4.— С. 55—56, рис. 30, 1, 2.
- ²⁶ Таиров И. Д. Большой Климовский курган // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Тез. докл. обл. науч. конф. «Скифо-сибирская культурно-историческая общность». Раннее и позднее средневековье.— Омск, 1987.— С. 123—125.
- ²⁷ Мажитов Н. А., Пшеничник А. Х. Курганы...— С. 60, рис. 5, 12.
- ²⁸ Археологическая карта Башкирии.— М., 1976.— № 1352.
- ²⁹ Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б. Новые находки...— С. 239, рис. 1, 7.
- ³⁰ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— С. 25, рис. 5, 4.
- ³¹ Исмагилов Р. Б. Кинжалы...— С. 234—235, рис. 1, 4.
- ³² Мошкова М. Г. Происхождение...— С. 24.
- ³³ Гаврилюк А. Г. Семантика скифских акипаков с когтевидным навершием // Материалы XXIV Всесоюз. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс». История — Новосибирск, 1986.— С. 6—11.
- ³⁴ Лагышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ.— 1948.— № 2.— С. 281.
- ³⁵ Цит. по: Бессонова С. С. Религиозные представления скифов.— Киев, 1983.— С. 48.
- ³⁶ Смирнов К. Ф. Савроматы.— С. 252.
- ³⁷ Исмагилов Р. Б. Кинжалы...— С. 231, рис. 1, 3.

³⁸ Там же.— С. 232.

³⁹ Цит. по: Булава Л. А., Василиненко Д. Е. К вопросу о религиозных представлениях населения Прикубанья середины I тыс. до н. э. // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология).— Кемерово, 1984.— С. 22.

⁴⁰ Граков Б. М. Скифы.— Київ, 1947.— С. 81; Мерперт Н. Я. Акипак с коловидным навершием // КСИИМК.— 1948.— Вып. 21.— С. 71—74. Ср. с мнением С. С. Бессоновой о возможности значения скифского Ареса как божества — покровителя военного сословия.— Бессонова С. С. О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов.— Киев, 1984.— С. 16.

⁴¹ Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры.— М., 1985.— С. 85—86.

⁴² Кузьмина Е. Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.— М., 1976.— С. 59—60; Демезиль Ж. Осетинский эпос и мифология.— М., 1977.— С. 253—257; Бессонова С. С. О культе оружия...— С. 13—14.

⁴³ Дрезден М. Мифология древнего Ирана // Мифология древнего мира.— М., 1977.— С. 353.

⁴⁴ См.: напр.: Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— С. 14, рис. 1, 11; Исмаилов Р. Б. Кипчаки...— С. 235—238, рис. 3; Он же. Меч...— С. 89—91, рис. 2; Он же. Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного // СА.— 1980.— № 1.— С. 219—223, рис. 1.

⁴⁵ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа.— М., 1975.— С. 230.

⁴⁶ Мошкова М. Г. Происхождение...— С. 24.

⁴⁷ Там же; Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— С. 24; Мошкова М. Г. Памятники...— С. 33.

⁴⁸ Смирнов К. Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала.— Уфа, 1981.— С. 81—84, рис. 7, 7; Он же. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии.— М., 1984.— С. 56, прим. 86.

⁴⁹ Хабдулина М. К., Малогина Т. С. Погребальный комплекс V—IV вв. до н. э. из Челябинской области // КСИА.— 1982.— № 170.— С. 73—79, рис. 1, 10.

⁵⁰ Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала.— М. 1983.— С. 54—55, 79, табл. XLII, 43—45.

⁵¹ Там же.— С. 41—84, табл. XXX, 12.

⁵² Там же.— С. 41, табл. XXX, 6—11.

⁵³ Агеев Б. Б., Рутто Н. Г. Новые памятники прохоровской культуры на юге Башкирии // Памятники кочевников Южного Урала.— Уфа, 1984.— С. 41—43, рис. 3, 1.

⁵⁴ Там же.— С. 44.

⁵⁵ Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке.— М., 1975.— С. 118—120, 131, рис. 41, 7; 42, 6; 51, 2.

⁵⁶ Васильев В. Н. Новые данные о каменных курганах ранних кочевников Южного Урала // Памятники кочевников Южного Урала.— Уфа, 1984.— С. 34—35, рис. 2, 8.

⁵⁷ Мошкова М. Г. Происхождение...— С. 24.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Кулемзин А. М., Горский М. Р. Развитие тагарских бронзовых кипчаков и изменение механических свойств их перекрестий // Археология Южной Сибири.— Кемерово, 1977.— С. 53—59.

⁶⁰ Мошкова М. Г. Происхождение...— С. 24—25; Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— С. 24, 30—31.

⁶¹ Мошкова М. Г. Происхождение...— С. 50.

⁶² Пшеничнюк А. Х. Население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1968.— С. 13.

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЧЕСКИХ СВОЙСТВ КЛИНКОВ ТАГАРСКИХ БРОНЗОВЫХ КИНЖАЛОВ

Известно, что в основе эволюции орудий труда и оружия лежит совершенствование их качеств. Качества простейших орудий в значительной степени зависят от их механических свойств, одним из которых является прочность. Поэтому исследование данной характеристики древних орудий и оружия может способствовать раскрытию закономерностей путей их совершенствования, а следовательно, и исторического прогресса.

Прочность предметов, изготовленных из одного материала, зависит от их формы. Вместе с тем именно форма предметов лежит в основе типологического метода, одного из самых распространенных при интерпретации археологического материала. Однако зачастую при построении эволюционного ряда и относительной хронологии создаются типологические схемы, базирующиеся лишь на внешнем восприятии форм предметов. Более того, иногда определяющим признаком считают наличие второстепенных деталей, не выполнявших рабочих функций и не влияющих существенно на рабочие качества предметов, например приспособления для крепления, ношения, декоративные детали, которые мало реагировали на изменение материала и технологии изготовления орудий. Эти детали могли изменяться по эстетическим, идеологическим или иным соображениям при сохранении прежних основных приемов использования и функций орудий. Исходя из этого, многие археологи считают, что эстетические представления древних определяли форму орудий труда и оружия. В частности, тагарские бронзовые кинжалы были интерпретированы по второстепенным признакам: по форме наконечников и рукоятей или по декоративному оформлению. Такой подход принципиально неверен, так как искусство в древности в значительной мере имело прикладной характер. Декоративные элементы вписывались в утилитарные каноны форм орудий. Именно оружию был чужд консерватизм в развитии. Оно быстрее всего реагировало на передовые технические достижения своего времени.

Предметом данного исследования является основная часть тагарских бронзовых кинжалов — клинок. Попытки исследования механических свойств некоторых функционально важных деталей тагарских бронзовых кинжалов предпринимались нами и раньше¹. Однако многое о механических свойствах древнетагарских предметов остается не выясненным, некоторые аспекты общей картины развития древнетагарского общества по-прежнему базируются на умозрительных оценках и лишены во многом объективных показателей. В целях определения путей формирования тагарских бронзовых кинжалов мы исследовали

влияние формы на прочностные характеристики их клинко

В дотагарское время клинок бронзовых кинжалов, предназначенных для нанесения колющего удара, приобрел форму заостренной узкой пластины. Позже создателям предстояло придать клинку наибольшую прочность, не увеличивая веса кинжала, ибо это было важно для оружия ближнего боя. Сложность состояла в том, что бронза, имеющая значительный удельный вес, обладает невысокими прочностными характеристиками. Решить задачу можно было путем совершенствования формы клинка, т. е. придания большей прочности тем его частям, которые испытывают максимальные нагрузки.

В процессе использования на клинок оказывают воздействие два вида нагрузок: сжимающая вдоль его продольной оси, которая не грозит повреждением изделия, и изгибающая, способная привести к поломке клинка. Во втором случае величина возникающих внутри материала напряжений будет неодинаково распределена по длине клинка. Поломка изделия может произойти в том месте, где величина внутренних напряжений будет превосходить величину допускаемых напряжений для данного материала. Таким образом, исчерпывается прочность изделия. Среди тагарских бронзовых кинжалов известны экземпляры со сложными клинками.

В ходе поисков наиболее совершенной конструкции клинка необходимо рассмотреть два аспекта: зависимость прочности от формы поперечного сечения клинка и распределения жесткости по длине клинка от его формы в плане.

С целью определения жесткости клинков рассмотрим их по типам поперечного сечения. Был проанализирован 401 тагарский бронзовый кинжал натуральной величины. Наиболее типичными оказались клинки таких в поперечном сечении форм: линзовидной (рис. 1, 1), ромбической (рис. 1, 2), с ребром жесткости (рис. 1, 3), с ребром жесткости и долами (рис. 1, 4). Среди них имеются изделия с клинками переходных форм, сочетающие признаки разных типов, в частности с клинками в одной части ромбическими в сечении, в другой — с ребром жесткости, в одной — линзовидными, в другой — ромбическими. Имеется один экземпляр с глубокими долами посередине и несколько экземпляров вогнуто-гранных. Так как они не повлияли существенным образом на общую ситуацию массива сопоставления признаков, то мы ограничимся лишь упоминанием факта их существования.

Для удобства сравнения прочностных характеристик различных типов сечений клинков авторами исследовались не конкретные изделия, а усредненные их формы. При этом материал клинков был принят с одинаково допускаемым напряжением при условии разновеликости их площадей в рассматриваемом месте клинка. За расчетную принята усредненная площадь сечения, равная $1,5 \text{ см}^2$. Для вычисления исследуемой величины жесткости (EV_x) модуль продольной упругости (E) будет постоянный

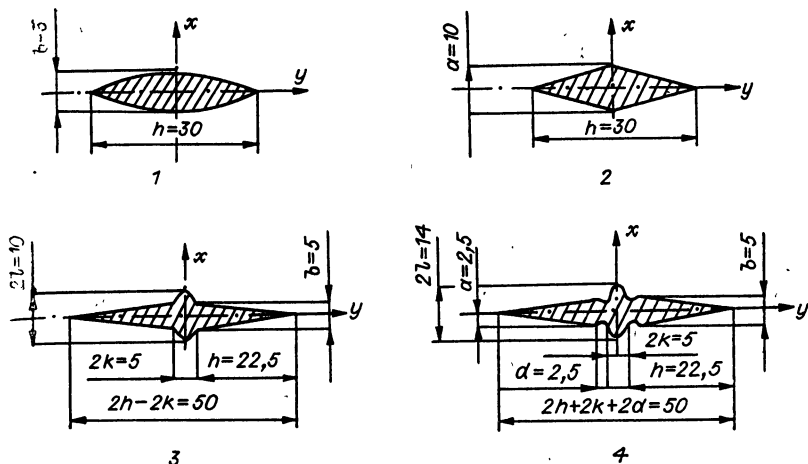

Рис. 1. Типы сечений клинков.

1 — линзовидный, 2 — ромбический, 3 — с ребром жесткости, 4 — с ребром жесткости и долами.

из-за оговоренной выше одинаковости материала. Величина момента инерции (E_x) будет определяющей: чем больше момент инерции, тем выше жесткость, тем большую изгибающую нагрузку может выдержать клинок. При этом определение момента инерции сечения клинка можно вести в двух плоскостях: относительно поперечной (X) и относительно продольной оси (Y). Исходя из принципа расчетов, принятых в теории сопротивления материалов, совершенно очевидно, что момент инерции сечения относительно оси X имеет значительно большую величину, нежели относительно оси Y . Поэтому излом относительно оси Y при одинаковой нагрузке произойдет раньше, чем относительно оси X . В связи с этим расчеты величины момента инерции сечений произведены относительно оси Y .

Итак, рассмотрим последовательно все типы сечения клинков.

Линзовидный. За расчетную схему сечения данного типа принят прямоугольник как наиболее близкий по форме к расматриваемому.

Момент инерции прямоугольника относительно оси Y вычисляется по формуле:

$$I_y = \frac{b^3 \cdot h}{12} \text{ см}^4,$$

где I_y — момент инерции, b — высота сечения, h — ширина сечения.

Величина момента инерции будет равна:

$$\frac{0,5^3 \cdot 3,0}{12} = 0,031 \text{ см}^4.$$

Ромбический. Момент инерции сечения данного типа вычисляется по формуле:

$$I_y = \frac{a^3 \cdot h}{48} \text{ см}^4,$$

где h — максимальная высота сечения, a — ширина сечения.

Величина момента инерции будет равна:

$$\frac{1^3 \cdot 30}{48} = 0,062 \text{ см}^4.$$

С ребром жесткости. Момент инерции данного типа сечения вычисляется по формуле:

$$I_y = \frac{b^3 \cdot h}{18} + \frac{\pi k l^2}{4} \text{ см}^4,$$

где h — высота треугольной части сечения, b — ширина треугольной части сечения, $2l$ — высота эллипсовидной части сечения, $2k$ — ширина эллипсовидной части сечения.

Величина момента инерции будет равна:

$$\frac{0,5^3 \cdot 2,25}{18} + \frac{3,14 \cdot 0,5 \cdot 0,5^2}{4} = 0,113 \text{ см}^4.$$

С ребром жесткости и долами. Момент инерции данного типа сечения вычисляется по формуле:

$$I_y = \frac{b^3 \cdot h}{18} + \frac{\pi k l^2}{4} \text{ см}^4.$$

Величина момента инерции будет равна:

$$\frac{0,5^3 \cdot 2,25}{18} + \frac{3,14 \cdot 0,5 \frac{1,4^2}{2}}{4} = 0,208 \text{ см}^4.$$

Из приведенных расчетов видно, что увеличение момента инерции, а значит, и жесткости происходило в той же последовательности, в которой были рассмотрены типы сечений. Следовательно, по этому же пути шла и конструктивная эволюция сечения клинка.

Рассмотрим формы клинков в плане с точки зрения распределения жесткости по длине клинка.

Нами выделены следующие формы клинков в плане: листовидный (рис. 2, 3), прямой (рис. 2, 5), клиновидный (рис. 2, 7).

Во время использования кинжала к различным точкам клинка прикладываются самые разнообразные нагрузки. Из всех возможных точек приложения единичной силы P ее действие будет самым опасным при приложении к точке K , самой удаленной от рукоятки кинжала. От приложения этой силы будет возникать деформация — поперечный изгиб.

Наиболее важным силовым фактором в расчетах на изгиб является изгибающий момент. В соответствии с ним подбирают

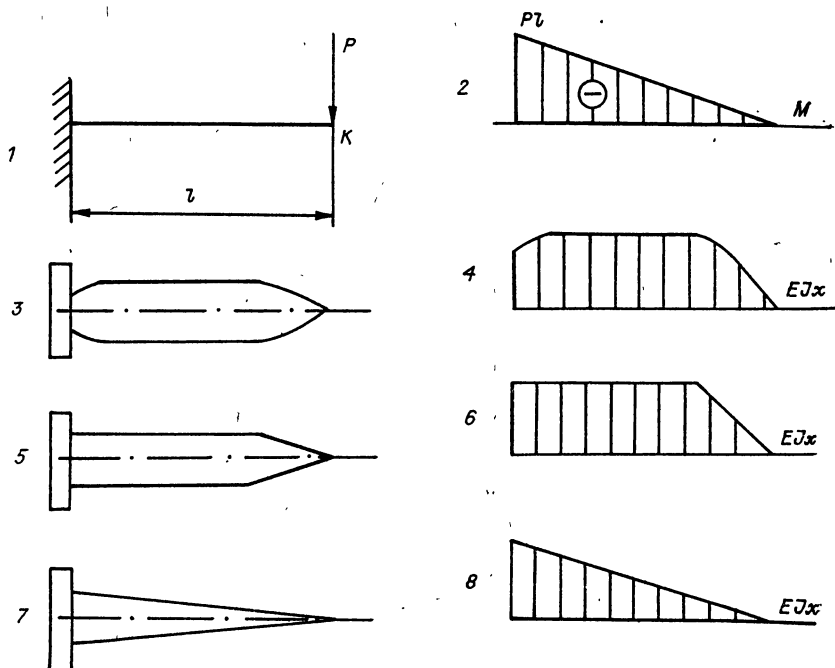

Рис. 2. Соответствие распределения жесткости по длине различных типов клинков возникающим в них внутренним усилиям.

1 — расчетная схема работы клинка; 2 — эпюра изгибающих моментов, возникающих в расчетной схеме от силы P ; 3 — листованный клинок; 4, 6, 8 — эпюры изменения жесткости по длине соответствующего клинка; 5 — прямой клинок; 7 — клиновидный клинок.

ся размеры сечений в момент инерции:

$$I_y = \frac{M_{\max}}{[\sigma]} \cdot \frac{b}{2},$$

где I_y — момент инерции сечения, b — высота сечения перпендикулярно оси Y , $[\sigma]$ — допускаемое внутреннее напряжение для данного материала.

Из формулы видна прямопропорциональная зависимость момента инерции (I_y) от внутреннего изгибающего момента (M_{\max}).

Теперь рассмотрим соответствие распределения внутренних усилий по длине клинка, в частности внутреннего изгибающего момента всех трех типов клинков, различных по форме в плане (рис. 2, 4, 6, 8).

Из приведенных схем видно, что эпюры жесткости по длине изменялись, последовательно приближаясь по форме к эпюре изгибающих моментов в том же порядке, в каком были рассмотрены типы сечений. Полное соответствие формы эпюры изменения жесткости по длине клинка форме эпюры изгибающих моментов будет оптимальным решением конструкции клинка. Наи-

Взаимовстречаемость форм и сечения клинков

Форма клинка	Тип сечения клинка						Общее кол-во изделий с клинком данного типа
	линовидный	переходный	ромбический	переходный	с ребром жесткости	с ребром жесткости и долами	
Клиновидный	0	0	47	7	111	12	177
Прямой	10	5	103	2	43	3	166
Листовидный	2	3	45	3	5	0	58
Общее кол-во изделий с клинком данного типа сечения	12	8	195	12	159	15	401

более близкими к оптимальным являются клинки клиновидного типа, обладающие максимальной жесткостью у перекрестия в том месте, где возникают максимальные внутренние напряжения при действии силы P в точке K .

Таким образом, можно предполагать, что конструктивная эволюция формы клинка в плане происходила в следующей последовательности: листовидная — прямая — клиновидная.

Произведенные расчеты показали последовательность развития механических свойств клинков тагарских бронзовых кинжалов в двух аспектах. В какой же связи эти свойства находились между собой? Сопровождалось ли совершенствование одного признака изменением другого? Эту связь можно проследить взаимной корреляцией двух рассмотренных признаков. На корреляционной таблице показано: по вертикали снизу вверх — изменение формы клинка в плане в сторону его совершенствования; по горизонтали слева направо — изменение формы поперечного сечения клинка также в сторону совершенствования. Четко прослеживается более частая взаимовстречаемость совершенных типов сечений с совершенными типами клинков в плане и, наоборот, редкая встречаемость совершенных типов с несовершенными.

Таким образом, исследование механических свойств клинков тагарских бронзовых кинжалов с точки зрения сопротивления продольному изгибу показало, что в процессе своего развития клинок не оставался неизменным. Его форма совершенствовалась и приближалась к оптимальной, а именно, при сохранении металлозатрат и веса кинжала повышалась прочность клинка при действии на излом. Прочность клинка также постепенно повышалась в месте возникновения максимума внутренних усилий, т. е. у его основания.

Изменение форм тагарских бронзовых кинжалов является результатом постепенного усовершенствования их качеств, поиска оптимальной формы эмпирическим путем. Наличие клинков пе-

реходных типов свидетельствует о том, что появление новой формы не было неожиданным, оно базировалось на передовых достижениях, заложенных в предыдущих образцах. Это еще раз подтверждает вывод об эволюции тагарских бронзовых кинжалов на собственной южно-сибирской основе, без влияния извне².

Сопоставление тагарских кинжалов с подобными изделиями других культур скифо-сибирской культурно-исторической общности выявило единство общих путей развития этого вида оружия на территории степей и лесостепей Евразии.

Результаты исследования механических свойств тагарских кинжалов должны быть положены в основу их типологии, классификации и периодизации. Это позволит избежать преувеличения роли второстепенных признаков и случайностей в понимании закономерностей их эволюции и в понимании происхождения и истории племен тагарской культуры.

Изучение процесса совершенствования функционально важных качеств древних орудий с помощью методов анализа их механических свойств имеет существенное значение для совершенствования методики интерпретации археологического материала. Оно поможет раскрыть главные внутренние причины изменения форм орудий, будет способствовать подкреплению типологического метода, основанного лишь на восприятии внешних форм предметов, объективными показателями, характеризующими и их качественные изменения. Кроме того, и это, пожалуй, самое главное — такой подход к исследованию археологического материала будет в значительной мере способствовать возвращению некоторых археологических гипотез и теорий на материалистические позиции понимания зависимости исторического процесса от развития основы всякого общества, от создаваемых им орудий труда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кулемзин А. М., Горский М. Р. Развитие тагарских бронзовых кинжалов и изменение механических свойств их перекрестий // Археология Южной Сибири. — Кемерово, 1977.

² Там же.

Г. Е. Иванов

НОВЫЕ НАХОДКИ ОРУЖИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В СТЕПНОМ АЛТАЕ

В ходе развернувшихся в последние годы в степном и лесостепном Алтае интенсивных археологических работ на ряде памятников финальной бронзы — раннего железного века получены представительные комплексы вооружения, не только значитель-

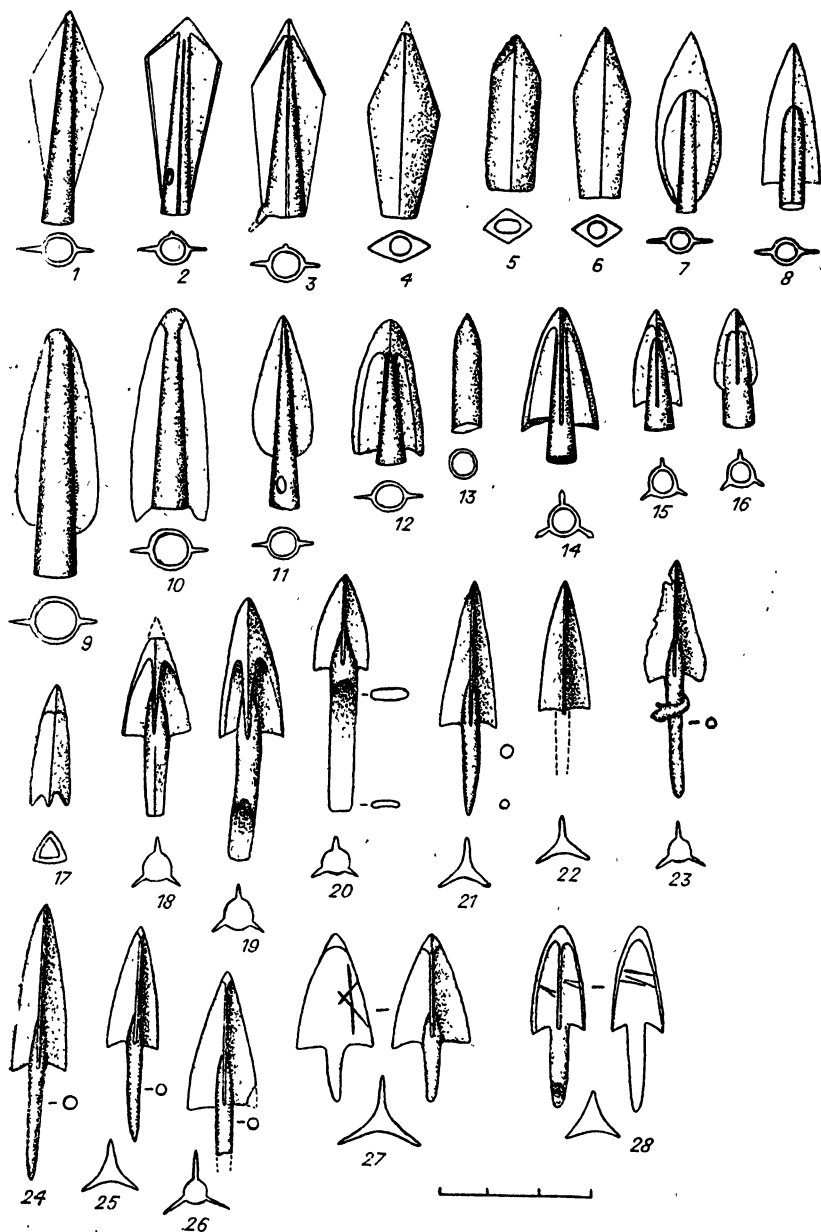

Рис. 1. Бронзовые наконечники стрел.

1, 2, 4, 7, 8, 11—13, 20—22 — Завьяловский район; 3, 9, 15—17, 25—28 — оз. Телеутское; 5, 10, 18 — оз. Новенькое; 6 — Елбанское городище; 14 — пос. Островное; 23 — пос. Крестьянское; 19 — Бахчи-7, Семипалатинская обл.; 24 — Бобровка.

но увеличившие имевшиеся коллекции оружия, но и позволяющие уточнить и конкретизировать складывавшиеся в основном на основе случайных находок представления о развитии вооружения и военного дела степных алтайских племен в эпоху раннего железа. К сожалению, эти материалы пока не опубликованы. Существенно пополнилась и коллекция оружия с разрушенных эрозией и в результате хозяйственной деятельности поселений и могильников. В основном это находки местных краеведов, благодаря многолетней деятельности которых для науки сохранены многие интересные, а подчас и уникальные вещи. В данной статье рассматриваются материалы, собранные Г. А. Клюкиным в Юго-Западном Алтае и С. П. Зверяко в Завьяловском районе, а так же ряд случайных находок из степной части Алтайского края. Самую многочисленную группу среди них составляют бронзовые втульчатые и черешковые наконечники стрел, представляющие различные варианты описанных ранее типов¹.

Представлено три листовидных, асимметрично-ромбических наконечника со слабо выступающей втулкой (рис. 1, 1—3). Подобные широко распространены в памятниках Верхнего Приобья, датируемых финальной бронзой — началом железного века. Традиционно тип датируется VII—VI вв. до н. э.² и даже VII—V вв. до н. э.³ Однако К. Ф. Смирновым и В. А. Ильинской на основании европейских комплексов, содержащих подобные наконечники⁴, была предложена датировка стрел с удлинненно-ромбической головкой первой половиной VII в. до н. э.⁵

В Южной Сибири древнейшие подобные стрелы эпохи железа найдены в кургане Аржан⁶. Появление их следует, вероятно, связывать с культурами валиковой керамики, носители которых населяли Казахстан и степной Алтай в эпоху поздней бронзы. Именно в этой среде появились так называемые башневидные наконечники⁷ и наконечники листовидной формы с очень узким пером и широкой, проходящей через весь наконечник втулкой, довольно близкие аржанским⁸.

Аржанские наконечники были рассчитаны прежде всего на нанесение глубокой раны. Об этом можно судить по их массивности, близкой к пулевидной форме, наличию шипа на втулке. Развитие типа идет по пути увеличения ширины пера и бойка, что диктовалось, вероятно, стремлением увеличить дальность и точность стрельбы за счет большей устойчивости стрелы в полете и нанести более широкую рану. Последним обстоятельством, очевидно, обусловлено отсутствие шипа на многих поздних образцах.

В Сибири наконечники с удлинненно-ромбической головкой, близкие публикуемым, найдены на поселениях переходного от бронзы к железу времени. Мыльниково⁹, Новотроицкое-1¹⁰, на городищах Завьялово-1¹¹, Инберень VI¹², Елбанском¹³, датируемых временем не позднее VII в. до н. э., а также в могильниках

Ближние Елбаны¹⁴, у с. Баган¹⁵, Калачевка-2¹⁶, Карасу-2¹⁷, Изыкчуль¹⁸ и др.

Таким образом, наибольшее распространение удлинненно-ромбических наконечников в Сибири приходится на VII в. до н. э. Этим временем и следует датировать рассматриваемые находки из степного Алтая.

Различными вариантами представлены ромбические в плане и в сечении наконечники со скрытой втулкой (рис. 1, 4—6). На Алтае они обнаружены на поселении Мыльниково, Елбанском городище (рис. 1, 6)¹⁹, могильнике Ближние Елбаны²⁰ и среди случайных находок²¹. Комплексы Казахстана и Средней Азии, для которых наиболее характерны аналогичные наконечники, датируются VIII—VI вв. до н. э.²²

В этих же широких рамках датируются и втульчатые двухлопастные наконечники с пером листовидных очертаний (рис. 1, 7, 9—11). Более узкую дату имеют лишь наконечники со сводчатой шипастой головкой и выступающей втулкой (рис. 1, 8, 12). Очень редкие наконечники этого типа в Скифии относятся к VI в. до н. э. или к его второй половине²³. К. Ф. Смирнов, датируя наконечники этого типа в целом VI—V вв. до н. э., отмечает редкость подобных наконечников и у савроматов и указывает на их восточное (для савроматов) происхождение²⁴.

К числу очень ранних могут быть отнесены пулевидные наконечники стрел (рис. 1, 13). Они найдены в Аржане²⁵ в ранних скифских комплексах VII—V вв. до н. э.²⁶ Пулевидный наконечник из сборов в Юго-Западном Алтае Ю. Ф. Кирюшин и Г. А. Клюкин вслед за В. И. Матющенко сочли возможным отнести к андроновской эпохе²⁷. Учитывая простоту формы, столь длительный период бытования изделий данного типа вполне вероятно, тем более, что некоторые находки из степного Алтая демонстрируют очень примитивный способ изготовления части пулевидных наконечников: они сделаны в форме конуса из треугольного листка бронзы, обернутого вокруг заостренной основы²⁸. Не являются ли они прототипами литых наконечников? Если это так, то вполне возможно, что наконечники этого типа — одни из древнейших среди втульчатых. На Алтае они «доживают» до V—IV вв. до н. э., о чем можно судить по пулевидному наконечнику в колчанном наборе этого времени из кург. 8 Быстрианского могильника²⁹. В более поздних памятниках такие стрелы нам не известны.

Тремя экземплярами представлены небольшие трехлопастные наконечники со сводчатой головкой и выступающей втулкой (рис. 1, 14—16). Они сопоставимы с наконечниками V—IV вв. до н. э. типов VI B, Г, по К. Ф. Смирнову³⁰, и C-36, по С. В. Кузьминых³¹. На Алтае такие наконечники появляются скорее всего под влиянием савроматских образцов. Особенность большинства алтайских наконечников проявляется в том, что втулка доходит до острия пера, а у савроматских она обычно очень короткая.

Этим же временем датируется трехгранный наконечник со скрытой втулкой и дуговидным вырезом базы, образующим спущенные вниз шипы (рис. 1, 17)³². Серия подобных наконечников найдена в Новообинском кургане конца VI — начала V в. до н. э.³³

К VI—III вв. до н. э. относятся черешковые наконечники стрел различных типов (рис. 1, 18—30), многочисленные аналоги которых известны в алтайских древностях³⁴, сакских комплексах³⁵ и материалах из Тувы³⁶, Минусинской котловины³⁷.

Наиболее ранним среди известных нам находок последних лет является кинжал, выпавший в 1988 г. на поле у с. Кочки Родинского района³⁸. Кинжал железный, общей длиной 30,8 см. Клинок узкий (2 см), длинный (19,8 см), ромбический в сечении. Лезвия идут параллельно и сужаются к острию лишь в нижней части клинка. Перекрестье бабочковидное, откованное вместе с клинком и рукоятью. Украшено с обеих сторон обращенными друг к другу барельефными фигурками ползущих (или скребущихся) волков. Рукоять расчленена на три валика, средний из которых ромбический в сечении. Навершие отделено от рукояти узкой обоймой — колодочкой. Оно отковано отдельно и насажено на штырь рукояти, расклепанный затем сверху. Торцевые части навершия с обеих сторон имеют в центре подквадратные ямки глубиной 2—3 мм (рис. 2, 1). Кинжал датируется V—IV вв. до н. э.³⁹ Он дополняет уже достаточно представительную серию бронзовых и железных кинжалов степного Алтая с бабочковидным перекрестьем, рукоятью в виде трех валиков и навершиями в виде бруска или пары грифонов голов. Несколько бронзовых кинжалов найдено в могильнике Староалейка-2, известны они и по случайным находкам⁴⁰. Особого внимания заслуживает оформленное в зооморфном стиле перекрестье. Не касаясь вопроса генезиса традиции зооморфного украшения оружия раннего железного века, тесно связанного с проблемой происхождения скифо-сибирского звериного стиля, заметим, что орнаментированные подобным образом перекрестья и навершия считаются особенностью алтайского оружия середины I тыс. до н. э., послужившего образцом для украшения тагарских, сакских, савроматских и ананьинских мечей и кинжалов⁴¹. Вместе с уже опубликованными кинжалами и мечами из Горного⁴² и степного⁴³ Алтая, имеющими зооморфные навершия или перекрестья, кинжал из Кочек — еще одно тому подтверждение. Что касается изображения ползущего или прижавшегося к земле волка, то это один из излюбленных мотивов алтайского звериного стиля⁴⁴.

Неизвестный ранее для Алтая тип представляет железный кинжал, найденный на водоразделе р. Сухая Чемровка в Бийском районе⁴⁵. У него простое антенновидное навершие с широко расставленными волутами, гладкая, овально-прямоугольная в сечении рукоять длиной 8 см, шириной 2 см, узкое перекрестье со слабовыраженной изогнутостью и широкий, ромбический в

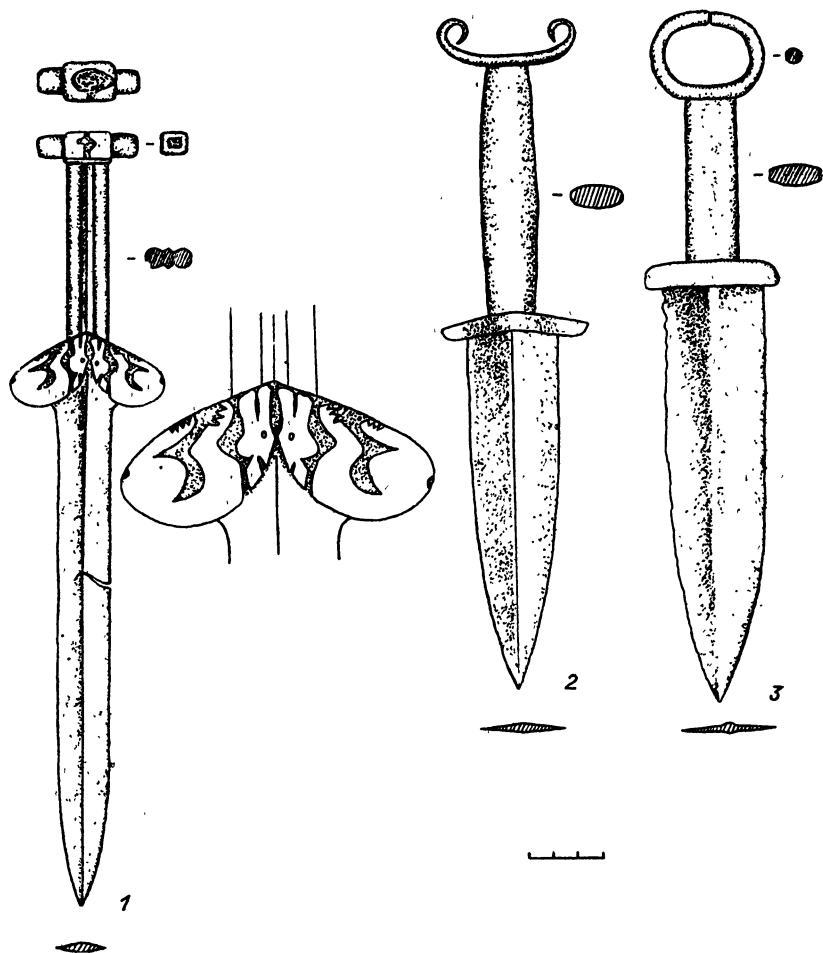

Рис. 2. Железные кинжалы из памятников Кочки (1), Сухая Чемровка (2) и Новообинцево (3).

сечении клинок длиной 16,3 см, лезвия которого уже с половины длины сходятся к острию. Общая длина кинжала 26 см (рис. 2, 2).

Ангеновидное навершие имеется на многих савроматских и скифских мечах и кинжалах с конца VI—V вв. до н. э. Оно бытует у савроматов на протяжении всего средне- и позднесарматского времени⁴⁶. Более определенно позволяет датировать кинжал дуговидное перекрестье, которое практически исчезает на сарматском оружии к III в. до н. э. Два известных из комплексов степного Алтая меча с дуговидным и сломанным под углом перекрестьями относятся к IV в. до н. э.⁴⁷ Этим же временем можно датировать кинжал с Сухой Чемровки, ибо с III в. до н. э. в

алтайских степях бытуют мечи и кинжалы только с прямым перекрестьем, довольно значительная коллекция которых пополнилась находкой с поля у с. Новообинцево Шеболинского района, недалеко от распахивающихся курганов⁴⁸.

Кинжал с прямым узким перекрестьем, гладкой сплошной рукоятью и кольцевым навершием. Клинок широкий, вытянуто-ромбический в сечении. Длина клинка 16,5 см, ширина (в верхней трети) 4 см, ширина рукояти 2 см. Общая длина кинжала 28 см (рис. 2, 3).

Аналогичные кинжалы обнаружены в могильниках Раздумье (III—II вв. до н. э.)⁴⁹, Катон-Карагай (II—I вв. до н. э.)⁵⁰, Староадейка-2 (мог. 27, раскопки Ю. Ф. Кирюшина и В. Б. Бородаева)⁵¹. В качестве более отдаленного аналога можно привести деревянную модель кинжала в ножнах из кур. 1 могильника Уладрык-1 (II—I вв. до н. э.)⁵².

Кинжал из Новообинцево идентичен сарматским, появляющимся с III в. до н. э. и широко распространенным со II в. до н. э. Его следует датировать в рамках III—I вв. до н. э.

Чекан представлен оригинальным образцом, найденным в привозном грунте строящейся железнодорожной насыпи у с. Новосклюиха Рубцовского района. Там же обнаружен бронзовый нож⁵³. Находки происходят, вероятно, из разрушенного карьером могильника эпохи поздней бронзы — раннего железа. Чекан бронзовый, с выступающей конической втулкой. Боек и обушок круглые в сечении в верхней половине и плоские внизу. Сечение острия бойка ромбическое. Между втулкой и бойком — головка грифона с длинным загнутым клювом и глазом, выделенным кружком. Втулка высотой 5,4 см, каплевидная в сечении, с отверстием сбоку для крепления к рукояти. Диаметр втулки сверху 2,6 см, внизу 4,1 см. Значительная часть обушка обломлена, но была найдена вместе с чеканом, сейчас, видимо, утрачена. Длина сохранившейся части чекана 19,7 см, высота бойка 3,0 см, толщина бойка в верхней части 1,5 см (рис. 3)⁵⁴.

По общепринятой датировке Н. Л. Членовой чеканы с головкой грифона относятся к концу VI—V вв. до н. э.⁵⁵ Чекан из Новосклюихи близок многочисленным татарским изделиям этого времени, но полных аналогов себе среди них не имеет.

Рассматриваемое оружие относится к случайным находкам, но оно достаточно ярко иллюстрирует процесс развития вооружения у степных алтайских племен со второй половины VIII в. до н. э. до конца I тыс. до н. э. На первом этапе (вторая половина VIII—VI в. до н. э.) оружие развивается в общеандроновских традициях, совершенствуются его типы, бытовавшие у носителей позднебронзовых культур валиковой керамики, явившихся основным компонентом в сложении степных скотоводческих культур раннего железного века. Именно в этом причины очень большого сходства, практически тождества вооружения алтайских степняков и саков Казахстана. О близости их культур свидетельствуют и другие категории бронзовых изделий.

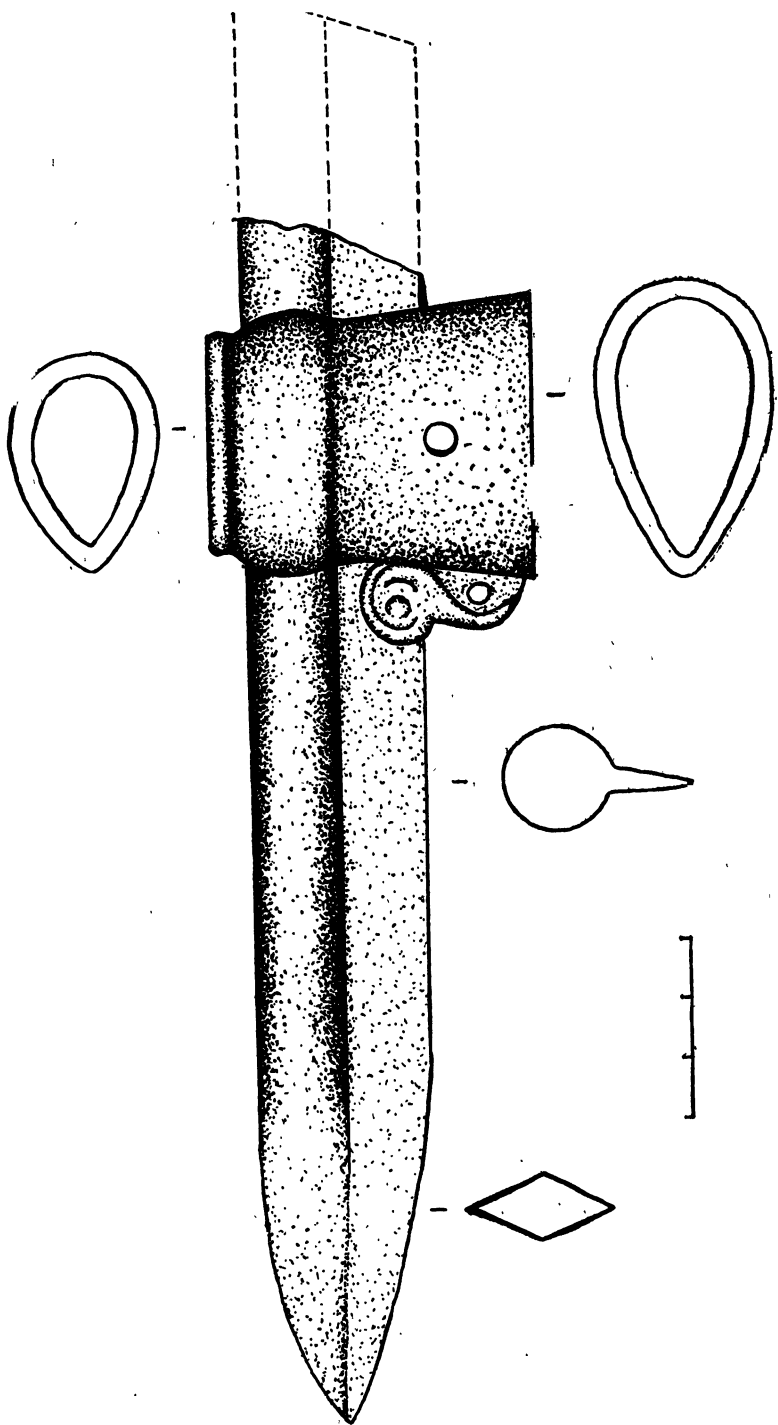

Рис. 3. Бронзовый чекан из Новосклячки.

В степном Алтае не найдена ранняя большебереченская керамика. Вряд ли это можно объяснить плохой изученностью территории. Возможно, что при дальнейшем изучении уже достаточно многочисленных поселений КВК конца II — начала I тыс. до н. э.⁵⁶ наиболее поздние из них могут быть интерпретированы как памятники начала эпохи железа.

Пока не совсем ясна роль, которую сыграла в сложении культуры эпохи железа в степном Алтае ирменская культура, с носителями которой валиковцы контактировали на протяжении нескольких столетий (наличие этих связей четко прослеживается в керамике ранних ирменских поселений типа Милаваново-3)⁵⁷, а на ирменском или позднеирменском этапе отмечается проникновение массы ирменского населения в зону расселения носителей культуры валиковой керамики. Здесь появляются ирменские поселения и могильники⁵⁸, на валиковых поселениях найдена ирменская керамика⁵⁹. В степях и предгорьях Алтая собрана представительная коллекция ирменских кинжалов поздних типов⁶⁰. Что касается комплекса ирменского вооружения в целом, то он пока известен плохо. У ирменцев не было традиции помещать оружие в погребения, на поселениях оно очень мало численно. Судя по находкам, вооружение ирменских племен характеризуется сочетанием карасукских (мечи и кинжалы) и андроновских по происхождению (наконечники копий и стрел) форм. Оружие степняков было совершеннее и развивалось быстрее, чем у населения лесостепи и лесных племен. «Законодателями мод» на оружие в Сибири в эпохи бронзы и железа были степные скотоводческие культуры, поэтому говорить о влиянии ирменцев на сложение комплекса вооружения алтайских степняков на данном этапе его изучения не приходится, хотя случаи заимствования кинжалов ирменских форм, видимо, имели место.

Новые находки оружия середины — второй половины I тыс. до н. э. подтверждают высказанный ранее тезис о том, что на развитие вооружения алтайских степняков с конца VI в. до н. э. очень сильное влияние оказали традиции изготовления более передового савроматского оружия⁶¹. Вероятно, это следствие притока на Алтай каких-то групп населения из западных или юго-западных областей⁶². Оружие V—IV в. до н. э. представлено как новыми сарматскими, так и традиционными скифо-сакскими образцами. К III в. до н. э. сарматское оружие господствует практически монополично, но оружие в погребениях этого времени встречается редко.

В последние века до нашей эры на Алтай проникают из Новосибирского Приобья кулайцы, принесшие с собой наконечники стрел специфических типов, известные по находкам из кладов Новообинцевского и на Чудацкой горе⁶³. Судя по находкам, кулайцы продвинулись далеко в степи по массивам ленточных боров. Однако влияние кулайского вооружения на оружие степняков в имеющихся сейчас материалах не прослеживается.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Иванов Г. Е.* Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии.— Новосибирск, 1987.— С. 7—13.
- ² *Черников С. С.* Загадка Золотого кургана.— М., 1965.— С. 46; *Либеров П. Д.* Хронология памятников Поднепровья скифского времени // Вопросы скифо-сарматской археологии.— М., 1954.— С. 154; *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.— М., 1973.— Табл. 25 и др.
- ³ *Кузьминых С. В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке.— М., 1983.— С. 105.
- ⁴ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов // МИА.— М.; Л., 1961.— № 101.— С. 41, табл. 1, 19.
- ⁵ *Ковпаненко Г. Т., Нупало Н. Д.* Погребение воина у с. Квитки в Пересые // Вооружение скифов и сарматов.— Киев, 1984.— С. 49—50, 57, рис. 9, 42; *Мурзин Ю. В.* Скифская архайка Северного Причерноморья.— Киев, 1984.— С. 68—70, рис. 27; *Козенкова В. И., Крупнов Е. И.* Исследования Сержен-Юртовского поселения // КСИА.— 1966.— № 106.— Рис. 36.
- ⁶ *Грязнов М. П.* Аржан.— Л., 1980.— Рис. 2, 8, 12.
- ⁷ *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ.— М., 1966.— Вып. В4—9.— Табл. 6, 6, 12, 50; *Аванесова Н. А.* К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы // Материалы по археологии Узбекистана.— Самарканд, 1975.— Табл. 2, V, XIX.— (Тр. САГУ. Нов. сер.; Вып. 270). Подобные наконечники, относящиеся, вероятно, к несколько более позднему времени, известны по случайным находкам в степном Алтае.— *Иванов Г. Е.* Вооружение племен...— Рис. 2, 8, 13.
- ⁸ *Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС.—* Алма-Ата, 1987.— Рис. 34, 3; *Арсланова Ф. Х.* Археологические находки в Казахстане // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья.— Челябинск, 1983.— Рис. 1, сводка на с. 123.
- ⁹ Хранятся в музее археологии Алтайского государственного университета. Мы благодарим А. Б. Шамшина за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.
- ¹⁰ *Труфанов А. Я.* Материалы к происхождению и развитию красноозерской культуры лесостепного Прииртышья // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий.— Омск, 1984.— Рис. 7, 9.
- ¹¹ *Троицкая Т. Н.* Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье.— Тюмень, 1985.— Рис. 4, 7—9.
- ¹² *Абрамова М. Б., Стефанов В. И.* Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири.— Новосибирск, 1985.— Рис. 9, 11—13.
- ¹³ *Иванов Г. Е.* Вооружение племен...— Рис. 2, 7.
- ¹⁴ *Грязнов М. П.* Древние культуры Алтая.— Новосибирск, 1930.— Рис. 53, 54; *Он же.* История древних племен Верхней Оби // МИА.— М.; Л., 1956.— № 48.— Табл. 18, 4.
- ¹⁵ *Бородовский А. П.* Разведочные работы по среднему течению р. Баян // Новые памятники эпохи металла на среднем Амуре.— Новосибирск, 1987.— С. 121, рис. 2, 1.
- ¹⁶ *Могильников В. А.* Исследование курганный группы эпохи раннего железа Калачевка-2 // КСИА.— 1968.— Вып. 114.— Рис. 43, 1.
- ¹⁷ *Могильников В. А.* Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая.— Горно-Алтайск, 1986.— Рис. 5, 2.
- ¹⁸ *Членова Н. Л.* Тагарский курган на р. Изыкчуль // КСИА.— М., 1964.— Вып. 102.— С. 25—26, 46.
- ¹⁹ Алтайский краевой краеведческий музей, 12985/450.

- ²⁰ Грязнов М. П. Древние культуры Алтая.— Рис. 56.
- ²¹ Иванов Г. Е. Вооружение племен...— С. 10, рис. 2, 25.
- ²² Медведская И. Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых накопечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА.— 1972.— № 3.— С. 89; Вишневская О. А. Культура сакских племен...— С. 91, 96; Толстов С. П., Итина М. А. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена) // СА.— 1966.— № 2.— С. 162; Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К. и др. Древняя культура Центрального Казахстана.— Алма-Ата, 1966.— С. 378—379 и др.
- ²³ Членова Н. Л. Могильник VI в. до н. э. Султан-Гора III под Кисловодском // Древности Евразии в скифо-сарматское время.— М., 1984.— С. 237, рис. 2, 6.
- ²⁴ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов...— С. 43.
- ²⁵ Грязнов М. П. Аржан.— Рис. 11, 12; с. 21.
- ²⁶ Мурзин Ю. В. Скифская арханка...— Рис. 8, 2; 19.
- ²⁷ Кирюшин Ю. Ф., Кляюкин Г. А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла.— Барнаул, 1985.— С. 108; Матюшенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья.— Томск, 1973.— Ч. 3: Андроновская культура на Верхней Оби.— Рис. 3, 13.— (Из истории Сибири; Вып. 2).
- ²⁸ Кирюшин Ю. Ф., Кляюкин Г. А. Памятники неолита...— Рис. 19, 13.
- ²⁹ Завитухина М. П. Курганы у с. Быстрианское // Арх. сб. гос. Эрмитажа.— Л., 1966.— Вып. 8, рис. 2, 13.
- ³⁰ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов...— Табл. II.
- ³¹ Кузьминых С. В. Металлургия Волго-Камья...— С. 108, табл. 46, 1—9.
- ³² Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов...— Табл. IV.
- ³³ Иванов Г. Е., Медникова Э. М. Новообинский курган // Археология и этнография Алтая.— Барнаул, 1982.— Рис. 1, 5—10.
- ³⁴ Вишневская О. А. Культура сакских племен...— Табл. V, 24—35; XXV; Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или.— Алма-Ата, 1963.— Табл. 1.
- ³⁵ См.: Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии.— М., 1980.
- ³⁶ См.: Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры.— М., 1967.
- ³⁷ Иванов Г. Е. Вооружение племен...— С. 11—13; рис. 3, 1—11.
- ³⁸ Хранится в Родинском районном народном музее. Изображение и подробное описание этого кинжала, как и ряда других находок, анализируемых в этой статье, любезно предоставлены В. Б. Бородаевым, за что мы приносим ему искреннюю благодарность.
- ³⁹ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов...— С. 14—15.
- ⁴⁰ Иванов Г. Е. Вооружение племен...— С. 15, 17; рис. 5, 1—5.
- ⁴¹ Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА.— 1952.— № 30.— С. 179; Смирнов К. Ф. Савроматы.— М., 1964.— С. 220; Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история...— С. 118; Она же. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха железа.— Новосибирск, 1981.— С. 11; Кузьминых С. В. Металлургия Волго-Камья...— С. 129—130; Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские // Археологические исследования в Казахстане.— Алма-Ата, 1973.— С. 47; табл. II, 2; Соловьев А. И., Маргулан Н. И., Теребило Г. И. Меч скифского времени из Барабы // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология.— Новосибирск, 1987.— С. 133—138.
- ⁴² Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА.— 1949.— № 9.— С. 182; табл. XXX, 11; Сорокин С. С. Большой Берельский курган // Тр. ГЭ.— 1969.— Вып. 10.— Рис. 21; Могильников В. А. Курганы Кызыл-Джар I, VIII — памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая.— Горно-Алтайск, 1983.— С. 22; рис. 6, 7; Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка.— Новосибирск, 1987.— Табл. 48, 8.
- ⁴³ Членова Н. Л. Связи культур...— Рис. 4, 13.

⁴⁴ Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка...— С. 119—121, рис. 46, 4; Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I // САИ.— М.; Л., 1962.— Вып. Д—9.— С. 29; табл. IX, 1; X, 1, 2.

⁴⁵ Бийский краеведческий музей, экспозиция, б/п. Благодарим А. Л. Кунгурова и В. Б. Бородаева, предоставивших нам изображение находки.

⁴⁶ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов...— С. 17; Мелюкова А. И. Вооружение скифов...— С. 54.

⁴⁷ Могильников В. А. Меч с зооморфными изображениями...— С. 191—192.

⁴⁸ Кинжал передан находчиками В. Б. Бородаеву и от него поступил в Алтайский краевой краеведческий музей (№ 14755/1).

⁴⁹ Уманский А. П. Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье // СА.— 1970.— № 2.— С. 178, прим. 35.

⁵⁰ Сорокин С. С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // Арх. сб. гос. Эрмитажа.— Л., 1966.— Вып. 8.— Рис. 17, 9.

⁵¹ Кирюшин Ю. Ф., Бородаев В. Б. Работы в лесостепной зоне Алтая // АО 1982 года.— М., 1984.— С. 205.

⁵² Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка.— Табл. IV, 8.

⁵³ Кирюшин Ю. Ф., Клюкин Г. А. Памятники неолита и бронзы...— С. 91; рис. 6, 1.

⁵⁴ Хранятся в Рубцовском краеведческом музее. Благодарим Г. А. Ключкина, ознакомившего нас с находками эпохи железа из Юго-Западного Алтая.

⁵⁵ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история...— С. 36.

⁵⁶ Иванов Г. Е. К вопросу об абсолютной и относительной хронологии памятников с валиковой керамикой Степного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири.— Барнаул, 1988.— С. 101—104; Удодов В. С. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса) // Там же.— С. 107—110.

⁵⁷ См.: Сидоров Е. А. Об андроновском компоненте в сложении ирменской культуры // Археологические исследования в районах новостроек Сибири.— Новосибирск, 1985.

⁵⁸ Иванов Г. Е. Поселение Крестьянское-9 — памятник финальной бронзы степного Алтая (в печати); Он же. Некоторые итоги изучения археологических памятников в зоне алтайских ленточных боров // Вопросы археологии Сибири.— Барнаул, 1989.— С. 24.

⁵⁹ Иванов Г. Е. Некоторые итоги...— С. 24.

⁶⁰ См.: Членова Н. Л. Карасукские кинжалы.— М., 1976.

⁶¹ Иванов Г. Е. Вооружение племен...— С. 20.

⁶² Уманский А. П. О культурной и этнической принадлежности курганов раннежелезного века в лесостепном Алтае // Барнаулу 250 лет.— Барнаул, 1980.— С. 50—53; Могильников В. А. О культурах Западно-Сибирской лесостепи раннего железного века // Скифо-сибирское культурно-историческое единство.— Кемерово, 1980.— С. 45—47; Иванов Г. Е., Медникова Э. М. Новообинский курган.— С. 94.

⁶³ Бородаев В. Б. Новообинцевский клад // Первобытное искусство: Антропоморфные изображения.— Новосибирск, 1987.— С. 106—108.

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ю. С. Худяков

ЭВОЛЮЦИЯ СЛОЖНОСОСТАВНОГО ЛУКА У КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Оружие дистанционного боя играло ведущую роль в военном деле кочевых народов. Вопросы происхождения и эволюция сложносоставного лука в регионе Центральной Азии уже рассматривались в работах ряда исследователей¹. В настоящее время имеется возможность обобщить материалы в пределах данного региона.

Первые попытки усилить рефлекторные возможности деревянной основы лука с помощью роговых или костяных накладок относятся к эпохе неолита. В неолитических могилах таежной зоны Прибайкалья обнаружены длинные узкие костяные пластины, которые приклеивались с двух сторон к кибити лука². Подобные костяные накладки были найдены в погребениях охушевской культуры раннего бронзового века в Минусинской котловине³. Видимо, проникшие в первой половине II тыс. до н. э. в степные районы таежные охотники принесли с собой дальнобойные усиленные луки.

Во второй половине II—I тыс. до н. э. скотоводческие племена Центральной Азии пользовались типичными сложносоставными луками с кибитью, имеющей загнутые концы, выгнутые плечи и вогнутую середину. Подобные луки изображены на петроглифах, относящихся к эпохам бронзы и раннего железа на территории Минусы, Алтая, Тувы, Монголии, Восточного Туркестана, Казахстана, Киргизии⁴ (рис. 1, 1—6). На оленных камнях, относящихся к позднему бронзовому веку, изображены луки с надетой тетивой, с настороженной стрелой или в налучьях. Они имеют вогнутую середину, выгнутые плечи и круто загнутые концы⁵ (рис. 1, 7—12). У некоторых луков плечи показаны асимметричными. Верхнее плечо длиннее нижнего, верхний конец более массивен и сильнее загнут, чем нижний (рис. 1, 9, 11).

Выбитые рисунки не всегда точно передают пропорции и размеры лука. На петроглифах луки иногда изображались почти в рост человека, а на оленных камнях уменьшались до размеров кинжала или чекана. Судя по форме, это были сложные рефлексирующие луки, кибить которых склеивалась из нескольких деталей. Однако в памятниках кочевников бронзового века и скифского времени роговых и костяных накладок на лук не найдено. В погребениях кочевников Горного Алтая обнаружены остатки

Рис. 1. Изображения сложносоставных луков и лучников на петроглифах (1—6) и оленных камнях (7—12).

1, 2 — Тэбиш-Уул (Монголия); 3 — Хандэгате Даотагоу (Синьцзян); 4 — Елангаш (Алтай); 5 — Чинге (Тува); 6 — Суханиха (Минуса); 7—12 — Монголия.

деревянных кибитей луков⁶. Луки состояли из нескольких, склеивавшихся между собой деревянных частей. Кибить лука обматывалась полоской коры. Длина кибитей луков со снятой тетивой достигала 120 м. В детских могилах найдены модели

простого лука⁷. Вероятно, луки центрально-азиатских кочевников эпохи бронзы и скифского времени были сложными, состоящими из нескольких деревянных деталей. Кочевники Центральной Азии использовали для стрельбы и простой лук⁸.

Существенные изменения в конструкции лука, значительно увеличившие его рефлекторную силу и дальность за счет увеличения размеров кибиты и фиксации зон жесткости и упругости с помощью костяных накладок, произошли в конце I тыс. до н. э. Несгибающиеся концы и середина лука стали укрепляться роговыми или костяными накладками. В Центральной Азии распространение новых форм лука связано с хуннской культурой. В хуннских памятниках II в. до н. э.—I в. н. э. в Забайкалье, Монголии, Восточном Туркестане обнаружены многочисленные накладки луков⁹. По форме и местоположению накладок выделяется несколько типов хуннских луков.

Тип 1. Лук с двумя парами концевых боковых и парой срединных боковых накладок. Луки данного типа найдены в Забайкалье (Черемуховская Падь, мог. 14, 49, 50, 60; Ильмовая Падь, мог. 45, 47, 50, 53; Иволгинское городище, яма 20; Иволгинский могильник, мог. 88), Монголии (Тэбш-Уул, мог. 7; Хиргист-Хоолой, мог. 4), Восточном Туркестане¹⁰. По данным А. В. Давыдовой, лук данного типа достигал в длину 1,3—1,5 м¹¹. Срединные боковые накладки были длинными, широкими, массивными. Концы накладок скошены в одну сторону. Накладки имели небольшой изгиб по ширине. Внешняя поверхность накладок заполирована, внутренняя поверхность, концы и длинная сторона внешней поверхности покрыты косой или сетчатой нарезкой для приклеивания к деревянной основе кибиты, наклеивания оплетки из сухожилий или бересты. Концевые боковые накладки были длинными, узкими, слегка расширяющимися к верхнему концу, изогнутыми по длине. На верхнем конце накладки имели арочный вырез — ушко для продевания и закрепления петли тетивы. С внутренней поверхности накладки покрыты косой или сетчатой нарезкой для приклеивания к кибиты (рис. 2).

Тип 2. Лук с двумя парами концевых боковых, парой срединных боковых и срединной фронтальной накладкой. Луки данного типа найдены в Забайкалье (Черемуховая Падь, мог. 58; Ильмовая Падь, мог. 48), Монголии (Чандмань-Уул, мог. 29; Хиргист-Хоолой, мог. 3, 5)¹². По данным Г. П. Сосновского, длина лука достигала 1,4 м¹³. Срединные боковые накладки длинные, широкие, массивные, изогнутые по ширине, со скошенными концами. Срединная фронтальная накладка была длинной, узкой, расширяющейся к концам. На внешней поверхности концов накладки имелись пологие срезы, покрытые нарезкой для приклеивания оплетки из сухожилий или бересты. Концевые боковые накладки были длинными, узкими, изогнутыми по длине, с арочным вырезом-ушком на концах. Все накладки имели на внутренней поверхности нарезку для приклеивания к деревянной основе кибиты. Появление фронтальных накладок может свидетельство-

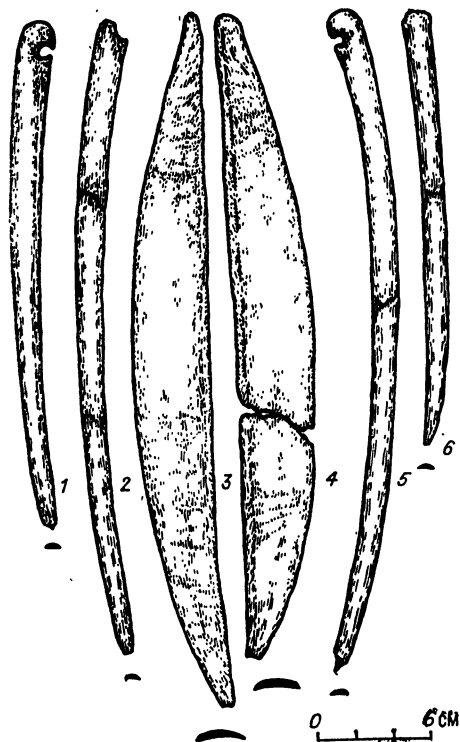

Рис. 2. Хунские луки типа 1. Хиргист-Хоолой, мог. 4 (Монголия).

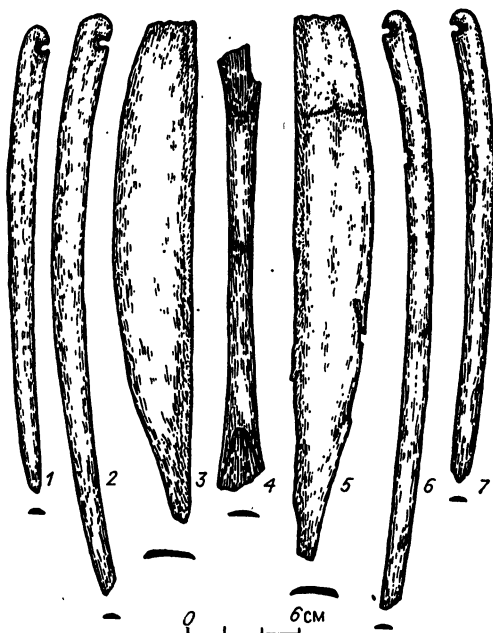
вать об использовании костяных деталей лука для повышения гибкости и упругости кибити. Все боковые накладки служили для увеличения жесткости негнущихся деталей лука¹⁴ (рис 3).

Тип 3. Лук с двумя парами концевых составных боковых и парой срединных составных боковых накладок. Луки данного типа найдены в Забайкалье (Черемуховая Падь, мог. 61; Ильмовая Падь, мог. 51) и Монголии (Тэбш-Уул, мог. 1; Сул-Толгой, мог. 1)¹⁵. По данным П. Б. Коновалова длина такого лука достигала 1,6 м¹⁶. Срединные боковые накладки состояли из двух составных частей. Каждая

из них имела скошенный конец, а на противоположном конце — пологий срез, по которому обе части накладки слевались. В остальном срединные составные боковые накладки были аналогичны цельнорезанным. Они были большой длины и ширины, со скошенными концами, нарезкой для приклеивания кибити и оплетки. Концевые боковые накладки состояли из двух составных частей. Верхняя часть имела расширенный конец и арочный вырез-ушко, нижняя — сужающийся конец. Между собой, составные части накладок соединялись с помощью пологого косога срезга. По внутренней поверхности накладки наносилась нарезка для приклеивания к кибити. Обычно составными были накладки только на верхний конец лука, что свидетельствует об асимметрии плеч кибити. Накладки на середину и один из концов лука делались составными с целью увеличения их длины и соответственно размеров кибити (рис. 4, 3).

Тип 4. Лук с двумя парами концевых составных боковых, парой срединных составных боковых и срединной составной фронтальной накладками. Луки данного типа найдены в Забайкалье (Черемуховая Падь, мог. 51; Ильмовая Падь, мог. 52) и Монголии (Тэбш-Уул, мог. 2, 3, 16; Наймаа-Толгой, мог. 6; Хиргист-Хоолой, мог. 1)¹⁷. По данным Д. Цэвэндоржа, длина такого лука достигала 1,6 м¹⁸. Срединные боковые накладки состояли

Рис. 3. Хуннские луки типа 2.
Хиргист-Хоолой, мог. 5 (Мон-
голия.)

из двух частей, склеивавшихся по косому пологому срезу. Они были большой длины и ширины, со скошенными концами, нарезкой на кошцах, длинной стороне и внутренней поверхности. Срединная фронтальная накладка состояла из двух частей, склеивавшихся между собой по косому пологому срезу. Она была большой длины, с расширяющимися концами, нарезкой на концах и внутренней поверхности. Концевые боковые накладки состояли

из двух частей, соединявшихся между собой по косому пологому срезу. Они имели арочный вырез-ушко на верхнем конце, сужающийся нижний конец (рис. 4, 4).

Луки разных типов, обнаруженные в хуннских памятниках, не образуют устойчивых хронологических или территориальных групп. Видимо, разнообразие по форме луков у хуннов было результатом усиленной технологической разработки данного вида оружия дистанционного боя в целях повышения дальноточности, скорострельности и точности стрельбы. Судя по имеющимся материалам, хунну вели поиск по линии увеличения размеров кибити и фиксации зон упругости и жесткости с помощью костяных накладок. Для увеличения размеров и дальноточности лука пришлось делать асимметричные плечи, когда верхний конец кибити был длиннее нижнего, и использовать для жесткости середины и верхнего конца составные удлинненные накладки. Благодаря увеличению рефлекторной силы и дальноточности лука в сочетании с новыми формами железных трехлопастных стрел с костяными свистунками значительно повысилась эффективность дистанционного боя. Хуннская легкая конница, вооруженная луком и стрелами, применяющая в бою тактику рассыпного строя, смогла разгромить в конце III в. до н. э. племена Центральной Азии, Южной Сибири, Восточного Туркестана. В ханьских источниках подчеркивается важное значение применения лука и стрел в тактике боя хуннских войск¹⁹. Хуннский лук, обладавший высокими боевыми качествами, был заимствован другими кочевыми племенами и получил широкое распростране-

Рис. 4. Хунские луки.
1 — тип 1; 2 — тип 2; 3 —
тип 3; 4 — тип 4.

ние в кочевом мире. Луки с костяными накладками, аналогичные хуннским, появились у носителей улуг-хемской культуры в Туве²⁰, булан-кобинской культуры в Горном Алтае²¹, у жителей Прибайкалья, находившихся в сфере влияния хуннской державы. Восприняв от хуннов основные конструктивные особенности сложносоставного лука, горно-алтайские кочевники, представители булан-кобинской культуры, создали луки нескольких типов.

Тип 1. Лук с двумя парами концевых боковых и парой срединных боковых накладок. Лук данного типа найден в Горном Алтае (Усть-Эдиган, кург. 23)²². Размеры лука не устанавливаются. Срединные боковые накладки были длинными, широкими, с плавно сужающимися концами. Концевые боковые накладки длинные, узкие, с арочным вырезом для тетивы. Накладки на верхний конец кибиты лука длиннее, чем накладки на нижний конец лука. С внутренней стороны накладки покрыты нарезкой для приклеивания к кибиты (рис. 5, 2, 3, 11; 6, 1).

Тип 2. Лук с двумя парами концевых боковых, парой срединных боковых и срединной фронтальной накладками. Лук данного типа найден в Горном Алтае (Булан-Кобы IV, кург. 34)²³. Размеры лука достигали 1,53 м²⁴. Срединные боковые накладки были длинными, широкими, со скошенными концами, слабоизогнутые. По внутренней стороне и концам нанесена косая и сетчатая нарезка. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, с расширяющимися концами. По внутренней стороне и концам нанесена косая и сетчатая нарезка. Концевые боковые накладки на верхний конец лука длинные, узкие, слабоизогнутые, с арочным вырезом для тетивы. Накладки на нижний конец лука были значительно короче²⁵ (рис. 6, 2).

Тип 3. Лук с двумя парами концевых накладок. Лук данного типа найден в Горном Алтае (Усть-Эдиган, кург. 15)²⁰. Размеры

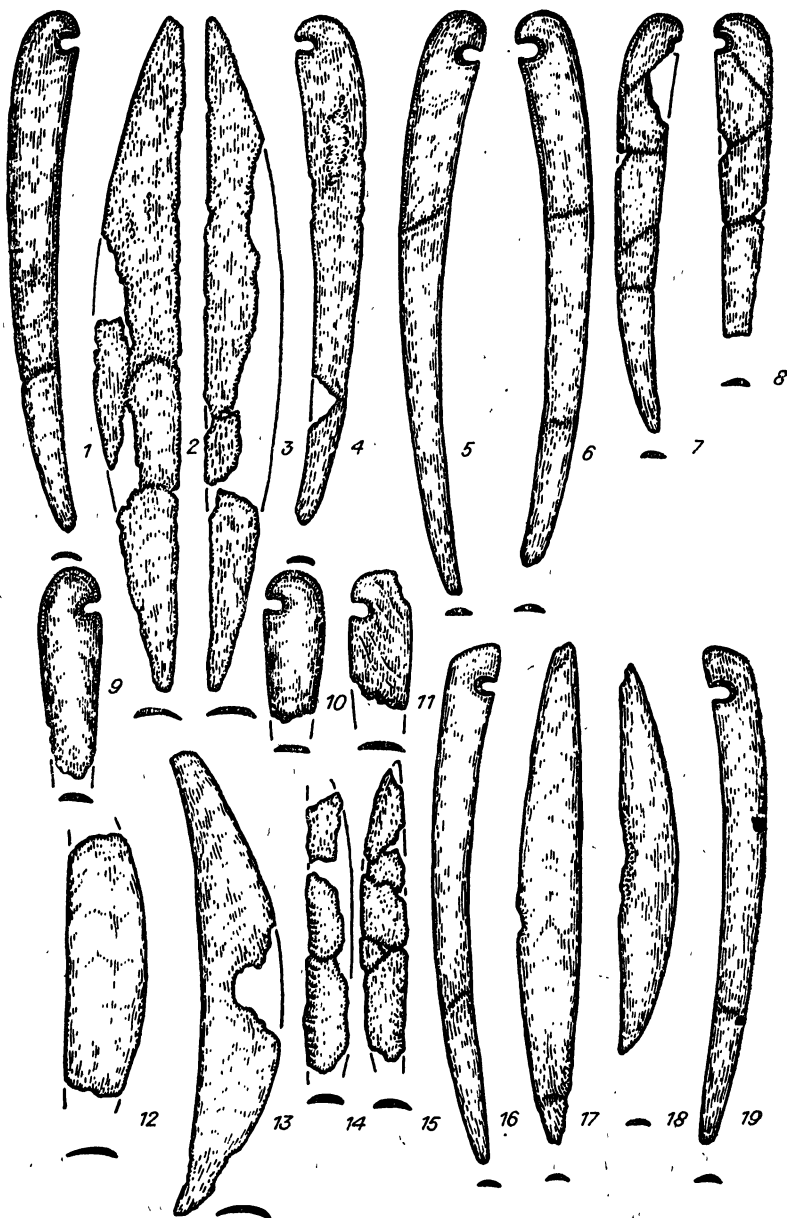

Рис. 5. Луки булан-кобинской культуры.

1, 4, 9, 10, 12—19 — тип 4; 2, 3, 11 — тип 1; 5—8 — тип 3.

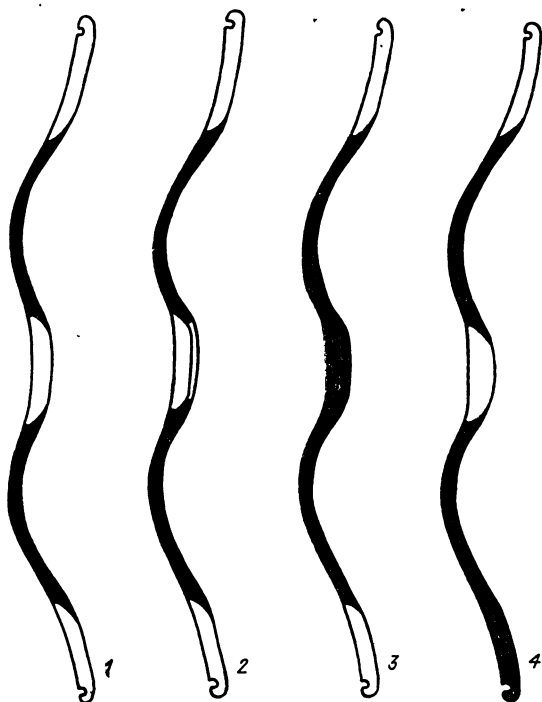

Рис. 6. Луки булан-кобинской культуры.

1 — тип 1; 2 — тип 2; 3 — тип 3; 4 — тип 4.

лука не устанавливаются. Концевые боковые накладки на верхний конец лука длинные, слабоизогнутые, с арочным вырезом-ушком. Концевые боковые накладки на нижний конец лука короткие, почти прямые, с арочным вырезом-ушком (см. рис. 5, 5—8; 6, 3).

Тип 4. Лук со срединными боковыми и концевыми боковыми накладками на верхний конец кибити. Лук данного типа обнаружен в Горном Алтае (Усть-Эдиган, кург. 1, погр. 2;

3; кург. 22)²⁷. Размеры лука не устанавливаются. Срединные боковые накладки были широкими, массивными, со скошенными концами, с нарезкой с внешней стороны вдоль одного края и на внутренней стороне. Концевые боковые накладки длинные, узкие, слабоизогнутые, с арочным вырезом-ушком, с нарезкой по внутренней стороне (см. рис. 5, 1, 4, 9, 10, 12—19; 6, 4).

Луки с концевыми накладками неодинаковой длины или с одной парой концевых накладок были асимметричными. Верхнее плечо кибити было длиннее нижнего. Эти типы являются модификациями хуннских луков.

От хуннов могли заимствовать сложносоставные луки кочевники Восточного Туркестана и Средней Азии: юэжжи-тохары, усунь, конгюи²⁸. У тохарских кочевников, посетителей кенкольской культуры, зафиксированы луки двух типов.

Тип 1. Лук с концевыми боковыми, срединными боковыми и срединной фронтальной накладками. Луки этого типа зафиксированы на Тянь-Шане (Акчий-Карасу, Джал-Арык, Торкен, Фрунзе), в Казахстане (Кзыл-Кайнар-Тобе).²⁹ Размеры лука не установлены. Срединные боковые накладки были длинными, широкими, массивными, со скошенными концами. Срединные фронтальные накладки длинные, узкие, с расширяющимися концами. Концевые боковые накладки длинные, слабоизогнутые, с прямым или закругленным верхним концом и арочным вырезом-

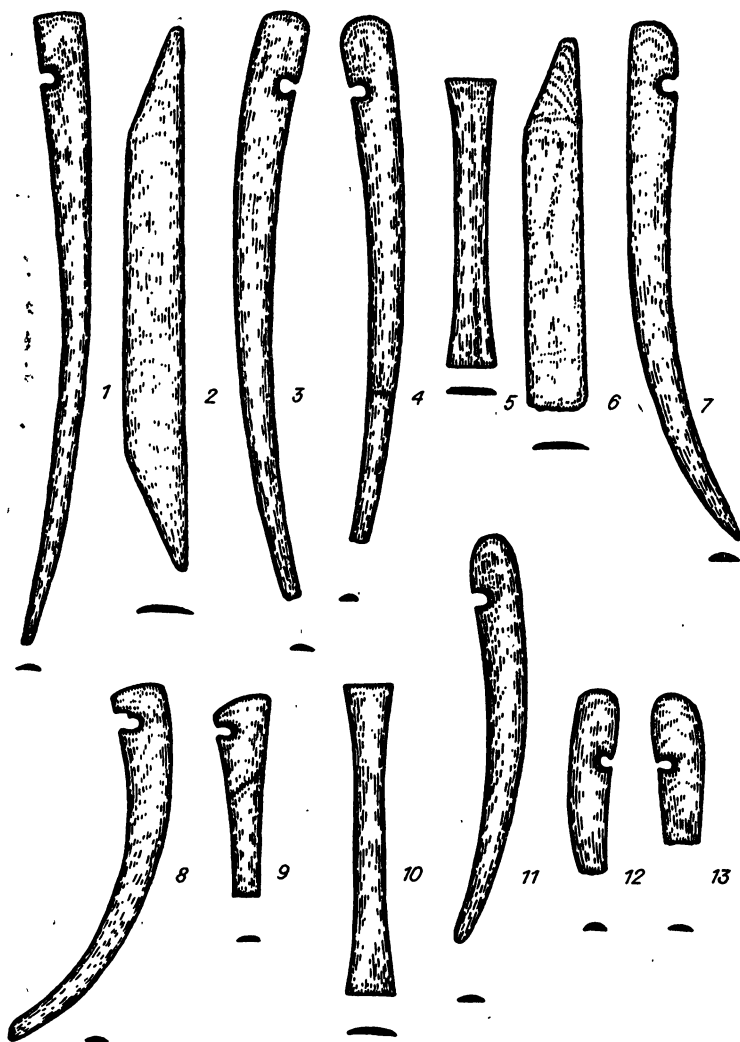

Рис. 7. Луки кенкольской культуры.

1—7, 10—13 — тип 1; 8, 9 — тип 2.

ушком. Некоторые накладки, вероятно, были составными (рис. 7, 1—7, 10—13).

Тип 2. Лук с концевыми боковыми и срединной фронтальной накладками. Луки данного типа найдены на Тянь-Шане (Акчий-Карасу и Джал-Арык)³⁰. Размеры лука не установлены. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, с расширяющимися концами. Концевые боковые накладки короткие, сильно изогнутые или прямые, со скошенным или округлым верхним концом

и арочным вырезом для падевания тетивы. Возможно, набор накладок в составе луков данного типа был неполным. Различная форма концевых накладок позволяет предполагать, что луки данного типа были асимметричными (рис. 7, 8, 9).

Луки конгюйских кочевников имели по две пары концевых боковых, одну пару срединных боковых и одну срединную фронтальную накладки³¹. Судя по рисункам на орлатских пластинах, конгюйские луки относились к типу «кушано-сассанидских»³², с круто загнутыми плечами и длинными концами³³.

Близкие по форме и количеству накладок луки «туинского типа» получили широкое распространение у сарматов в степях Восточной Европы в первых веках I тыс. н. э.³⁴

После развала хуннской державы и прекращения существования хуннской культуры некоторые типы лука, характерные для хуннов, получают дальнейшее развитие у кочевников Центральной Азии в сянь-бийское и жужаньское время, в первой половине I тыс. н. э.

В памятниках кокзальской культуры Тувы обнаружены модели луков четырех типов.

Тип 1. Лук с двумя парами концевых боковых и парой срединных боковых накладок. Луки данного типа обнаружены в Туве (могильник Кокэль)³⁵. Размеры лука, по данным С. И. Вайнштейна и В. П. Дьяконовой, достигали 1,1—1,5 м³⁶. Срединные боковые накладки длинные, широкие, со скошенными концами. Концевые боковые накладки были длинными, узкими, прямыми, с изогнутым концом и арочным вырезом-ушком. Одна из концевых накладок имела изгиб в сторону спинки кибита (рис. 8, 1—3).

Тип 2. Лук с двумя парами концевых, парой срединных боковых и срединной фронтальной накладками. Луки данного типа обнаружены в Туве (Кокэль, Чер-Чарык)³⁷. По данным С. И. Вайнштейна, длина лука достигала 0,9—1,6 м³⁸. Срединные боковые накладки длинные, широкие, со скошенными концами. Срединная фронтальная накладка была длинной, узкой, с расширяющимися концами. Концевые боковые накладки длинные, узкие, прямые, с изогнутым концом и арочным вырезом-ушком (рис. 8, 4—7).

Тип 3. Лук с концевыми боковыми составными, срединными боковыми и срединной фронтальной накладками. Луки данного типа обнаружены в Туве (Кокэль)³⁹. По данным С. И. Вайнштейна и В. П. Дьяконовой, длина лука достигала 0,9—1,3 м⁴⁰. Срединные боковые накладки длинные, широкие, со скошенными концами. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, с расширяющимися концами. Концевые боковые накладки состояли из двух частей. Верхняя имела расширенный конец и арочный вырез-ушко, нижняя — косой срез для приклеивания к верхней части и сужающийся конец. На накладки краской наносились полосы. Раскрашивались концы накладок (рис. 8, 8—14).

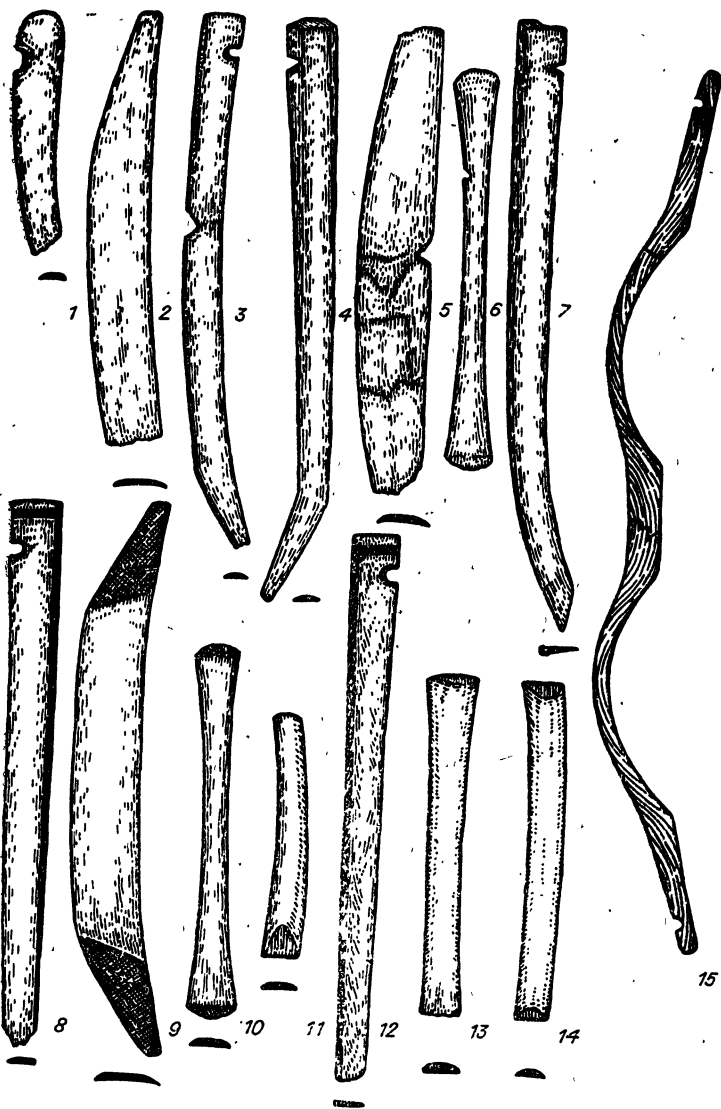

Рис. 8. Луки кокэльской культуры.
1—3 — тип 1; 4—7 — тип 2; 8—14 — тип 3; 15 — тип 4.

Тип 4. Лук без костяных накладок. Луки данного типа найдены в Туве (Кокэль, Кара-Даш)⁴¹. По данным В. П. Дьяконовой, длина лука достигала 0,6—0,96 м⁴². Модели луков сохранились целиком или частично. Кибить лука широкая трапецевидная в середине, с широкими, круто загнутыми плечами и длинными узкими концами с арочными вырезами для тетивы. Концы

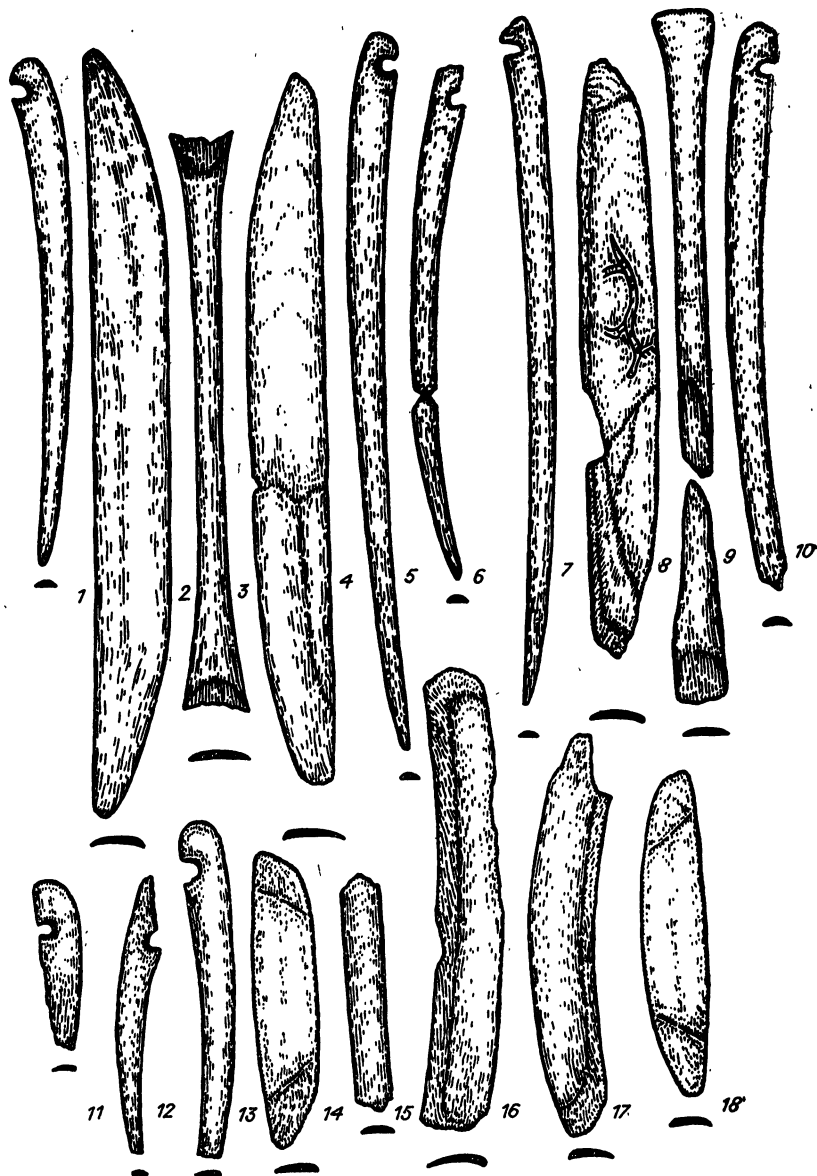

Рис. 9. Луки кок-пашской (1—10) и берельской (11—18) культур.
1—6, 11—14, 16—18 — тип 1; 7—10, 15 — тип 2.

некоторых луков раскрашивались черной краской. Подобные луки схожи с «кушано-сассанидскими»⁴³ (рис. 8, 15).

В памятниках чаатинской культуры в Туве, относящейся к середине I тыс. н. э., зафиксированы луки с массивными сре-

длинными боковыми, срединной фронтальной и концевыми боковыми накладками⁴⁴.

Луки нескольких типов бытовали в кок-пашской культуре Горного Алтая в III—V вв. н. э.

Тип 1. Лук с концевыми боковыми, срединными боковыми и срединной фронтальной накладками. Лук данного типа найден на памятнике в Горном Алтае (Пазырык, кург. 24)⁴⁵. Длина лука 1,6 м⁴⁶. Срединные боковые накладки длинные, широкие, массивные, со скошенными концами. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, с расширяющимися концами. Концевые боковые накладки длинные, узкие, прямые, с арочным вырезом-ушком (рис. 9, 1—6).

Тип 2. Лук с концевыми боковыми, срединными боковыми и срединной фронтальной составной накладками. Лук данного типа найден в Горном Алтае (Кок-Паш, кург. 46)⁴⁷. Длина лука 1,5 м⁴⁸. Срединные боковые накладки длинные, широкие, массивные, со скошенными концами. На внешней поверхности накладок выправлены фигуры оленя и козла. Срединная фронтальная накладка состоит из двух частей, соединяющихся с помощью пологого среза. В склеенном виде накладка длинная, узкая, с расширяющимися концами. Концевые боковые накладки длинные, узкие, слабоизогнутые, с арочным вырезом-ушком (рис. 9, 7—10).

Тип 3. Лук с концевыми боковыми составными, срединными боковыми составными, срединной фронтальной составной накладками. Лук данного типа найден в Горном Алтае (Кок-Паш). Размеры лука не установлены. Срединные боковые накладки состоят из двух частей. В склеенном виде они длинные, широкие, массивные, со скошенными концами. Срединная фронтальная накладка состоит из двух частей. В соединенном виде она длинная, узкая, с расширяющимися концами. Концевые боковые накладки на верхний конец кибити состоят из двух частей. В соединенном виде они длинные, узкие, с арочным вырезом-ушком. Концевые боковые накладки на нижний конец кибити длинные, узкие, с арочным вырезом-ушком.

В памятниках берельской культуры Горного Алтая, относящихся к середине I тыс. н. э., известны луки двух типов.

Тип 1. Лук с концевыми и срединными боковыми накладками. Лук данного типа обнаружен на Алтае (Берель, кург. 2)⁴⁹. Размеры лука не установлены. Срединные боковые накладки длинные или короткие, широкие, со скошенными концами и нарезкой на длинной стороне и концах. Концевые боковые накладки длинные, узкие, слабоизогнутые, с арочным вырезом-ушком (рис. 9, 11—14, 16—18).

Тип 2. Лук с концевыми, срединными боковыми и фронтальной накладками. Лук данного типа обнаружен на Алтае (Берель, кург. 2)⁵⁰. Размеры лука не установлены. Срединные боковые накладки длинные, широкие, массивные, со скошенными концами. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, с расширяющимися концами, покрытыми нарезкой. Концевые бо-

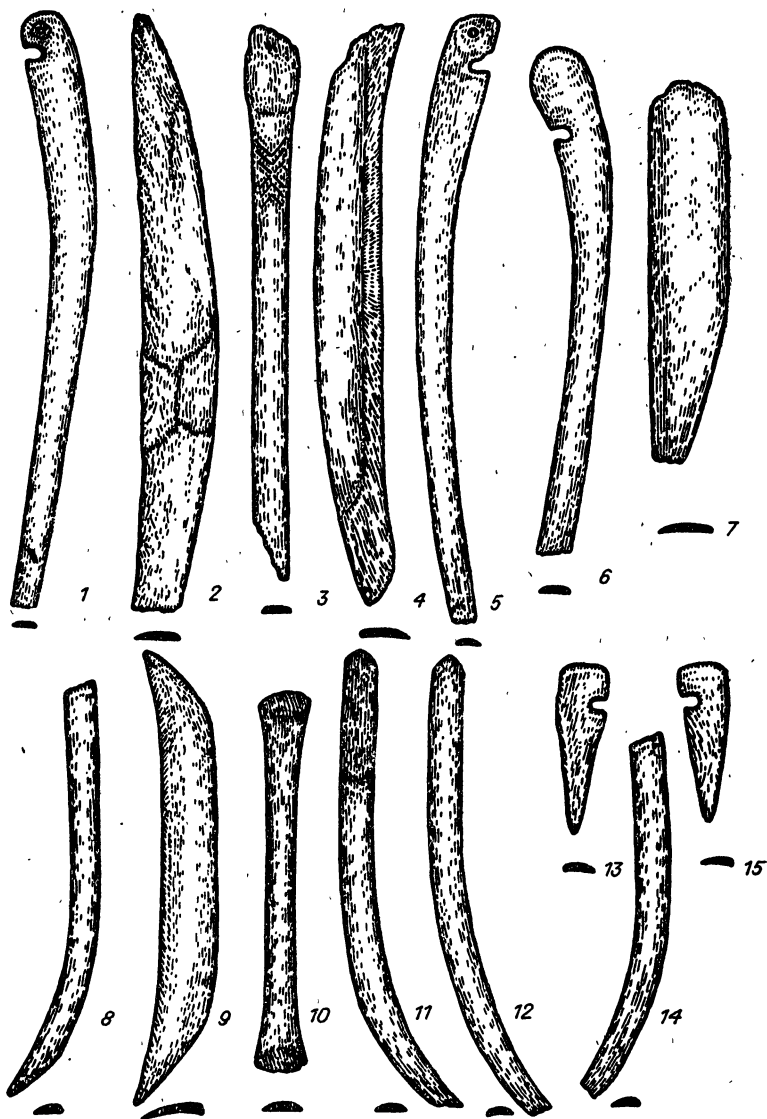

Рис. 10. Луки верхнеобской (1—5), таштыкской (6, 7) культур и из курганов «с усами» из Восточного Казахстана (8—15).

ковые накладки длинные, узкие, слабоизогнутые, с арочным вырезом для тетивы (рис. 9, 15).

В материалах одиновского этапа верхнеобской культуры, относящегося к середине I тыс. н. э., зафиксированы луки одного типа: с концевыми, срединными боковыми и фронтальной накладками⁵¹. Длина лука достигала 1,15 м⁵². Срединные боковые

накладки длинные, слабоизогнутые, со скошенными концами. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, с расширяющимися концами. Концевые боковые накладки длинные, узкие, слабоизогнутые, с арочным вырезом-ушком. Вероятно, данный лук был асимметричным (рис. 10, 1—5).

В Минусинской котловине во время существования таштыкской культуры, в первой половине I тыс. н. э., были распространены сложносоставные луки без накладок, с круто загнутыми концами, выступами и пазами для крепления тетивы, восходящие к лукам скифо-тагарской эпохи. Сложносоставные луки с накладками появляются в Минусе в середине I тыс. н. э., в конце тепсейского этапа таштыкской культуры. Они относятся к типу луков с концевыми, срединными боковыми и фронтальной накладками⁵³ (рис. 10, 6, 7).

В Восточном Казахстане отдельные костяные накладки лука, датированные серединой I тыс. н. э., обнаружены в курганах «с усами»⁵⁴. Лук относился к типу луков с концевыми составными боковыми, срединными боковыми и срединной фронтальной накладками⁵⁵.

В Восточном Забайкалье луки, характерные для середины I тыс. н. э., зафиксированы в памятниках бурхотуйской культуры. Эти луки имели две пары концевых, пару срединных боковых и срединную фронтальную накладки⁵⁶. Длина лука 1,5—1,6 м⁵⁷. Срединные боковые накладки бурхотуйских луков были длинными, узкими, слабоизогнутыми, с приостренными концами и выступами для соединения с концами фронтальной накладки. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, с расширяющимися концами. Концевые боковые накладки длинные, узкие, слабоизогнутые или прямые с изогнутым концом. Нижний конец накладок приострен, с небольшим выступом. Верхний конец имел арочный вырез для крепления тетивы. Накладки на верхний и нижний конец лука несколько различались по размерам, следовательно, лук был асимметричным.

В первой половине I тыс. н. э. луки хуннского типа получают широкое распространение в кочевых культурах Центральной Азии, испытавших влияние хуннской культуры. Наряду с луками, типичными по форме для хуннов, появляются их различные модификации. Однако в течение первой половины I тыс. н. э. основной тенденцией в развитии лука было сохранение больших размеров кибита, длинных массивных концов и середины лука и асимметрия плеч. В соответствии с этой традицией накладки делали очень длинными. Нередко их приходилось делать составными, чтобы достичь необходимой длины. В целом период с III в. до н. э. по V в. н. э. можно считать одной стадией в развитии сложносоставного лука, для которой характерны: изобретение, технологическая разработка исходных форм, распространение большего размера луков от центра к периферии кочевого мира. В первой фазе данной стадии, в III в. до н. э., длинные сложносоставные луки с массивными накладками получили распростра-

нение у носителей хуннской культуры. В результате их технологической разработки были созданы луки нескольких типов. Конструктивно они близки между собой и основаны на фиксации трех зон жесткости на кибити с помощью костяных накладок — середины и концов. Однако появление фронтальных накладок открыло возможности для использования костяных или роговых деталей для увеличения рефлекторной силы плеч кибити. Уже в данной фазе сложносоставные луки распространяются среди подвластных хуннам племен Саяно-Алтая и Прибайкалья. Во второй фазе, в I—V вв. н. э., сложносоставные луки разных форм, характерных для хуннской культуры, распространяются среди кочевых племен Забайкалья, Южной Сибири, Казахстана, Средней Азии, Восточной Европы. В ряде культур возникают новые модификации лука (рис. 11).

В период раннего средневековья, во второй половине I тыс. н. э., в развитии лука у центрально-азиатских кочевников наблюдается тенденция к дальнейшей дифференциации, увеличению количества разнообразных форм. В Центральной Азии распространение новых форм связано с расширением границ древнетюркской культуры и древнетюркского предметного комплекса в VI—VIII вв. н. э. Костяные накладки от различных типов луков древних тюрков обнаружены в археологических памятниках Алтая, Тувы, Минусы⁵⁸. Эти находки относятся к культуре восточных тюрков VI—X вв. н. э.

Тип 1. Лук с двумя парами концевых боковых и парой срединных боковых накладок. Луки данного типа найдены в Горном Алтае (Кудыргэ, погр. 9, 22, ограда VI; Катанда-1, кург. 6; Курота-1, кург. 1; Туэкта, кург. 1, 7), Туве (Аймырлыг III, кург. II—1; Кокэль, кург. 23; Монгун-Тайга, кург. X), Минусе (Георгиевская Гора, мог. 1; Уйбат II, кург. 1; Капчалы II, кург. 8)⁵⁹. Длина лука 1,34—1,48 м⁶⁰. Срединные боковые накладки были длинными и короткими, полуовальной и трапецевидной формы, со скошенными концами. По внутренней стороне, внешнему длинному краю и концам накладки нанесена косая или сетчатая нарезка. Концевые боковые накладки длинные или короткие, слабоизогнутые, с арочным вырезом-ушком. У некоторых экземпляров накладки на разные концы кибити были различной длины: на верхнем конце длинные, на нижнем — короткие. Вероятно, такие луки были асимметричными (рис. 12, 1).

Тип 2. Лук с одной парой концевых и срединных боковых накладок. Луки данного типа найдены в Туве (Аргалыкты IX, кург. 1; Кокэль, кург. 13), Минусе (Перевозинский чаа-гас, кург. 82)⁶¹. Длина лука достигала 1,46 м⁶². Срединные боковые накладки имели трапецевидную форму и скошенные концы. Концевые боковые накладки были слабоизогнутыми, с арочным вырезом-ушком для крепления тетивы. Вероятно, подобные луки имели асимметричные плечи (рис. 12, 2—4).

Тип 3. Лук с одной парой концевых, срединными боковыми и срединной фронтальной накладками. Луки данного типа обнару-

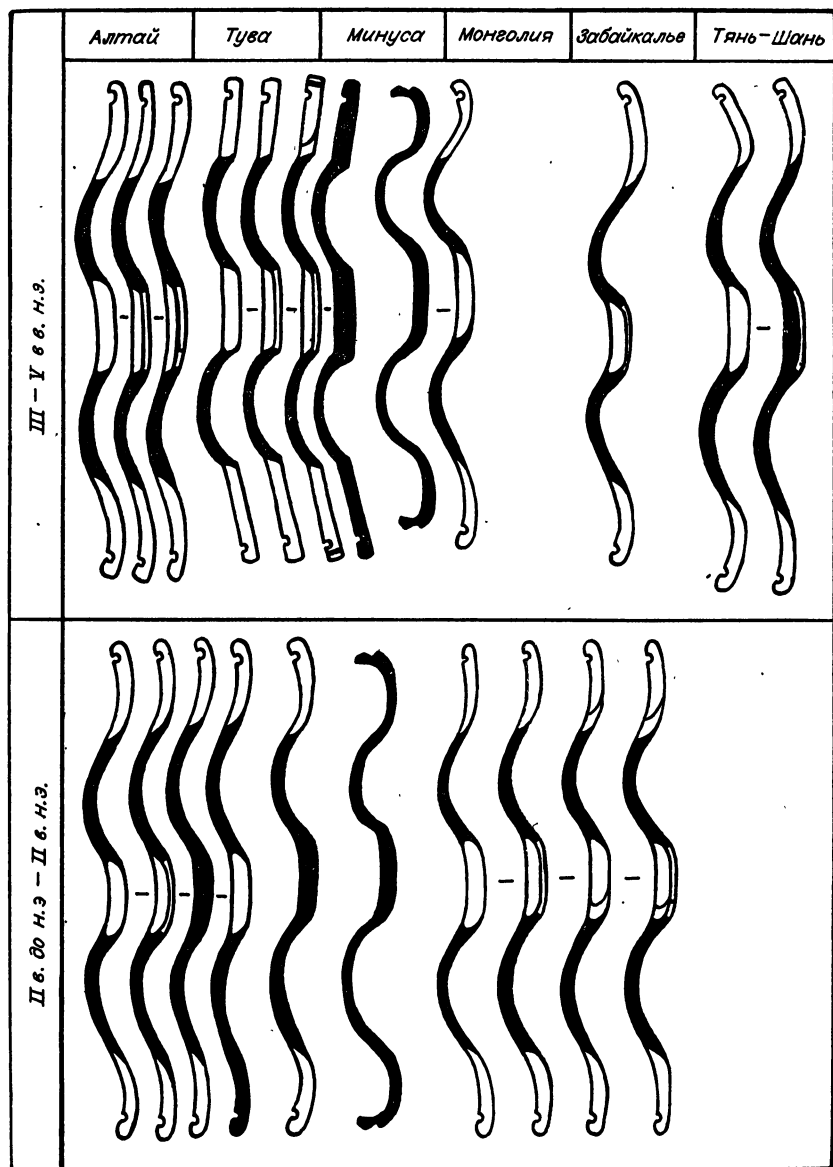

Рис. 11. Эволюция лука в Центральной Азии в III в. до н. э.— V в. н. э.

жены в Горном Алтае (Кудыргэ, мог. 18; Катанда II, кург. 3)⁶³. Размеры лука не установлены. Срединные боковые наклад­ки были широкими, массивными, трапецевидной формы, со скошен­ными концами. Срединные фронтальные накладки узкие, без за­метного расширения на концах. Концевые боковые накладки

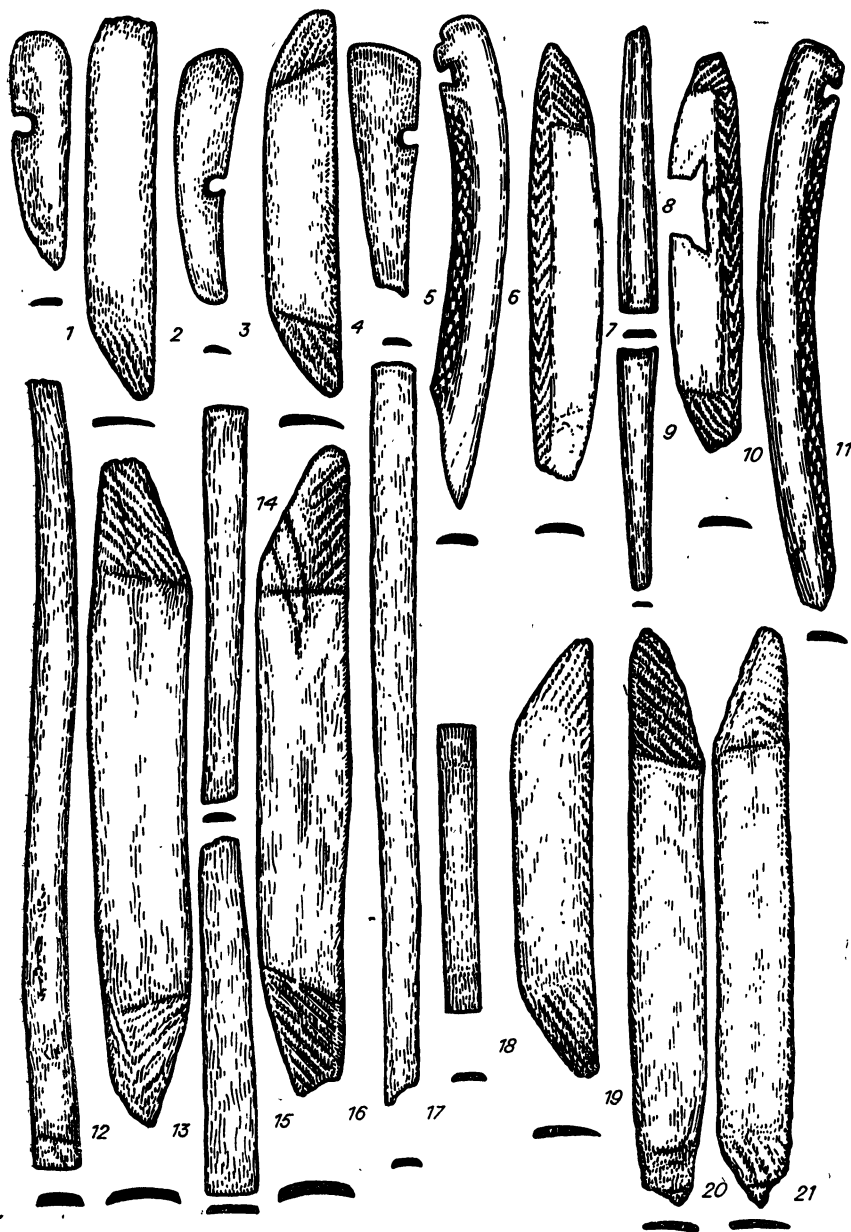

Рис. 12. Луки восточных тюрков.

1 — тип 1; 2—4 — тип 2; 5 — тип 3; 6—11 — тип 4; 12—17 — тип 5; 18; 19 — тип 6; 20, 21 — тип 7.

короткие, слабоизогнутые, с ушком. Луки данного типа были асимметричными (рис. 12, 5).

Тип 4. Лук с концевыми срединными боковыми, срединной фронтальной и плечевыми фронтальными накладками. Луки данного типа найдены в Горном Алтае (Боротал, кург. 82; Яконур, мог. 5)⁶⁴. Размеры лука не установлены. Срединные боковые накладки имеют трапецевидную форму и скошенные концы. Срединные фронтальные накладки длинные и узкие. Плечевые фронтальные накладки длинные, узкие, полого сужающиеся к концам. Концевые боковые накладки длинные, узкие, слабоизогнутые, с ушком. Вероятно, подобные луки были асимметричными (рис. 12, 6—11).

Тип 5. Лук со срединными боковыми, срединной фронтальной и плечевыми фронтальными накладками. Лук этого типа обнаружен в Горном Алтае (Узунтал-1, кург. 1)⁶⁵. Размеры лука не установлены. Срединные боковые накладки длинные, массивные, трапецевидной формы, со скошенными концами. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, без расширения на концах. Плечевые фронтальные накладки длинные и узкие (рис. 12, 12—17).

Тип 6. Лук со срединными боковыми и срединной фронтальной накладками. Луки данного типа обнаружены в Туве (Аймырлыг III, кург. V—1; Аргалыкты-1, кург. 1, погр. 2) и Минусе (Капчалы II, кург. 1)⁶⁶. Размеры лука не установлены. Срединные боковые накладки широкие, массивные, трапецевидной формы, со скошенными концами. Иногда на накладках встречаются рисунки. Срединная фронтальная накладка длинная и узкая, без расширения на концах (рис. 12, 18, 19).

Тип 7. Лук со срединными боковыми накладками. Луки данного типа обнаружены в Горном Алтае (Бажанты, кург. 29; Кара-Коба II, кург. 13; Курай III, кург. 1; Курай IV, кург. 1; Ташанта-1, кург. 5; Туэкта, кург. 3; Узунтал-1, кург. 2; Узунтал V, кург. 2), Туве (Аргалыкты-1, кург. 1, погр. 1; Аргалыкты-1, кург. 5; Кара-Чога, кург. 4; Кокэль, кург. 22; Кара-Тал IV, кург. 7; Монгун-Тайга, кург. IV; Чааты II, кург. 72, 75), Минусе (Капчалы II, кург. 3; Красный Яр V, мог. 1; Таштык, мог. 10; Терен-Кель, кург. 15; Тепсей, мог. 67; Сабинка-1, кург. 1, мог. 2; кург. 1, мог. 4; кург. 2, мог. 2; Кирбинский Лог, кург. 5, мог. 4), Ача-Мариинской лесостепи (Шестаково, кург. 3, погр. А, Б)⁶⁷. Длина лука 1,1—1,2 м⁶⁸. Срединные боковые накладки длинные и короткие, трапецевидной и полуовальной формы, со скошенными концами (рис. 12, 20, 21).

Луки разных типов из памятников восточных тюрок не образуют достаточно устойчивых хронологических или территориальных групп. А. А. Гаврилова считала, что эволюция лука в Центральной Азии во второй половине I тыс. н. э. проходила по линии уменьшения количества костяных накладок⁶⁹. По мнению Д. Г. Савинова, луки разных типов, связанные с различными этнокультурными традициями, сосуществовали на протяжении второй половины I тыс. н. э.⁷⁰

Эволюция лука в древнетюркской культуре, выразившаяся в типологическом многообразии, протекала по нескольким направлениям. Одно из них, верно отмеченное А. А. Гавриловой, шло по линии уменьшения размеров кибиты и количества накладок⁷¹. Итоговой формой этой эволюции к концу I тыс. н. э. стали луки седьмого типа. Второе направление — разработка луков с плечевыми фронтальными накладками, у которых роговые детали использовались для увеличения рефлекторной силы плеч. Такие луки в наибольшей степени соответствуют описанным в источниках тюркским «роговым лукам»⁷². Однако в древнетюркскую эпоху сохранялись некоторые тенденции, характерные для разработки лука в предшествующее время: изготовление луков с большим количеством накладок на середину и концы кибиты; производство асимметричных луков. Важная роль стрельбы из лука в тактике дистанционного конного боя, применявшейся древнетюркской кавалерией, подчеркивается в источниках⁷³. Успехи древнетюркского оружия в войнах в середине I тыс. н. э. способствовали широкому распространению луков, типичных для древних тюрков, на обширных пространствах степей Евразии. Однако после раздела Первого Тюркского каганата на западный и восточный развитие лука у западных тюрков пошло несколько иным путем, чем у восточных. Исследованные в Притяньшанье и южных районах Казахстана раннетюркские погребения содержат луки нескольких типов.

Тип 1. Лук с двумя парами концевых, срединными боковыми и срединной фронтальной накладками. Лук этого типа обнаружен в Семиречье (Алатау)⁷⁴. Длина лука составляла 1,3 м⁷⁵. Срединные боковые накладки длинные, широкие, массивные, скошенными концами. Срединная фронтальная накладка короткая и узкая. Концевые боковые накладки длинные, узкие, крутоизогнутые, с арочным вырезом для тетивы (рис. 13, 1—5).

Тип 2. Лук с концевыми и срединной фронтальной накладками. Такой лук найден на Тянь-Шане (Аламышик, кург. 69)⁷⁶. Размеры лука не установлены. Срединная фронтальная накладка короткая, узкая. Концевые боковые накладки длинные, узкие, слабоизогнутые (рис. 13, 6, 7).

Тип 3. Лук со срединными боковыми накладками. Лук данного типа обнаружен на Тянь-Шане (Таш-Тюбе)⁷⁷. Длина лука не установлена. Срединные боковые накладки широкие, массивные, со скошенными концами. На поверхности пропарпан рисунок: лучник с колена стреляет в косуль (рис. 13, 8).

Судя по этим материалам, для западных тюрков была характерна одна из основных тенденций в эволюции лука, выразившаяся в уменьшении размеров и сокращения количества костяных накладок.

В памятниках уйгуров из-за слабой изученности зафиксированы накладки лука только одного типа.

Тип 1. Лук со срединными боковыми и срединной фронтальной накладками. Такой лук обнаружен в Минусе (Ник-Хая,

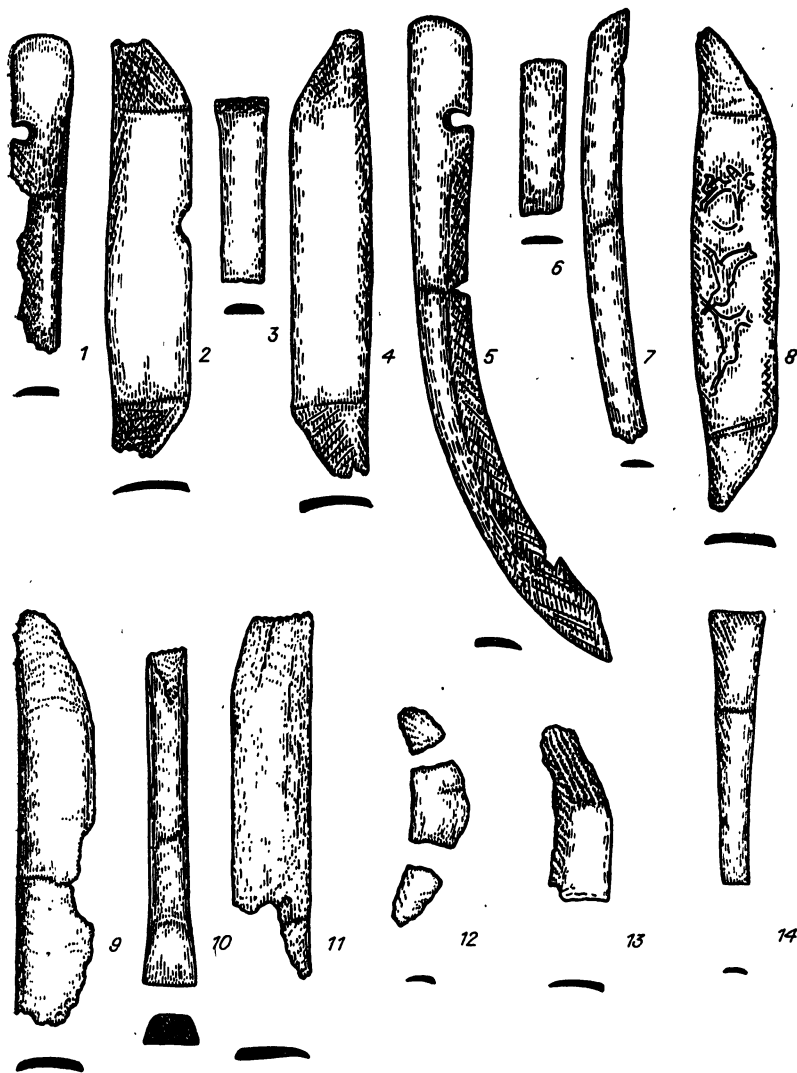

Рис. 13. Луки западных тюрков (1—8), уйгуров (9—11), кыргызов (12—14).
1—5, 9—13 — тип. 1; 6, 7, 14 — тип. 2; 8 — тип. 3.

мог. 3)⁷⁸. Длина лука не установлена. Срединные боковые накладки полуовальной формы, со скошенными концами, покрыты нарезкой по внутренней стороне, внешнему длинному краю и концам. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, с ко- со срезанными концами (рис. 13, 9—11).

В памятниках кыргызской культуры VI—X вв. н. э. ввиду распространенного у кыргызов обряда кремации костяные на-

кладки лука сохраняются очень редко. Судя по фрагментам накладок, среди них выделяется несколько типов.

Тип 1. Лук со срединными боковыми накладками. Такие луки найдены в Туве (Уюк-Тарлык, кург. 42; Хемчик-Бом II, кург. 25, 43)⁷⁹. Длина лука не установлена. Срединные боковые накладки короткие, полуовальной формы, со скошенными концами, покрыты нарезкой по внутренней стороне, длинному внешнему краю и концам (рис. 13, 12, 13).

Тип 2. Лук со срединными боковыми и фронтальной накладками. Лук этого типа найден в Туве (Пий-Хем, кург. 25; Тора-Тал-Арты, кург. 4)⁸⁰. Длина лука не установлена. Срединные боковые накладки трапецевидной формы, со скошенными концами. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, со слегка расширяющимися концами (рис. 13, 14).

Союзные и зависимые от кыргызов племена, отряды легкой конницы, формировавшиеся в составе кыргызских войск, имели на вооружении луки и других типов: с концевыми и срединными боковыми накладками, с фронтальными плечевыми накладками⁸¹.

У кочевого населения Приобья и Прииртышья, входившего в состав Кимакского каганата, бытовали луки нескольких типов.

Тип 1. Лук с концевыми, срединными боковыми и срединной фронтальной накладками. Такие луки найдены в Барабе и Приобье (Чулым II, кург. 28, погр. 1; Ближние Елбаны VIII, кург. 1, погр. 5; Сростки)⁸². Длина лука не установлена. Срединные боковые накладки полуовальной формы, со скошенными концами. Срединная фронтальная накладка узкая, слегка расширяющаяся к концам. Концевые боковые накладки длинные, узкие, с арочным вырезом-ушком (рис. 14, 1—3).

Тип 2. Лук со срединными боковыми и фронтальной накладками. Луки этого типа найдены в Приобье (Сростки, кург. 1, 2, 5)⁸³. Длина лука не установлена. Срединные боковые накладки полуовальные, со скошенными концами. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, со слегка расширяющимися концами (рис. 14, 4—9).

Тип 3. Лук со срединными боковыми накладками. Луки данного типа найдены в Приобье (Сростки, кург. 2, 4; Красноярское, кург. 5), Восточном Казахстане (Акчий III, кург. 1; Карашат-1, кург. 9; Орловка, кург. 1)⁸⁴. Длина лука не установлена. Срединные боковые накладки полуовальной формы, со скошенными концами (рис. 14, 10—13).

Тип 4. Лук со срединной фронтальной накладкой. Луки данного типа найдены в Приобье (Иня, погр. 3; Сростки)⁸⁵. Длина лука не установлена. Срединные фронтальные накладки узкие, короткие, с косо срезанными концами (рис. 14, 14—18).

Значительное разнообразие форм луков у кимаков свидетельствует об интенсивной технологической разработке оружия этого вида. Обращает на себя внимание появление луков с одной срединной фронтальной накладкой, которые станут характерны для

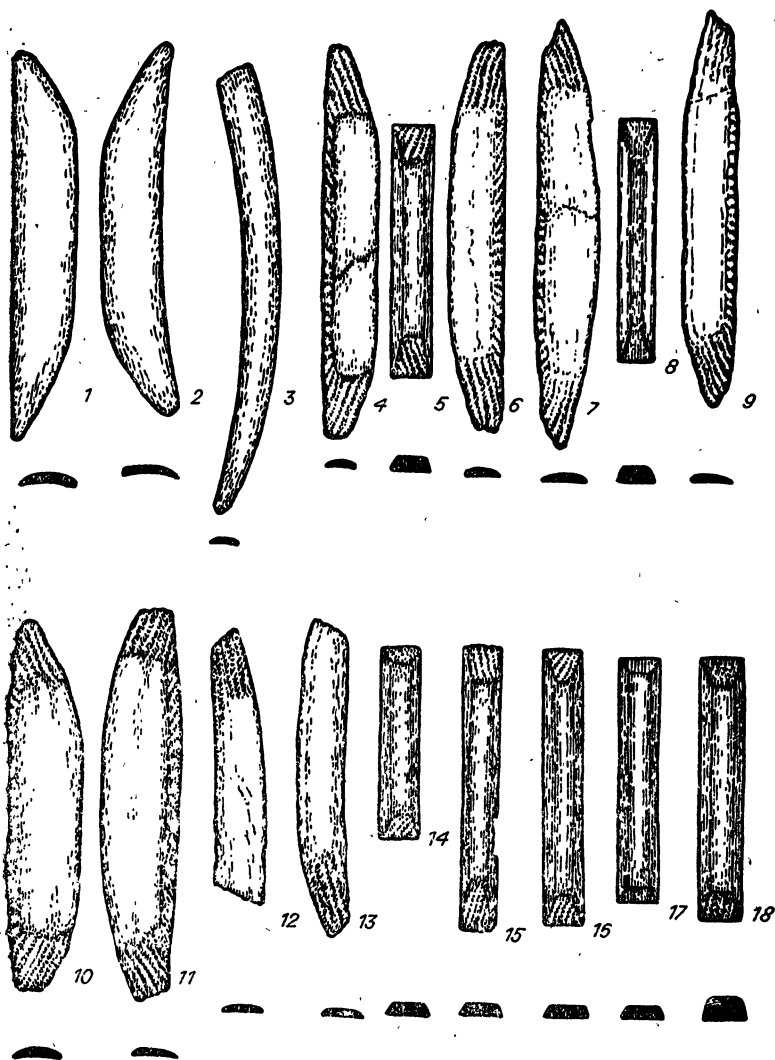

Рис. 14. Луки кимаков.

1—3 — тип 1; 4—9 — тип 2; 10—13 — тип 3; 14—18 — тип 4.

II тыс. н. э. Особенно широкое распространение они получили в период монгольских завоеваний. В культуре кимаков такие луки могли появиться в связи с переселением в Прииртышье монголоязычных племен кумохов и татар.

В восточных районах Центральной Азии у тюркоязычных и монголоязычных племен Забайкалья во второй половине I тыс. н. э. бытовало большое количество луков разнообразных форм. Наибольшей вариабельностью отличаются луки байырку, обитав-

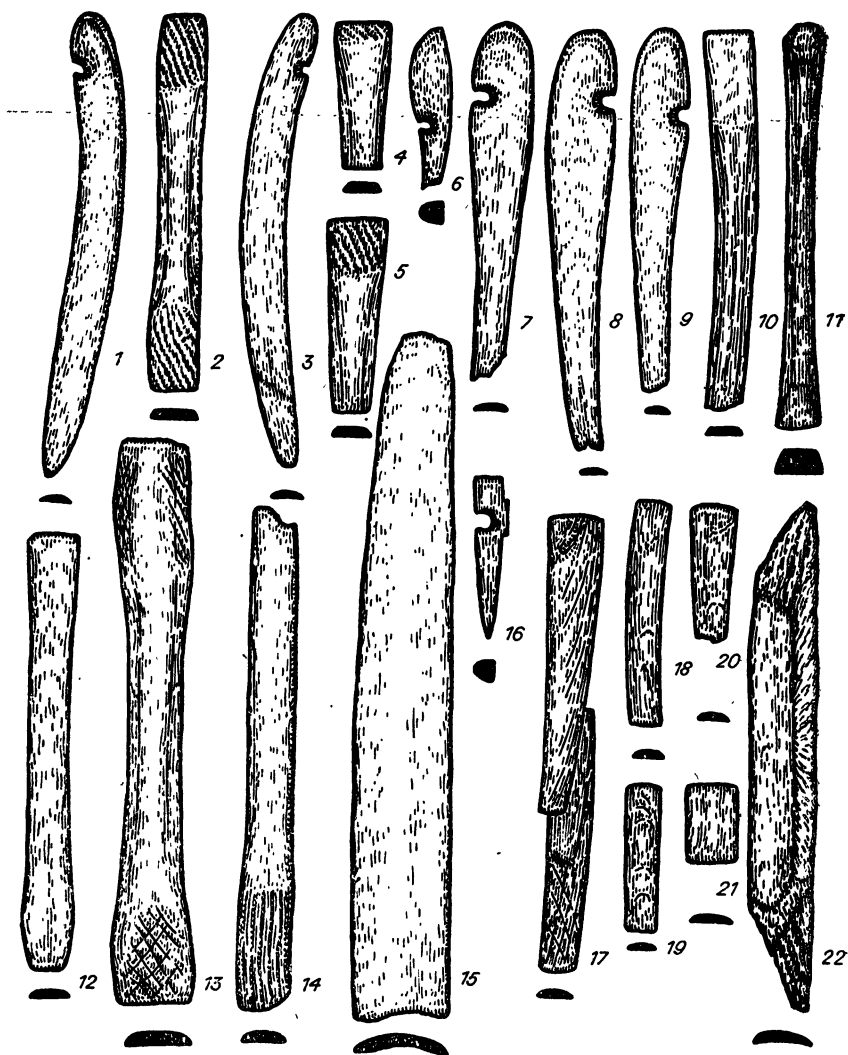

Рис. 15. Луки байырку.

1—6 — тип 1; 7, 8 — тип 2; 9 — тип 3; 10, 12, 13 — тип 4; 11, 22 — тип 7; 14—16 — тип 5; 17—21 — тип 6.

ших в Западном Забайкалье, у которых на вооружении были луки семи типов.

Тип 1. Лук со срединной фронтальной, плечевыми фронтальными, концевыми боковыми и фронтальной накладками. Такой лук обнаружен в Забайкалье (Харга-1, мог. 6)⁸⁶. Длина лука не установлена. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, с расширяющимися концами. Плечевые фронтальные накладки короткие, узкие, расширяющиеся к одному из концов. Концевые

боковые накладки длинные, узкие, слабоизогнутые, с арочным вырезом-ушком. Концевая фронтальная накладка короткая, узкая, с арочным вырезом для крепления тетивы. Вероятно, концевые боковые и концевая фронтальная накладки крепились к разным концам кибити, а плечи лука были разной длины (рис. 15, 1—6).

Тип 2. Лук с концевыми боковыми накладками. Подобный лук обнаружен в Забайкалье (Харга-1, мог. 1)⁸⁷. Длина лука не установлена. Концевые боковые накладки короткие, узкие, прямые, с арочным вырезом-ушком. Возможно, данная конструкция не шолная. Данный лук должен был иметь асимметричные плечи (рис. 15, 7, 8).

Тип 3. Лук со срединной фронтальной и концевыми боковыми накладками. Такой лук найден в Забайкалье (Харга-1, мог. 12)⁸⁸. Длина лука не установлена. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, с расширяющимися концами. Концевые боковые накладки короткие, узкие, с арочным вырезом-ушком. Вероятно, они крепились на одном конце кибити, а сам лук был асимметричным (рис. 15, 9).

Тип 4. Лук со срединной фронтальной накладкой. Такие луки найдены в Забайкалье (Хоринск, мог. 9; Харга-1, мог. 7; Бухусан, мог. 9)⁸⁹. Длина лука не установлена. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, с расширяющимися концами (рис. 15, 10, 12, 13).

Тип 5. Лук со срединной фронтальной, плечевой фронтальной и концевой фронтальной накладками. Такой лук найден в Забайкалье (Бухусан, мог. 18, кург. 1)⁹⁰. Длина лука не установлена. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, с расширяющимися концами. Плечевая фронтальная накладка длинная, широкая, массивная, сужающаяся к одному концу. Концевая фронтальная накладка короткая, узкая, с арочным вырезом-ушком и выступом на тыльной стороне (рис. 15, 14—16).

Тип 6. Лук со срединной фронтальной составной и плечевыми фронтальными накладками. Лук данного типа найден в Забайкалье (Субуктуй)⁹¹. Длина лука не установлена. Срединная фронтальная накладка состоит из двух частей, склеенных по линии косо́го пологого среза. В склеенном виде это узкая длинная накладка с расширяющимися концами. Плечевые фронтальные накладки короткие и узкие. Одна из них несколько шире остальных. Одна накладка расширяется к одному концу (рис. 15, 17—21).

Тип 7. Лук со срединными боковыми и срединной фронтальной накладками. Этот лук найден в Забайкалье (Енхор)⁹². Длина лука не установлена. Срединные боковые накладки широкие, со скошенными концами. Срединная фронтальная накладка узкая, с расширяющимися концами (рис. 15, 11, 22).

Характерной особенностью луков байырку является почти полное отсутствие, за исключением луков одного типа, срединных боковых накладок. У луков большинства типов имеется длинная

узкая срединная фронтальная накладка. Нередко встречаются плечевые и концевые фронтальные накладки. Эти черты существенно отличают луки байырку от хунно-тюркских.

Достаточно разнообразными были луки у кочевых племен шивэй, населявших Восточное Забайкалье во второй половине I тыс. н. э.

Тип 1. Лук с концевыми боковыми, срединными боковыми и срединной фронтальной накладками. Луки данного типа обнаружены в Забайкалье (Дарасун, погр. 4; Оловянная III, погр. 1; Сырая Сосновая, погр. 32; Чинданти-1, погр. 24)⁹³. Длина лука 1,5—1,6 м⁹⁴. Срединные боковые накладки длинные, широкие, с приостренными концами и выступами со стороны спинки. Срединная фронтальная накладка узкая, с расширением на концах. Концевые боковые накладки длинные, узкие, слабоизогнутые, с косо срезанным концом и выступом, с арочным вырезом для крепления тетивы (рис. 16, 1—5, 11—13, 17, 18).

Тип 2. Лук с концевыми боковыми и срединными боковыми накладками. Лук данного типа обнаружен в Забайкалье (Оловянная II, погр. 1)⁹⁵. Размеры лука не установлены. Срединные боковые накладки широкие, массивные, со скошенными концами (рис. 16, 6—10).

Тип 3. Лук со срединными боковыми накладками. Луки данного типа обнаружены в Забайкалье (Дворцы-1, погр. 7, Сухая Падь)⁹⁶. Длина лука не установлена. Срединные боковые накладки длинные, узкие, со скошенными концами (рис. 16, 14, 16).

Тип 4. Лук со срединной фронтальной накладкой. Лук данного типа обнаружен в Забайкалье (Тура)⁹⁷. Длина лука не установлена. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, с расширением на концах (рис. 16, 15).

Луки первого и второго типов с длинными концевыми и срединными накладками восходят к лукам первой половины I тыс. н. э. Вероятно, они бытовали в среде местных племен до VII в. Луки со срединными боковыми накладками являются результатом тюркского влияния на кочевников Восточного Забайкалья. Луки с одной фронтальной накладкой у шивэй появляются в конце I тыс. н. э. Вероятно, это местная забайкальская традиция, получившая широкое распространение в Центральной Азии в результате миграционной активности монголоязычных кочевников в конце I — начале II тыс. н. э.

Вторую половину I тыс. н. э. нужно считать второй стадией в развитии сложносоставного лука в Центральной Азии. Для нее в целом характерна усиленная технологическая разработка исходных конструкций кибиты, бытовавших в первой половине I тыс. н. э., и рост типологического разнообразия. Эта стадия подразделяется на две фазы. В первой фазе, в VI—VIII вв., основная технологическая разработка луков проходила в рамках древнетюркской культуры, в Первом Тюркском, Восточнотюркском и Западнотюркском каганатах. Исходные формы, появившиеся в хуннскую эпоху, сохраняют свое значение во второй

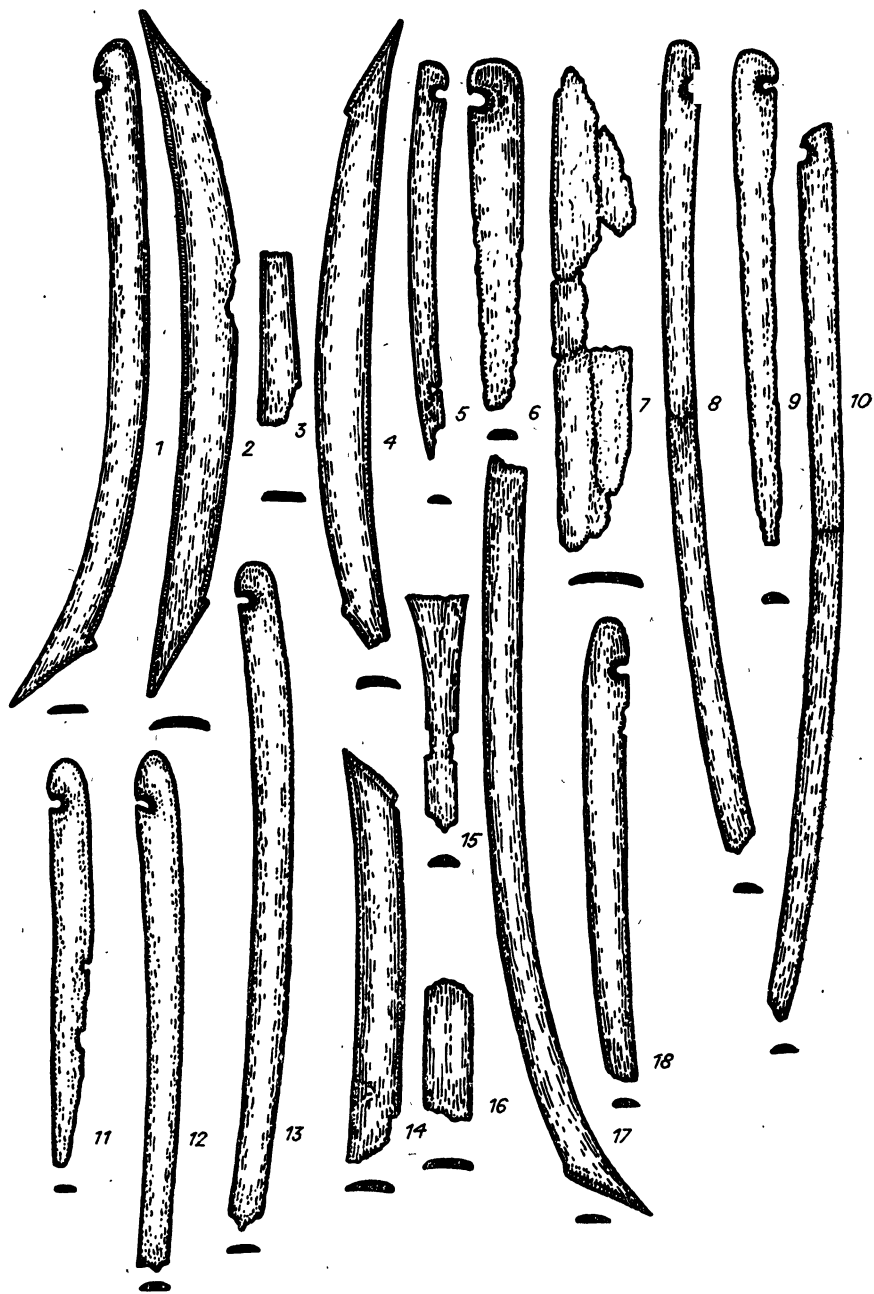

Рис. 16. Луки шивэй.

1—5, 11—13, 17, 18 — тип 1; 6—10 — тип 2; 14, 16 — тип 3; 15 — тип 4.

половине I тыс. н. н. В VI—VIII вв. луками со срединными боковыми и концевыми накладками пользовались тюрки Алтая, Тувы, Минусы, Тянь-Шаня, шивэйцы Восточного Забайкалья. Бытовали у тюрков асимметричные луки, верхний конец которых был длиннее нижнего. Однако в отличие от луков предшествующего времени нижний конец кибити был без накладок. В VI—VIII вв. в древнетюркской культуре на разных территориях бытовали луки трех-четырех типов. В VII в. появляются луки без концевых накладок, со срединными боковыми и срединной фронтальной накладками либо только со срединными боковыми накладками. Значительно уменьшились размеры накладок. Видимо, это произошло вследствие сокращения числа накладок и уменьшения размеров кибити. В VIII в. широкое распространение получают луки со срединными боковыми и фронтальной накладками, которые были на вооружении у тюрков и уйгуров. Появляются луки без концевых, но с фронтальными плечевыми накладками. Фронтальные накладки на плечах кибити способствовали увеличению рефлекторной силы лука.

В IX—X вв. количество типов лука значительно возросло. Этот период можно считать особой фазой в развитии второй стадии эволюции сложноставного лука в Центральной Азии. Максимальное количество форм наблюдается у тюрков Саяно-Алтая и байырку Западного Забайкалья. Однако состав типов в каждом районе во многом различен. В Саяно-Алтае преобладали луки со срединными боковыми накладками. У тюрков, входивших в состав государств уйгуров и кыргызов, продолжали применяться луки четырех форм с концевыми боковыми накладками и четырех форм с фронтальными плечевыми накладками. У уйгуров зафиксированы луки только одного типа: со срединными боковыми и фронтальной накладками, у кыргызов — двух типов: со срединными боковыми и фронтальной накладками. Луки этих двух типов бытовали и у кимаков. Однако у последних встречены и луки иных форм: с концевыми, срединными боковыми и фронтальной накладками, с одной срединной фронтальной накладкой. На Енисее зафиксирован лук с плечевыми фронтальными накладками. В целом в конце I тыс. н. э. для Саяно-Алтая в наибольшей степени характерны луки со срединными боковыми и со срединными боковыми и фронтальной накладками. Последние были распространены во всех кочевых культурах. Луки с плечевыми накладками начали входить в употребление, но из-за сложности конструкции не получили достаточно широкого признания. Луки с одной срединной фронтальной накладкой были занесены в земли кимаков из восточных районов Центральной Азии монгольскими кочевниками.

В Забайкалье наиболее разнообразным и отличным от южно-сибирского оказался набор форм луков у байырку. Луки только одного типа, со срединными боковыми и фронтальной накладками, сходны с луками кочевников Саяно-Алтая. У луков трех типов есть концевые и боковые, но нет срединных боковых наклад-

док. У луков двух типов имеются концевые фронтальные наклад-ки. В Саяно-Алтае такие накладки в IX—X вв. очень редки, они распространяются в этом районе с начала II тыс. н. э. Зато у луков шести типов из семи есть срединные фронтальные, а у четырех — плечевые фронтальные накладки. Наиболее распростра-ненные луки у байырку — с одной срединной фронтальной на-кладкой. У шивэй луки менее разнообразные. В конце I тыс. н. э. у них бытовали луки со срединными боковыми и луки со сре-динной фронтальной накладками. В целом для Забайкалья в IX—X вв. характерны луки со срединной фронтальной наклад-кой, луки разных типов с плечевыми фронтальными накладками и луки с концевыми фронтальными накладками. Процесс умень-щения размеров кибити и сокращения количества накладок про-текал здесь иначе, чем в Южной Сибири. Прежде всего исчезли срединные боковые накладки. В Забайкалье бытовали и асиммет-ричные луки, отличные по конструкции от саяно-алтайских; лу-ки без срединных боковых накладок, с концевыми боковыми на верхнем конце и концевыми фронтальными на нижнем конце кибити.

Судя по этим данным, некоторые типы забайкальских луков получили широкое распространение в начале II тыс. н. э., в пе-риод широкого расселения по Центральной Азии монголоязыч-ных кочевников (рис. 17).

На рубеже I и II тыс. н. э. в развитии сложносоставного лука в Центральной Азии полностью завершился цикл эволюции, со-стоящий из двух стадий и четырех фаз, основным движущим механизмом которого был процесс дифференциации форм, осу-ществлявшийся по линии выработки оптимальных размеров лука, асимметрии кибити, оптимального количества накладок, обеспе-чивающих жесткость середины и концов лука, переноса роговых деталей на плечи кибити с целью увеличения их рефлекторной силы. К концу I тыс. н. э. процесс дифференциации форм лука достиг своего пика. В двух основных районах технологической разработки лука, в Саяно-Алтае и Забайкалье, бытовало по семь различных типов. С начала II тыс. н. э. в развитии лука вступил в действие иной механизм, выразившийся в отборе наиболее оп-тимальных форм из уже существовавших к этому времени.

Ввиду слабой изученности кочевых культур XI—XII вв. в Центральной Азии характер происходивших изменений в ряде районов этого региона не вполне ясен. В памятниках кыргызской культуры XI—XII вв. в Минусе обнаружены отдельные обломки роговых накладок лука, сохранившиеся после совершения обряда кремации умерших кыргызских воинов. Судя по этим находкам, у кыргызов бытовали луки нескольких типов.

Тип 1. Лук со срединными боковыми и фронтальной наклад-ками. Фрагменты таких луков найдены в Минусе (Терен-Хол, кург. 5)⁹⁸. Длина лука не установлена. Найдены обломки сре-динных боковых накладок с характерной насечкой по длинному краю и фрагменты узкой фронтальной накладки.

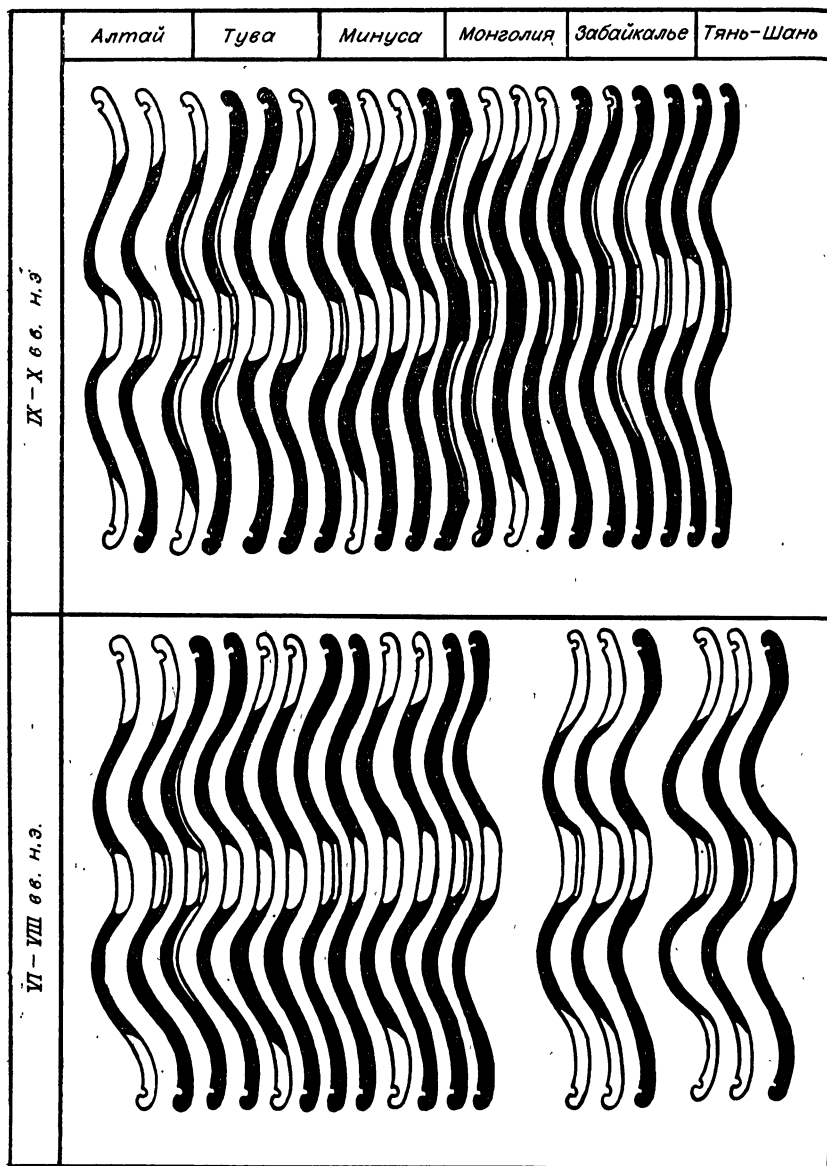

Рис. 17. Эволюция лука в Центральной Азии в VI—X вв. н. э.

Тип 2. Лук со срединной фронтальной и плечевыми фронтальными накладками. Фрагменты накладок такого лука найдены в Минусе (Оглахты II, кург. 5)⁹⁹. Обнаружены фрагменты срединной фронтальной и плечевой фронтальной накладок.

Тип 3. Лук со срединной фронтальной накладкой. Фрагменты накладки такого лука обнаружены в Минусе (Койбалы).

Длина лука не установлена. Найдены обломки срединной фронтальной накладки с расширяющимися концами.

Остатки луков найдены в Минусе в погребениях со шкурой коня, относимых к минусинским уйгурам¹⁰⁰. В этих памятниках обнаружены фрагменты срединных фронтальных накладок, характерных для луков предмонгольского времени.

Тип 1. Лук со срединной фронтальной накладкой. Найден в Минусе (Табат-Онгри-Чар, кург. 1). Размеры лука не установлены. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, со слегка расширяющимися концами (рис. 18, 7).

Луки различных типов найдены в памятниках кочевников XII—XIII вв. на Северном Алтае.

Тип 1. Лук со срединными боковыми и концевой фронтальной накладками. Такой лук найден на Северном Алтае (Осинки, мог. 38)¹⁰¹. Длина лука не установлена. Срединные боковые накладки длинные, широкие, массивные, со скошенными концами. Концевая фронтальная накладка длинная, узкая, с арочным вырезом-ушком для тетивы (рис. 18, 1, 2).

Тип 2. Лук с концевыми фронтальными накладками. Такой лук найден на Северном Алтае (Осинки, мог. 47)¹⁰². Размеры лука не установлены. Концевая фронтальная накладка длинная, узкая, с двумя арочными вырезами для тетивы, позволяющими менять ее натяжение (рис. 18, 5).

Тип 3. Лук со срединной фронтальной накладкой. Такой лук найден на Северном Алтае (Осинки, мог. 9)¹⁰³. Размеры лука не установлены. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, с расширяющимися концами (рис. 18, 6).

Тип 4. Лук со срединной и плечевой фронтальной накладками. Такой лук найден на Северном Алтае (Осинки, мог. 64)¹⁰⁴. Длина лука не установлена. Срединная фронтальная накладка длинная, с массивными широкими концами. Местоположение второй накладки не вполне ясно. В могиле она находилась рядом со срединной накладкой, что позволяет считать ее плечевой. Д. Г. Савинов считает ее концевой накладкой¹⁰⁵. Это длинная узкая накладка, сужающаяся к одному концу. На противоположном конце имеется выемка-перехват. Накладка располагалась выемкой-перехватом к срединной фронтальной накладке (рис. 18, 3, 4).

Процесс отбора оптимальных форм лука в Центральной Азии получил дальнейшее развитие в монгольскую эпоху. Важным стимулом для совершенствования лука в XIII—XIV вв. были широкомасштабные войны Чингисхана и его преемников, приведшие к образованию Монгольской империи, в состав которой вошли все кочевые этносы Южной Сибири и Центральной Азии. Успехи монгольского оружия способствовали стремлению других кочевников заимствовать образцы наиболее передовых для того времени форм вооружения. Широкое распространение по всей степной Евразии получили луки, характерные для монголов. В памятниках монгольских кочевников XIII—XIV вв. зафиксированы луки нескольких типов.

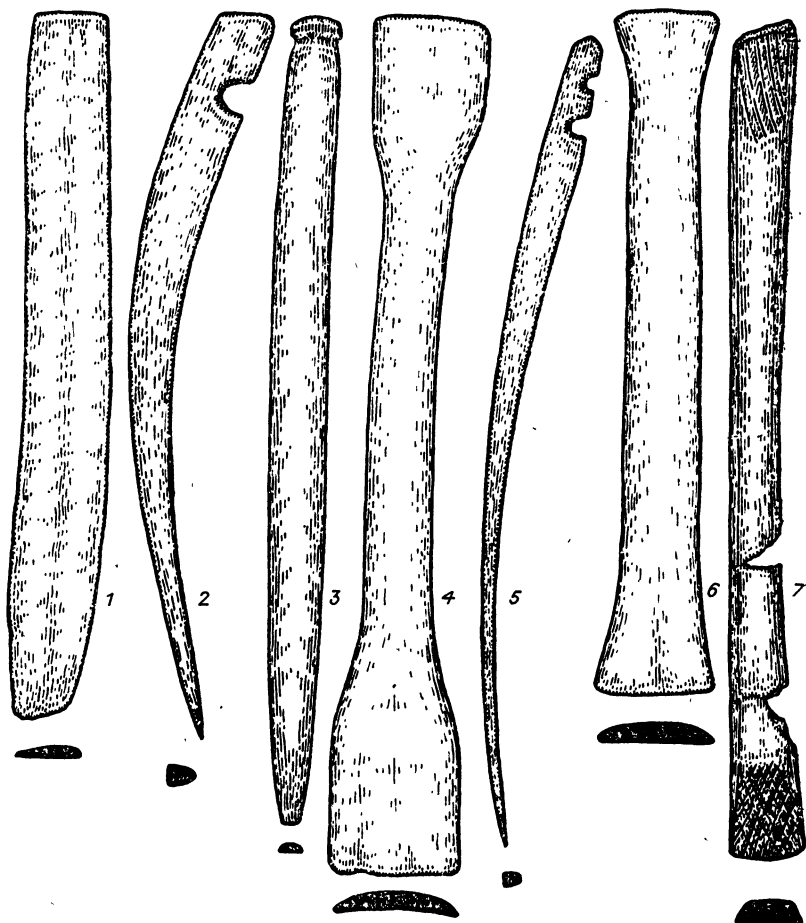

Рис. 18. Луки предмонгольского времени на Северном Алтае (1—6) и в Минусе (7).

1, 2 — тип 1; 3, 4 — тип 4; 5 — тип 2; 6 — тип 3; 7 — тип 1.

Тип 1. Лук со срединной фронтальной накладкой. Луки этого типа найдены в Прибайкалье, Забайкалье и Монголии (Анга III, мог. 6; Ольхон, мог. 1; Усть-Талькин, мог. 18, 59; Варварина Гора, погр. 8; Енхор, погр. 37; Зугмара, погр. 2; Кибалино, мог. 11, 14; Мал. Кулинда, погр. 4, 5, 13; Сухая Падь; Подчерная, погр. 2, 4; Тапхар VI, мог. 3, 9; Хоринск; Ярикто, погр. 1; Мурэн)¹⁰⁶. Длина лука не установлена. Срединные фронтальные накладки длинные, широкие, массивные, с расширяющимися концами. Нередко один конец значительно длиннее другого. По внутренней стороне накладок нанесена сетчатая или линейная нарезка для приклеивания к деревянной основе кибиты (рис. 19, 1, 6).

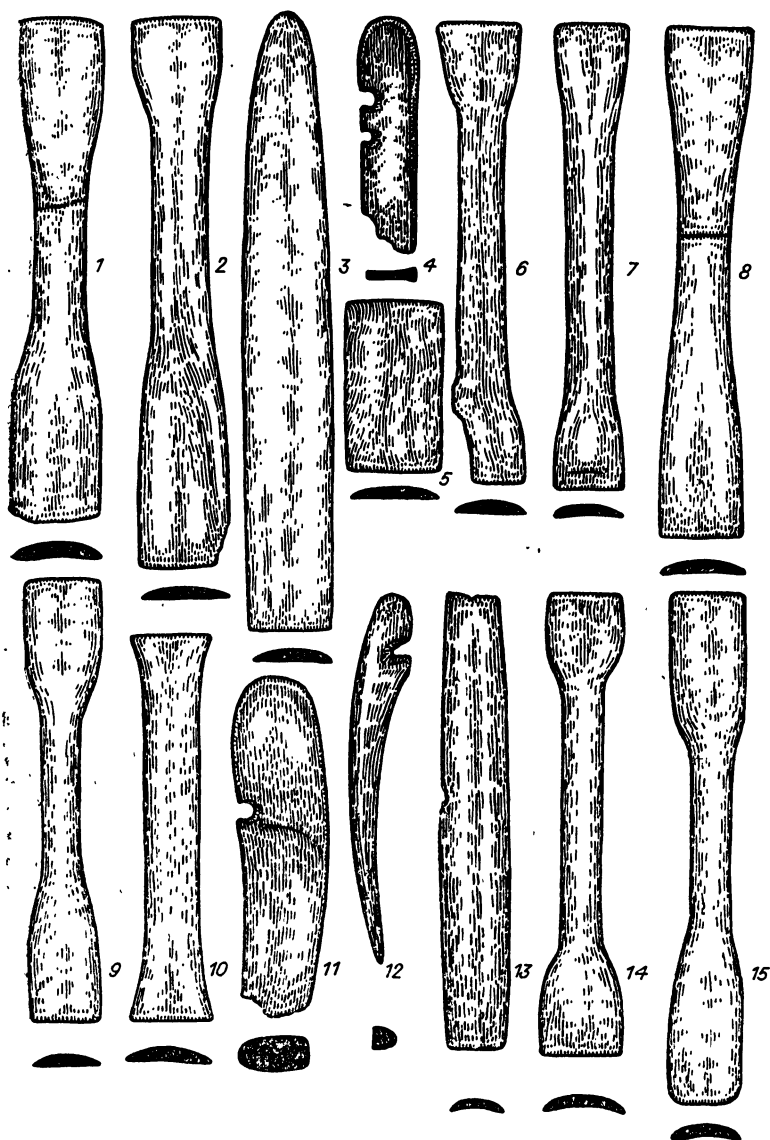

Рис. 19. Луки XIII—XIV вв. монгольские (1—6), кыштымские (7—10) и алтайские (11—15).

1, 6, 7, 9, 10, 11 — тип 1; 2, 3, 8, 12, 13 — тип 2; 4 — тип 3; 5, 14, 15 — тип 4.

Тип 2. Лук со срединной фронтальной и плечевой фронтальной накладками. Луки этого типа найдены в Прибайкалье, Забайкалье и Монголии (Бегул; Усть-Талькин, мог. 2; Енхор, погр. 23; Зугмара, погр. 5, 7; Мал. Кулинда, погр. 6; Токчин, погр. 1; Чинданта, погр. 2; Керулен, погр. 3)¹⁰⁷. Длина лука

1,2 м¹⁰⁸. Срединные фронтальные накладки длинные, узкие или широкие, с расширяющимися концами, разной длины. Плечевые фронтальные накладки длинные, узкие или широкие, сужающиеся к одному концу (рис. 19, 2, 3).

Тип 3. Лук с концевым вкладышем. Такой лук найден в Прибайкалье (Усть-Талькин, мог. 70)¹⁰⁹. Длина лука не установлена. Концевой вкладыш имеет округлый верхний конец и два арочных выреза-ушка на одной стороне для изменения натяжения тетивы. Нижний конец вкладыша обломан. Вероятно, луки этого типа были асимметричными (рис. 19, 4).

Тип 4. Лук с концевым вкладышем, плечевыми и срединной фронтальной накладками. Луки данного типа найдены в Забайкалье (Онкули, погр. 3; Оловянная II, погр. 1; Монды, погр. 1)¹¹⁰. Длина лука не установлена. Срединные фронтальные накладки длинные, широкие, с расширяющимися концами. Плечевые фронтальные накладки длинные или короткие, широкие. Концевые вкладыши короткие, с округлым или тупоугольным концом и арочным вырезом для тетивы (рис. 19, 5).

Наиболее широкое распространение у монголов получили луки первого и второго типов. Прочие типы луков встречаются сравнительно редко на северной периферии территории Монгольской империи. Луки первого типа с «веслообразной» срединной фронтальной накладкой считаются завершающей формой сложносоставного лука у кочевников. Нередко их именуют «монгольскими луками» и связывают их распространение с влиянием монголов¹¹¹. А. А. Гаврилова считала появление таких луков результатом технологического усовершенствования кибити¹¹². Д. Г. Савинов связывает распространение подобных луков с процессом унификации различных форм лука¹¹³. Хотя распространение луков данного типа в Забайкалье и Прииртышье началось еще в конце I тыс. н. э., оно может быть связано с возросшей миграционной активностью монгольязычных кочевников. В начале II тыс. н. э. подобные луки восприняли от монгольязычных кочевников кыргызы, уйгуры и другие племена Саяно-Алтая. Эти луки оказались более удобными для применения в условиях интенсивного конного боя, когда значительно возросла частота стрельбы на близкие дистанции. Вероятно, эти луки были меньших размеров, чем луки хуннского и тюркского времени, менее дальнобойные, но более надежные и приспособленные для частой стрельбы. Наличие у монголов нескольких луков, в том числе довольно редких модификаций, свидетельствует, что процесс технологического усовершенствования кибити в монгольскую эпоху еще не завершился. Наряду с широко распространенными универсальными формами существовали иные, для которых было характерно использование роговых деталей для повышения рефлексорной силы плеч кибити. Луки универсальных, характерных для монголов типов широко распространяются среди подвластных племен в различных районах Монгольской империи.

Луки различных типов обнаружены в памятниках кыпчымов XIII—XIV вв. в Минусе.

Тип 1. Лук со срединной фронтальной накладкой. Подобные луки найдены в Минусе (Тесь, кург. 1; Тунчжух, кург. 2; Часовенная Гора, мог. 2; Кокорево; Оты; Хызыл-Аал)¹¹⁴. Длина лука 1 м. Срединная фронтальная накладка длинная, массивная, с расширяющимися концами. По сведениям А. Н. Липского, у одного лука «между пластиной и древком (в торце накладки) были положены тонкие костяные прокладочки»¹¹⁵ (рис. 19, 7, 9, 10).

Тип 2. Лук со срединной фронтальной составной накладкой. Такой лук найден в Минусе (Тунчжух, кург. 3). Длина лука не установлена. Срединная фронтальная накладка состоит из двух массивных частей неравной длины с расширяющимися концами (рис. 19, 8).

В памятниках кочевников XIII—XIV вв. в Горном и Степном Алтае найдены луки нескольких типов.

Тип 1. Лук с концевым вкладышем. Такие луки найдены в Горном и Степном Алтае (Ближние Елбаны II; Яконур, кург. 1, впускное погребение Д)¹¹⁶. Длина лука не установлена. Концевой вкладыш — массивный конец лука, изготовленный из рога с арочным вырезом для тетивы, клиновидно срезанный с обеих сторон. Вкладыш вклеивался клиновидным концом в вырез плеча кибити. Вероятно, данный тип лука был асимметричным (рис. 19, 11).

Тип 2. Лук с концевыми и срединной фронтальными накладками. Такой лук найден в Степном Алтае (Ближние Елбаны IX, кург. 1)¹¹⁷. Длина кибити 1,3 м. Срединная фронтальная накладка длинная, широкая, плоская, сужающаяся к концам. Нет полной уверенности, служила ли подобная накладка срединной или плечевой. Концевые фронтальные накладки длинные, узкие, с арочным вырезом для тетивы (рис. 19, 12, 13).

Тип 3. Лук со срединной фронтальной накладкой. Такие луки найдены в Горном и Степном Алтае (Ближние Елбаны XIV, мог. 6, Яконур, кург. 2)¹¹⁸. Длина лука не установлена. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, с массивными, расширяющимися концами, неодинаковой длины (рис. 19, 14, 15).

Первую половину II тыс. н. э. можно считать третьей, завершающей, стадией в развитии сложносоставного лука в Центральной Азии. Для нее характерны иные механизм и направленность в развитии форм кибити. В результате отбора наиболее оптимальных для боевого применения в условиях интенсификации конного боя уменьшенных луков с минимальным количеством костяных накладок общее количество типов и разнообразие форм в сравнении с предшествующим периодом значительно сократилось. В первой фазе третьей стадии, в XI—XII вв., в Минусе были распространены луки трех типов, на Северном Алтае — четырех. В этот период постепенно исчезают срединные боковые накладки. На кыргызских луках они применялись вместе со срединными фронтальными накладками. Однако более широкое распространение получили луки со срединными и плечевыми

фронтальными и одной срединной фронтальной накладками. В лесостепных районах Северного Алтая срединные боковые накладки встречаются очень редко. Трудно сказать, являлись ли эти накладки плечевыми, так как они очень массивны, большие в длину и ширину, но без характерных скошенных концов. В то же время в этом районе получили распространение концевые фронтальные накладки. Они применялись вместе с другими срединными накладками и отдельно. Срединные фронтальные накладки также применялись либо отдельно, либо вместе с плечевыми. Таким образом, в начале II тыс. н. э. произошел переход от боковых накладок к фронтальным, их общее количество на кибити значительно сократилось, а сами накладки все шире стали использоваться для повышения рефлекторной силы кибити.

Во второй фазе третьей стадии, в XIII—XIV вв., отмеченные изменения получили дальнейшее развитие. Среди новых форм путем отбора выделилась наиболее оптимальная: луки с одной срединной фронтальной накладкой. Они получили всеобщее распространение в Центральной Азии, Саяно-Алтае, других степных районах Евразии. В количественном отношении такие луки намного превосходят луки остальных типов. Их распространение в кочевом мире во многом связано с военной активностью монголов, хотя у многих кочевых этносов в Центральной Азии и Южной Сибири они применялись уже с конца I тыс. н. э. Вероятно, такие луки были в наибольшей степени пригодны для интенсивного конного боя и скорострельной стрельбы на близкие дистанции. В то же время в Саяно-Алтае встречались близкие по форме луки со срединными фронтальными составными накладками, что может свидетельствовать о попытках дальнейшего технологического усовершенствования луков данного типа. Достаточно широко применялись в монгольское время луки со срединной фронтальной и плечевой фронтальной накладками. Вероятно, эти луки отражают стремление повысить дальность и универсальность оружия. Они были распространены вместе с луками типа 1 у монголов. На северной периферии Монгольской империи встречаются луки с концевыми вкладышами, а также луки с большим числом накладок: срединной фронтальной, плечевыми фронтальными и концевыми вкладышами. Переход от накладок к концевым вкладышам не вполне ясен. В чем было преимущество вкладыша перед накладкой — остается невыясненным. Луки с концевыми вкладышами распространились в монгольское время от Забайкалья до Алтая. На Северном Алтае использовались и луки с концевыми и срединной фронтальными накладками, характерные для данного района и в предшествующее время. Судя по этим данным, несмотря на возросшую универсализацию в изготовлении лука по всей степной Евразии, процесс смены и отбора наиболее оптимальных форм кибити шел не везде синхронно и к середине II тыс. н. э. не был в полной мере завершен (рис. 20).

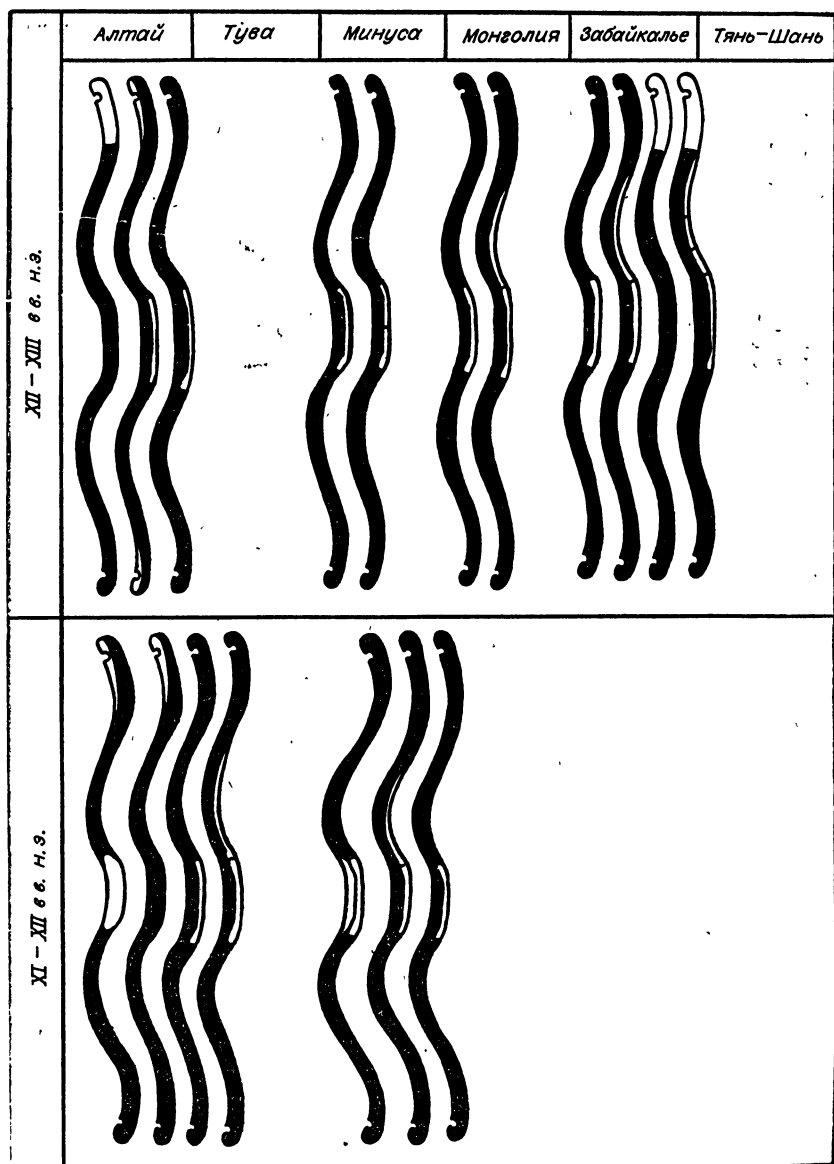

Рис. 20. Эволюция лука в Центральной Азии в XI—XIV вв. н. э.

Для большинства кочевнических культур в XIII—XIV вв. характерны луки, широко распространенные у монголов, что свидетельствует о заимствовании многими кочевыми этносами оружия дистанционного боя и тактических приемов его ведения у монголов.

Ввиду слабой изученности памятников позднего средневековья, XV—XVI вв., представить процесс дальнейшей эволюции лука в Центральной Азии довольно сложно. Однако, судя по отдельным находкам из памятников Саяно-Алтая, относящимся к позднему средневековью, значительных изменений в типологическом составе ручного метательного оружия в этот период не произошло. В периоды позднего средневековья и этнографической современности у кочевников Южной Сибири бытовали луки с одной срединной фронтальной накладкой, концевыми вкладышами, плечевыми и срединной фронтальной накладками, встречались сложносоставные луки без накладок¹¹⁹.

Поэтому период позднего средневековья пока нельзя выделить в особую стадию в развитии лука. Отсутствие заметных изменений в технологическом усовершенствовании лука в данный период может быть связано с появлением и постепенным распространением огнестрельного оружия, сделавшего переворот в военном деле.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Литвинский Б. А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии // СА.— 1966.— № 4.— С. 51—69; Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов.— М., 1971.— С. 29—35; Худяков Ю. С. К истории сложносоставного лука енисейских кыргызов в IX—XII вв. // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук.— 1977.— № 1, вып. 1.— С. 63—70; Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— С. 146—162.

² Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА.— М., 1950.— № 18.— С. 220—221.

³ Вадецкая Э. Б. Предметы вооружения из могил окуневской культуры // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— С. 17.

⁴ Советова О. С. К вопросу о вооружении тагарцев (по материалам среднеенисейских петроглифов) // Проблемы археологических культур степей Евразии.— Кемерово, 1987.— С. 53—54; табл. 1, 1—29; рис. 4, 6; Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая: Оленные камни.— Новосибирск, 1979.— Рис. 18; Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема.— М., 1976.— Табл. 36, 1; Окладников А. П., Худяков Ю. С. Образ воина на писаницах Монголии // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— Рис. 1, 16; 2, 3, 16, 17; Новгородова Э. А. Древняя Монголия: Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории.— М., 1989.— С. 194; Волков В. В. Оленные камни Монголии.— Улан-Батор, 1981.— Табл. 109; Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии.— М., 1980.— Рис. 31, 32.

⁵ Волков В. В. Оленные камни...— Табл. 109.

⁶ Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка.— Новосибирск, 1987.— С. 69; Олже. Курганы Юстыда.— Новосибирск, 1991.— С. 83.

⁷ Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка.— С. 69.

⁸ Окладников А. П., Худяков Ю. С. Образ воина...— Рис. 1, 1, 2, 5—7, 9, 14, 15, 20, 22; 2, 1, 2, 12, 13.

⁹ Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье.— Улан-Удэ, 1976.— С. 178—179; Давыдова А. В. Иволгинский комплекс — памятник хунну в Забайкалье.— Л., 1985.— С. 46; Цзээнндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972—1977 гг.) // Древние культуры Монголии.— Но-

- воссибирск, 1985.— С. 79; *Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д.* Новые находки хунских луков в Гобийском Алтае // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии.— Новосибирск, 1990.— С. 127—129.
- ¹⁰ *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье.— С. 32, 38, 50, 62, 91, 113, 114, 116; *Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д.* Новые находки...— С. 127; *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1986.— С. 26.
- ¹¹ *Давыдова А. В.* Иволгинский комплекс...— С. 46.
- ¹² *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье.— С. 42, 121; *Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д.* Новые находки...— С. 127; *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников...— С. 26.
- ¹³ *Сосновский Г. П.* Раскопки Ильмовой Пади // СА.— 1946.— Вып. 8.— С. 62.
- ¹⁴ *Худяков Ю. С.* Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв.— Новосибирск, 1980.— С. 74.
- ¹⁵ *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье.— С. 32, 130; *Цэвээндорж Д.* Новые данные...— С. 62; *Асеев И. В., Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д.* Погребение хуннского воина на горе Сул-Толгой // Археология, этнография и антропология Монголии.— Новосибирск, 1987.— С. 130.
- ¹⁶ *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье.— С. 179.
- ¹⁷ Там же.— С. 57, 116; *Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д.* Новые находки...— С. 129.
- ¹⁸ *Цэвээндорж Д.* Новые данные...— С. 66.
- ¹⁹ *Бичури Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.— М.; Л., 1950.— Ч. 1.— С. 40.
- ²⁰ *Савинов Д. Г.* Новые материалы...— С. 147.
- ²¹ *Худяков Ю. С., Мороз М. В.* Коллекция оружия из могильника Усть-Эдиган // Археологические исследования на Катунь.— Новосибирск, 1990.— С. 178—179.
- ²² Там же.— С. 178.
- ²³ *Мамадаков Ю. Т.* Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла.— Барнаул, 1985.— С. 176.
- ²⁴ Там же.— С. 186.
- ²⁵ Судя по описанию, на нижнем конце лука имелась «короткая накладка» и «2 узкие костяные пластинки».— См. *Мамадаков Ю. Т.* Новые материалы...— С. 176.
- ²⁶ *Худяков Ю. С., Мороз М. В.* Коллекция оружия...— С. 179.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Пушаченкова Г. А.* Древности Мианкаля.— Ташкент, 1989.— С. 143—144.
- ²⁹ *Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С.* Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии.— Новосибирск, 1987.— С. 78.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Пушаченкова Г. А.* Древности Мианкаля.— С. 144.
- ³² *Литвинский Б. А.* Сложносоставной лук...— С. 61.
- ³³ *Пушаченкова Г. А.* Древности Мианкаля.— Рис. 71, 72.
- ³⁴ *Хазанов А. М.* Очерки военного дела.— С. 28.
- ³⁵ *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников...— С. 64.
- ³⁶ *Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П.* Памятники в могильнике Кокзаль конца I тысячелетия до нашей эры — первых веков нашей эры // ТТКАЭЭ.— М.; Л., 1966.— Т. 2.— С. 188; *Дьяконова В. П.* Большие курганы-кладбища на могильнике Кокзаль // Там же.— Л., 1970.— Т. 3.— С. 85, 99, 113.
- ³⁷ *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников...— С. 65.
- ³⁸ *Вайнштейн С. И.* Раскопки могильника Кокзаль в 1962 г. // ТТКАЭЭ.— Л., 1970.— Т. 3.— С. 37.
- ³⁹ *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников...— С. 66, 67.
- ⁴⁰ *Дьяконова В. П.* Большие курганы-кладбища...— Рис. 40.
- ⁴¹ *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников...— С. 67.
- ⁴² *Дьяконова В. П.* Большие курганы-кладбища...— С. 88, 90.
- ⁴³ *Худяков Ю. С.* К истории сложносоставного лука...— С. 65.

- ⁴⁴ Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Центральной Азии в первой половине I тыс. н. э. // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии.— Новосибирск, 1990.— С. 47.
- ⁴⁵ Сорокин С. С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник.— Л., 1977.— Вып. 18.— С. 66.
- ⁴⁶ Там же.— Рис. 9.
- ⁴⁷ Васютин А. С., Илюшин А. М., Елин В. Н. и др. Погребения предтюркского времени на могильнике Кок-Пап из Восточного Алтая // Проблемы охраны археологических памятников Сибири.— Новосибирск, 1985.— С. 34.
- ⁴⁸ Там же.— Рис. 9, 23.
- ⁴⁹ Худяков Ю. С. Вооружение племен Горного Алтая первой половины I тыс. н. э. // Материалы по археологии Горного Алтая.— Горно-Алтайск, 1986.— С. 83.
- ⁵⁰ Сорокин С. С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Тр. Гос. Эрмитажа.— Л., 1969.— Т. 10.— С. 234; рис. 22, 11—13.
- ⁵¹ Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на верхнем Чулыше // Бронзовый и ранний железный век Сибири.— Новосибирск, 1974.— С. 142.
- ⁵² Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников...— С. 111.
- ⁵³ Худяков Ю. С. Вооружение кочевников...— С. 48.
- ⁵⁴ Арсланова Ф. Х. Курганы «с усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана.— Алма-Ата, 1975.— С. 124.
- ⁵⁵ Худяков Ю. С. Вооружение кочевников...— С. 53.
- ⁵⁶ Ковычев Е. В. Лук и стрелы восточно-забайкальских племен I тысячелетия н. э. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— С. 98.
- ⁵⁷ Там же.— С. 99.
- ⁵⁸ Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников...— С. 139—141.
- ⁵⁹ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен.— М.; Л., 1965.— Табл. III, 2, 3; XVII, 4, 5; XXIV, 8, 9; Овчинникова Б. Б. К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— С. 133; Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // ТТКАЭЭ.— М.; Л., 1966.— Т. 2.— С. 324; Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге // Там же.— М.; Л., 1960.— Т. 1.— С. 125; Левашова В. П. Два могильника кыргызов-хакасов // МИА.— М., 1952.— № 24.— С. 133; Егюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов).— Абакан, 1948.— С. 64.
- ⁶⁰ Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников...— С. 139.
- ⁶¹ Вайнштейн С. И. Памятники второй половины...— С. 324; Трифонов Ю. И. Древнетюркская археология Тувы // Учен. зап. Тувин. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории.— Кызыл, 1971.— Вып. 15.— Рис. 6.
- ⁶² Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников...— С. 139.
- ⁶³ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ...— Табл. XXII, 8.
- ⁶⁴ Грязнов М. П. Раскопки на Алтае // СГЭ.— Л., 1940.— Вып. 1.— С. 20. Кубарев В. Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии.— Новосибирск, 1985.— Рис. 10, 1.
- ⁶⁵ Савинов Д. Г. Новые материалы...— С. 152.
- ⁶⁶ Овчинникова Б. Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // СА.— 1982.— № 3.— С. 216; Худяков Ю. С. Вооружение кок-тюрок среднего Енисея // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук.— 1980.— № 11, вып. 3.— С. 92.
- ⁶⁷ Егюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр. Гос. ист. музея.— М., 1941.— Вып. 16.— Рис. 52, 53; Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала // Археология Северной Азии.— Новосибирск, 1982.— Рис. 5, 10—12; Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе...— С. 137; Кызласов Л. Р. Древняя Тува.— М., 1979.— С. 188—189; Левашова В. П. Два могильника...—

С. 133; *Нестеров С. П., Худяков Ю. С.* Погребение с конем могильника Тепсей III // *Сибирь в древности.*— Новосибирск, 1979.— С. 90; *Нестеров С. П.* Погребение с конем на р. Таштык // *Археология Северной Азии.*— Новосибирск, 1982.— Рис. 2, 5, 6; *Савинов Д. Г., Павлов П. Г., Паульс Е. Д.* Ранне-средневековые впускные погребения на юге Хакасии // *Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири.*— 1988.— Рис. 6, 16; 7, 9; 8, 7; 10, 11; 11, 12; *Мартьянов А. И., Мартьянова Г. С., Кулемзин А. М.* Шестаковские курганы.— Кемерово, 1971.— С. 42.

⁶⁸ *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников...— С. 141.

⁶⁹ *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ...— С. 87—88.

⁷⁰ *Савинов Д. Г.* Новые материалы...— С. 148—152.

⁷¹ *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ...— С. 87—88.

⁷² *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений...— С. 229.

⁷³ Там же.

⁷⁴ *Курманкулов Ж.* Погребение воина раннетюркского времени // *Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана.*— Алма-Ата, 1980.— С. 191—193.

⁷⁵ Там же.— С. 191.

⁷⁶ *Бернштам А. М.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // *МИА.*— М.; Л., 1952.— № 26.— Рис. 45, 3, 5, 6.

⁷⁷ *Могильников В. А.* Тюрки // *Степи Евразии в эпоху средневековья.*— М., 1981.— Рис. 20, 26.

⁷⁸ *Худяков Ю. С., Нестеров С. П.* Группа погребений Ник-Хая // *Археология юга Сибири и Дальнего Востока.*— Новосибирск, 1984.— Рис. 9, 2—4.

⁷⁹ *Худяков Ю. С.* К истории сложносоставного лука...— С. 68; *Он же.* Вооружение енисейских кыргызов...— С. 71.

⁸⁰ *Худяков Ю. С.* Вооружение енисейских кыргызов...— С. 71.

⁸¹ Там же.— С. 69, 73.

⁸² *Грязнов М. П.* История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большой Речка // *МИА.*— М.; Л., 1956.— № 48.— Табл. III; *Худяков Ю. С.* Вооружение кочевников приалтайских степей в IX—X вв. // *Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.*— Новосибирск, 1981.— С. 121.

⁸³ *Худяков Ю. С.* Вооружение кочевников приалтайских степей...— С. 121.

⁸⁴ *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников...— С. 181; *Арсланова Ф. Х.* Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // *Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана.*— Алма-Ата, 1969.— Табл. 4; *Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС.*— Алма-Ата, 1987.— Рис. 88, 7, 11; 94, 10.

⁸⁵ *Худяков Ю. С.* Вооружение кочевников приалтайских степей.— С. 123.

⁸⁶ *Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г.* Курганы средневековых тюрков в Северо-Восточной Бурятии // *Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века.*— Новосибирск, 1989.— С. 41; рис. 8, 4—12.

⁸⁷ Там же.— С. 41; рис. 8, 1—3.

⁸⁸ Там же.— С. 41; *Кызласов Л. Р.* Средневековые памятники Западного Забайкалья // *Степи Евразии в эпоху средневековья.*— М., 1981.— С. 60; рис. 10, 17, 25, 35.

⁸⁹ *Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г.* Курганы средневековых тюрков...— С. 41; рис. 5, 8.

⁹⁰ Там же.— Рис. 9, 11.

⁹¹ *Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В.* Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. — Новосибирск, 1984.— С. 36.

⁹² *Именогов Н. В.* Средневековый могильник у с. Енхор на р. Джиде // *Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье.*— Улан-Удэ, 1988.— С. 120; рис. 6, 1—3.

⁹³ *Ковычев Е. В.* Могильник железного века у станции Дарасун // *По следам древних культур Забайкалья.*— Новосибирск, 1983.— С. 117; *Он же.* Средневековые погребальные памятники из окрестностей станции Оловянная // *Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье.*— Улан-Удэ, 1988.— Рис. 3, 8—15; *Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В.* Кочевники Забайкалья...— С. 79—89.

- ⁹⁴ Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников...— С. 50.
- ⁹⁵ Там же.— С. 51.
- ⁹⁶ Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— Табл. XIV, 1; XV, 17.
- ⁹⁷ Там же.— Табл. XII, 1.
- ⁹⁸ Худяков Ю. С. Кыргызы на Табате.— Новосибирск, 1982.— С. 215.
- ⁹⁹ Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X—XIV вв.— М., 1983.— Табл. XVIII, 18, 19.
- ¹⁰⁰ Худяков Ю. С. Типология и хронология средневековых памятников Табата // Урало-алтаистика: Археология. Этнография. Язык.— Новосибирск, 1985.— С. 96.
- ¹⁰¹ Савинов Д. Г. Новые материалы...— С. 156.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Асеев И. В. Прибайкалье в средние века.— Новосибирск, 1980.— С. 59, 75; Седякина Е. Ф. Могильник Усть-Талькин // Тр. Бурят. комплексного науч.-исслед. ин-та.— Улан-Удэ, 1965.— Т. 16, вып. 2.— С. 197; Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— С. 80; Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья.— Улан-Удэ, 1970.— С. 50, 53; Бураев А. И. Эволюция сложносоставного лука у поздних кочевников Западного Забайкалья (IX—XIV вв.) // Материалы XIX Всесоюз. науч. студ. конф. История.— Новосибирск, 1986.— С. 14.
- ¹⁰⁷ Асеев И. В. Прибайкалье в средние века.— Табл. XVIII, 7—9; Седякина Е. Ф. Могильник Усть-Талькин.— С. 197; Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— С. 79; Бураев А. И. Эволюция сложносоставного лука...— С. 14; Асеев И. В. О раннемонгольских погребениях // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века.— Новосибирск, 1975.— С. 181.
- ¹⁰⁸ Бураев А. И. Эволюция сложносоставного лука...— Рис. 1.
- ¹⁰⁹ Седякина Е. Ф. Могильник Усть-Талькин.— Рис. 2, 21.
- ¹¹⁰ Ковычев Е. В. Средневековые погребальные памятники из окрестностей станции Оловянная // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье.— Улан-Удэ, 1988.— С. 153; Бураев А. И. Эволюция сложносоставного лука...— С. 14.
- ¹¹¹ Савинов Д. Г. Новые материалы...— С. 155—156.
- ¹¹² Гаверилова А. А. Могильник Кудыргэ...— С. 88.
- ¹¹³ Савинов Д. Г. Новые материалы...— С. 148—161.
- ¹¹⁴ Гаверилова А. А. Могильник Кудыргэ...— С. 73; Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартьянова в г. Минусинске.— Минусинск, 1929.— Т. 6, вып. 2.— С. 153; Липский А. Н. Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 году // КСИИМК.— М.; Л., 1949.— Вып. 25.— С. 84—85.
- ¹¹⁵ Липский А. Н. Раскопки древних погребений...— С. 84.
- ¹¹⁶ Грязнов М. П. История древних племен...— С. 154; Он же. Раскопки на Алтае // СГЭ.— Л., 1940.— Вып. 1.— С. 20.
- ¹¹⁷ Грязнов М. П. История древних племен...— С. 155.
- ¹¹⁸ Грязнов М. П. Раскопки на Алтае...— С. 20.
- ¹¹⁹ Савинов Д. Г. Новые материалы...— С. 162; Худяков Ю. С. К истории сложносоставного лука...— С. 69—70.

ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ СТЕПНОЙ ЗОНЫ ЕВРАЗИИ И ПРИМЫКАЮЩИХ К НЕЙ ТЕРРИТОРИЙ В I ТЫС. Н.Э.

Защитное вооружение Евразии I тыс. н. э. уже давно привлекает пристальное внимание исследователей. Среди основоположников изучения доспехов этого периода — замечательные отечественные оружейеды Э. фон Ленц и В. Арендт¹. Классическими стали труды Б. Лауфера и Б. Тордемана, написанные в первой половине XX в.² После войны данной тематикой много занимались Г. Р. Робинсон и особенно О. Гамбер³. В последние годы в связи с определенным оживлением оружейведения несколько специальных работ появилось и у нас. Большая часть из них принадлежит Ю. С. Худякову и автору настоящей статьи⁴. Чрезвычайно важное значение имеют публикации предметов защитного вооружения рассматриваемого периода из раскопок на территории Евразии⁵.

Наиболее масштабные работы по интересующей теме принадлежат, пожалуй, О. Гамберу и Ю. С. Худякову, хотя исследователи являют полную противоположность друг другу. Маститый венский оружейвед строит свои выводы на основании широчайшего обзора материалов: с территории от Британии до Японии, новосибирский археолог тщательно обрабатывает обильный вещевой материал Сибири, Центральной Азии и Казахстана. Работы О. Гамбера грешат схематичностью и слабым знанием современного археологического материала с территории бывшего СССР; слабым местом исследований Ю. С. Худякова следует считать недостаточно широкое привлечение аналогий и слабое использование иконографического материала с территорий, непосредственно им не описываемых, но несомненно примыкающих к ним в культурном отношении. Соответственно и выводы в работах обоих авторов разного свойства: у О. Гамбера они глобальные, у Ю. С. Худякова — частные. И те, и другие, как правило, совершенно правильны, хотя обычно в частностях ошибки нередки у первого автора, а широкомасштабные, основополагающие выводы слабее у второго. Так что оба удачно дополняют друг друга.

Задачей данной работы является выявление основных характеристик и закономерностей развития защитного вооружения на территории степей Евразии в период, справедливо получивший название эпохи переселения народов. Для максимального приближения к наиболее вероятной картине нами использован обильный и разнообразный материал с этих территорий (археологический и изобразительный). Много дают также и письменные источники, но объективность их подчас значительно более низкая.

С культурно-исторической и политико-исторической точки зрения рассматриваемый период развития степной зоны можно

Рис. 1. Панцирные пластины и изображения доспехов.

1 — пр. Хэнань, II—III вв.; 1a — Иволгинское городище, Забайкалье, конец I тыс. до н. э.; 2 — сянбийский могильник, Лаохэшань, уезд Ляйшунь, пр. Гирич, II—III вв.; 3 — Шира-Мурэн, Внутренняя Монголия, первая половина I тыс. до н. э.; 4 — погребение Фэн Суфо, Сигуаньинцзы, уезд Бэйяпо, пр. Ляонин, первая половина V в.; 5 — кург. БТ — 59—5, Бай-Тал, Тува, III—V вв.; 6 — погр. 37, Большие Елбаны, Северный Алтай, II—IV вв.; 7 — кург. 3, Берель, Алтай, III—V вв.; 8 — Кутр-Тас, Кустанайский уезд, IV—VI вв.; 9 — Ния, Восточный Туркестан, III в.; 9a — структура брони из пластин; 10 — уезд Цзиань, пр. Гирич, Когурё, первая половина IV в.; 10a — уезд Цзиань, пр. Гирич, Когурё, IV в.; 11 — Япония, IV—V вв.; 12 — Хигаскура, преф. Гумма, Япония, IV—VI вв.; 13 — Такасаки-си, Гумма, IV—VI вв.; 14, 15 — Китай, IV — начало VI вв.; 16 — Китай, IV—V вв.; 17 — погребение в Кумхэгун, Силла, IV—V вв.; 18 — погр. 32, Чисандон, Силла, IV—V вв.; 19 — Ёнсанри, пр. Кёнсан-намдо, Южная Корея, IV—VI вв.; 20, 22—25 — Япония, IV—VI вв.; 21 — Нагамотияма, V—VI вв.; 26 — Камицука-дзиндзя, преф. Ибарак, IV—VI вв.

разделить на два этапа: 1) гунно-сяньбийский — III—VI вв. и 2) древнетюркский — VI—X вв. Соответственно этим этапам рассмотрим по отдельности, а затем и в комплексе элементы защитного вооружения.

Панцири первого этапа. По структуре брони их можно разделить на ламеллярные, ламинарные, цельные и пластинчато-нашивные. Несомненно, абсолютно преобладающей, особенно в степной зоне, была ламеллярная броня, состоявшая из металлических или толстых кожаных пластинок, соединенных между собой ремешками, шнурами или тесьмой, пропущенными сквозь систему отверстий в пластинках (рис. 1, 2—13). Этот один из древнейших вид брони был в предыдущий период особенно характерен для Восточной и Центральной Азии⁶. Основные типы пластин: чешуеобразная короткая пластинка с одной закругленной короткой стороной (рис. 1, 1а, 2, 4, 5, 9, 11); длинная узкая с двумя или четырьмя скругленными углами (рис. 1, 4—6, 8, 10, 12); недлинная прямоугольная (рис. 1, 3, 4, 7, 13). Для этого периода нередки пластины с ровно срезанными углами (рис. 1, 10, 8), появляются и пластины с вырезами на длинных сторонах (рис. 1, 5, 6; 2, 3—6). Пластины, располагавшиеся вокруг талии, мастера делали вогнутыми (рис. 1, 4, 10, 12, 21, 26; 3, 1—3, 17).

Ламинарной называется броня из длинных, горизонтально расположенных полос металла или твердой толстой кожи, соединенных между собой ремешками, шнурами или тесьмой, пропущенными через ряды отверстий в полосах. Ламинарными могли быть и целые доспехи (см. рис. 1, 6), и их детали, особенно часто оплечья-нарукавья (см. рис. 1, 25; 2, 3, 5).

Цельной можно считать броню, представляющую собой единую неподвижную поверхность из металла или толстой твердой кожи, а также из дерева, вне зависимости от того, из одного или нескольких крупных кусков состоит поверхность, важно, чтобы соединение кусков было неподвижным (см. рис. 1, 17—20, 22—23).

Наконец, пластинчато-нашивной броней считаем такую, которая состоит из пластин любой формы и размера, нашиваемых встык на мягкую основу (см. рис. 1, 24; 2, 4, 5). В качестве твердой брони в степном регионе, особенно в западных его частях, редко в Центральной и в исключительных случаях в Восточной Азии, фиксируется кольчуга, воспринятая гуннами в III в. н. э. от римлян, иранцев и германцев. Броня из простеганного в несколько слоев мягкого материала — кожи, войлока изредка фиксируется иконографически (см. рис. 2, 2). О чешуйчатом доспехе достоверные данные имеются только для сарматов, иранцев и кушан⁷.

Обратимся к покрою панцирей. Исчезающим в течение данного этапа можно считать популярный в Ханьском Китае покрой «короткий кафтан с рукавами и прямым осевым разрезом»⁸ (см. рис. 1, 1). Редко встречается покрой «короткое пончо с короткими лопастевидными оплечьями»⁹ (см. рис. 3, 4—6). Часто пан-

Рис. 2. Изображения воинов в доспехах.

1—5 — «пещера художников», Кызыл, Восточный Туркестан, IV — начало V вв.;
6—10 — кург. 2, могильник Курган-тепе, Самаркандская обл., IV в. до н. э.

цири по ханьской традиции сделаны из чешуеобразных пластин, обращенных округлой стороной вниз, что создавало впечатление чешуйчатой брони (пластины нашиты на мягкую основу внахлест). Однако, как показывает деликом сохранившийся в

Рис. 3. Изображения воинов в доспехах.

1—3 — склеп 1, могильник Тепсей III, Минусинская котловина, III—V вв.; 4 — Ся-юйгуан, пр. Ганьсу, III—IV вв.; 5 — район Нанкина, вторая половина III в.; 6 — пр. Хунань, вторая половина III в.; 7 — гробница Хо Чэнсы, пр. Юньнань, 376—396 гг.; 8 — погр. 1, Цаоханьпо, Сиань, конец IV в.; 9, 10 — гробница Ли Сяня и его жены, Дичжанвань, г. Сяньян, 572 г.; 11 — погр. Ли Хэ, Шуан Шэнцунь, уезд Саньюань, пр. Шэньси, 583 г.; 12 — гробница 12, Тунгоу, уезд Цзянь, пр. Гирин, Когурё, IV в.; 13 — гробница 3, Анак, Когурё, 357 г.; 14 — Тунгоу, Когурё, конец IV — начало V в.; 15 — Яксу, Когурё, конец IV — начало V в.; 16 — гробница 2, Анак, Когурё, конец IV — начало V в.; 17 — IV—V вв.

Рис. 4. Изображения воинов в доспехах.

1 — Китай, VI в.; 2 — гробница Ли Хэ, 582 г.; 3 — гробница 1, Масыньгоу, Когурё IV—V вв.; 4 — склеп 1, могильник Тепсей III, Минусинская котловина, III—V вв. 5 — Силла, IV в.; 6 — гробница 12, Тунгоу, уезд Цзиань, пр. Гири, Когурё, IV в 7 — гробница 3, Анак, Когурё, 357 г.; 8 — Ёнган, Когурё, IV в.; 9 — Токхын, Когурё, 409 г.

Рис. 5. Изображения воинов в доспехах.

1 — гробница Ли Сяня и его жены, 557—581 гг.; 2 — Китай, конец VI — начало VII в.; 3, 4 — уезд Андун, пр. Аньхой, конец VI — начало VII в.; 5 — Чанша, пр. Хунань, конец III—IV вв.; 6 — гробница 12, Тунгоу, уезд Цзиань, пр. Гирич, Когурё, IV в.; 7 — склеп 1, могильник Тепсей III, Минусинская котловина, III—V вв.; 8 — уезд Дансянь, конец VI в.; 9 — Дунчэн, уезд Цюсинь, пр. Хэбэй, 534—550 гг.; 10 — Китай, около 600 г.; 11 — погребение царевича И Дэ, Чэнсян, пр. Шэньси, 706 г.; 12 — Китай, V в.; 13 — Яксу, Когурё, конец IV — начало V в.; 14 — Тунгоу, Когурё, конец IV — начало V в.; 15 — гора Хар-Хад, Монголия, V—VI вв.

Рис. 6. Изображения воинов в доспехах.

1 — Цаочаньбоцун, IV—V вв.; 2 — Цицаньван, первая половина VI в.; 3 — гробница Ли Сяня и его жены, 557—582 гг.; 4 — пещера 127 скального монастыря Майцзышань, V—VI вв.; 5 — пещера 285, Дуньхуан, 538/9 г.; 6 — гробница Хань И, Байгуй, уезд Цисянь, пр. Шаньси, 550—577 гг.; 7 — уезд Вансянь, пр. Сычуань, 503 г.; 8 — Данъян, VI в.

могиле ханьского царевича Лю Шэна (II в. до н. э.) доспех, а также корейские образцы IV—V вв. (см. рис. 1, 10), такие пластины соединялись только ламеллярным способом, т. е. непосредственно между собой.

Одним из самых популярных покровов был корсет-кираса: из двух «створок», наспинной и нагрудной, соединенных на боках застежками и шарнирами, на плечах — лямками. Для корсета-кирасы использовались все виды брони, кроме кольчуги (см. рис. 1, 14, 16—20, 22—25, 26; 3, 9; 4, 1, 6—8; 5, 1—4; 6, 5—7, 9). Реже встречаются корсеты-кирасы, у которых нагрудник состоит из двух половин и застегивается по оси (см. рис. 1, 26; 6, 4). Характерная деталь корсета-кирасы этого этапа — выступ-воротник вверху наспинной части. Основа корсета-кирасы часто дополнялась прикрытием бедер и верхней части ног в виде разрезанной на боках панцирной юбки или лопастей до и ниже колен. Нередко это прикрытие делали из брони отличного от основы типа, обычно более подвижной (см. рис. 1, 14, 22, 26; 4, 1, 5—9; 6, 4, 5, 7, 9).

Дополняла корсет-кирасу и система прикрытия шеи, плечевого пояса и верхней части рук, которая состояла из соединенных друг с другом более или менее высокого стоячего воротника, цельного или собранного из вертикальных пластин, «ожерелья и оплечий-нарукавий в виде лопастей либо настоящих рукавов-трубок, ламеллярных, ламинарных, цельных, стеганных или нашивных» (см. рис. 1, 14, 18, 21, 25; 3, 3, 12; 4, 6—8; 5, 10, 11; 6, 6—9; 7, 13, 14).

Если первое дополнение — прикрытие бедер крепилось, видимо, непосредственно к низу корсета-кирасы, то другое дополнение — лопастевидные наконечники из гибкой брони, доходившие подчас до щиколоток, — было отдельной частью доспеха: обе лопасти пришивались к широкой матерчатой полосе, которая завязывалась вокруг талии под корсетом-кирасой (см. рис. 1, 14; 3, 3, 8, 12; 4, 5—9; 5, 4, 14, 15; 6, 4, 7).

Вторым основным покровом панцирей первого этапа был «халат», имевший сплошной разрез спереди, обычно прямо по оси. Длина его доходила от колен и до середины голени. «Халат» изготавливали всегда из брони ламеллярной гибких видов, нашивной, мягкой стеганной, ламинарной. В верхней части «халат» был чаще всего, как у корсета-кирасы, на лямках, поэтому обычно нуждался в описанной выше системе защиты шеи, плеч и рук. Однако можно предполагать и бытование «халатов» с широкими и гибкими лямками-наплечьями, к которым непосредственно крепили и стоячий воротник, и оплечья-нарукавья. Короткий «халат» дополнялся длинными наконечниками, надевавшимися отдельно (см. рис. 1, 21; 2, 3, 6—10; 3, 1, 2, 14, 17; 6, 1; 8, 2).

Не слишком часто встречающимся, но и не столь редким был покрой «пончо», когда панцирь имел вид жилета с разрезами на боках и одном плече; оплечья-нарукавья, если были, то обычно лопастевидные, редко трубчатые; стоячий бронированный

Рис. 7. Изображения и находки шлемов.

1 — «пещера Майи», Кызыл, Восточный Туркестан, VII в.; 2 — Минг-уй, Кызыл, VII в.; 3 — Тумшуг, Восточный Туркестан, VII в.; 4 — Астана, Восточный Туркестан, VII в.; 5 — Дуньхуан, Китай, IX в.; 6 — пещера 156, Дуньхуан, Китай, IX в.; 7 — Кум-Тура, Восточный Туркестан, VIII в.; 8 — пещера 9, Шорчуг, Восточный Туркестан, VIII в.; 9 — восточный храм, Тумшуг, VII—VIII вв.; 10 — зала 11 храма в Безекликте, Восточный Туркестан, VIII в.; 11 — гора Хар-Хад, Монголия, V—VI вв.; 12 — Чаа-Тас, Хакасия, VII—IX вв.; 13 — Сангим, Восточный Туркестан, VIII—IX вв.; 14 — руина А. Кочо, Восточный Туркестан, IX в.; 15 — уезд Гимсар, Восточный Туркестан, пр. Синьцзян, IX в.; 16 — Сулек, Хакасия, VI—VII вв.; 17 — Сулек, Хакасия, VII—IX вв.; 18 — Кудыргэ, VII в.; 19 — Надьсентмиклош, Венгрия, VII—IX вв.; 20 — Исола-Рицца, Византия, VI—VII вв.; 21 — Нидерштётцунген, Южная Германия, VI—VII вв. (реконструкция П. Паульсена); 22, 23 — Керчь, VI в. (реконструкция В. Арендта); 24 — Венгрия, VIII в.; 25 — Силла, VIII — первая четверть IX в.; 26 — Дунцзинчэн, Бохай, VIII—X вв.; 27 — Воронеж, VIII в.; 28 — Лагереве,

Башкирия, IX—X вв.; 29 — Каранаево, Башкирия, IX—X вв.; 30 — Гнёздово, IX в.; 31 — курган «Гульбище», Чернигов, конец IX в.; 32 — Новороссийск, вторая половина IX в.; 33 — курган «Черная могила», Чернигов, IX—X вв.; 34 — погребение у с. Манвеловка, Днепропетровщина, IX — первая половина X в.

воротник пришивался прямо к горловине панциря. «Пончо» изготавливали из всех видов брони, кроме цельной (см. рис. 3, 7, 8, 10, 11, 13, 16; 4, 2, 6, 2, 8). «Пончо» могло иметь короткие лопастевидные набедренники-наножники, прикреплявшиеся к низу нагрудной части, или дополнялся отдельно надеваемыми длинными наножниками.

Попробуем выделить характерные особенности панцирей того или иного региона и этноса данного этапа. Начнем с Дальнего Востока. Корсеты-кирасы, склепанные из железных полос, характерны для Кореи (см. рис. 1, 17, 18), Японии (см. рис. 1, 19, 20, 23), может быть, Китая (см. рис. 1, 14). Только в Японии известен пластинчато-нашивной корсет из очень крупных пластин (см. рис. 1, 24). Только в Китае, продолжая древние традиции этой страны, нагрудник и наспинную часть корсета-кирасы изготавливали из монолитных кусков железа или твердой толстой кожи, гладкой либо с выпуклым декором, иногда изображающим личину чудовища (тао-тье?), или с двумя металлическими дисками (см. рис. 4, 1; 5, 1, 2; 6, 4, 6, 7). Чисто японскими можно считать наножники, имитирующие широкие, перехваченные под коленом штаны, отличающиеся от последних сплошным разрезом сзади (см. рис. 3, 17), а корейскими — длинные наножники с вырезом внизу спереди (см. рис. 3, 12; 4, 6—8). Ближе всего к китайским примыкают изображения на тепсейской планке (см. рис. 3, 1, 2; 4, 4). Судя по тому, что здесь воины в ламеллярных «халатах» запечатлены поверженными, это не единоплеменники, а враги художника-повествователя. Их племени и конский доспех, как и панцири, благодаря аналогам — китайским изображениям позволяют предположить, что на южно-сибирских планках изображены воины того же этноса, что и на китайских статуэтках IV—VI вв., — сяньби. Аборигеном можно считать лишь тяжелооруженного воина на другой тепсейской планке (см. рис. 3, 3). Его доспех свидетельствует о сильном степном, южном влиянии. Собственно, на то же указывают и костюмы героев тепсейского изображения. Впрочем, сяньбийская мода в IV—VI вв. была распространена от Восточного Туркестана до Японии¹⁰.

Спецификой восточно-туркестанских панцирей является обшивка мягкой основы мелкими круглыми бляшками (см. рис. 2, 1—5). Панцири-«халаты» кочевников среднеазиатских степей, скорее всего «белых гуннов» — эфталитов, отличаются длинными настоящими рукавами, у которых почему-то оставлена небронированная внутренняя часть предплечья (см. рис. 2, 6—10). Специфичны и украшения-значки панциря: две кисти, свисающие с внешних краев лопаток, и «дракон» на жерди, прикрепленной

Рис. 8. Изображения доспехов.

1, 2 — гора Хар-Хад, Монголия, V—VI вв.; 3, 4 — Астана, Восточный Туркестан, VII—VIII вв.; 5 — «пещера Кирина» Шорчуг, Восточный Туркестан, VII в.; 6 — Восточный Туркестан, VII—VIII вв.; 7 — Кудыргэ, Алтай, VII в.; 8 — Исол-Рицца, Северная Италия, Византия, VI—VII вв.; 9 — Преслав, Болгария, IX в.; 10 — Зеенген, Южная Германия, VII в.; 11 — Кум-Тура, Восточный Туркестан, VIII в.; 12 — зад Л храма в Безеклике, Восточный Туркестан, IX в.; 13 — Яр-хого, Восточный Туркестан, IX—X вв.; 14 — Венгрия, VIII в.; 15 — Дуньхуан, Китай, IX в.; 16, 18 — Надьсцентмиклош, Венгрия, VII—IX вв.; 17 — Сулек, Минусинская котловина, VI—VII вв.

к верху наспинной части панциря. Впрочем, вариант последнего украшения-значка в виде узкого вертикального флага бытовал в Корее (см. рис. 4, 3) и, судя по приваренной к верхнему краю наспинной части кирасы из кургана Отани, в Японии¹¹, где подобный значок известен до XIX в.¹²

К западу от Тянь-Шаня все чаще в состав доспеха входила кольчуга как часть панциря или дополнительный доспех. К западу от Кубани вместо ламеллярной использовалась чешуйчатая броня, но после III в. гунны приносили сюда ламеллярную броню восточного варианта.

По поводу истоков традиций того или иного покроя панциря степной зоны III—VI вв. можно сказать, что корсет-кираса заимствован у населения центрально-азиатского региона, а «халат», видимо, ирано-скифского происхождения. «Пончо» было издавна распространено практически повсеместно. Такие общие признаки панцирей гунно-сяньбийской эпохи, как высокие стоячие воротники, резкое разделение на прикрытие верхней части корпуса и «юбку», дополнение в виде длинных ножников — все это прямое наследие предыдущего периода развития панцирного комплекса, бытовавшего в степной зоне Евразии в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э., который можно условно назвать «сакский доспех»¹³.

Шлемы первого этапа. В рассматриваемый период в степной зоне Евразии и на примыкающих территориях распространились шлемы пяти основных типов. К типу I можно отнести «бронированные венцы» (см. рис. 6, 4; 9, 1—3, 30). Основу такого шлема составлял венец, спереди более широкий и заостренный наверху, с завязками сзади либо неразрезанный. В первом случае венец могли дополнять на уши, во втором — на затыльник-бармица. Венец мог быть ламеллярным — из мелких чешуеобразных или крупных узких вертикальных пластин, как у хуннов, сяньби и китайцев (рис. 9, 1—3), мог иметь мягкую основу, обшитую мелкими круглыми бляшками, как у кушан (см. рис. 2, 30), мог также изготавливаться из куска толстой твердой кожи, как это видно на китайской фреске (см. рис. 6, 4). Покрой шлема этого типа прямо восходит к одному из типов хуннских головных уборов, образцы которых сохранились в курганах Нонн-улы¹⁴.

К типу II относятся шлемы с тульей-куполом, состоящим из более или менее узких, сужающихся кверху металлических (или из толстой твердой кожи) пластин, соединенных между собой заклепками, ремешками, ободами, и имеющим круглое навершие, плоское или выпуклое, нередко до формы полушария. В отличие от шлемов типа I, распространенных только в восточной части зоны — до Средней Азии, шлемы типа II бытовали от Центральной Европы до Японии. Подобная популярность, видимо, объясняет относительное разнообразие вариантов этого типа.

Шлемы первой разновидности — с почти конической тульей из-за слабого изгиба или даже отсутствия такового у составляющих ее пластин известны у сяньби (см. рис. 9, 4), китайцев

Рис. 9. Изображения и находки шлемов.

1 — пр. Хэнань, II—III вв.; 2 — гробница в Инань, пр. Шаньдун, конец III — начало IV вв.; 3 — Китай, IV—V вв.; 4 — сяньбийский могильник в Лаохэцань, уезд Люйшун, пр. Гирич, II—III вв.; 5—7 — Цзяюгуань, пр. Ганьсу, конец III—IV вв.; 8 — Чанша, пр. Хунань, конец III—IV вв.; 9 — Пёкчжондон, Силла, IV—V вв.; 10 — Япония, IV—V вв.; 11 — Япония, V—VI вв.; 12 — пр. Кёнсаннамдо, Южная Корея, V—VI вв.; 13 — Кинкадзука, преф. Гумма, V—VI вв.; 14 — Япония, V—VI вв.; 15 — 18 — «пещера художников», Кызыл, Восточный Туркестан, IV—V вв.; 19 — Япония, IV—V вв.; 20 — Ёнсанри, пр. Кёнсан-намдо, Южная Корея, IV—V вв.; 21 — погребение Ли Хэ, 582 г.; 22 — погр. 3, Калкинский могильник, Дагестан, III—V вв.; 23 — погребение у с. Кишпек, Кабардино-Балкария, конец IV — первая половина V вв. (реконструкция М. В. Горелика); 24 — погр. 30, Суворовский могильник, р. Вятка,

III—V вв. (реконструкция В. Ф. Геннинга); 25 — погр. 27, Суворовский могильник: р. Вятка, III—V вв.; 26 — Тураевский могильник, Елабужский район, IV—V вв. (реконструкция В. Ф. Геннинга); 27 — позднеримский период, около 300 г.; 28 — Трансильвания, V—VI вв.; 29 — руины Ниневии, VI—IX вв.; 30, 36 — монеты кушанского царя Хувишки, первая четверть I тыс.; 31 — Хувишки в Джамалпуре, II—III вв.; 32 — Шейхан-Дхери, Чорсада, III—IV вв. (реконструкция М. В. Горелика); 33 — рельеф арки императора Галерия в Салониках, около 296 г.; 34 — изображение на налобнике шлема лангобардского короля Агилульфа (590—616 г.); 35 — Чаньян, пр. Кёнсан-намдо, Южная Корея, IV—V вв.; 37 — Метковиц, V—VI вв.; 38 — Метковиц, VI в.

(см. рис. 9, 6, 8), японцев (см. рис. 9, 11), корейцев (см. рис. 4, 9), жителей Восточного Туркестана — тохаров (?) (см. рис. 2, 1, 3, 5; 9, 15—17), саков Индии (см. рис. 9, 31), сарматов (см. рис. 9, 33), германцев юга Европы (см. рис. 9, 34).

Шлемы второй разновидности — с тульей-куполom яйцевидной формы были распространены на севере Китая (см. рис. 3, 4—7; 6, 5; 9, 5), в Корее (см. рис. 3, 15, 16), Японии (см. рис. 9, 13), у предкавказских гуннов (см. рис. 9, 23), воинов восточных провинций Римской империи и Восточного Босфора и сарматов¹⁵, германцев Центральной Европы (см. рис. 9, 28).

Шлемы третьей разновидности — с куполом полушаровидной формы известны в Средней Азии (см. рис. 2, 6, 9), Китае (см. рис. 4, 2; 5, 11; 9, 21), Японии (см. рис. 9, 14, 19, 20).

Шлемы четвертой разновидности типа II — со сферокопической тульей-куполom были крайне популярны в Корее (см. рис. 4, 6, 8; 9, 9, 12), известны японцам (см. рис. 9, 10), предкавказским туннам (см. рис. 9, 22) и аварам (рис. 10, 11, 21).

Часть признаков шлемов типа II характерна в общем для всех территорий. Это парные дугообразные вырезы над бровями (см. рис. 2, 6; 3, 5, 6; 4, 2, 6; 6, 7; 9, 9, 11, 21, 22, 34), округлый вырез над лбом (см. рис. 4, 9; 9, 14, 23, 28), небольшой, закругленный снизу или длинный и узкий наносник (см. рис. 2, 2; 9, 12, 33). Пока только у шлемов из Кореи и Японии зафиксированы козырьки и ламинарные бармицы (см. рис. 9, 10, 19, 20); от Китая до Японии известны вставки для волосяных плюмажей в виде тонкой трубочки или штыря, увенчанного чашеобразным навершием (см. рис. 4, 7; 6, 5; 9, 10, 12), а также толстые полые заостренные шпильки (см. рис. 9, 5, 6, 14, 21). Разнообразные украшения макушки шлемов восточно-туркестанских тохаров, причем среди них кроме общеизвестных штырей, кистей встречаются флажки и фигурки животных и птиц (см. рис. 2, 1—5; 9, 15, 16, 18). Плоские кольца, венчающие шлем, известны в Восточном Туркестане (см. рис. 2, 4), Китае (см. рис. 3, 5; 5, 2; 6, 1, 8), Корее (см. рис. 9, 12), у прикавказских гуннов (см. рис. 9, 23). Уникальной, античной работы деталью являются натуралистически показанные уши, вычеканенные по бокам венца гуннского шлема из Дагестана (см. рис. 9, 23). Позднеримским признаком можно считать отделку шлема из Кабардино-Болкарии крупными полудрагоценными камнями, вставленными в золотые гнезда¹⁶. Науши шлемов из восточных провинций Римской империи I—III вв.¹⁷ (см. рис. 9, 31) послужили прототипом на-

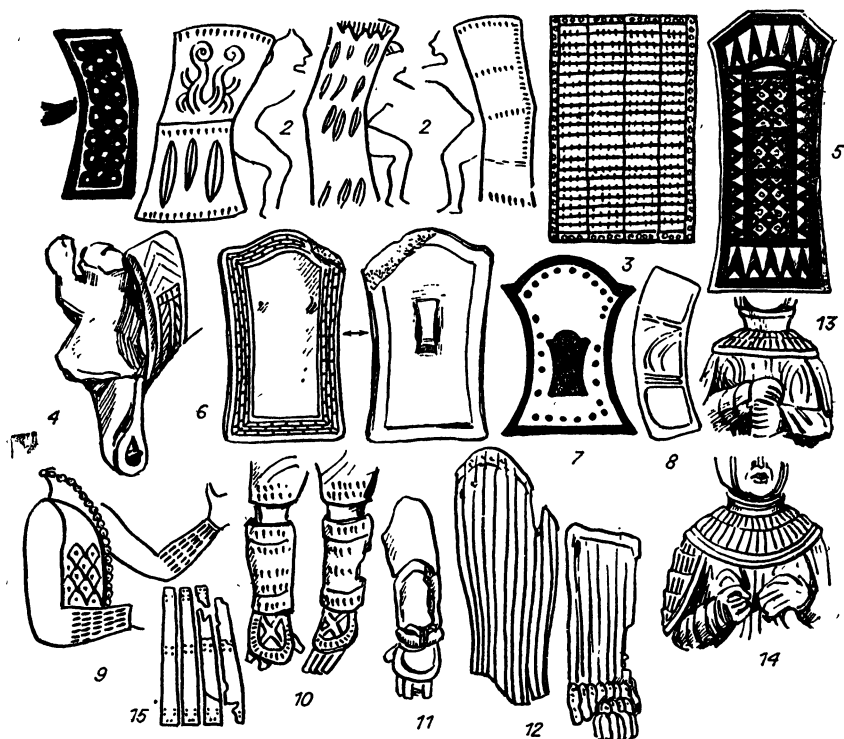

Рис. 10. Щиты (1—8), наручи (9—12), «ожерелья» (13, 14), пластины (15).
 1 — Инань, пр. Шаньдун, конец III — начало IV вв.; 2 — склеп 1, могильник Тепсей III, Минусинская котловина, III—V вв.; 3 — погр. 4, кург. 1, урочище Татарские Могилки, Северный Алтай, III—V вв.; 4 — Силла, III—IV вв.; 5 — гробница Сакурадзука, Осака, III—V вв.; 6 — Сава-гун, преф. Гумма, III—V вв.; 7 — гробница Есука, Фукуока, III—V вв.; 8 — преф. Гумма, III—V вв.; 9 — «пещера художников», Кызыл, Восточный Туркестан, IV—V вв.; 10, 11 — Япония, IV—VI вв.; 12 — Уэно, преф. Ибараки, IV—VI вв.; 13, 14 — Хаоян, пр. Аньхой, вторая половина VI в.; 15 — гробница 128 (36), Кёнджу, Силла, IV—V вв.

ушей степных шлемов (см. рис. 7, 16, 20—22; 9, 33), шлемов германских «варваров» (см. рис. 9, 28, 34, 38). Все же на Востоке, особенно в Средней Азии и Восточном Туркестане, сплошная бармица лишь на лицевых краях повторяла вырезные контуры западных наушей (см. рис. 2; 9, 16—18). Вероятно, западный импульс лишь закрепил традицию некоторых сакских бармиц IV—II вв. до н. э.¹⁸

Определенное «противостояние» западной кольчуги и восточной ламеллярной брони нашло отражение и в бармицах: кольчужная характерна для Европы и запада степного пояса Азии (см. рис. 9, 22, 26, 38), ламеллярная бармица — от Крыма¹⁹ до Японии (см. рис. 3, 5, 6, 12, 17; 6, 5; 9, 9, 32, 35). Только на росписях Восточного Туркестана бармицы обшиты поверх мягкой основы мелкими круглыми бляшками (см. рис. 2, 5) или мелкими заостренными снизу чешуйками с круглой выпуклостью в центре (см. рис. 2, 2). Подобные чешуйки, датируемые первой

половиной I тыс. н. э., обнаружены на пространстве от западных рубежей Римской империи, в которой они, вероятно, и были изготовлены ранее всего, до Притянышанья²⁰, которого они достигли в рассматриваемый отрезок времени (III—V вв.) в результате гуннского нашествия на Восточную и Центральную Европу. Говоря о бармицах, следует отметить, что кроме сплошных достаточно часто встречается, например, в Японии (см. рис. 3, 17), на севере Китая и в Центральной Азии (см. рис. 6, 1) бармицы, ламеллярные или из мягких материалов, состоящие из назатыльника и наушей, что соответствует железным наушам и кольчужному назатыльнику Запада.

Шлем типа III каркасный, у которого основой является каркас из обода-венца, навершия и полос железа, соединяющих венцы и навершие и формирующих объем тульи-купола. Промежутки, т. е. основной объем тульи-купола, заполняются крупными кусками металла или толстой твердой кожи. Шлемы такого типа хорошо изучены на материале Европы и разделяются на две основные разновидности. Шлемы первой разновидности, носящие название «бандхельм», отличаются тем, что у них роль формирующего объем купола-тульи элемента и одновременно навершия выполняет только одна широкая полоса металла, приклепанная концами спереди и сзади к венцу строго по оси (см. рис. 3, 9; 9, 26, 35—37). Они распространены от Японии до Центральной и Западной Европы. Локальные отличия: граненая, «гребенистая» осевая полоса и часто отсутствие венца у японских шлемов, чуть расширяющийся книзу венец, напоминающий поля, у китайских, специфическая декорировка, втулки для перьев на висках у прикамских.

Каркасный шлем второй разновидности называется «шпангельхельм» и характеризуется наличием двух перекрещивающихся или четырех замкнутых наверху круглым навершием железных объемообразующих полос металла. Такие шлемы были распространены от Тихого до Атлантического океана²¹ (см. рис. 3, 17; 5, 10; 6, 8; 9, 27, 29, 38). Очень редки шлемы с каркасом, состоящим из множества «арочек». Они известны в Прикамье (см. рис. 9, 25) и Прикубанье. Каркасные шлемы имеют те же характерные детали, что и шлемы типа II. Происхождение шлемов типа II и III следует пока связывать, видимо, с юго-восточными регионами Римской империи, так как именно там по пазобразительным источникам с начала нашей эры фиксируются шлемы формы, приближающейся к сфероконической, с прямоугольными бармицами и античными наушами²². Форма тульи-купола у этих шлемов является реминисценцией, продолжением традиции древневосточных шлемов, частично сохраненной в эллинистическом вооружении Востока²³. Передатчиками на Восток и распространителями идеи шлемов типа II и III можно считать сарматов и парфян II—III вв.

К шлемам типа IV относятся экземпляры с цельной тульей-куполлом. В рассматриваемый период они встречаются крайне

редко и фиксируются у «белых гуннов» Средней Азии, сяньби и китайцев (см. рис. 2, 8; 3, 11, 6, 6). Китайско-сяньбийские образцы имеют навершие в виде лежащего кольца, парные вырезы над бровями, одночастную глухую, застегивающуюся под подбородком бармицу из мягкого материала, дополненную округлыми, вероятно, металлическими наушами. Тохарский шлем отличается навершием и чешуйчатой бармицей.

Наконец, к типу V мы относим «мягкие» шлемы, изготовленные в основном из пластины ламеллярным способом. Происхождение их достаточно прозрачно*: они известны в Китае с III в. до н. э.²⁴ Шлемы типа V изготовлены из узких пластинок (см. рис. 3, 1, 10; 6, 2, 3) из металла или твердой кожи, нашитых на мягкую основу (см. рис. 2, 7; 5, 2). Эти шлемы представляют собой приостренные башлыки, иногда с выделенными наушниками, либо округлые башлыки, глухо закрывающие голову, шею, оставляющие открытыми только лицо; часто они имеют навершия и фигурные вырезы в нащечной части.

Шлемы типа VI характеризуются тульей, изготовленной ламеллярным способом из двух рядов пластин (см. рис. 3, 12; 4, 1; 9, 32). Судя по материалам, в III—IV вв. они были известны многим народам: от кушан (или «белых гуннов») севера Индии до когурёсцев.

Наконец, тип VII — каркасно-пластинчатые (см. рис. 3, 8), у которых поверхность тульи между полосами каркаса образована приклепанными или привязанными к ним небольшими пластинками трапецевидной формы.

Что касается генезиса шлемов типа VI, то чешуйчатые приостренные «башлыки» были известны скифам еще в V—IV вв. до н. э.²⁵, а округлые ламеллярные — китайцам с конца III в. до н. э.²⁶ И ламеллярные, и чешуйчатые шлемы, равно как и каркасно-пластинчатые, были, судя по изображениям и находкам, распространены во II—III вв. у сарматов и на Боспоре²⁷.

Щиты первого этапа. Щиты, столь распространенные в степной зоне Евразии во II—I тыс. до н. э., сохраняют, судя по источникам, свое важное значение в основном лишь у пеших воинов в регионах с оседлым населением. Однако имеются источники, где они показаны в руках когурёских (см. рис. 4, 5; 7, 4) и хуннских (рис. 10, 1) всадников. Щиты первого этапа преимущественно подпрямоугольной формы. Сверху они могут завершаться выступающим углом, полукругом, «трезубцем», по бокам могут быть несколько вогнутыми (см. рис. 4, 5; 5, 2, 3; 10, 1—8). Высота щитов — от 60 до 150 см, материал — твердая кожа, натянутая на раму, доски, жерди, соединенные кожей. Судя по изображениям, щиты были эластичными — могли упруго прогибать-

* Собственно, еще у скифов в V—IV вв. до н. э. были чешуйчатые шлемы-башлыки, внешне похожие на рассматриваемые здесь. Но нам кажется, что непосредственно «мягкие» шлемы восходят к указанным китайским, поскольку в Центральной и Восточной Азии эта традиция практически не прерывалась в отличие от положения в Восточной Европе.

ся, что повышало их защитные свойства. Находка в погр. 4 кург. 1 в урочище Татарские Могилки на Северном Алтае позволяет говорить о бытовании щитов из железных продолговатых пластинок, рядами нашивавшихся на кожаную основу (см. рис. 10, 3). Утверждение, что в данном случае мы имеем дело не с панцирем, как до сих пор считалось²⁸, а со щитом, основано на том, что прямоугольному покрытию высотой в 54 см мешала сгибаться монолитная вертикальная железная рамка-обойма и человек, одетый в такой доспех, не мог сгибаться в поясе. Несгибаемый панцирь может прикрывать корпус воина только выше талии, но из-за высоты данного доспеха он не мог быть ни нагрудным, ни наспинным. Поэтому остается предположить, что это щит.

Прикрытия конечностей. Специальные, не входящие в комплект с панцирем прикрытия ног, относящиеся к первому этапу, нам пока неизвестны. Прикрытием служили длинные полы панцирей и «юбки» либо набедренники-наножники. А вот наручи, защищавшие руку от запястья до локтя, получили вполне широкое распространение. Они могли изготавливаться из ламеллярной (см. рис. 2, 4; 10, 9, 10), чешуйчатой (см. рис. 2, 1), полосчатой (см. рис. 3, 3; 4, 9; 10, 12, 15) и монолитной (см. рис. 2, 2; 3, 17; 5, 10; 6, 5, 8; 10, 11) брони. Ламеллярные, чешуйчатые, а также выполненные из полос металла, нашитых на мягкую основу, наручи были мягкими и имели разрез и завязки. Монолитные и из полос, жестко соединенных между собой, наручи делали створчатыми, причем внешняя створка была длиннее и прикрывала локоть. Самыми распространенными были, кажется, полосчатые наручи, самыми редкими, известными только у тохаров Восточного Туркестана, — чешуйчатые. Японские наручи имели лопасть, прикрывавшую тыльную сторону ладони.

Если генезис щитов первого этапа совершенно прозрачен: они являются продолжением древней центрально- и восточно-азиатской традиции²⁹, то внедрение в изучаемом регионе наручей можно связывать прежде всего с традицией дяньюнского доспеха последней четверти I тыс. до н. э.³⁰, а также с влиянием иранской традиции середины I тыс. до н. э.³¹

Конский доспех. Основные его элементы — наголовье, напешник и прикрытия корпуса. Наголовье в изучаемом регионе на первом этапе представлено двумя основными типами — налобником и маской. Налобники известны трех разновидностей. Налобники первой разновидности, бытовавшие на севере Китая и в Корее в IV в., имеют вид довольно узкой пластины, округло расширяющейся в верхней части, с вертикальной чеканной осевой полосой; корейские экземпляры — с короткими прямоугольными створками на шарнирах в нижней части (рис. 11, 1—3). Богатство материала (золоченая бронза и серебро), изящные и хрупкие украшения в виде листиков на шпеньках — все свидетельствует о том, что налобники первой разновидности служили украшением в не меньшей, если не большей степени, чем защитой. (В лите-

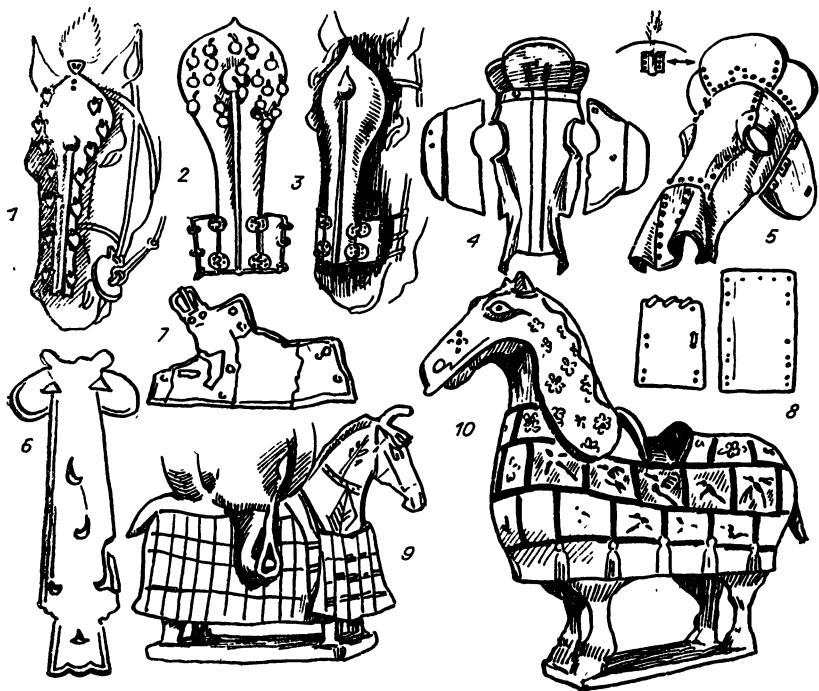

Рис. 11. Конские налобники (1—3, 6), конские маски (4, 5), детали конских панцирей (7, 8), конские доспехи (9, 10).

1 — Сяоминьтун, Аньян, начало IV в.; 2 — Чаньнён, пр. Кёнсан-намдо, Южная Корея, IV в.; 3 — южный курган могильника Хванным, Силла, IV в.; 4 — гробница Пёкжондон, Силла, IV—V вв.; 5, 8 — курган «Отани», Япония, IV—V вв.; 6 — храм Бунхва, Кёнджу, Силла, IV—V вв.; 7 — гробница 109, Кёнджу, Силла, IV в.; 9 — Силла, III—IV вв.; 10 — местонахождение не известно, конец VI — начало VII в.

ратуре эти налобники, особенно корейские, со створками, обычно считались наручами³², но находка в Аньяне³³ показала их истинное назначение.) Ко второй разновидности относится один доспех из Кореи в виде фигурно вырезанной полосы металла, «изображающей» с искажением пропорций наголовье типа маски (рис. 11, 6). Наконец, доспех третьей разновидности является налобной частью маски, тщательно выкованной из железа и выполненной в соответствии с анатомией лошадиной головы (см. рис. 5, 11).

Маски трех разновидностей: первая — глухая цельная (см. рис. 5, 8—10, 12; 6, 2, 4, 5, 7, 9); вторая — полуоткрытая цельная (см. рис. 5, 14; 6, 8); третья — глухая трехчастная (состоящая из налобника и нащечников) (см. рис. 4, 3, 6—8; 5, 13, 15; 6, 1; 11, 4, 5). Маски всех разновидностей чаще всего изготавливали из цельных (или более мелких, но неподвижно соединенных между собой) кусков железа или толстой твердой кожи. Но маски первой разновидности делали и ламеллярными (см. рис. 5, 9; 6, 5), а третьей — комбинированными (сплошной налобник и

ламельлярные нащечники) (см. рис. 6, 1). Чаще же всего маски третьей разновидности ковали, натуралистически воспроизводя формы лошадиной головы. На затылке к маске часто приклепан фронтальный трехчастный гребень-украшение и прикрытые затылка.

Редки наголовья, представляющие собой единое целое с нашейником (см. рис. 11, 10) или с полным доспехом (см. рис. 6, 6). Подобные наголовья изготавливались из мягкого материала — ткани, войлока, кожи. Мягкий доспех из органических материалов пока зафиксирован только в Китае VI в. Он показан гладким, богато затканым (или расписанным по коже) и стеганным (см. рис. 6, 6, 7; 11, 10). Возможно предполагать его применение в степях Центральной Азии. В Китае (см. рис. 5, 12), Корее (см. рис. 5, 13), Монголии (см. рис. 5, 15) встречаются изображения ламинарного конского доспеха или его деталей. Правда, художники и скульпторы не показали вертикальных пластинок, ограничившись горизонтальными линиями, хотя на деле изображен, пусть и условно, доспех ламеллярный, а не ламинарный. Именно ламеллярный доспех можно видеть на большинстве изображений бронированных коней, именно его остатки найдены во время раскопок на территории Японии, Кореи, Китая, Южной Сибири и Центральной Азии (см. рис. 4, 3—9; 5, 4, 7, 11, 13—15; 6, 1—5; 8, 9; 11, 7, 8, 10).

Что касается покроя конского доспеха, то выявить его удается не всегда. В ряде случаев доспех представлен цельным, как бы сделанным из одного куска, скроенным и спшитым «по фигуре» и надетым на коня как «комбинезон». В принципе можно представить доспех подобного покроя (разумеется, с разрезом для надевания (у копы вдоль хребта или шеи и груди), как у любого, самого глухого, комбинезона), но только из мягкого органического материала. Ламеллярный же, да еще железный доспех настолько тяжел, что в одном куске его невозможно надеть на коня. Там, где покроем показан, можно говорить о его нескольких вариантах. Первый вариант доспеха (нагрудник и две боковины, часто соединенные сзади (см. рис. 4, 5; 5, 8; 11, 9)) известен в Корее в III—IV вв. и Китае в VI в., второй вариант (прикрытие шеи и груди, две боковины и прикрытое крупа (см. рис. 4, 7—9; 5, 15)) — в Китае, Корее, Монголии в IV—VI вв., третий вариант (то же плюс задник (см. рис. 4, 6; 5, 9, 10, 14; 6, 4)) — в Китае, Корее в IV—VI вв., четвертый вариант (прикрытие груди и шеи и нагрудник (см. рис. 5, 12)) — в Китае в VI в., пятый вариант (нашейник и соединенные в один кусок боковины, нагрудник и задник (см. рис. 6, 8)), — в Китае в начале VI в., шестой вариант (прикрытие груди и шеи, назадник и нагрудник (см. рис. 5, 11)) — в Китае в начале VII в. Поскольку нашейник и прикрытые груди и шеи были открыты сзади и крепились к шее лошади завязками-перемычками на гриве, то эти детали обычно дополняли нагрудником — полосой толстой ткани, войлока или мягкой кожи с волнистыми краями, нередко ярко оформ-

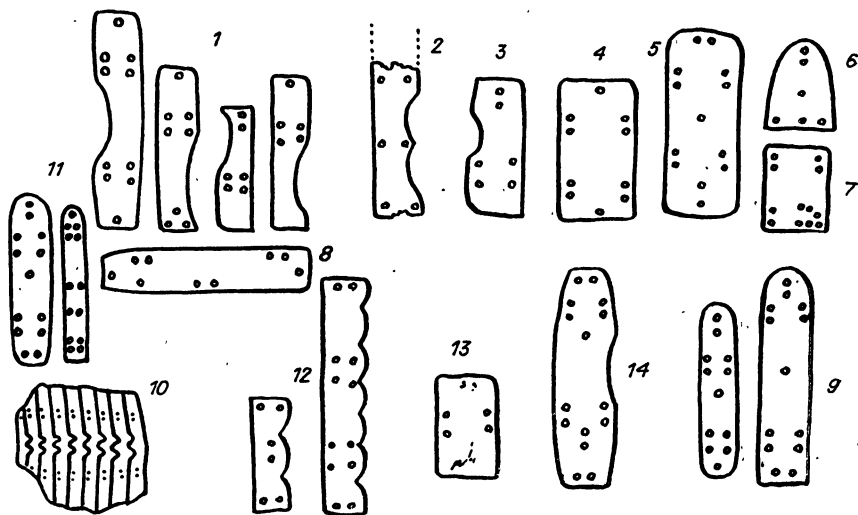

Рис. 12. Панцирные пластины.

1 — Керчь, VI в.; 2 — Нидерштёттунген, Южная Германия, VI в.; 3 — Кунсцентмартон, Венгрия, VI—VII вв.; 4 — Венгрия, VI—VII вв.; 5 — Кудыргэ, Алтай, VII в.; 6 — Турфан, Восточный Туркестан, VIII в.; 7 — Ния, Восточный Туркестан, IX в.; 8 — Чиктама, Восточный Туркестан, VII—IX вв.; 9 — Туран, Тува, VII—IX вв.; 10 — Двин, Армения, V—VII вв.; 11 — Цюйцзянчи, Сиань, VII—IX вв.; 12 — Рёлка, Среднее Приобье, VII—IX вв.; 13 — Аймырлыг, Тува, VIII—IX вв.; 14 — Бай-Тайга, Тува, VII—VIII вв.

ленной. Конский доспех имеет богатую историю в Китае с середины I тыс. до н. э., у скифов — с этого же времени, у саков — с IV в. до н. э., у сарматов и юэжжей — в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. Видимо, он был активно воспринят в сяньбийской, а в какой-то мере и в гуннской среде.

Шестой век представляет собой переходную эпоху между первым («гунно-сяньбийским») и вторым («тюркским») периодами. В это время предметы защитного вооружения приобретают черты, которые будут характерны для следующего периода и получают дальнейшее развитие. Собственно, речь идет об одной черте — оформлении краев пластин (частей ли шлема, панциря ли особенно «ребер» каркаса человеческого и конских шлемов) вырезной, выемчато-заостренной или волнистой линией (см. рис. 5, 10, 11; 7, 21; 8, 1—4; 9, 21, 29; 12, 1—3, 10, 12, 14).

Важной деталью, появившейся на шлемах в VI в., была заимствованная у поздних восточно-римских шлемов (см. рис. 9, 27) пластинка «брови-наносник», распространившаяся к VI в. от Европы до Китая (см. рис. 6, 7), где она, «соединившись» с налобной прямоугольной пластиной, известной там с IV в. н. э. (см. рис. 3, 8), и оформившись в течение VI в. в прямоугольную налобную пластину с «бровями» и наносником, распространилась по всей степной зоне вплоть до Восточной, Центральной и Юго-Западной Европы³⁴ (см. рис. 7, 21, 23; 13, 34). Во втором перио-

де продолжает бытовать и фигурная пластинка «брови-наносник» с прямыми или изогнутыми «бровями» (см. рис. 7, 5, 14, 22, 27, 29, 34).

К VI в. относятся достаточно подробные сведения о вооружении на интересующей нас территории в письменных источниках: китайских и византийских. Император сянбийской династии Северная Вэй в 520 г. подарил жуаньжуаньскому царевичу (мы пользуемся двумя переводами — Бичурипа (Б.), Таскина (Т.) — и комментариями Шефера (Ш.)³⁵ Анахуаню (Б.)/Анагую (Т.) в числе прочих предметов китайско-кочевнического обихода две пары тонко отделанных мингуанских (Т.)/блестящих (Б.) «ярко сверкающих» (мин гуан) (Ш.) лат для воина и лошади, шесть пар из узкого железа (Т.)/стальных (Б.) лат для воина и лошади, шесть щитов, покрытых красным лаком, и мечи (Т.)/сабли (Б.) к ним, шесть щитов, покрытых черным лаком, и мечи (сабли) к ним.

На другом конце степной ойкумены византийский император Маврикий советует снабдить тяжеловооруженную конницу аварским оружием. Собственно аваров в их вооружении он описывает кратко: «...вооружение их состоит из лат... Выдающиеся из них не только себя, но также и лошадей своих покрывают спереди железом или лоскутьями»³⁶. Но там, где Маврикий рассуждает об аварском доспехе применительно к своему народу, он более подробен: «...брони с плечевыми ремнями и наножники, доходящие до пят... шлемы с небольшими султанами наверху... круглые ожерелья, как у аваров, с редчайшими пятами изо льна внутри и наружу. ...следует, чтобы морды и груди лошадей у начальников и у других отборных воинов были прикрыты латами, хотя бы из лоскутьев, как у аваров, которые предохраняли бы шеи и груди лошадей...»³⁷

Как видим, комплекс защитного вооружения в евразийской степной зоне и вокруг нее был полностью сложившимся и развитым уже на первом этапе. Посмотрим, какие изменения он претерпел далее.

Панцири второго этапа. На этом этапе истории панцирей структура брони существенно не изменяется. По-прежнему преобладают ламеллярные (см. рис. 8, 3—10, 12, 15, 17; 13), реже встречаются ламинарные (см. рис. 8, 11) панцири. Везде, кроме Китая и, кажется, Кореи, перестают изготавливать панцири из больших цельных кусков твердого материала. Лишь в ряде случаев можно говорить о довольно крупных монолитных кусках, прикрывавших обычно верхнюю часть груди (см. рис. 8, 6; 13, 5), но всегда являвшихся не самостоятельным доспехом, а частью доспеха иной, обычно ламеллярной структуры. В западной части степной ойкумены кольчуга (см. рис. 8, 16) по-прежнему имела преимущества перед ламеллярным доспехом, и по давней, еще сарматской, местной традиции панцири из пластин и колец носили тяжеловооруженные всадники, особенно хазарские и позднее мадьярские — в течение VIII—X вв. (см. рис. 8, 14; 13, 5).

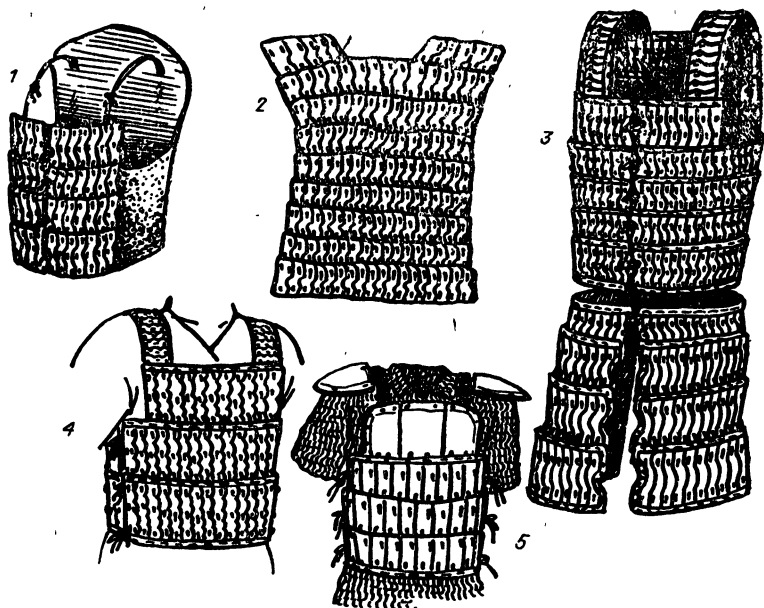

Рис. 13. Реконструкция панцирей.

1 — Хайдутёрёк, Венгрия, VI—VII вв. (реконструкция О. Гамбера); 2 — Кунсцент-мартон, Венгрия, VII в.; 3 — Нидерштётцунген, Южная Германия, VI—VII вв. (реконструкция П. Паульсена); 4 — Рёлка, Приобье, VII—VIII вв. (реконструкция М. В. Горелика); 5 — Верхний Чирьюрт, Дагестан, VII—VIII вв. (реконструкция М. В. Горелика).

Предмет на одном из изображений на сосуде из Надьсцентмиклош можно трактовать как панцирь с мягкой основой, с изнанки которой приклепаны пластины металла, а снаружи видны лишь головки заклепок (см. рис. 8, 18). Однако подобный доспех, изобретенный в Китае в конце VIII в. как доспех дворцовых телохранителей³⁸, появился в южно-русских степях и вообще в Европе только в XIII в. благодаря монголам³⁹. Поэтому правомерно считать, что в данном случае изображена также кольчуга, только на пленнике, связанном веревками, которые показаны параллельными горизонтальными полосами. Трудно сомневаться в бытовании доспехов из мягких материалов, но изображения встречаются только в Китае. Их структура передана параллельными горизонтальными полосами (см. рис. 8, 11). Но скорее это все-таки, как говорилось выше, ламинарные доспехи. Пластинчато-нашивная и чешуйчатая структура брони использовалась на втором этапе лишь в Китае, Корее и, может быть, Средней Азии.

Что касается пластин ламеллярного доспеха (см. рис. 12), то их основные типы сохранились и на втором этапе: новым было фигурное вырезывание внешнего вертикального края пластин, что повышало легкость и декоративный эффект, не снижая защитных свойств панциря.

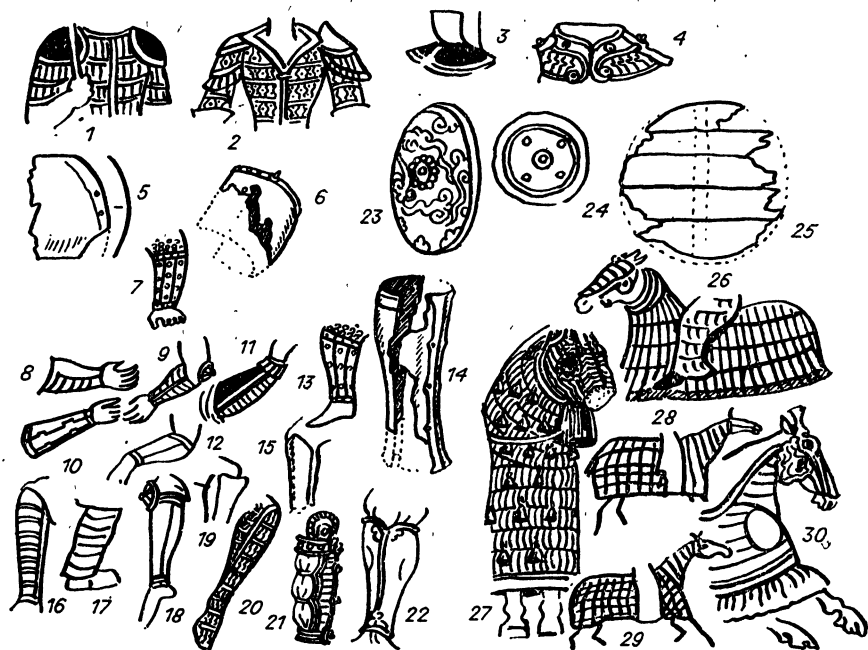

Рис. 14. Изображения 1, 2 — наплечников; 5—12 — наручей; 13—22 — поножей; 3, 4 — «ожерелья», 23—25 — щитов, 26—30 — конских доспехов.

1, 3, 23 — пещера 5, Шорчуг, Восточный Туркестан, VIII в.; 2, 24 — Карашар, Восточный Туркестан, VIII в.; 4 — Куча, Восточный Туркестан, IX—X вв.; 5 — Верхний Чирчюрт, Дагестан, VII—VIII вв.; 6, 14 — Ворисовский могильник, Геленджик, VII—VIII вв.; 7, 13 — Надсцентмиклош, Венгрия, VII—IX вв.; 9, 19 — «пещера Кирина», Шорчуг, VII в.; 10 — Кочо, Восточный Туркестан, VIII—IX вв.; 11 — Безеклик, Восточный Туркестан, VII—VIII вв.; 12 — «пещера осады Кушинары», Шорчуг, VIII—IX вв.; 15 — Копенский чаа-тас, Хакасия, IX в.; 16 — «пещера Муцилинды», Тулоп-Мазар, Восточный Туркестан, VII в.; 17 — Восточный Туркестан; 18 — пещера 9, Шорчуг, VIII в.; 20 — «пещера омовения ног», Кызыл, Восточный Туркестан, VII в.; 21 — Безеклик, IX в.; 22 — Ир-хото, Восточный Туркестан, IX в.; 25 — могильник Аймырлыг III, Тува, VIII—IX вв.; 26 — Дуньхуан, IX в.; 27 — Так-и-бустан, Иран, VII в.; 28, 29 — гора Хар-Хад, Монголия, V—IV вв.

Обратимся к покроям ламеллярных и ламинарных панцирей. Излюбленным покроем по-прежнему остается «корсет-кираса» с двумя боковыми разрезами или одним осевым, дополненная лопастевидными набедренниками, прикрепленными спереди и с боков к подолу «корсета-кирасы» или надеваемыми отдельно (см. рис. 8, 1, 2, 10, 13—15; 13, 1, 3—5). Ламеллярными делали и лямки. «Ожерелье» в роли основы для крепления нарукавий-оплечий еще существует, но теперь все чаще нарукавья — лопастевидные, крепятся непосредственно к панцирю, к лямкам (см. рис. 8, 13, 15). Почти столь же популярен покрой «халат» с прямым осевым или боковым, с запахом, разрезом (см. рис. 8, 4—6, 11, 12). Нововведение в VIII—IX вв. коснулось оформления нижней части: подол часто уже не был разрезан сзади от крестца донизу, а лопастевидные набедренники-панножки различной

(до колен и до стопы) длины прикрывали ноги спереди и сбоку, а квадратная или трапецевидная лопасть сзади прикрывала крестец (см. рис. 8, 11, 12). Иногда панцири имели и небольшую прямоугольную лопасть спереди, прикрывающую ноги до колен. Покрой «халат» и «корсет-кираса» имели и панцири из мягких материалов. Можно предполагать и покроем «пончо» (см. рис. 13, 2).

Нововведением можно считать и встречающиеся на изображениях и среди археологических предметов на территории от Центральной Азии до Северного Кавказа наплечники различных форм и из разного материала (рис. 14, 1, 2, 5, 6): из железа и толстой кожи, монолитные и ламеллярные, прикрепленные, как правило, непосредственно к панцирю. В качестве дополнения к панцирю бытовали и широкие «ожерелья» (см. рис. 13, 3, 4; 14, 3, 4) из войлока, ткани и кожи или ламеллярные — из железа или твердой кожи. «Доживают» в Восточном Туркестане до VI в. панцирные стоячие воротники — наследие сако-юэчжийской эпохи.

Шлемы второго этапа. Развитие шлемов во второй половине I тыс. продолжалось по направлениям, выработанным в основном еще на первом этапе. Исчезают шлемы-венцы. Шлемы типа II из нешироких сужающихся сверху пластин популярны по-прежнему (см. рис. 7, 3, 21, 23). То же можно сказать и о шлемах типа III — каркасных (см. рис. 7, 2, 9, 14, 20, 22, 24, 30). Но, «вырастая» из конструкций типов II и III, к концу периода все более распространяются шлемы с тульей, состоящей из склепанных (реже связанных) между собой двух-восьми кусков в форме сегмента, нижний обод для них в отличие от наверхия уже не всегда обязателен, край может быть ровным или с надбровными вырезами, околыш может быть на востоке степной зоны наборным из пластинок (см. рис. 13, 1, 7, 8, 13, 15, 25—29, 31—34). Шлемы нового типа VIII имели различную форму тульи-купола: яйцевидную и сфероконическую. Все чаще встречаются шлемы типа IV — с цельнокованой тульей-куполom (см. рис. 7, 10, 16, 17). Они конической и сфероконической формы. Как отмечалось, с VI в. важным признаком шлемов становятся пластины с вырезными краями. Это характерно для шлемов всех перечисленных, кроме цельнокованого, типов. Интересно проследить развитие этого признака на шлемах типа VIII. Появившись как система оформления каркасных пластин шлемов типа III в Центральной Азии (?) в VII в. (см. рис. 7, 2), он перекочевал на шлемы VIII—IX вв. Дальнего Востока (см. рис. 7, 25, 26), шлемы IX—X вв. Южного Приуралья и Нижнего Поднепровья (?) (см. рис. 7, 29, 34). Со шлемами этого типа и облика связана еще одна деталь оформления — накладные плоские зубцы на лбу. Парные зубцы мы видим на корейском и бохайском шлемах VIII—IX вв. (см. рис. 7, 25, 26), «трезубец» — на восточно-туркестанском VIII в. (см. рис. 7, 8) и нижнеднепровском мадыарском IX в. (см. рис. 7, 34). Шлемы второго варианта с вырезными пластинами, на каждой из сторон которых имеется только один круп-

ный округлый вырез (см. рис. 7, 27, 28), пока зафиксированы только в болгаро-хазаро-мадьярском круге памятников VIII—IX вв. Картина развития шлемов степной зоны важна и для трактовки находок на территории Древней Руси: большинство обнаруженных здесь древнейших, второй половины IX — начала X в., шлемов (см. рис. 7, 30, 31, 33) прямо связано со шлемами рассмотренных степных типов. И если шлемы из Гнездова и Гульбища можно полагать импортом — гульбищенский из Хазарии, а гнездовский из Средней Азии (?), то знаменитые «золотые» шлемы (см. рис. 7, 33), известные на Руси, в Польше и Венгрии, можно считать древнерусской, довольно самостоятельной, репликой, превзошедшей по эффектности степной прототип, полученный из мадьярских или хазарских рук.

Изменения коснулись и других деталей. Столь популярные на первом этапе и в переходном VI в. полушаровидные и слегка выпуклые круглые навершия (см. рис. 7, 1, 2, 20—23) сменяются коническими, часто увенчанными трубочкой для плюмажа. Особенно высокие трубочки наверший (и в виде трубочки, и в виде шпиля, и в виде наконечника, и с шариком на макушке) известны на шлемах из Восточного Туркестана VIII—X вв. (см. рис. 7, 9, 10, 13—15). Там же формируется налобная пластина, верхний край которой вырезан в виде трех низких зубцов (см. рис. 7, 15).

В западной части степной ойкумены предпочтение отдавали кольчужным бармицам, имеющим в начале второго этапа еще часто нащечники иного типа (см. рис. 7, 20—22). Интересно, что эти нащечники проникали далеко на восток — до Южной Сибири (см. рис. 7, 16). В болгаро-мадьярской среде кольчужные бармицы были глухими (см. рис. 7, 19), порой закрывающими и лицо (см. рис. 7, 24). Что касается Центральной Азии, то там бармицы (ламеллярные, ламинарные (?) и из мягких материалов) были четырех видов: с короткой затылочной и удлиненными боковыми частями, завязывающимися на подбородке (см. рис. 7, 1—3, 7, 9); глухая, оставляющая открытой лицо, но прикрывающая ключицы и верх лопаток (см. рис. 7, 8, 15); закрывающая все, кроме глаз (см. рис. 7, 13); прикрывающая спину, плечи и руки до локтей (см. рис. 7, 10). Мягкие шлемы типа V продолжали делать в Китае и Восточном Туркестане. Но если в VII в. шлемы из Астаны повторяли шлемы первого этапа, то дуньхуанские образцы IX в. снабжены каркасной вырезной пластиной спереди, иногда соединенной с пластинкой — «брови-наносник», и увенчаны перьями (см. рис. 7, 4—6).

Щиты второго этапа. Они претерпели самые серьезные изменения: около VI в. прямоугольные щиты сменились круглыми. Судя по изображениям и находкам, щиты были разных размеров: от больших (до 70—80 см) до маленьких (40—50 см). Их делали из деревянных досок, обтянутых кожей, иногда с росписью, усиленными оковками, одним, а то и пятью железными умбонами (см. рис. 14, 23—25).

Прикрытия конечностей. Эта часть доспеха народов степной зоны во второй половине I тыс. переживает бурное развитие. Конструкция наручей и поножей, как правило, одна и та же. По структуре известны наручи и поножи полосчатые, из вертикальных полос железа или дерева, приклепанных или привязанных к горизонтальным ремням (с VII в. в Европе (см. рис. 14, 7, 13)), ламинарные (с VII в. от Китая до Средней Азии (см. рис. 14, 8—11, 16, 17, 21)), ламеллярные (с VII в. от Японии до Центральной Азии (см. рис. 14, 20)), монолитные (с VIII в. от Китая до Северного Кавказа (см. рис. 14, 10, 12, 14, 15, 18, 19, 22)). В Восточном Туркестане зафиксированы кольчужные чулки, или гетры (см. рис. 14, 20), надеваемые под ламеллярные поножи. По конструкции различают поножи и наручи трубчатые (см. рис. 14, 7, 13, 17), одностворчатые (см. рис. 14, 8—11, 15, 16, 19—21), двустворчатые (см. рис. 14, 9, 10, 12, 14, 18, 22). Наручи и поножи были более короткие — до локтя и до колена и более длинные — прикрывающие локоть и колено. В первом случае наручи и поножи могли дополняться дисковидными пластинами, прикрывающими локоть и колено (см. рис. 14, 9, 18, 21). Пластины эти, прикреплявшиеся к верхнему краю наруча или поножи, известны пока только в Китае и Восточном Туркестане.

Конский доспех второго этапа. Судя по изобразительным источникам, применение полного конского доспеха в VII—IX вв. хотя и продолжается, но значительно сокращается. Ввиду малочисленности изображений бронированных коней трудно рассуждать о специфике конского доспеха этого периода. Тем не менее основные особенности видны достаточно хорошо. Можно с уверенностью говорить, что полные доспехи практически всех разновидностей продолжали бытовать и на втором этапе (см. рис. 14, 26, 30). В полном соответствии с описаниями аварского конского доспеха, составленными императором Маврикием, конский панцирь на изображении персидского царя Хосрова II (?) из Так-и-буста-на прикрывает только шею и грудь лошади (см. рис. 14, 27). На одной из дуньхуанских икон IX—X вв. показана такая защитная деталь, как накрупник из толстой кожи, усиленный и украшенный металлическими умбонами. Эти свидетельства позволяют говорить о попытках на данном этапе облегчить конский доспех. На той же дуньхуанской иконе на голове коня видна чешуйчатая полумаска (впрочем, доспех вполне уникальный). Боевые наголовья-маски часто показаны имеющими отличия в структуре бронирования налобника и нащечников: ламинарный налобник и цельные нащечники (см. рис. 14, 26), ламеллярный налобник и ламинарные нащечники (см. рис. 14, 27), цельнокованый налобник и нащечники из мягкой материи (см. рис. 14, 30). Впервые в VIII в. встречаются металлические доски, усиливающие доспех, в частности ламеллярный панцирь (см. рис. 14, 30).

Подведем итоги и попробуем набросать общую картину развития доспеха жителей степной зоны и прилегающих районов Евра-

зии в I тыс. На базе сако-юэчжийской и китайской традиций в первые века нашей эры вырабатывается совершенный и разнообразный комплекс вооружения тяжеловооруженного всадника и пешего воина. Комплекс включает панцири, шлемы, ожерелья с нарукавьями, наручи, набедренники-паножики, «юбки», прямоугольные щиты, полный конский доспех, целиком закрывающий лошадь. Чаще всего по структуре броня ламеллярная. В результате гуннского движения на Запад этот комплекс становится известным на территории до Центральной Европы, где бытовал римско-сарматский комплекс. Результатом обратного влияния следует считать широкое распространение кольчуги вплоть до Припятья и пащечников античного типа (еще восточнее). В VI в. начинается процесс некоторого изменения в уже окончательно сформировавшемся комплексе: прямоугольные щиты сменяются круглыми (у пехотинцев в Китае на вооружении остаются подпрямоугольные), распространяются наплечники и поножи. В целом доспех становится, очевидно, более подвижным и легким, допускающим более свободные комбинации элементов. Уменьшается количество типов шлемов, на базе старых рождаются немногие новые. Делаются попытки облегчения конского защитного покрытия за счет применения в качестве самостоятельного доспеха отдельных частей полного панциря. Однако эти попытки не имели будущего, во всяком случае в ближайшие 500 лет. Вторая половина I тыс. — «тюркская эпоха» — связана также с усилением центрально- и восточно-азиатских признаков в доспехе на всей территории степной ойкумены; что естественно, учитывая тюркское, аварское, хазарское влияние на Запад, опять-таки до Центральной Европы. Кольчуга, известная и популярная уже не только в Европе и Малой Азии, но и на всем Ближнем и Среднем Востоке, включая Среднюю Азию, все чаще особенно на Западе входит в комплекс доспеха. Часто ее носят под ламеллярным или ламинарным допехом, в этом случае прикрытия рук и бедер не ламеллярные. Доспех евразийских степей сыграл важную роль в формировании элементов древнерусского доспеха — ламеллярных панцирей, сфероконических шлемов.

Второй период характеризуется поиском в создании «абсолютного», максимально непроницаемого доспеха, работой в направлении увеличения рациональности, удобства, снижения веса, какой-то стандартизации. Это можно связать с ростом численности тяжеловооруженных всадников, со стремлением сделать их соединения более подвижными и маневренными, не теряя при этом мощи и тяжести их первого таранного, копейного удара.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Lenz E. von. In Russland gefundene Frühmittelalterliche Helme // *Zeitschrift für Historische Waffen- und Kostümkunde*.— 1924.— Beiheft 1; Arendt W. Ein Alttürkischer Waffenfund aus Kertsch // *Ibid.*— 1932.— Vol. 13; *Idem.* Der Nomsdenhelm des frühen Mittelalters in Osteuropa // *Ibid.*— 1935.— Vol. 5.

² См.: *Lauffer B. Chinese Clay Figures.*— Chicago, 1914.— P. I: Prolegomena on the History of Defensive Armour; *Thordeman B. Armour from the Battle of Wisby, 1361.*— Stockholm, 1939.

³ *Robinson H. R. Oriental Armour.*— L., 1967; *Gamber O. Dakische und Sarmatische Waffen auf den Reliefs der Traiassäule // Jahrbuch der Kunsthistorischen Sammlungen in Wien.*— 1964.— Bd 60; *Idem. Grundriss einer Geschichte der Schutz Waffen des Altertums // Ibid.*— 1966.— Bd 62; *Idem. Kataphrakten, Clibanarii, Normannenreiter // Ibid.*— 1968.— Bd 64.

⁴ См.: *Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. VI—XII вв.*— Новосибирск, 1980; *Он же. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии.*— Новосибирск, 1986; *Горелик М. В. Вооружение народов Восточного Туркестана в древности и раннем средневековье.*— М. (в печати).

⁵ См. напр.: *Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.*— Новосибирск, 1981.

⁶ *Горелик М. В. Военное дело на древнем Востоке IV тыс. до н. э.— IV в. до н. э. Вооружение.*— М. (в печати).

⁷ *Пугаченкова Г. А. О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства // ВДИ.*— 1966.— Рис. 2, 4, 6; *Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов.*— М., 1971.— Табл. XXVIII, XXX, XXXI; *Горелик М. В. Кушанский доспех // Древняя Индия: Историко-культурные связи.*— М., 1982.— Табл. 5, 7, 10.

⁸ *Ян Хун. Чжунго гу бинци луньцун (Сборник статей о древнем оружии Китая).*— Пекин, 1980.— Рис. 15, 16.

⁹ Там же.— Рис. 17, 2, 3.

¹⁰ *Крюков М. В., Малаев В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков.*— М., 1979.— С. 152, рис. 23; *Восточный Туркестан и Средняя Азия: История, культура, связи.*— М., 1984.— Рис. 27; *Фрески периода Когурё.— Пхеньян, 1979.*— С. 12, 19, 61, 63; *Воробьев М. В. Древняя Япония.*— М., 1958.— Рис. XXV; 5; XXVII, 3.

¹¹ *Higuchi T., Nichitani S., Onoyama S. Otani.*— Wakayama-Sity, 1959.— Fig. 19.

¹² *Stone G. C. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor.*— N. Y., 1961.— P. 540—542.

¹³ См.: *Горелик М. В. Сакский доспех // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства.*— М., 1987.

¹⁴ *Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы.*— М.; Л., 1962.— Табл. XVII.

¹⁵ *Gamber O. Dakische...*— Abb. 8, 9, 15, 16.

¹⁶ *Бетров Р. Ж. Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и средние века.*— М., 1980.— С. 118—119.

¹⁷ *Gamber O. Dakische...*— Abb. 8, 9, 15.

¹⁸ *Горелик М. В. Сакский доспех.*— Рис. 2, 2.

¹⁹ *Николаева Э. Я. Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной культуры.*— М., 1986.— Табл. I, 1.

²⁰ *Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С. Конструктивные особенности панциря из могильника Акчий-Кара-су // Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. «Культура и искусство Киргизии».*— Л., 1983.— Вып. 2.— С. 71; *Robinson H. R. Oriental Armour.*— Fig. 2, E.

²¹ *Gamber O. Dakische...*— Abb. 5, 8, 9, 12.

²² *Laffont R. The Ancient Art of Warfare.*— P., 1966.— Pl. 121.

²³ *Gamber O. Grundriss...*— Abb. 67; *Idem. Kataphrakten...*— Abb. 11.

²⁴ *Ян Хун. Чжунго гу бинци луньцун.*— Рис. 11.

²⁵ *Cernenko E. V., Gorelik M. V. The Scythians 700—300BC.*— L., 1983.— Pl. D2.

²⁶ *Ян Хун. Чжунго гу бинци луньцун.*— Рис. 11.

²⁷ *Gamber O. Dakische...*— Abb. 8, 32, 36.

²⁸ *Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири.*— Новосибирск, 1974.— С. 147; *Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников.*— С. 121.

²⁹ Горелик М. В. Сакский доспех.— С. 126, 127.

³⁰ Ян Хун. Чжунго гу бинци луньцун.— Рис. 23.

³¹ Горелик М. В. Военное дело на древнем Востоке.— Табл. VII, 23.

³² См.: Ito A. Zur Chronologie der Frühsilazeitlichen Gräber in Südkorea.— München, 1971.— Tafelband.— Abb. 53; Ogura Collection. Tokyo National Museum.— Tokyo, 1982.— N 115.

³³ Раскопки некоторых погребений династии Цзинь у Сяоминьтупа, Ань-янь // Каогу.— 1983.— № 6.— Рис. 3, 5, табл. II, 3; VIII, 4.

³⁴ Gamber O. Dakische...— Abb. 37.

³⁵ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.— М.; Л., 1950.— Т. 1.— С. 200; Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху/Введ., пер. и коммент. В. С. Таскина.— М., 1984.— С. 283; Шеффер Э. Золотые персики Самарканда.— М., 1981.— С. 343, 461.

³⁶ Маверикий. Тактика и стратегия/Пер. Цыбышева.— СПб, 1903.— С. 174.

³⁷ Там же.— С. 16, 17.

³⁸ Robinson H. R. Oriental Armour.— P. 147.

³⁹ Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины.— М., 1983.— С. 255.

А. П. Бородавский

ПЛЕТИ И СТЕКИ В ЭКИПИРОВКЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВСАДНИКА ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Среди разнообразного сопроводительного инвентаря погребений раннесредневековых всадников юга Западной Сибири в последнее время выделяются предметы, конструктивно относимые к плетям и стекам¹. Эта группа находок пока еще немногочисленна, но достаточно интересна для интерпретаций.

Предметы экипировки всадника во многом являются материализацией его реальных навыков и возможностей, а значит, и путями для их реконструкции в дальнейшем. Как элемент погребальной обрядности экипировка несет в себе и определенную смысловую нагрузку, что в конечном счете имеет выход на идеологические представления. Этнографический опыт, мифология и изображения составляют достаточное обоснование для вариантов интерпретации конкретного археологического материала.

Конструктивные фрагменты плетей известны в комплексах нескольких археологических культур юга Западной Сибири: повосибирском варианте одинцовской и сrostкинской культур, курайской, аскизской, в материалах кыргызов и кыштымов. В целом все предметы относятся к хронологическому промежутку VIII—XIII вв. Плетей X—XIII вв. с юга Западной Сибири опубликованы в научной литературе². Элементы, относимые к VIII—X вв., публиковались не раз, однако авторы публикаций не всегда включали их в категорию плетей³. Причина этого,— сложность

определения плетей по их фрагментам и отсутствие разработанной хронологии и типологии плетей из памятников раннего средневековья. Предметы, относящиеся к плетям VIII—X вв., обнаружены в ряде погребений на территории Алтая и Новосибирского Приобья. Основанием для отнесения их к конструктивным элементам плетей может быть: определенная типологическая близость к более поздним хорошо известным образцам; наличие характерных для плетей деталей; типичное расположение в погребальных комплексах, что согласуется с этнографическими и изобразительными материалами.

Наличие плетей в погребальных комплексах одинцовского времени в Новосибирском Приобье отмечается Т. Н. Троицкой⁴. Около костей правой руки погребенного из кург. 10 Юрт-Акбалыка-8 был прослежен тлен от кожаного ремня плети. Ее конструкцию проследить не удалось, однако очевидно, что ее общая длина составляла около 80 см.

Об усилении проникновения тюркских элементов на территорию Новосибирского Приобья можно судить по найденным в памятниках многочисленным плетям и конскому снаряжению. В целой группе погребений из могильника Умна-3 (кург. 18), Красный Яр-1, (кург. 2), Чингис-2 (жург. 1) встречаются костяные предметы, которые вполне могли выполнять роль навершия при сочленении ремня и кнутовища плети⁵. По форме они типологически близки к восточно-европейским навершиям III типа, по А. Н. Кирпичникову⁶. Отнесение их к конским султанчикам⁷ вряд ли будет правомерным, так как пока неизвестны ни аналоги их в непо потревоженных комплексах оголовья этого времени, ни связи с более поздними конскими султанчиками. Расположение отверстий более соответствует устройству плети, а крепежные отверстия по краям основной втулки имеют прямые аналогии с плетеными конструкциями. Плетей встречаются в погребениях, датированных Т. Н. Троицкой не позднее VIII—X вв.⁸

По материалам аскизской культуры и погребений кыргызских кыштымов для X—XIII вв. известны железные и роговые сочленения кнутовища и ремня плети. Аналоги им И. Л. Кызласов находит в восточно-европейских памятниках⁹. Навершия из Ак-Полака, Уюк-Тарлыка (кург. 54), Оглахты-3 (кург. 3), Луговского и коллекций случайных находок имеют длинные втулки и загнутое сочленение, наиболее близкое к западным экземплярам IV типа, по классификации А. Н. Кирпичникова¹⁰. Окончания рукоятей плетей VIII—X вв. иногда выполняли в виде костяных наверший (Чулым-2, кург. 17, погр. 4). Они имели дисковидную, трубчатую или шарообразную форму. Шарообразные рукояти иногда изготавливали из бронзы и наносили зооморфный декор. В вариантах там более позднего времени у отатарившихся вогулов навершия этого типа встречаются довольно часто (рис. 1, 2—4). Навершия близкой шарообразной формы встречаются и в археологических комплексах II тыс. (Абрамовский могильник, Болгар)¹¹. Навершие указанного типа интересно не только своим широким временным бытованием, но и тем, что в

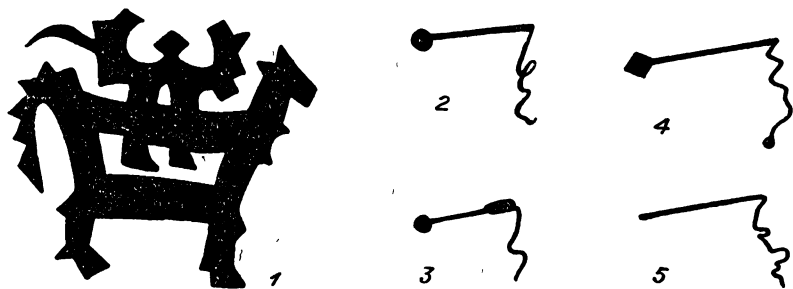

Рис. 1. Изображение всадника с плетью с жертвенного мансийского покрывала (1) и тамги сибирских народов (2—5).

2, 3, 5 — отатарившиеся вогулы; 4 — сибирские татары. 1, 4 — по С. В. Иванову; 2, 3, 5 — по Ю. Б. Симченко.

раннее средневековье оно было характерно и для стеков. Стеки VIII—X вв. с шарообразными навершиями известны в погребениях Алтая (Курота IV, кург. 1, Юстыд-12, кург. 28)¹², Тувы (Аргалыкты I, кург. 11¹³, Могун Тайга IV, кург. 58)¹⁴ и Новосибирского Приобья (Красный Яр-1)⁵¹ (рис. 2). Близость функционального назначения кнута и стека, однако, не означает их тождества. Наличие шарообразных роговых наверший на разных предметах свидетельствует об оптимальности их формы.

Ременная плетеная конструкция кнутовищ воспроизводится в декоре алтайских роговых наверший. Характерные детали разного орнамента достаточно похожи на узлы и плетение ремней, бытующие до современности¹⁶. Такая же орнаментация иногда имеется и на навершиях стеков, хотя там она менее функционально оправдана, так как стержень стека в основном был деревянным.

В раннесредневековое время продолжает развиваться традиция изготовления кнутовища из дерева и обмотки его металлической лентой, а также оформления наверший рукоятей зооморфным орнаментом, известным со скифского времени¹⁷.

Следует отметить, что, несмотря на преемственность традиций в использовании разнообразных материалов и деталей отделки, для раннего средневековья характерен новый способ соединения ремня и кнутовища: жесткое закрепление ремня и кнутовища под углом 45—90°. Об этом можно судить по изогнутости втулки для ремня из прочных материалов.

Различные варианты конструктивного оформления плетей свидетельствуют о сложности изготовления этого предмета. В эпосе кочевых народов есть описания плетей.

Внешний вид богатырской нагайки таков:

Мощные шкуры пятидесяти быков
Вложены были в сердцевину ее,
Мощные шкуры семидесяти быков
Теплою шубой покрывали ее,
Тысяча угловатых на ней ремешков.
Поочередно в тисках сжимали ее,
Избранные силачи нетленной страны
Долго держали нагайку в слюне змеи.

Были искусно тесемки переплетены,
 Словно узоры на скользкой спине змеи.
 Снизу была снабжена ладонью стальной
 В два толщинной и четыре пальца длинной.
 Всех ее пуговок сразу не сосчитать.
 И сиротой выраставшей, не в частном бору,
 Семьдесят лун высохавший на жарком ветру —
 Крепкий сапал пошел на ее рукоять.
 Да, украшеньем нагайки была рукоять,
 Но и нагайке дано рукоять украшать! ¹⁸

Процесс изготовления стека был менее сложен, однако имел особенности. Речь идет в основном об изготовлении костяного шарообразного навершия и цилиндрического основания. Сырьем для этих предметов служил рог. Шарообразное навершие делали, как правило, из роговой спицы, пористая и губчатая структура материала которого позволяла изготовить тяжелый и прочный предмет с отверстием в центре (рис. 3). Деревянный стержень стека, как и кнутовище, в некоторых случаях (Аргалыкты I, кург. 11) обрамляли бронзовой лентой.

Использование плетей и стеков во многом было обусловлено практикой верховой езды. Плеть начиная с ассирийского времени ¹⁹ относилась к важным деталям экипировки конного лучника, поэтому предусматривался определенный способ ее ношения. Этнографические материалы, изображения и археологические находки позволяют представить способ ношения плетей. При верховой езде плетъ держали в правой руке, а при стрельбе из лука она висела на ременной петле на запястье. Этот способ известен по изображениям на Сулекской писанице, росписях из Турфана и Кореи ²⁰ и мансийским погребальным изображениям ²¹ (см. рис. 1, 1; 4, 1—3). Удобство расположения плети ременной петлей на запястье очевидно. Плетъ не затрудняет движений и стрельбы при свободном свисании, а в случае необходимости может быть легко подхвачена и использована всадником. Способ ношения плети петлей на поясе, характерный для скифского времени ²², пока неизвестен для раннего средневековья.

Стеки носили другим способом: в колчане со стрелами. На поздних гравюрах Герберштейна на некоторых колчанах показаны специальные отверстия, в которые всовывался стек навершием вверх ²³. Автор подчеркивает восточные черты экипировки всадника, более известные в Московии, чем в Западной Европе (рис. 4, 4).

Расположение роговых деталей стеков среди остатков колчанов в погребениях Могун Тайги (кург. 58) и Красного Яра-1 (кург. 15, погр. 1) ²⁴, указывает на то, что стеки носили в колчане со стрелами. Но поскольку боковое отверстие на колчанах отсутствовало, стек помещали непосредственно в приемнике между стрелами (рис. 4, 5, 6).

Расположение плетей и стеков в экипировке всадника обусловлено важностью и многофункциональностью ее применения в практике конного войска кочевых обществ. Плетей характеризо-

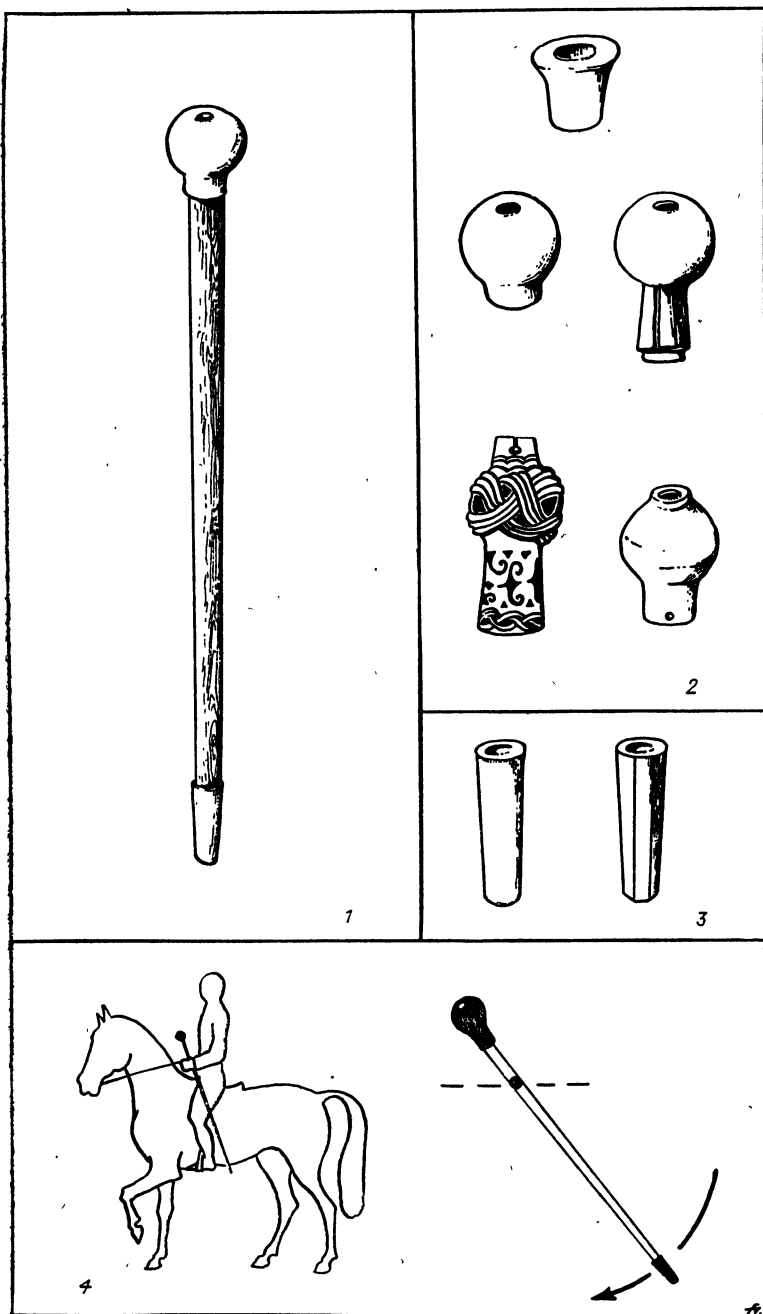

Рис. 2. Конструкция стеков (1—3) и схема их использования (4).

1 — общий вид; 2 — округлые роговые наконечники; 3 — роговые окончания.

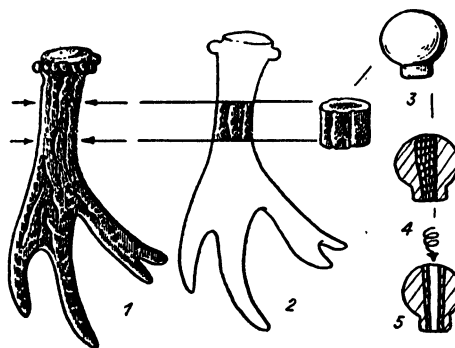

Рис. 3. Схема изготовления на-
вершия стека.

нижнего, и поэтому держит его в месте центра тяжести. В таком положении стеком можно пользоваться, не делая размашистых движений рукой. Стеком наносят короткий удар по крупу лошади. Его воздействие достаточно: не нужно, чтобы лошадь пугалась еще и свиста рассекаемого воздуха, как это случается при использовании других средств — плетей, кнутов²⁶ (см. рис. 2, 4). Практика использования стеков объясняет целесообразность их характерной детали — рогового шарообразного навершия, которое выполняло функции утяжелителя.

Плеть использовалась и для управления боевым конем (с той стороны, где бьют плетью, имеется солнцеподобное тавро)²⁷. Однако в отдельных случаях, приближенных к экстремальным, плеть могла заменять оружие. По этнографическим данным, у казахов, калмыков, киргизов, хакасов и других кочевых народов плети использовались в качестве оригинального и специфического ударного оружия²⁸. Известный у киргизов «бой обнаженных» заключался в умении выбить противника из седла ударом плети. Живучесть этого вида состязаний во многом обуславливалась тесной связью с военным делом. Лица, неоднократно выступавшие и одерживавшие в таких состязаниях победу, еще в начале XX в. носили почетное прозвище баатыров — богатырей. На особо крупных праздниках эти конные поединки имели массовый характер и порой превращались в настоящие сражения²⁹. Иногда сражения с плетями были формой выяснения отношений между родственными племенами в конфликтных ситуациях³⁰.

Особая эффективность применения плетей в бою достигалась благодаря вплетению в конец ремня кости и железа³¹. Одна из таких плетей изображена на подписном знаке сибирских татар XVII в.³² (см. рис. 1, 4). Отработана была и система специальных ударов по особо уязвимым местам — по руке выше локтя, запястью, коленной чашечке, по голове. Особенно действенным был удар рукояткой плети по шейному сухожилию³³. Для этого было важно иметь твердое рельефное навершие из рога или металла.

Значительная сила удара плети получила образное, осмысленное его в эпосе³⁴.

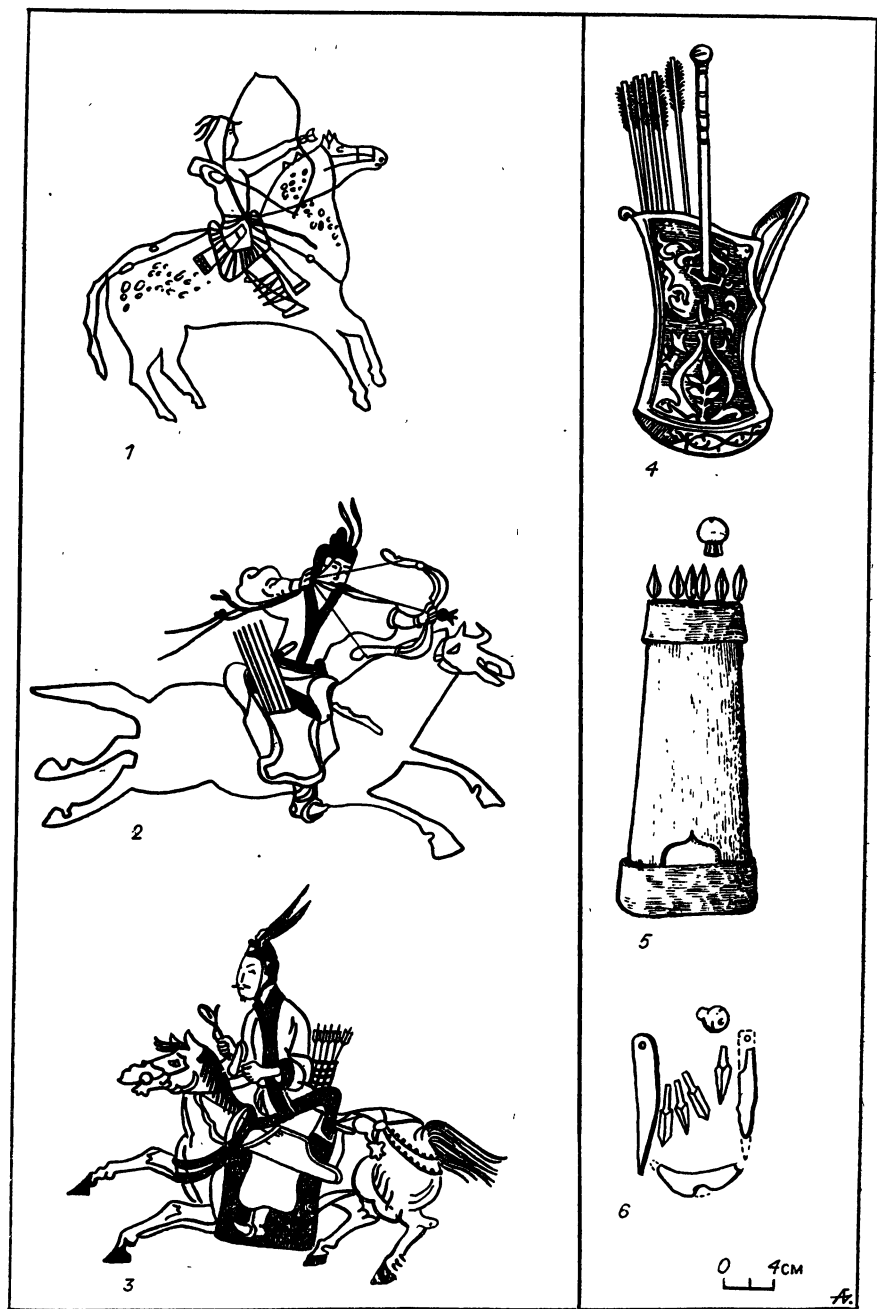

Рис. 4. Стеки (4—6) и их изображения (1—3).

1 — Сулукская писаница; 2 — турфанские миниатюры; 3 — корейское изображение;
4 — положение стека в саадаке (по Герберштейну); 5 — положение стека в колчане
(Могун Тайга, кург. 58); 6 — положение стека в колчане (Красный Яр-1, кург. 15,
погр. 1).

Юзут-Арх, издав восхищенный клич,
С силой дернула толкий бич.
Ремень задрожав натянулся

струпой,
До тела прорезав панцирь стальной.
Юзут-Арх рванула второй раз,
Так, что брызнули искры из глаз.
Тонкий ремень, словно черный змей,
Врезался в тело до белых костей³⁵.

Интересно отметить, что в китайском историческом романе монгольского времени «Речные заводи» описывается применение плетей в бою. Причем речь идет о специальных плетях с особой отделкой³⁶.

Система специальных ударов плетью применялась не только в состязаниях и в бою, но и при конной охоте, широко распространенной на юге Западной Сибири. Плетей использовались и при выпасе стада скота. Это ее назначение актуально до сих пор.

Вопрос о социальной значимости плети является одним из наиболее сложных. Исследуя наверхние кнутаовица плети из могилы Ак-Кюна (Курай IV, кург. 1), Л. Р. Кызласов отмечал, что конские плети тюрок, видимо, были символом власти. Об этом свидетельствуют дошедшие описания: «Лошадиная плеть Турксанфа носилась двором как символ власти и подтверждение его приказа»³⁷.

На древнетюркских изваяниях изображения плетей не обнаружены. Говоря о плети как о символе власти, следует, вероятно, подчеркнуть образность этого символа. Явно не одна только плеть могла быть посланной в качестве подтверждения слов ее могущественного владельца. Это хорошо видно на примере тамг сибирских татар и отатарившихся вогулов, на которых плеть вместе с другими предметами была включена в систему символики обозначения собственности³⁸ и не могла претендовать на какую-то исключительность. Скорее всего, разница между плетью обыкновенной и плетью социально значимого лица заключалась в отделке и посвященных надписях, что влияло на ее «информативность».

Очевидно одно: плеть осмыслялась достаточно сложно, ассоциируясь с большой силой и мощью, описанных в эпосах. Этой мощью наделены добрые и злые силы. Ударом плети эпические герои тувинского сказания Меге Баян Тоолай рассекали землю, заставляя течь по месту удара реку³⁹. По величине следа от удара плети можно было измерить свою силу перед решающим поединком с врагом.

Наличие деталей плетей в погребениях заставляют задуматься над их значимостью в обрядах тюркского времени. Использование плети в качестве шаманского атрибута встречается не только у тюркских этносов Сибири⁴⁰. Применение плети в погребально-поминальной обрядности известно у казахов Южного Алтая. Во время годовых поминок плетью загибались края развешенных на веревке личных вещей покойного, после чего они разрушались.

Считалось, что таким образом происходило обезвреживание вещей, разрыв родственников и окружающих с душой покойного. Плеть выступала в этом случае как средство борьбы со злыми силами, оберег. По мнению специалистов, это представление является реликтовым и поэтому может быть спроецировано на погребально-поминальные обряды, зафиксированные на основании археологических источников⁴¹. В связи с шаманской и погребальной атрибутикой плетей интересно отметить определенные параллели в эпосах тюркоязычных народов. Вот как, например, выглядит сцена оживления богатыря, превращенного в камень в хакасском эпосе:

С девичьим обликом гранит подняла,
Бич с золотой ручкой взяла,
Положив на кровать тело ничком,
О камень три раза хлестнула бичом,
В каменных жилах кровь разбудив,
Сердце остывшее вновь оживив,
Окаменелость с лица сошла,
Окаменелость с тела сошла⁴².

В целом можно предполагать, что в эпоху раннего средневековья на юге Западной Сибири плети были многофункциональными. Они служили средством управления конем (вместе со стеком), оружием, оберегом, символом, атрибутом культовой практики и погребально-поминальной обрядности. Подобное использование было возможно благодаря устоявшейся и сложной системе представлений о плети на самых различных уровнях. Многофункциональность плетей восходит к скифской эпохе и соответствует хозяйственно-экономическим особенностям культур кочевых народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Троицкая Т. Н.* Погребения с трупосожжениями конца I тыс. н. э. на р. Уени Новосибирской области // *Археология Южной Сибири.*— Кемерово, 1977.— С. 123; *Она же.* Единцовская культура в Новосибирском Прибые // *Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха железа.*— Новосибирск, 1981.— С. 110; *Троицкая Т. Н., Соболев В. И.* Памятники железного века и позднего средневековья // *Памятники истории и культуры Сибири.*— Новосибирск, 1978.— С. 34; *Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И.* Археологическая карта Новосибирской области.— Новосибирск, 1980.— С. 164—165; *Сидоров Е. А., Соболев В. И.* Раскопки могильника Чулым II // *АО 1976 года.*— М., 1977.— С. 243; *Грач А. Д.* Археологические исследования в Кара-Холе и Могун-Тайге // *ТТКАЭЭ.*— М.; Л., 1960.— Вып. 1.— С. 138; *Кызласов И. Л.* Кыпчаки и восстание енисейских племен в XIII в. // *СА.*— 1980.— № 2.— С. 86; *Он же.* Аскизская культура // *САИ.*— М., 1983.— Вып. ЕЗ—18.— С. 106; *Он же.* Рукоятка плети из могилы Ак-Кюна // *КСИИМК.*— М., 1956.— № 36.— С. 50—55; *Трифонов Ю. И.* Работы на могильнике Аргалыкты // *АО 1965 года.*— М., 1966.— С. 25; *Копников Б. А.* Усть-Ишимские курганы и некоторые вопросы раннесредневековой истории таежного Прииртышья // *Западная Сибирь в эпоху средневековья.*— Томск, 1984.— С. 90.

² *Кызласов И. Л.* Аскизская культура.— С. 106; *Кирпичников А. Н.* Спаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII в. // *САИ.*— М., 1975.— Вып. Е1—36.— С. 70—75.

- ³ *Троицкая Т. Н., Соболев В. И.* Памятники...— С. 34; *Троицкая Т. Н.* Погребения...— С. 123.
- ⁴ *Троицкая Т. Н.* Одиноцовская культура...— С. 109—110, рис. 4.
- ⁵ *Троицкая Т. Н., Соболев В. И.* Памятники...— С. 34, рис. 2, 2; *Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И.* Археологическая карта...— С. 164—165; *Троицкая Т. Н.* Погребения...— С. 122—123, рис. 15.
- ⁶ *Кирпичников А. Н.* Снаряжение...— С. 70—75.
- ⁷ *Троицкая Т. Н.* Погребения...— С. 123.
- ⁸ *Троицкая Т. Н.* Новосибирское Приобье в IX—X вв. н. э. // *Языки и топонимика.*— Томск, 1976.— С. 127.
- ⁹ *Кызласов И. Л.* Кыпчаки...— С. 86, рис. 7; *Он же.* Аскизская культура.— С. 108.
- ¹⁰ *Кирпичников А. Н.* Снаряжение...— С. 74—75.
- ¹¹ *Аксенова Н. Д., Полубояринова М. Д., Хлебникова Т. А. и др.* Раскопки в Болгарах // АО 1982 года.— М., 1984.— С. 140—141.
- ¹² *Кызласов Л. Р.* Рукоятка плети...— С. 50, 55; *Кубарев В. Д.* Курганы Юстыда // АО 1977 года.— М., 1978.— С. 244.
- ¹³ *Трифонов Ю. И.* Работы...— С. 250.
- ¹⁴ *Грач А. Д.* Археологические исследования...— С. 138.
- ¹⁵ *Троицкая Т. Н., Соболев В. И.* Памятники...— С. 34.
- ¹⁶ *Ленкобоев Г., Хамзина Е.* Узлы, швы и плетение у бурят // *Материалы по истории и филологии Центральной Азии.*— Улан-Удэ, 1965.— С. 38.
- ¹⁷ *Бородовский А. П.* Плети и возможности их использования в системе вооружения племен скифского времени // *Военное дело древнего населения Северной Азии.*— Новосибирск, 1987.— С. 31; *Черненко Е. В.* Оружие из Толстой Могины // *Скифский мир.*— Киев, 1975.— С. 190.
- ¹⁸ *Джангар*— калмыцкий эпос // *Героический эпос народов СССР.*— М., 1975.— Т. 1.— С. 274—275.
- ¹⁹ *Ковалевская В. Б.* Конь и всадник.— М., 1977.— С. 101.
- ²⁰ *Худяков Ю. С.* Военное искусство енисейских кыргызов VI—XII вв.— Новосибирск, 1980.— С. 145.
- ²¹ *Ковалевская В. Б.* Конь...— С. 27.
- ²² *Бородовский А. П.* Плети...— С. 30, 31.
- ²³ *Herberstein S. von.* Moskowia.— Leipzig, 1838.— S. 81.
- ²⁴ *Троицкая Т. Н., Соболев В. И.* Памятники...— С. 34, рис. 2, 2; *Грач А. Д.* Археологические исследования...— С. 138, рис. 86; *Троицкая Т. Н.* Красный Яр-1—памятник позднего железного века // *Древние культуры Монголии.*— Новосибирск, 1985.— С. 139.
- ²⁵ *Конников Б. А.* Усть-ишимские курганы...— С. 71—75.
- ²⁶ *Мюзелер Вильгельм.* Учебник верховой езды.— М., 1980.
- ²⁷ *Бандура А. П.* Культ коня у тюрков Горного Алтая в период раннего средневековья // *Материалы тюркологической конференции (археология).*— Омск, 1984.— С. 112.
- ²⁸ *Валиханов Ч. Ч.* Вооружение киргиз в древние времена и их боевые доспехи // *Собр. соч.*— Алма-Ата, 1961.— Т. 1.— С. 5, 10; *Курылев В. П.* Оружие казахов // *Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана.*— Л., 1978.— С. 5; *Буганов В. Я.* Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // *Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.*— Новосибирск, 1981.— С. 190.
- ²⁹ *Симаков Г. Н.* Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX—начале XX века.— Л., 1984.— С. 76.
- ³⁰ *Валиханов Ч. Ч.* Вооружение...— С. 10; *Курылев В. П.* Оружие...— С. 5.
- ³¹ *Буганов В. Я.* Вооружение...— С. 190.
- ³² *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. // *Тр. Ин-т этнографии.*— М.; Л., 1954.— Т. 22.— С. 689, рис. 136.
- ³³ *Симаков Г. Н.* Общественные функции...— С. 76.
- ³⁴ *Чернецов В. Н.* Вогульские сказки.— Л., 1935.— С. 88.
- ³⁵ *Албынжи*— хакасский эпос // *Героический эпос народов СССР.*— М., 1977.— С. 518.

³⁶ См.: *Ши Най-ань*. Речные заводи.— М., 1955.— Т. 1.

³⁷ *Кызласов Л. Р.* Рукоятка плети...— С. 50—54.

³⁸ *Чернецов В. Н.* Вогульские сказки.— С. 689, рис. 136; *Симченко Ю. Б.* Тамги народов Сибири XVII в.— М., 1965.— С. 225.

³⁹ *Героический эпос народов СССР*.— Т. 8.— С. 364.

⁴⁰ *Львова Э. Л.* Материалы к изучению истоков шаманизма // *Этнография народов Сибири*.— Новосибирск, 1984.— С. 86; *Чекалинский И. А.* Следы древних верований казахов.— Семипалатинск, 1929.— С. 82.

⁴¹ *Коновалов А. В.* Погребально-поминальная обрядность Южного Алтая // *Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири*.— Новосибирск, 1983.— С. 118, 119.

⁴² *Албынжи...*— С. 483.

С. П. Нестеров, И. Ю. Слюсаренко

ПАНЦИРЬ И ШЛЕМ ИЗ МОГИЛЬНИКА ШАПКА

Защитное вооружение средневекового воина среднего Амура является довольно редкой археологической находкой. Чаще в погребения клали лишь отдельные панцирные пластины, что обусловлено не только высокой ценностью защитного доспеха¹, но и погребальным обрядом амурских племен, согласно которому в могиле оставляли преднамеренно сломанные вещи или их фрагменты. Так, в Троицком могильнике найдены лишь 22 целые пластины и 500 фрагментов, в Найфельдском — около 100 целых и сотни обломков². Поэтому обнаруженные в мог. 56 могильника Шапка (где, как и в других мохэских могилах, найдены только отдельные прямоугольные и круглые панцирные пластины) две панцирные полосы и шлем позволяют расширить наши знания о защитном вооружении этого времени и провести его реконструкцию.

Могильник Шапка находится в пойме Амура между поселками Поярково и Дим Михайловского района Амурской области, в 2 км к северу от горы Шапки. Исследованный участок могильника (41 могила) датируется IX—X вв.³ Под западиной № 5 (размеры 330×190 см, глубина 36 см) были обнаружены три могильных пятна: 5а, 5б и 5в. Могильные пятна 5а и 5б сливались друг с другом. Могила 5а врезалась в могилу 5б и, судя по разрезу, была сооружена позже ее.

Могила 5б размерами 143×62 см ориентирована длинной стороной с юго-востока на северо-запад. В ее заполнении на глубине 206 см найден развал сосуда, железный нож, отдельные кости скелета человека (трубчатые, челюсть) и зуб лошади. В юго-восточной части ямы на глубине 228 см находилось скопление железных панцирных пластин, бронзовая пластинка, фрагмент сосуда, в восточной части — железная пряжка. В северо-западном углу могилы лежали фрагмент панциря, шлем, железное кольцо,

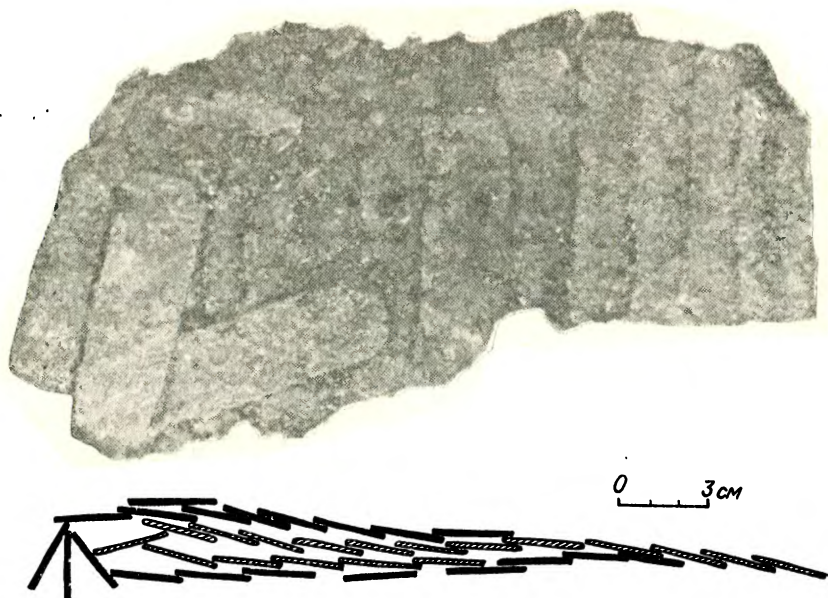

Рис. 1. Фрагмент панциря из мог. 56.

длинная железная пластина и железная накладка с бронзовыми заклепками (рис. 1; 2, 1).

Панцирь лежал у западной стенки могилы примерно на уровне груди человека, если его положить в данную могилу. Люди, оставившие могильник Шапка, хоронили в основном по вторичному обряду погребения и при хорошей сохранности скелета, захоранивая его в могиле, костям придавали относительный анатомический порядок. В могильнике Шапка скелеты были ориентированы черепами на северо-запад, ноги в коленях согнуты.

Обе панцирные полосы сложены вдвое и вложены одна в другую (см. рис. 1). Внешняя полоса длиной 44 см состоит из 19 пластин, внутренняя длиной 42 см — из 18. Сверху на этот блок были положены еще две пластины; такие же две пластины в соединении лежали рядом с панцирем.

Пластины, составляющие полосы, размерами 3×10 см, несколько выгнутые по длинной оси. Углы нижнего края срезаны. В пластинах пробиты пара тройных отверстий у нижнего края, пара двойных в средней части, три двойных в верхней части и одно отверстие в середине (рис. 3, 1). Для получения полосы пластины соединялись между собой внахлест через отверстия 1—2, 5—7 первой и через отверстия 11—12, 15—17 второй пластины и т. д. На шапкинских полосах не сохранились скрепляющие ремешки, поэтому на реконструкции представлен лишь один, наиболее простой способ вязки пластин (рис. 3, 2). Подобная вязка известна по фрагменту древнеманьчжурского панциря, хранящегося в Хабаровском краеведческом музее

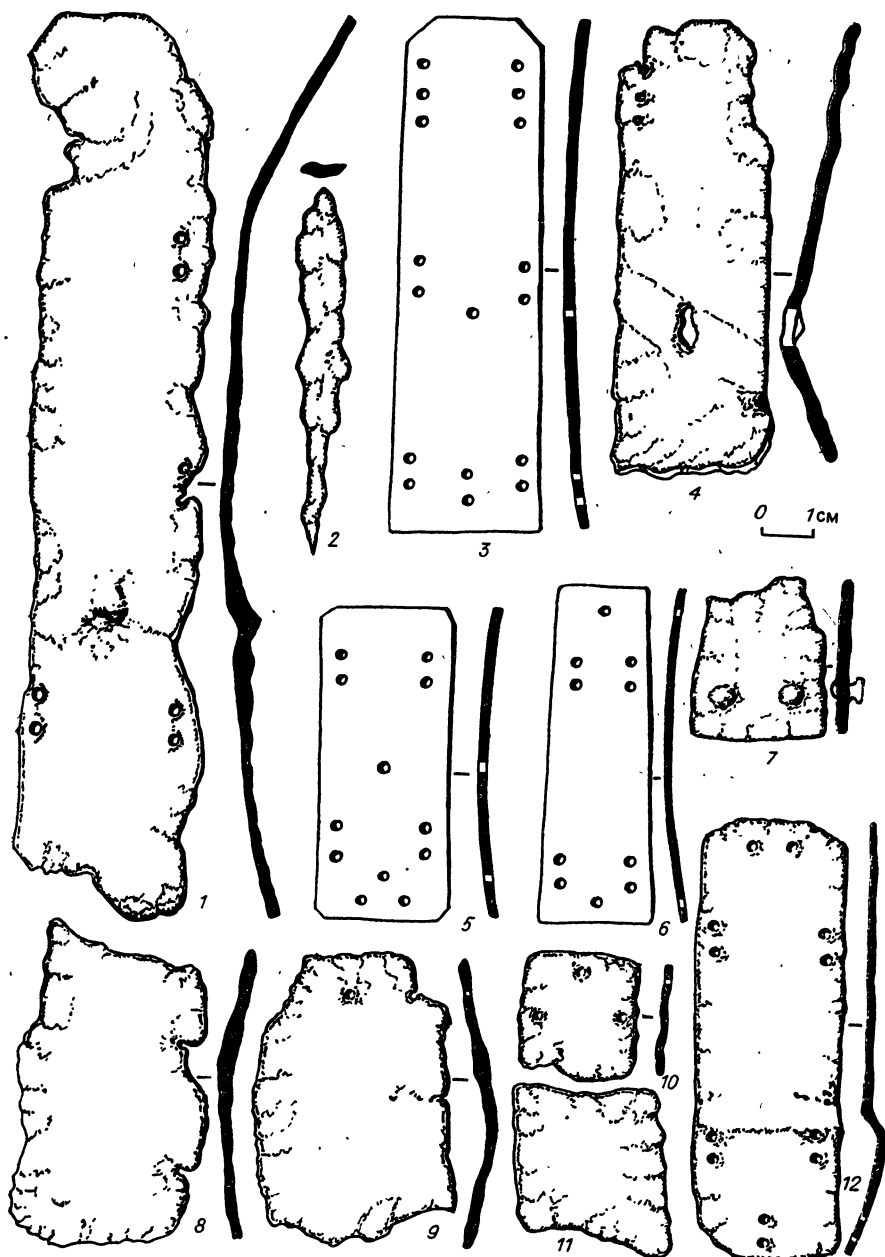

Рис. 2. Пластины от панцирного набора (1, 8—12) и шлема (2—7).

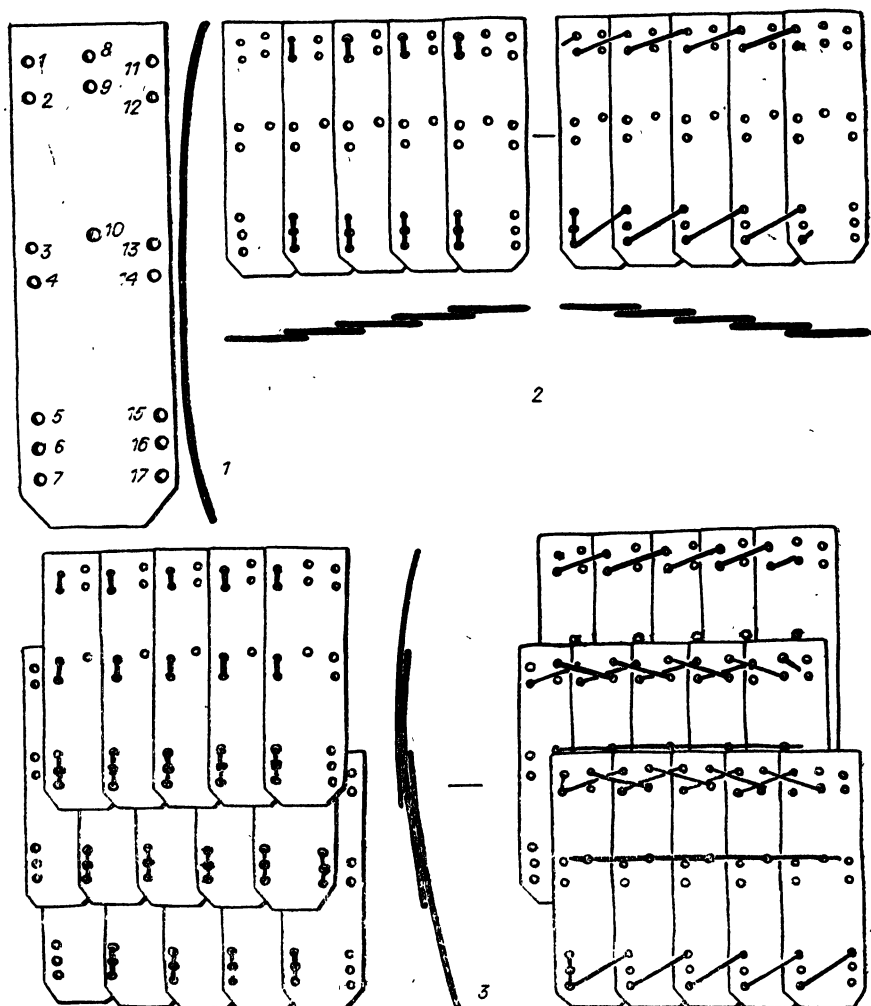

Рис. 3. Схемы расположения отверстий (1), соединения пластин в полосу (2), соединения полос (3).

(кол. 7514), по железному панцирю из мог. № 3023 из западного района Лояна (рубеж эр.) На последнем вязка пластин осуществлена с помощью веревок⁴.

Система расположения отверстий на шапкинских пластинах подразумевает скрепление полос так, что они образуют чешуйчатый панцирь. Соединение полос происходило следующим образом: снизу через отверстия третьей-четвертой пластины первой полосы и через отверстия восьмой-девятой пластины второй полосы продевался ремешок. Нижние части пластин второй полосы крепились к первой полосе через ее отверстие 10 (рис. 3, 1).

Ремешок, продетый через него, проходил сквозь отверстие шестой пластины второй полосы, перебрасывался через ремешок между отверстиями 5 и 7, опять протягивался через отверстия 6 и 10 и уходил к следующей паре пластин из первой и второй полос. В результате две полосы оказывались соединенными в двух местах. Подобным образом происходило присоединение третьей, четвертой полос и т. д. (рис. 3, 1). Каждая последующая полоса присоединялась к предыдущей так, что ее пластины на 3/5 закрывали места скрепления пластин, при этом на поверхности панциря оставались видимыми ремешки крепления пластин друг с другом только между отверстиями 5 и 7. При присоединении третьей полосы на панцире появлялся участок шириной около 2 см, образованный из наложенных друг на друга трех пластин (рис. 3, 3).

Шлем найден у северо-западной стенки могилы. Пластины, составляющие тулью шлема, имеют трапециевидную форму; основание у нижнего края 3 см, у верхнего — 2,6 см. Углы последнего срезаны. Длина пластин 10 см. Система отверстий на пластине такая же, как и у вышеупомянутых пластин панциря (рис. 4, 3, 4). От навершия шлема сохранилось около 13 прямоугольных пластин (2,5×6 см) со срезанными углами. На пластинке по длинной оси пробито четыре пары двойных отверстий: одно отверстие в середине и три отверстия, расположенные треугольником, у одного конца (см. рис. 2, 5). Сохранилось несколько пластин трапециевидной формы длиной около 6,5 см, шириной 1,8—2,5 (см. рис. 2, 5). Судя по местоположению, они относятся также к навершию шлема. На одном фрагменте пластины имеются две заклепки (см. рис. 2, 7).

Реконструируемая тулья шлема была набрана из двух полос, составленных из больших трапециевидных пластин, которые были связаны между собой также, как и пластины панциря. Высота тульи 14 см. В собранном виде тулья шлема представляет собой усеченный конус (диаметры оснований 20 и 16 см). Реконструкция навершия вызывает затруднение из-за плохой сохранности пластин. Вероятнее всего, навершие было уплощено-сферическим, так как в могиле шлем находился навершием вниз. Пластины (примерно 13 штук) были собраны в полосу, которая располагалась поверх тульи, образуя навершие купола. Оставшиеся сегменты перекрывались двумя полосами из трапециевидных пластин, соединяющими тулью и среднюю полосу навершия. После окончательной сборки частей в одно целое высота шлема составила около 20 см, а основание тульи приобрело овальную форму. Внутри шлема навершие могло быть укреплено по центру двумя-тремя прямоугольными пластинами, расположенными перпендикулярно средней полосе. По верхнему и нижнему краям тульи могли проходить усиливающие обручи (рис. 5).

Фрагмент панциря, найденный в могильнике Шатка, позволяет уточнить наши представления о типах панцирей, бытовав-

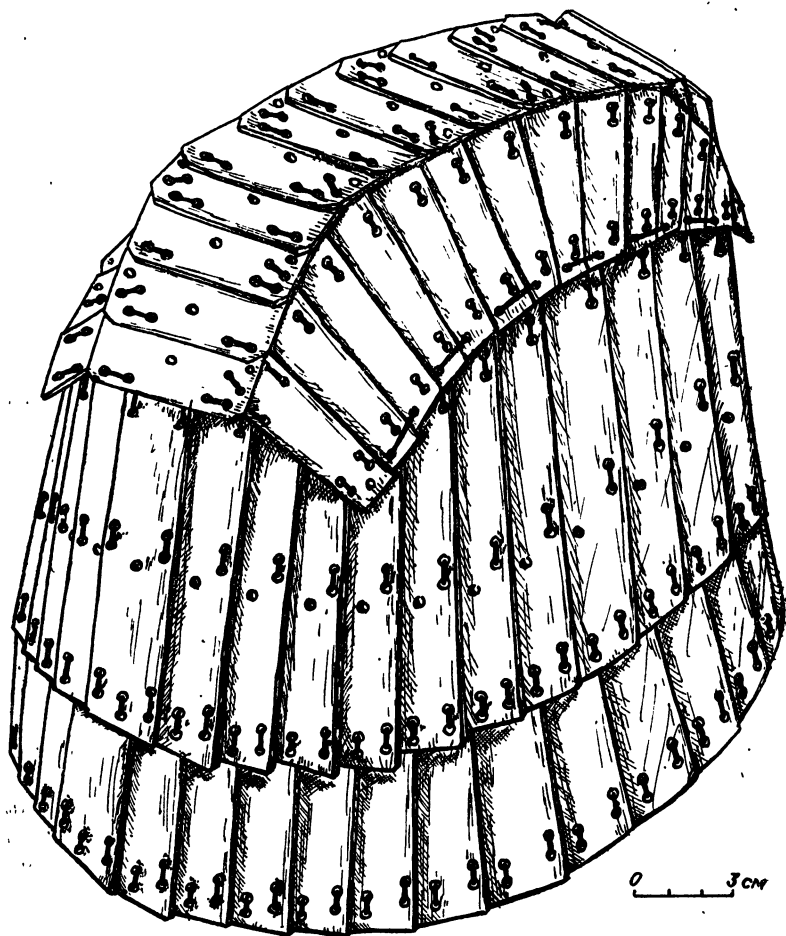

Рис. 4. Реконструкция шлема (2/3 натуральной величины).

ших в южной части Дальнего Востока в конце I тыс. Исследователи различают несколько типов панцирей, с которыми можно соотнести найденные в могильниках панцирные пластины. Большинство найденных в могильнике Шапка панцирных пластин (мог. 16а, 27, кв. 10-Д и др.) размерами $2,8 \times 8,5$ см имеют шесть пар двойных отверстий, расположенных по периметру пластины, и одно отверстие в середине (см. рис. 2, 12). По нашему мнению, они относятся к ламеллярному панцирю⁵. Такой доспех собирался из нескольких наборных полос, при этом пластины двух полос крепились одна над другой. Доспех второго типа, встреченный в могильнике Шапка, — чешуйчатый — представлен описываемым здесь фрагментом из мог. 5б. Чешуйчатый доспех по сравнению с ламеллярным обладал повышен-

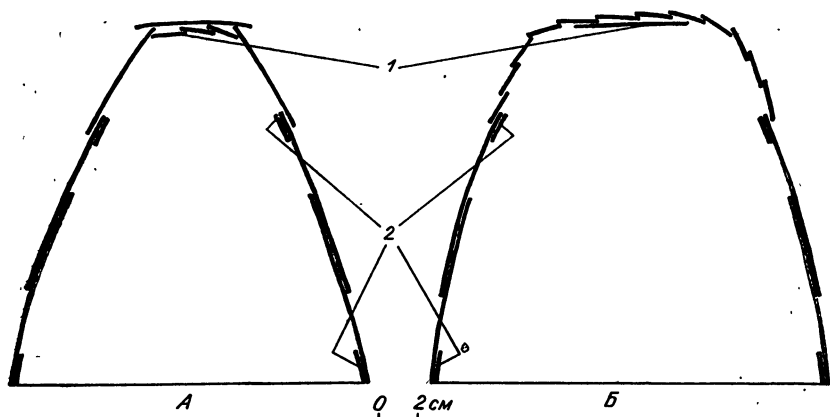

Рис. 5. Шлем в разрезе.

А — вид спереди; Б — вид сбоку. 1 — усиливающие пластины наверху; 2 — обручи.

ными защитными свойствами за счет удвоения и утроения пластин в определенных местах, но был менее подвижным и более тяжелым. По мнению А. И. Соловьева, панцирь данного типа «в эпоху средневековья постепенно вытесняется ламеллярным доспехом, но не исчезает полностью, продолжая существовать как в самостоятельных формах, так и, вероятно, в основном в виде элемента в сочетании с другими видами бронирования»⁶. Видимо, чешуйчатый панцирь обнаружен в погр. 5б. Кроме двух полос чешуйчатого доспеха в могиле найдено большое количество фрагментов пластин другой формы (см. рис. 2, 8—11), длинная пластина, вероятно от ламинарного панциря, и сегментовидная пластина с бронзовыми заклепками (см. рис. 1). Таким образом, в мог. 5б были помещены, очевидно, фрагменты от комбинированного панциря с чешуйчатым нагрудником. Покрой панциря, судя по тем образцам, которые широко использовались на сопредельных территориях, мог быть различным. При этом надо учитывать как тюркское влияние на мохэское защитное вооружение, так и взаимодействие с соседними районами Восточной Азии, в первую очередь с северными областями Китая и Кореей.

Найденный в могильнике Шапка шлем является первым реконструируемым мохэским шлемом⁷. Важно отметить, что и шлем и фрагмент чешуйчатого панциря составляли один набор и были сделаны одним мастером-оружейником. Об этом красноречиво свидетельствуют пластины, составляющие панцирь и тулью шлема, одинаковая система отверстий в них. Отличие шапкин-ского шлема от чжурчжэньского из Корсаковского могильника очевидно⁸. Корсаковский шлем набран из узких длинных полос сложной конфигурации, образующих одновременно и тулью и наверхие шлема. Шапкинский шлем набран из небольших по сравнению с корсаковским шлемом пластин, различных для тульи и наверхия. Такие наборные шлемы широко использовались в тан-

ское время (618—907 гг.) в Китае, где традиция их изготовления уходит в I тыс. до н. э. (шлем из яньской Нижней столицы — III в. до н. э.)⁹. Продолжая предложенную выше реконструкцию шапкинского шлема, необходимо добавить, что шлем должен был иметь подшлемник из жесткого и мягкого органического материалов, который способствовал погашению энергии рубящего удара. Для защиты шеи и плеч к шлему крепилась бармица, которая в данном случае или не была положена в могилу, или не сохранилась (если изготовлялась из органического материала).

Комплекс защитного вооружения из могильника Шапка успешно использовался в бою. Об этом свидетельствует след от прямого попадания стрелы на длинной пластине от ламинарной части доспеха (см. рис. 2, 1) и пробитая насквозь и погнутая пластина от тульи шлема (см. рис. 2, 4). В последнем случае стрела попала на двойной участок пластин и, пробив первую пластину, застряла в шлеме (см. рис. 2, 2). Таким образом, в конце I тыс. среднеамурские воины использовали комбинированный пластинчатый доспех и пластинчатые шлемы, что, однако, не отрицает многообразия типов защитного доспеха на среднем Амуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Деревянко Е. И. Очерки военного дела племен Приамурья.— Новосибирск, 1987.— С. 63—64.

² Там же.— С. 64.

³ Нестеров С. П., Росляков С. Г., Тетерин Ю. В. Могильник Шапка — памятник эпохи средневековья на среднем Амуре: по материалам раскопок 1983 г. // Новые памятники эпохи металла на среднем Амуре.— Новосибирск, 1987.— С. 53.

⁴ Ян Хун. Сборник статей о древнем оружии Китая.— Пекин, 1980.— С. 20 (на кит. яз.).

⁵ Худяков Ю. С., Соловьев А. И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии.— Новосибирск, 1987.— С. 157—158; Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии.— Новосибирск, 1987.— С. 165.

⁶ Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья.— Новосибирск, 1987.— С. 54.

⁷ Е. И. Деревянко считает шапкинский шлем чжурчжэньским.— См.: Деревянко Е. И. Очерки военного дела...— С. 111. Авторы благодарят Ю. С. Худякова, А. И. Соловьева и Ю. А. Плотникова за консультации по реконструкции шлема.

⁸ Медведев В. Е. О шлеме средневекового амурского воина (тайник с остатками доспеха в Корсаковском могильнике) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— С. 172—184.

⁹ Ян Хун. Сборник статей...— С. 52, 53; Комиссаров С. А. Чжоуское защитное вооружение // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии.— Новосибирск, 1984.— № 14, вып. 3.— С. 49.

НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ ЧЖУРЧЖЭНЬСКОЙ ЭПОХИ

Наконечники копий относятся к тем видам наступательного вооружения, наличие или отсутствие которых на археологических памятниках может свидетельствовать о степени боевой оснащённости древнего или средневекового общества. Подавляющее большинство найденных на юге советского Дальнего Востока наконечников копий (все они железные) приходится на чжурчжэньскую эпоху (VII — вторая четверть XII в.). Количество их по мере увеличения масштабов раскопок постоянно растёт, и это создает предпосылку детального и всестороннего анализа этих предметов вооружения. Однако сделать подобное исследование представляется возможным лишь с появлением в публикациях дополнительной информации о рассматриваемом здесь виде вооружения. Копья из Приамурья почти все (за исключением одного) опубликованы, а из Приморья выборочно или, точнее, обобщенно. Правда, описанию чжурчжэньских копий из Приморья посвящены специальные статьи¹. И хотя приморских копий найдено больше, чем амурских, сравнивать их конкретные образцы невозможно, поскольку по приморским копьям приведены суммарные показатели. Тем не менее попытаемся сопоставить копья чжурчжэньской эпохи Приамурья и Приморья, а также реконструировать технологии производства раннечжурчжэньских копий Приамурья. Заметим, что подобные исследования копий интересующей нас эпохи пока не проводились.

Четырнадцать из девятнадцати учтенных копий найдено в Приамурье в ходе раскопок Корсаковского и Надеждинского могильников. По одному копьё обнаружено в окрестностях с. Покровка, на острове оз. Болонь, рядом с с. Ачан, на разрушенной части могильника у оз. Болонь (все из подъемных сборов), на городищах Джари и Хорском. Все эти копья втульчатые, большая часть с ланцетовидным (6 экз.), лавролистным (2 экз.) пером, а также с пером удлинённо-треугольной формы (3 экз.). Заметим, что форму отдельных наконечников копий, представленных фрагментами в погребениях Корсаковского могильника, установить невозможно. Объясняется это особенностями погребального обряда, согласно которому палаши и наконечники копий клали в могилы испорченными — намеренно сломанные и разрубленные на несколько частей, иногда в погребениях залегали лишь отдельные небольшие обрубки оружия.

На датируемом X в. Хорском городище (жилище № 1) наконечник копья длиной 23,7 см (рис. 1). Форма его ромбического в сечении пера близка к лавролистной, ширина 3 см, толщина 0,8 см. Перо плавно переходит в конусовидную втулку, диаметр которой у основания достигает почти 4 см. Примерно одинаковая длина пера и втулки и нерезкий переход одного в другое придают наконечнику копья сбалансированные пропорции.

Сравнение амурских и приморских наконечников копий весьма условное. Несмотря на то что оружие этого вида относится к одной эпохе — эпохе развития чжурчжэньского этноса, оно имеет принципиальные различия: почти все амурские копья выявлены на памятниках раннего, дотосударственного, периода чжурчжэньской эпохи, приморские — на памятниках XII — начала XIII в. и в основном на Шайтинском городище. Естественно, что в период чжурчжэньской государственности было больше, чем в ранний период, типов наконечников копий. В Приморье наряду с лавролистными и ланцетовидными выделены иволистные, гарпунные, черешковые наконечники копий, а также пики и наконечники с пером в виде длинных узких кинжалов. К сожалению, в приморских материалах нет ранних (до XII в.) наконечников копий, которые позволили бы проследить этапы в развитии изделий указанных типов. Представляется, что ланцетовидные и лавролистные наконечники копий были на вооружении чжурчжэньских воинов на протяжении довольно длительного времени (с конца I тыс. н. э.).

Отдельно следует сказать об универсальных, или комбинированных, наконечниках копий, отличающихся от обычных дополнительной деталью — крюком или специальным ножом, прикрепленным с помощью штырьков к шейке наконечника. Подобные копья пока сравнительно четко увязываются в Приморье с поздними памятниками чжурчжэней, а именно с городищами. Вопрос о времени появления на советском Дальнем Востоке комбинированных наконечников копий пока остается открытым. Подобный наконечник копья, найденный на среднем Амуре (Амурская область)² значительно расширяет их ареал.

Для реконструкции технологии производства амурских копий микроструктурному анализу было подвергнуто 14 предметов (целые экземпляры и фрагменты пера). Среди них 11 шлифов сделано на корсаковских копьях. Образцы для исследования вырезались путем поперечного сечения пера и иногда дополнительно

Рис. 2. Микроструктуры наконечников копий из Корсаковского могильника.

1 — сварочный шов; 2, 3 — видманштеттова структура ($\times 400$).

поперечного сечения втулки копья. Десять из 14 исследованных изделий откованы из стали и четыре из железа. Восемь цельносталей наконечников сохранили следы термической обработки, т. е. 80 % изделий изготовлено из стали. С Корсаковского могильника (погр. 92) анализировался фрагмент наконечника копья. Металл шлифа в значительной степени загрязнен слабдеформированными неметаллическими включениями. В централь-

ной части шлифа прослеживается сварочный шов (рис. 2, 1). Происхождение шва следует, вероятно, связывать с изгибом заготовки в процессе выковки копья. Структурное состояние на всей поверхности шлифа — сорбитообразный перлит. Микротвердость 206 кг/мм². Наблюдается вторичная полосчатость. Наконечник копья изготовлен из стали и закален в мягкой закалочной среде.

Похожая структурная картина обнаружена на фрагменте острия пера из погр. 316. Основное структурное состояние — сорби-

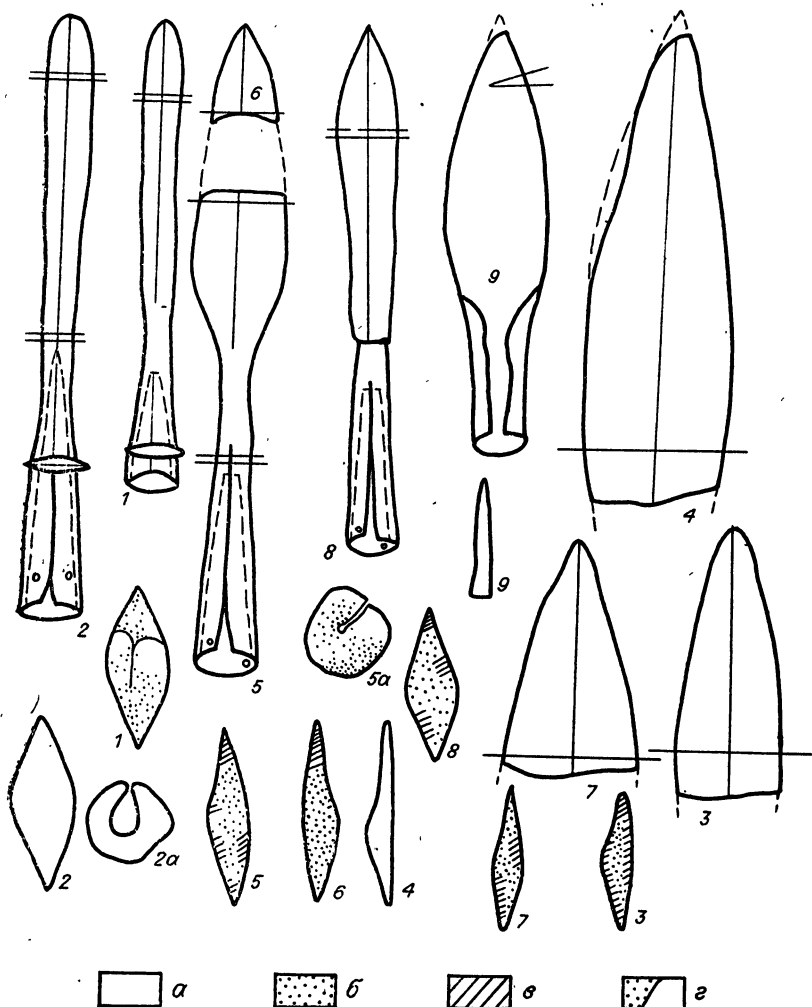

Рис. 3. Технологические схемы наконечников и фрагменты копий из Корсаковского (1—7) и Надеждинского (8, 9) могильников.
 а — железо; б — сталь; в — сталь, термически обработанная; г — сварка железа и стали, сварочный шов.

тообразный перлит. Есть участки зернистого феррита. Микро- твердость на режущих краях составляет 236 кг/мм^2 . Копье изго- товлено из тщательно прокованной углеродистой стали. Структу- ра шлифа сохраняет следы мягкой термической обработки, воз- можно, закалки с самоотпуском.

Микроскопическое изучение фрагмента острия копья длиной 5,5 см из погр. 166 выявило мягкую поверхностную закалку. Структурное состояние упроченной зоны — тростосорбит. Микро- твердость 322 кг/мм^2 . В сердцевине шлифа образовалась струк-

тура игольчатого феррита. Микротвердость видманштетта 236 кг/мм^2 .

В погр. 148 найден сломанный наконечник копья. Сохранилась втулка с частью пера общей длиной 18,5 см, а также кончик острия наконечника длиной 4 см. Для выяснения технологической схемы копья изготовлено три поперечных шлифа (рис. 3, 5, 5а, 6). Шлиф № 1 взят на втулке копья. Основное структурное состояние — видманштетт (см. рис. 2, 2, 3), встречаются также отдельные участки феррито-перлитной и чисто ферритной структур. Содержание углерода в феррито-перлите низкое — 0,1—0,15 %. Крупные зерна феррита слегка вытянуты вдоль длинной оси. Микротвердость феррита 110 кг/мм^2 . По центру шлифа отчетливо прослеживается забитый шлаками сварочный шов — след выгибания заготовки в процессе оформления втулки.

Шлиф № 2 вырезан на конце обломанного пера. Большую часть поверхности шлифа занимает неравновесная феррито-перлитная смесь. Ближе к границам шлифа располагаются участки сорбитообразного перлита. Микротвердость 254 кг/мм^2 . На одной из режущих граней сохранилась структура сорбита. Микротвердость сорбита 297 кг/мм^2 . Имеются участки ферритной структуры с равновесными зернами крупного размера. Микротвердость феррита 143 кг/мм^2 .

Шлиф № 3 получен на обломанном кончике острия пера. На одной из граней шлифа образовалась тростосорбитная структура. Микротвердость 383 кг/мм^2 . В сердцевине шлифа феррито-перлитная смесь в неравновесном состоянии. Микротвердость зоны 193 кг/мм^2 . Омечаются отдельные ферритные поля. Такой набор структурных составляющих свидетельствует о том, что наконечник откован из мягкой неравномерно науглероженной сырцово-стали. После окончанияковки наконечник подвергнут мягкой поверхностной закалке. Закалочная температура была, видимо, ниже необходимой.

При анализе фрагмента кончика пера копья из погр. 173 в центральной части шлифа выявлено большое количество недеформированных крупных шлаковых включений. Травление полированного шлифа обнажило металлическую основу. Структурное состояние одного режущего края пера — тростит с микротвердостью 464 кг/мм^2 , а другого — тростосорбит с микротвердостью 383 кг/мм^2 . Структура остальной поверхности шлифа — сорбитообразный перлит. Наблюдаются отдельные ферритные поля. Микротвердость феррита 160 кг/мм^2 . Наличие в центре шлифа ферритных зерен очень крупного размера предполагает нагрев наконечника до значительных температур, а характер тростосорбита и сорбитообразного перлита, возможно, свидетельствует о последующей закалке его в горячей воде (с самоотпуском).

На поверхности шлифа фрагмента наконечника копья из погр. 182 после механической обработки невооруженным глазом хорошо виден забитый шлаками технологический шов. Структурное состояние режущих краев наконечника неодинаково. На одном

из них зафиксирован тростит с ферритными выделениями по границам бывших аустенитных зерен (микротвердость тростита 420 кг/мм^2), на другом — сорбит (микротвердость 254 кг/мм^2). В сердцевине — феррито-перлитная смесь в неравновесном состоянии. Сразу после окончанияковки наконечник был, вероятно, охлажден в воде.

Признаки мартенситной закалики режущих краев зафиксированы при изучении фрагмента острия пера из погр. 293. Упроченная зона распространяется на глубину $0,4\text{--}0,5 \text{ см}$. Микротвердость мартенсита 514 кг/мм^2 . В центральной части шлифа сохранилась феррито-перлитная структура в неравновесном состоянии. Наконечник подвергнут поверхностной закалике. Судя по тому, что мартенситная структура образовалась только на тонких режущих частях пера, температура нагрева была непродолжительной.

Целый наконечник копья найден в погр. 65 Надеждинского могильника. Общая длина изделия $21,2 \text{ см}$, длина пера 13 см . Шлиф вырезан путем поперечного сечения пера на расстоянии 4 см от кончика острия (рис. 3, 8). На поверхности шлифа микроскопическим анализом выявлены участки феррито-перлитной смеси с частично сфероидизированным цементитом, зоны сорбитообразного перлита, видманштетта, а также отдельные чисто ферритные поля. Микротвердость феррито-перлитной зоны 170 кг/мм^2 , сорбитообразного перлита — 206 кг/мм^2 , феррита — 160 кг/мм^2 . Наконечник копья изготовлен из неравномерно науглероженной сырцової стали, подвергнут высокому нагреву и закален, очевидно, в горячей воде (с самоотпуском).

Результаты наших исследований показали, что около 30 % наконечников копий изготовлено из обычного кричного железа.

Аналізу подвергнут наконечник с обломанным концом пера из корсаковского погр. 87. Длина сохранившейся части $24,5 \text{ см}$. Изготовлено два шлифа: один путем поперечного сечения пера, другой — сечения втулки (рис. 3, 2). На обоих шлифах наблюдается много неметаллических включений, вытянутых на лезвии вдоль длинной оси копья, на втулке — по линиям ее выгибания. Структурное состояние копья — феррит с зерном различной величины. Наличие на режущих краях деформированных ферритных зерен предполагает дополнительную проковку пера по подстывавшему металлу (наклеп).

Из железа был также изготовлен фрагмент острия пера из корсаковского погр. 185. Неравноосность и зазубренность зерен феррита указывает на неравновесность структурного состояния, возникшего вследствие пластической деформации подстывавшего металла.

В погр. 30 Надеждинского могильника найден листовидный плоский наконечник без ребер жесткости (рис. 3, 9). Структурное состояние пера — зернистый феррит. Равноосность ферритных зерен свидетельствует о дополнительном нагреве наконечника до аустенитного состояния для снятия деформационного напряжения.

Амурские кузнецы изготавливали наконечники целиком из стали или из технического железа. Цельносталльные изделия составляли более 70 %. На копья шла обычная низкоуглеродистая сталь с неравновесным распределением углерода. Количество неметаллических включений в стали значительное, но есть образцы с тщательной проковкой металла.

Судя по целым изделиям, втулку и перо копья выковывали из единой заготовки двумя приемами. При первом способе один конец приготовленной заготовки вытягивали и отковывали перо. Второй конец заготовки сначала расковывали клином, затем на специальной оправке выгибали и сворачивали втулку. При этом шов выполнялся впритык без сварки, но иногда вокруг втулки для большей прочности приваривалось специальное кольцо (рис. 3, 1, 2). При втором способе веерообразную раскованную заготовку сначала сворачивали конусом, на месте пера тщательно проковывали, после чего производили окончательное формирование пера. В этом случае на шлифах, взятых с лезвия, отчетливо прослеживается (часто забитый шлаками) сварочный шов — след сгибания заготовки. Похожие способы изготовления наконечников копий применялись и в других регионах³. Чтобы наконечник не соскакивал с древка на его втулке для гвоздей пробивали один-два отверстия. После завершения кузнечных работ изделие полировали и затачивали. В заключение наконечник подвергали термической обработке. Обычно это была мягкая закалка. Иногда использовалась, вероятно, закалка с самоотпуском.

Выбор режима мягкой термообработки, конечно, не был случайным. Перо наконечника в боевом применении испытывало сильные нагрузки на изгиб и помимо твердости режущих краев требовало повышенной пластичности. Этому соответствует наличие в поверхностных слоях наконечников тростосорбитных структур при сохранении феррито-перлитных смесей в его сердцевине.

Амурские наконечники копий в основном делали из обыкновенной сырцової стали невысокого качества, использовалось также кричное железо. Это характерно не только для Приамурья. Мы не имеем металлографических анализов наконечников копий с сопредельных территорий, но известно, что, например, в Древней Руси, с ее высокоразвитой металлообработкой и господством сложной техники сварных конструкций, половину копий ковали целиком из неравномерной стали. Таким образом, по мнению Б. А. Колчина, удешевлялось производство, что имело немаловажное значение при массовом выпуске⁴. Из мягкой сырцової стали с небольшим содержанием углерода изготавливали наконечники копий и кузнецы Приамурья в VIII—IX вв.⁵

Железные наконечники по боевым качествам мало уступали цельносталльным. На их долю в Приамурье приходится около трети изделий. Это одна из самых значительных серий железных изделий среди качественных орудий Приамурья.

Все это указывает на дифференцированный подход чжурчжэньских кузнецов к выбору металла, подчеркивает их высокий профессионализм и мастерство.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Галактионов О. С. Характеристика средневековых наконечников копий Приморья // *Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР*.— Владивосток, 1978.— С. 99—103; Шавкунов В. Э. Комбинированные копия чжурчженей // *Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий*.— Владивосток, 1983.— С. 92—97. Сведения о приморских копиях взяты из данных статей.

² Шавкунов В. Э. Комбинированные копия...— С. 93, рис. 4.

³ Зиняков Н. М. Технология производства железных предметов Елыкаевской коллекции // *Изв. лаборатории археологических исследований*.— Кемерово, 1976.— Вып. 8: Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху.— С. 112.

⁴ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // *МИА*.— М., 1953.— № 43.— С. 142.

⁵ Зиняков Н. М. Технология производства...— С. 112—114.

Р. Б. Исмагилов, Ю. С. Худяков

ПАНЦИРЬ ИЗ ГОРОДИЩА БУЗУК-ТОБЕ

Изучение защитного вооружения средневековых кочевников является важной задачей современного оружиеведения. Несмотря на существующие трудности в деле реконструкции защитного доспеха из-за фрагментарности и недостаточно хорошей сохранности деталей панцирей при археологических раскопках, за последние годы описаны и проанализированы различные типы защитного вооружения средневековых кочевников Южной Сибири¹, Восточной Сибири², Центральной Азии³, Приуралья⁴. В результате анализа вещественных, изобразительных и письменных источников удалось проследить процесс эволюции защитного доспеха в кочевом мире Центральной Азии с момента появления металлического панциря в хуннское время до развития защитного покрытия в монгольскую эпоху⁵. В Средней Азии много внимания уделялось изучению защитного вооружения периода поздней древности⁶. В меньшей степени исследовано защитное покрытие раннесредневековых кочевников⁷.

Недостаточно изученным остается защитное вооружение кочевых населения Казахстана и Средней Азии в периоды раннего и позднего средневековья. Хотя панцирные пластины неоднократно встречались при раскопках средневековых памятников на территории Казахстана, эти находки еще не стали объектом специального исследования. В этой связи несомненный интерес представляет часть панцирного доспеха, обнаруженная Р. Б. Исмагиловым в ходе исследования городища Бузук-Тобе в 1991 г. Городище расположено на правом берегу в среднем течении р. Сырдарьи, в Кызылкумском районе Чимкентской области Казахстана. Оно находится в 25 км к востоку-юго-востоку от городища Отрар. Памятник датируется XIV—XV вв. н. э. Пан-

цирные пластины обнаружены на юго-западном склоне бугра, на котором расположен шахристан. Крупное скопление железных панцирных пластин находилось в 35 м к северу от нижнего створа юго-западных ворот городища, на высоте 4,5 м от подошвы бугра. В 20 м к северу от этого местонахождения была обнаружена еще одна железная панцирная пластина. Пластины, найденные компактным скоплением, преимущественно соединены друг с другом. Некоторые из них сохранились во фрагментах. Не приходится сомневаться, что они относятся к одному доспеху.

Судя по наличию на внешней поверхности большей части пластин бронзовых заклепок с округлыми сферическими шляпками и отпечаткам материи, доспех относился к так называемым внутренним панцирям, металлические пластины в составе которых крепились к матерчатому покрытию с внутренней стороны с помощью заклепок⁸. Пластины, как правило, примерно на треть ширины перекрывают одна другую. Некоторые из них вследствие коррозии спеклись между собой по две-четыре пластины. Вдоль одного края такой пластины заметен след от соединения с другой пластиной. Судя по расположению заклепок и следам от соединения, большая часть пластин была расположена в составе панцирного покрытия горизонтально, но соединялась между собой по вертикали. Следовательно панцирь, обнаруженный на городище Бузук-Тобе, должен относиться к доспехам с вертикальным соединением горизонтально расположенных пластин, которые крепятся к матерчатому покрытию с помощью заклепок⁹. Все пластины плоские в сечении. По форме, размерам, количеству и расположению заклепок выделяются пластины нескольких типов, которые, вероятно, различались своим местоположением в составе панциря.

Тип 1. Прямоугольные пластины горизонтального расположения с одним рядом заклепок. В составе бузук-тобинского доспеха к данному типу относится большинство пластин. Из них часть сохранилась во фрагментах. На 18 пластинах вдоль верхнего края располагались три бронзовые заклепки, вдоль нижнего — полоса соединения с нижерасположенной пластиной. Размеры сохранившихся полностью пластин 10×4 см. Пластины крепились горизонтально к матерчатому покрытию с помощью трех заклепок, расположенных вдоль верхнего края. Они свободно налагались одна на другую, соединяясь на матерчатом покрытии по вертикали. В составе анализируемого комплекса наблюдается не менее четырех таких полос по три-пять пластин в каждой (рис. 1, 1—4; 2, 1, 4, 6; 3, 1, 6; 4, 3, 4; 5, 1, 2).

Тип 2. Прямоугольные пластины вертикального расположения с одним рядом заклепок. В составе бузук-тобинского доспеха можно выделить две такие пластины. На одной из них вдоль одного края расположен ряд из трех бронзовых заклепок. Размеры пластины 9×5 см. На этой пластине нет следа от соединения внахлест с другой пластиной. Судя по расположению в

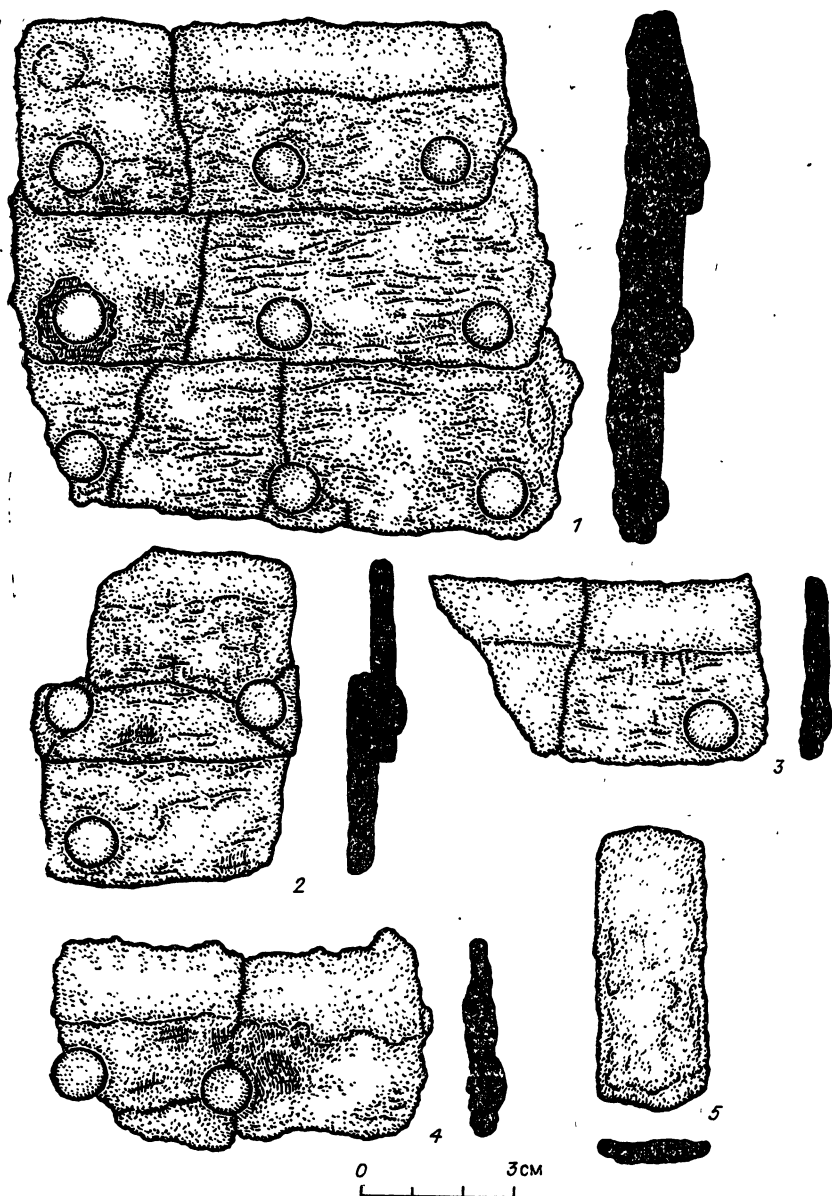

Рис. 1. Панцирные пластины типа 1 (1—4) и 4 (5).

составе доспеха, эти пластины крепились к матерчатому покрытию вертикально между полосами, составленными из горизонтально расположенных пластин (см. рис. 4, 1, 2).

Тип 3. Прямоугольные пластины вертикального расположения с двумя рядами заклепок. В бузук-тобинском панцире обна-

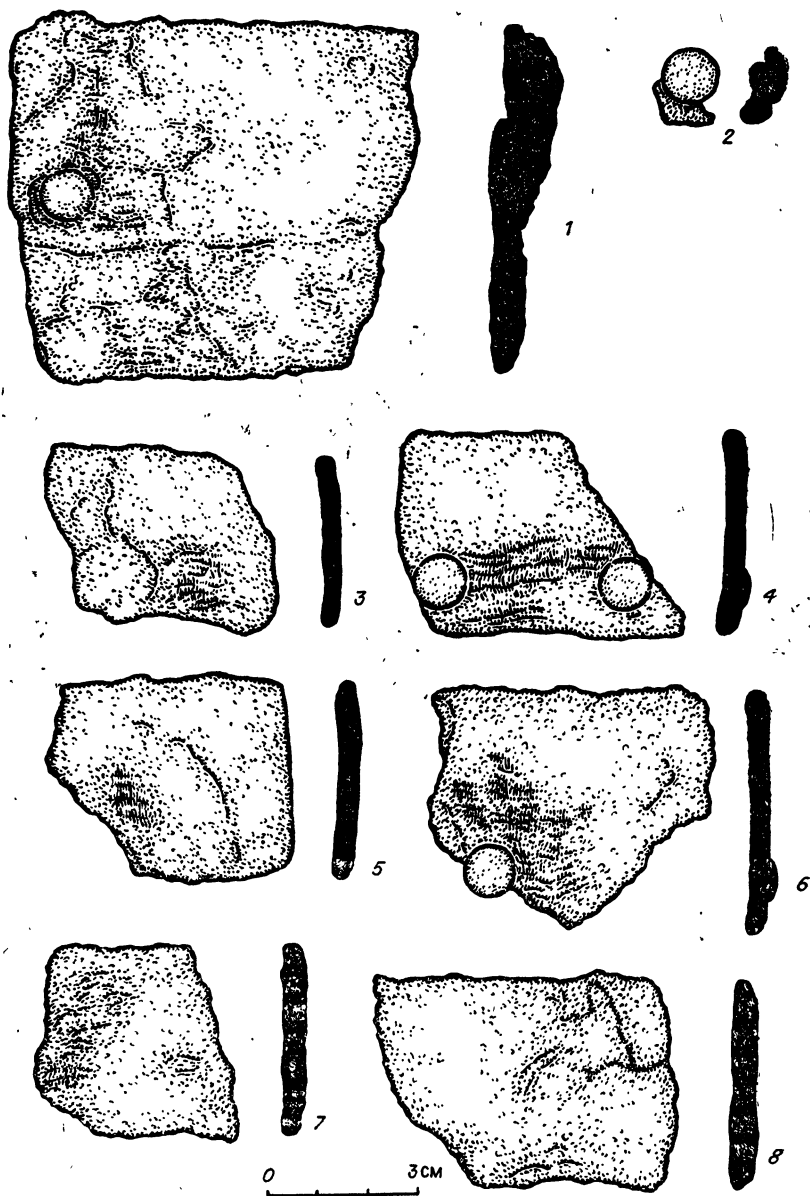

Рис. 2. Панцирные пластины типа 1 (1, 4, 6) и их фрагменты (2, 3, 5, 7, 8).

ружена одна такая пластина. Вдоль обоих длинных краев пластины расположены ряды бронзовых заклепок. Вероятно, в каждом ряду было по три заклепки, но сохранились две в одном и одна в другом, в котором заметен след от еще одной заклепки. На этой пластине нет следа от соединения внахлест с другой

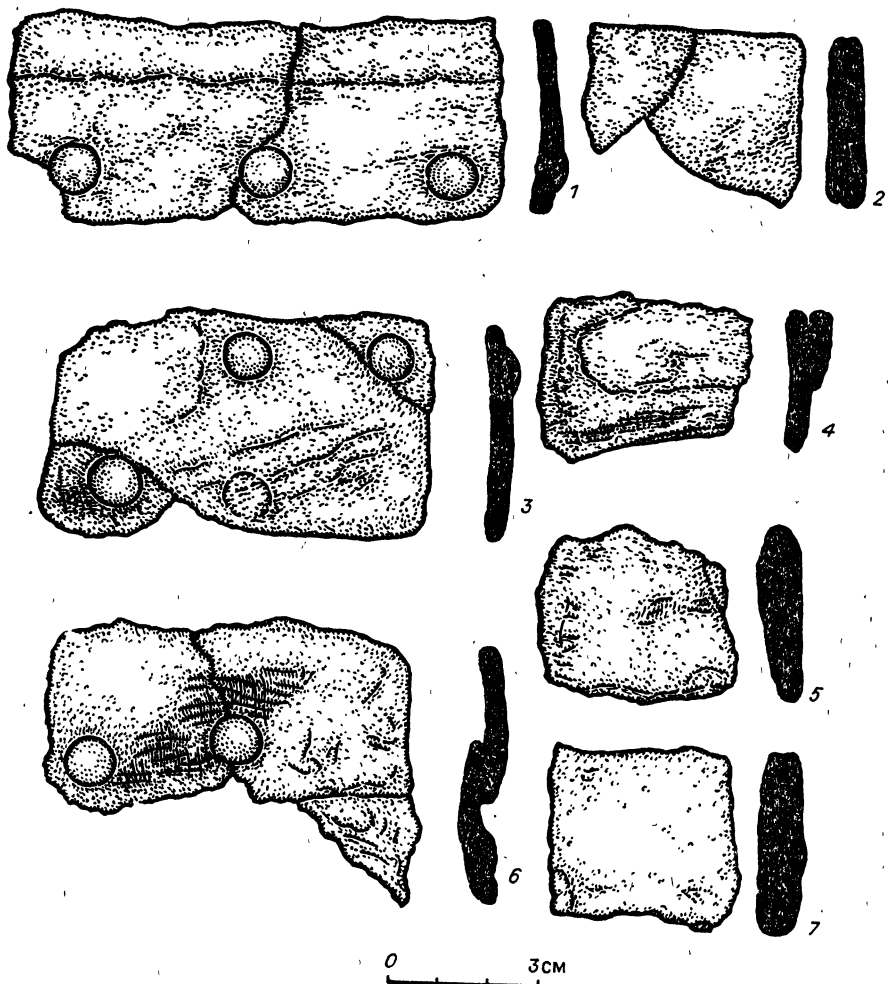

Рис. 3. Панцирные пластины типа 1 (1, 6), их фрагменты (2, 4, 5, 7) и панцирные пластины типа 3 (3).

пластиной. Видимо, она могла крепиться к матерчатому покрытию вертикально в одном вертикальном ряду с пластинами второго типа (см. рис. 3, 3).

Тип 4. Прямоугольные пластины вертикального расположения без заклепок. В составе бузук-тобинского комплекса обнаружена одна такая пластина. Это узкая небольшая пластина, напоминающая детали ламеллярного или чешуйчатого панциря, однако из-за коррозии на ней не прослеживаются отверстия. Размеры пластины 5,5×2,2 см. В комплексе она была найдена несколько в стороне от компактного скопления, и ее расположе-

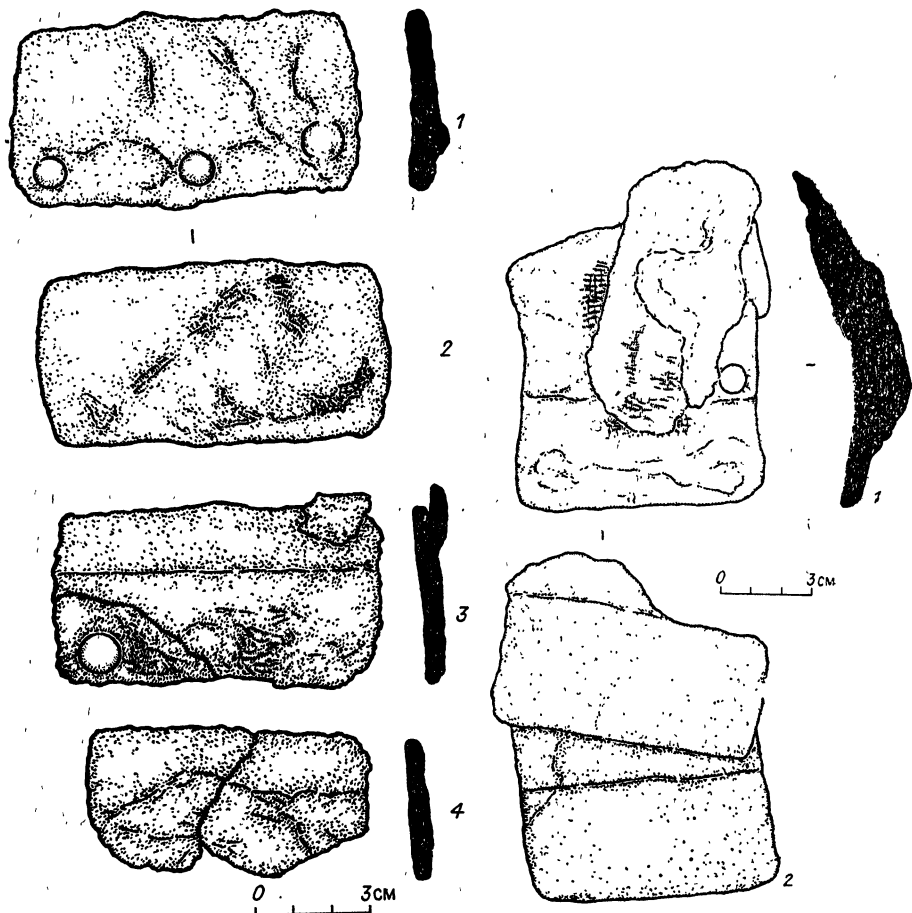

Рис. 4. Панцирные пластины типа 2 Рис. 5. Панцирные пластины типа 1.
(1, 2) и 1 (3, 4).

ние в составе панцирного набора остается неясным (см. рис. 1, 5).

Довольно большое количество пластин в бузук-тобинском комплексе сохранилось в виде небольших фрагментов. Судя по ширине пластин, следам матерчатого покрытия и местоположению в составе комплекса, эти фрагменты должны относиться к пластинам типа 1 (см. рис. 2, 9, 5, 7, 8; 3, 2, 4, 5, 7). Среди находок имеется небольшой обломок пластины с заклепкой, который может относиться к пластине типов 1, 2 или 3 (см. рис. 2, 2).

Весьма важно, что пластины найдены не в беспорядке: они сохранили местоположение, позволяющее восстановить часть доспеха. В центральной части комплекса имеется вертикальная полоса из пяти горизонтальных пластин, к западу от нее — об-

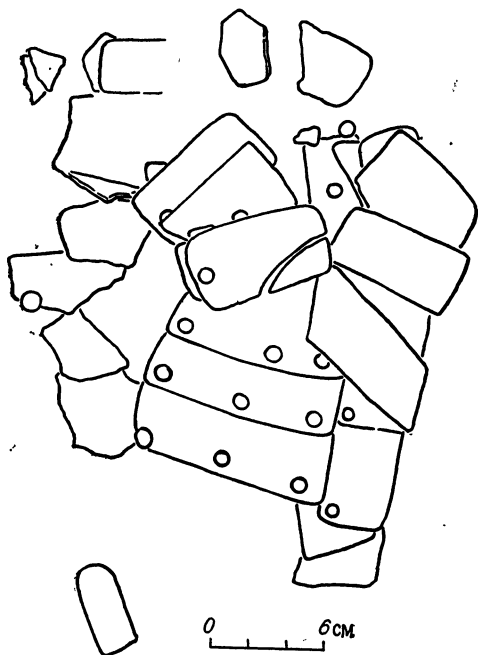

Рис. 6. Местонахождение панциря на городище Бузук-Тобе.

ломки еще одной такой же полосы, к востоку — полоса из вертикально расположенных пластин. Поверх центральной и восточной полосы находились еще две полосы из горизонтально расположенных пластин. Они лежали вверх внутренней стороной пластин, т. е. доспех был сложен вдвое по вертикали, по линии вертикально расположенных пластин. Вокруг основного скопления с северной стороны находилось несколько мелких обломков пластин типа 1, южнее — одна пластина типа 4

(рис. 6). Под железными пластинами и частично поверх них находились остатки сильно разложившейся серо-желтой органической массы, вероятно, кожи, т. е. доспех имел не только матерчатое покрытие, но и кожаную подкладку.

По расположению пластин в составе комплекса можно реконструировать основные очертания найденного защитного покрытия. Оно состояло из четырех вертикальных полос горизонтально расположенных пластин и полосы вертикально укрепленных пластин в центре. Такой доспех охватывал площадь примерно 45×27 см. Он мог свободно сгибаться по вертикали (рис. 7). Видимо, это одна из составных частей более крупного защитного доспеха. Возможность сгиба панциря по вертикали и симметричное расположение пластин свидетельствуют о защите объемного тела. Это могла быть часть подола панциря — куйака. М. В. Горелик при реконструкции ийи-кулацких панцирей из Тувы, в составе которых присутствует большое количество пла-

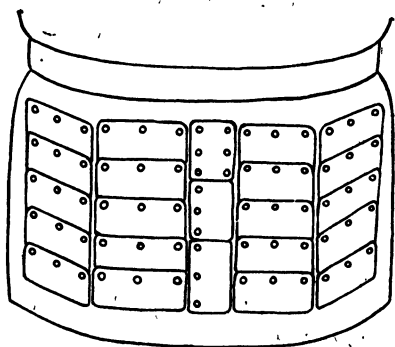

Рис. 7. Реконструкция панциря из Бузук-Тобе.

стин с заклепками, выделил несколько составных частей¹⁰. Оплечья и подол второго ийи-кулакского панциря состоят из узких или широких прямоугольных пластин с заклепками¹¹. Датировка бузук-тобинского папциря должна соответствовать верхней хронологической границе существования городища, XIV—XV вв. н. э., т. е. тимуридской эпохе. Деталь панциря могла быть потеряна в ходе штурма городища и осталась незамеченной воинами после боя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв.—Новосибирск, 1980.—С. 118—128; Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа.—Новосибирск, 1979.—С. 132—133; Овчинникова Б. Б. К вопросу о вооружении чевеников средневековой Тувы // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.—Новосибирск, 1981.—С. 141.

² Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья.—Новосибирск, 1991.—С. 19, 42, 65—66, 81, 85, 140—144.

³ Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии.—Новосибирск, 1986.—С. 158—159, 196—197; 223; Худяков Ю. С., Соловьев А. И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии.—Новосибирск, 1987.—С. 135—160; Новгородова Э. А., Горелик М. В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир.—М., 1980.—С. 102—104; Горелик М. В. Средневековый монгольский доспех // Олоп улсын монголч эрдэмтний III их хурал.—Улаанбаатар, 1979.—Боть 1.—С. 90—101; Он же. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV—начала XV в. // Нуликовская битва в истории и культуре нашей Родины.—М., 1983.—С. 244—269; Он же. Ранний монгольский доспех (IX—первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии.—Новосибирск, 1987.—С. 163—202.

⁴ Иванов В. А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII—XIV вв.) // Военное дело древнего населения Северной Азии.—Новосибирск, 1987.—С. 186—187; Овсянников В. В. К вопросу о защитном вооружении поздних кочевников Южного Урала // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии.—Новосибирск, 1990.—С. 141—149.

⁵ Худяков Ю. С., Соловьев А. И. Из истории защитного доспеха.—С. 151—159; Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников...—С. 223.

⁶ Горелик М. В. Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства.—М., 1987.—С. 110—129; Никаноров В. П. Вооружение и военное дело в Парфии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.—Л., 1987.—С. 13; Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С. Комплекс вооружения кепкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии.—Новосибирск, 1987.—С. 92—97.

⁷ Кожомбердиев И., Худяков Ю. Реконструкция древнетюркского панциря из памятника Сары-Джон // Инф. бюлл. Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии.—М., 1990.—Вып. 17.—С. 48—52.

⁸ Иванов С. В. Элементы защитного доспеха в шаманской одежде народов Западной и Южной Сибири // Этнография народов Алтая и Западной Сибири.—Новосибирск, 1978.—С. 163.

⁹ Худяков Ю. С., Соловьев А. И. Из истории защитного доспеха...—С. 147.

¹⁰ Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение...—С. 251.

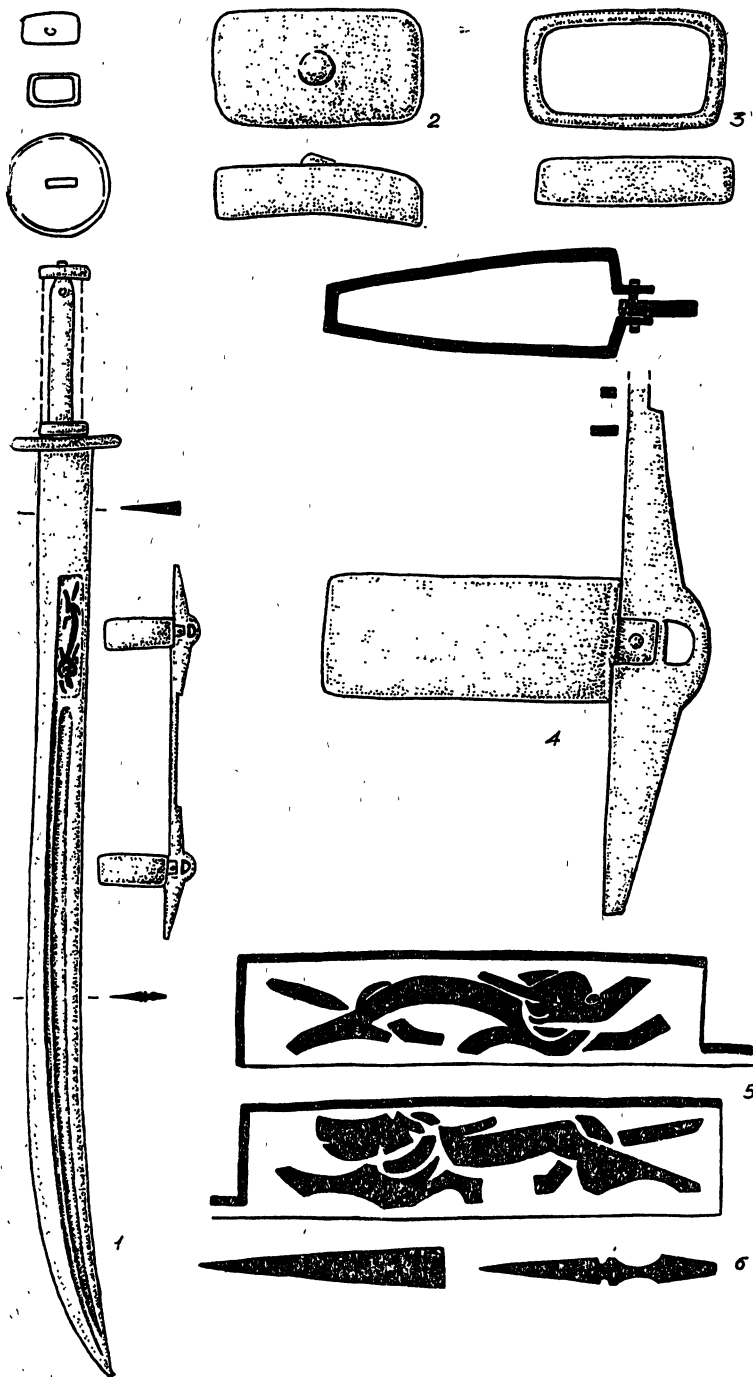
¹¹ Там же.—Табл. V, 3.

САБЛЯ С ГОБИЙСКОГО АЛТАЯ

Полевой сезон 1988 г. для палеолитического отряда Советско-Монгольской комплексной историко-культурной экспедиции (начальник экспедиции А. П. Деревянко, начальник отряда В. Т. Петрин) начался работами в пещере Цаган-Агуй, расположенной у южного фаса невысокой горной гряды, которая занимает промежуточное положение между хребтами Их-Богдо и Бага-Богдо. Географически эта зона входит в Гобийский Алтай, административно находится на территории Баянлиг-сомона Баянхонгорского аймака. В работах принимали участие солдаты Монгольской Народной Армии из войсковой части, расквартированной в сомоне. По их словам, год назад, летом 1987 г., их старшие товарищи нашли то ли в самой пещере, то ли неподалеку от нее железную саблю, которую затем передали в музей части. Уточнить место не удалось, поскольку все открыватели уже уволились в запас. Увидев проявленный нами интерес, командир части капитан Б. Дагвадорж любезно предложил осмотреть находку.

Полоса сабли, все металлические детали рукояти и ножен были изготовлены из железа. Сохранность очень хорошая, при желании саблю можно начистить до блеска. Общая длина 79,5 см, длина клинка 66 см, рукояти — 13 см (см. рисунок). Ширина клинка 3,7 см, в последней трети длины (на расстоянии 49—52 см от рукояти) — расширение до 4 см. Максимальный выгиб спинки (1,5 см) фиксируется на расстоянии 38—45 см от рукояти, максимальный выгиб лезвия (4,4 см) — на участке 47—51 см. Толщина обуха уменьшается с 8 мм под перекрестьем до 2—3 см в последней трети длины. Острие повреждено — слегка расплющено. Клинок сабли имеет два дола: широкий (9 мм) и узкий (2 мм). Первый расположен ближе к обуху на расстоянии 18—63 см от рукояти, второй — ближе к лезвию, начинается от прямоугольного клейма на участке 9—17 см от рукояти и заканчивается у самого острия. В клейме техникой рельефа на углубленном фоне изображен распластавшийся в стремительном беге зверь (волк?). Изображения на обеих плоскостях клинка несколько отличаются друг от друга в деталях. Очевидно, они наносились штампом с последующей проработкой зубилом.

Черен рукояти расположен по центру полосы, плоский, шириной 2 см, толщина постепенно уменьшается с 5 до 1,5 мм. Плечики при переходе к полосе прямоугольные. Наклона рукояти к лезвию нет, но за счет елмани (расширения в последней трети длины) между рукоятью и лезвием образуется некоторый угол. На конце черен заострен, острый конец продет через отверстие в навершии и расклепан сверху. Обкладка рукояти прикреплена снизу обоймой, наверху вставлена в навершие-колпа-

Сабля с Гобийского Алтая.

чок. Дополнительное крепление произведено через отверстие в верхней части черена под навершием. Судя по внутренним обводам навершия и обоймы, рукоять в сечении была подпрямоугольной, размерами $3 \times 1,5$ см. Рукоять снабжена плоской дисковой гардой диаметром 7,5 см с бортиком по краю и прямоугольной прорезью для черена в центре.

Система для подвешивания ножен к поясу состоит из двух обойм и пластины. Пластина цельнокованая, представляет собой две треугольные петли, соединенные стержнем. Длина пластины 26 см, толщина 2 мм. Пластина вставлялась в разъемы обойм и закреплялась заклепками. Судя по внутренним размерам обойм, ширина ножен достигала 5 см, толщина уменьшалась с 1,5 см у обуха до 0,7 см у лезвия. Крепление пластины со стороны обуха указывает на то, что саблю носили изгибом вниз.

Ближайший аналог описанной сабли хранится в собрании Государственной Оружейной палаты*. Эта китайская сабля, привезенная в Москву Н. Г. Спафарием в 1675—1678 гг., имеет тот же набор конструктивных деталей рукояти и ножен. В отличие от нашей, целиком железной и очень простой по оформлению, китайская сабля парадная — украшена прорезными узорами по позолоченным бронзовым деталям. Неизвестно, есть ли на клинке клейма. По аналогу гобийская сабля может быть датирована широким временным интервалом — с XVII в. до нашего столетия. В современном Китае очень похожие клинки используются в традиционных боевых искусствах. Несмотря на то что пока авторы не в состоянии дать более точную хронологическую и культурно-историческую атрибуцию находки, представляется, что первоначальная ее публикация будет полезна для изучения позднесредневекового оружия Центральной Азии.

В. Д. Леньков, В. Э. Шавкунов

ЖЕЛЕЗНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ БОХАЙЦЕВ ПРИМОРЬЯ

Среди всего оружейного материала, получаемого археологами с бохайских памятников (VIII—X вв. н. э.) в Приморском крае, подавляющее большинство составляют наконечники стрел. И это неудивительно: лук и стрелы являлись тем вполне доступным и эффективным средством, которое позволяло значительно удлинить дистанцию поражения живого существа во время боя или охоты. Именно поэтому до изобретения огнестрельного оружия лук и стрелы были самым распространенным видом вооружения

* *Парадное оружие и конское убранство XVII—XVIII в.*: Путеводитель. — М., 1986. — Рис. 20.

у большинства народов. И не случайно почти все оружейно-археологические работы начинаются с рассмотрения лука и стрел.

В 1976 г. была опубликована статья Л. Е. Семениченко, посвященная бохайским наконечникам стрел¹. Однако с тех пор материал по данной теме существенно пополнился. Кроме того, в упомянутой статье наряду с бохайскими ошибочно рассматривались и некоторые типы более поздних наконечников стрел, которые были найдены на Новогордеевском городище, расположенном на Круглой Сопке. Новогордеевское городище является трехслойным памятником: нижний слой датируется железным веком, средний является бохайским, а верхний, в котором в настоящее время выделяется три строительных горизонта², относится к культуре чжурчжэней. Все это в значительной мере затруднило культурно-историческую интерпретацию материала. По крайней мере, некоторые наконечники, найденные на Круглой Сопке и отнесенные Л. Е. Семениченко к бохайским*, неизвестны на других памятниках этого времени в Приморском крае, но они имеют точные аналоги на чжурчжэньских памятниках в Приморье. Кроме того, эти наконечники по качеству, а передко и по оформлению, в частности, упоров, гораздо ближе чжурчжэньским, а не бохайским. Все это и предопределило необходимость написания данной статьи, причем в ней не будут учитываться те наконечники с Круглой Сопки, которые вызывают сомнения в их принадлежности к бохайскому времени.

В статье использованы материалы, полученные Л. Е. Семениченко с Петровского и Новогордеевского поселений, со Старореченского и Новогордеевского городищ, В. И. Болдиным — с поселения Рудановское II, Краскинского, Новогордеевского и Николаевского II Михайловского района городищ, О. С. Галактионовым — с Марьяновского городища и с Новопокровского могильника, А. М. Кузнецовым — с раскопанного им бохайского строения на р. Илстой.

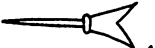

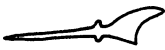

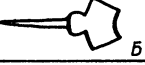

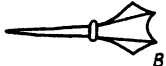

Всего нами учтено 117 железных наконечников стрел, хранящихся в фондах Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН в г. Владивостоке. Все они черешковые, по форме пера могут быть разделены на 20 типов, которые в зависимости от наличия или отсутствия тех или иных дополнительных элементов, не меняющих функцию наконечника, а только придающих ему дополнительные качества и свойства, а также от сечения делятся на варианты. Всего выделяется 35 вариантов. Характеристика наконечников (размеры, форма в сечении и количество экземпляров в памятнике) приведена в табл. 1.

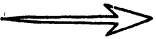

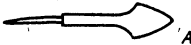

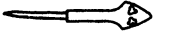

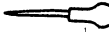

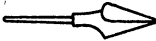

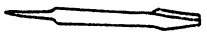

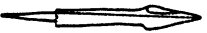

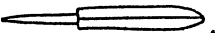

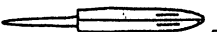

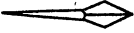

Тип 1. Ланцетовидный трехлопастный. Такие же бытовали в бохайское время (VIII—X вв. н. э.) на территории Монголии³.

* Типы 2, 7 (рис. 3, 32, 34) плоские; типы 3 (рис. 3, 39), 8 граненые, по классификации Л. Е. Семениченко.

Т а б л и ц а 1

Типологическая характеристика наконечников

Тип	Вариант	Сече- ние	Общая длина, см	Длина пера, см	Ширина пера, см	Памятник
1			6,6	3,8	1	Р-1
2			—	—	1,5	Н-2
3	 А		3,1-6,1	2-3,7	1,5-3	НМII-5, Р-1 Ст-1, М-1
	 Б		4,9	2,2-3,7	2,1-3	Н-2
4			5,6	2,7	—	НМII-1
5	 А		4,1	2,4	2,4	>>
	 Б		6,9	2	3,3	>>
	 В		12,5	5,5	2,6	Кр-1
6	 А		5,7	2,6	2	НМII-1
	 Б		5,7	3,7	1,5	>>
	 В		6,9	4,3	1,5	Кр-1
	 Г		5-8,6	2,9-5,8	0,9-1,6	НМII-13, КС-3 Ст-1, НП-1 М-1, Кр-1
7			9,3	7,4	3,2	Н-1
8	 А		4,5-7,3	3,6-4,8	1,6-1,9	НП-2 Ст-2
	 Б		4,7	2,9	1,4	НП-1
	 В		5,4-6,7	3,8-4	1,1-1,2	НМII-2 Ст-1
9			6,1-6,9	3,9-4,7	1,4-1,9	Н-3, КС-1 НП-2

Тип	Вариант	Сече- ние	Общая длина, см	Длина пера, см	Ширина пера, см	Памятник
10			10	2,5	2,7	КС-1
11			4,9-8,7	2,7-5,8	1,2-1,5	НМII-2, М-2 НП-2, КС-1 Н-1, Кр-1
12			6,7-8,3	3,7-6,3	1,5-2,2	НМII-1 ИЛ-1
13	 A		6,6-10,1	4-8,2	1,3-3,1	НМII-1 КС-1, Н-1
	 B		6,1	3,3	2,3	Н-1
	 B		5,4-5,5	2,4-4,3	1,4-1,5	НМII-1 Ст-1
14	 A		5,4-8,2	3,1-5,4	1,3-1,6	НМII-5, М-1 Кр-2, КС-1 НП-4, П-1
	 B		4,4-7,1	3,3-5,2	1,3-1,8	НП-2, Н-1 Ст-1, М-1
	 B		7,3-8	4-5,2	1,4-1,8	НП-1 ИЛ-1 Кр-1
15	 A		5,2	3	1,6	НМII-1
	 B		5,9-7,6	2,9-4,5	1,4-1,7	НМII-3, М-2 КС-1, Кр-1
16			9,5-10,3	6,4-7,3	0,6-0,7	КС-3
17			7,7-10,3	4,6-8	1,1-1,5	НМII-1 Н-1, М-1
18			9	6,3	0,6	НМII-1
19	 A		10,9-13,1	7,8-9,6	0,9-1,2	КС-3 НМII-1
	 B		9,9	7,3	0,9	КС-1
	 B		10,9	6,9	1,2	НМII-1
20			4,6	2,2	0,7	Н-1

Примечание. В таблицах 1, 2 приняты следующие обозначения:

П — Петровское, Н — Новогордеевское, Р — Рудановское II поселения;
Ст — Старореченское, КС — Новогордеевское, Кр — Краскинское, НМII —
Николаевское, II Михайловского района, М — Марьяновское городища;
НП — Новопокровский могильник, ИЛ — строение на р. Илистой.

Двойное сечение соответствует верхней и нижней частям наконечника.

Тип 2. Удлиненно-треугольный трехлопастный. Наконечники этого типа интересны наличием небольших прямых плечиков.

Трехлопастных наконечников различных типов довольно много найдено на Троицком могильнике (VI—VIII вв. н. э.) в Приамурье⁴, но в более позднее время на Дальнем Востоке они теряют популярность и встречаются крайне редко как в Приамурье⁵, так и в Приморье⁶.

Тип 3. Двурогий. Подразделяются на два варианта.

Вариант А. Вильчатый. Такие наконечники были необычайно широко распространены и бытовали почти во всех культурах I — начала II тыс. н. э. в Сибири, Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Бохайские наконечники этого варианта довольно сильно отличаются друг от друга: есть экземпляры, у которых упор выражен не столь ярко и больше похож на небольшие плечики; у некоторых наконечников боковые стороны пера слегка выгнуты наружу, а острое имеет форму двух совмещенных полуовалов. Такие наконечники помимо Приморья найдены также на бохайских памятниках на территории КНДР⁷.

Вариант Б. Двурогий со срезанными концами. Похожие наконечники найдены в Приамурье на Корсаковском могильнике⁸ и на бохайских памятниках в КНДР⁹.

Тип 4. Однорогий. Имеет довольно узкое острое, смещенное в сторону от оси стрелы. Возможно, такой наконечник получился в результате того, что у обычного двурогого наконечника обломился один «рог», а место облома заточили как острое лезвие.

Тип 5. Вогнутый срезень. Различают три варианта.

Вариант А. С плавно сходящимися боковыми сторонами и покатыми плечиками.

Вариант Б. С расходящимися боковыми сторонами и прямыми плечиками. Такие же наконечники найдены в Приамурье на Надеждинском могильнике¹⁰.

Вариант В. С вогнутыми расходящимися боковыми сторонами и с плавно изогнутыми покатыми плечиками. Характерная особенность этого наконечника — наличие на пере двух ребер жесткости, идущих от каждого острия до середины плечиков.

Тип 6. Прямой срезень. Различают четыре варианта.

Вариант А. Со сходящимися боковыми сторонами, маленькими плечиками и ступенчатым сечением.

Вариант Б. С изящной «талией» в середине пера, маленькими плечиками и отверстиями в них и со ступенчатым сечением в нижней части пера. Такие наконечники встречаются в более поздних приамурских могильниках Луданникова Сопка¹¹ и Корсаковский¹². Подобные по форме, но не ступенчатые в сечении и без отверстий бытовали и в Забайкалье¹³.

Вариант В. Срезень с бордюрчиком вдоль боковых сторон, причем в нижней половине пера в бордюрчике с обеих сторон на обеих плоскостях имеется по два разреза.

Вариант Г. Простой прямой срезень-лопаточка. Наконечники этого варианта в большом количестве обнаружены в слоях V—VIII вв. н. э. на поселении Синие Скалы в Ольгинском районе Приморского края¹⁴. Найдены они и на памятниках культуры Когурё на Корейском полуострове¹⁵, в Приамурье на могильниках Троицкий¹⁶, Луданникова Сопка¹⁷, Корсаковский¹⁸, Надеждинский¹⁹, а также в Приморском крае на чжурчжэньских памятниках конца XII — начала XIII в.²⁰

Тип 7. Секторовидный срезень. В более раннее время такие наконечники на Дальнем Востоке были у когурёсцев²¹. В начале II тыс. н. э. они получили широкое распространение и встречаются во многих культурах этого времени от Приморья и Приамурья до Восточной Европы.

Тип 8. Листовидный. Различают три варианта.

Вариант А. Простой листовидный. На Дальнем Востоке впервые появляются у когурёсцев²². Найдены такие наконечники и на Троицком могильнике²³ в Приамурье.

Вариант Б. Листовидный со ступенчатым сечением. Такие или похожие наконечники найдены в Приамурье на памятниках корсаковского типа²⁴.

Вариант В. Листовидный с шейкой. Помимо Приморья найдены на территории Верхней столицы Бохая в Дунцзинчэне²⁵. В XII — начале XIII в. такие наконечники были у чжурчжэней Приморья, а в XIII—XIV вв. — у монголов²⁶.

Тип 9. Пламевидный. Точно такие же наконечники были найдены на Троицком²⁷ и Корсаковском²⁸ могильниках в Приамурье.

Тип 10. Гарпуновидный. В Приамурье такие наконечники известны по материалам датированного концом X—XI вв. Болоньского могильника²⁹, где таких наконечников было довольно много, и на поселении Сакачи-Алян II³⁰.

Тип 11. Килевидный. Наконечники данного типа довольно широко распространены в Приморье на бохайских памятниках, а также на поселении Синие Скалы в Ольгинском районе³¹. В Приамурье такие наконечники найдены на Троицком³² и Корсаковском³³ могильниках.

Тип 12. Удлиненно-пятиугольный.

Тип 13. С параболовидной боевой головкой. Различают три варианта.

Вариант А. С большой головкой и длинной узкой шейкой. Наконечники этого варианта найдены в Приамурье на Корсаковском могильнике³⁴.

Вариант Б. С большой головкой, длинной узкой шейкой и с трехлепестковыми отверстиями на пере. Аналогичные наконечники найдены в Приамурье на Корсаковском могильнике³⁵.

Вариант В. С небольшой головкой и короткой шейкой. От наконечников вариантов А и Б отличаются еще и линзовидным сечением пера. Такие же были у когурёсцев³⁶.

Тип 14. Параболовидный. Различают три варианта.

Вариант А. С ромбическим в сечении пером. Такие же наконечники обнаружены на поселении Синие Скалы³⁷ в Ольгинском районе.

Вариант Б. Плоский. Похожий наконечник найден на бохайском памятнике в КНДР³⁸ и в Приамурье на Троицком могильнике³⁹.

Вариант В. Ступенчатый в сечении нижней части, с ромбическим сечением острия. В Приамурье такие наконечники обнаружены на могильниках Корсаковский⁴⁰ и Луданникова Сопка⁴¹.

Тип 15. Треугольный с шейкой. Различаются два варианта.

Вариант А. Плоский с маленькими прямыми плечиками.

Вариант Б. Ступенчатый в сечении, со слегка скошенными плечиками. В Приморье такие наконечники найдены на поселении Синие Скалы⁴² в Ольгинском районе, в Приамурье — на Надеждинском⁴³ и Корсаковском⁴⁴ могильниках.

Тип 16. Бронебойный с трапециевидной боевой головкой. Головка в сечении имеет вид параллелограмма, а длинная и узкая шейка — прямоугольника.

Тип 17. Бронебойный с треугольной боевой головкой. Головка в сечении ступенчатая, шейка — в виде параллелограмма. Такие же наконечники обнаружены в Приамурье на могильнике Луданникова Сопка⁴⁵.

Тип 18. Шиловидный, квадратный в сечении. Такие же наконечники найдены на когурёских местонахождениях⁴⁶, Троицком могильнике⁴⁷, на чжурчжэньских памятниках конца XII — начала XIII в. в Приморье⁴⁸, X—XIV вв. в Монголии⁴⁹. Шиловидные наконечники, но без упора найдены и на Корсаковском могильнике⁵⁰.

Тип 19. Кинжаловидный. Различают три варианта.

Вариант А. Простой кинжаловидный. Такие же наконечники найдены на когурёских памятниках в КНДР⁵¹, на поселении Синие Скалы⁵² в Приморье. В Приамурье они известны по материалам Троицкого⁵³, Надеждинского⁵⁴ и Молчанихинского⁵⁵ могильников. В X—XIV вв. такие наконечники бытовали в корейском государстве Корё⁵⁶, а в конце XII — начале XIII вв. — у чжурчжэней Приморья.

Вариант Б. Кинжаловидный с желобками на гранях пера. Такие же наконечники использовались когурёсцами⁵⁷ и чжурчжэнями Приморья⁵⁸.

Вариант В. Кинжаловидный, ступенчатый в сечении. Такие же наконечники найдены в Приамурье на Надеждинском могильнике⁵⁹.

Тип 20. Бипирамидальный.

Железные бохайские наконечники стрел из Приморья не имеют аналогов среди материалов I тыс. н. э. из Южной Сибири и Центральной Азии. Вместе с тем в памятниках предшествующих бохайцам культур на Дальнем Востоке параллелей довольно много: Троицкий могильник — восемь типов и вариантов, поселение Синие Скалы — пять типов и вариантов, государство Когурё — шесть типов и вариантов. Следует также учитывать, что если Троицкий могильник исследован довольно полно и в достаточной степени освещен в исследовательской литературе, то этого нельзя сказать об оружии Когурё и других государств Корейского полуострова. В любом случае можно смело утверждать, что «колчан» бохайского воина-охотника формировался на местной, дальневосточной, основе.

Следует обратить внимание на большое количество совпадений бохайских наконечников стрел с оружием, найденным на различных памятниках Приамурья: могильниках Луданникова Сопка, Надеждинском, Молчанихинском, Болоньском и Корсаковском (подавляющее большинство погребений которого, как и остальные могильники, датируется концом X — началом XII в.)⁶⁰. Аналоги прослеживаются по 13 из 20 типов и по 18 из 35 вариантов. Если же исключить из предложенной нами классификации трехлопастные наконечники, которые после VIII в. н. э. не были распространены на юге Дальнего Востока, а также однорогий (тип 4) и два наконечника, не имеющие аналогов из-за своего необычного сечения (тип 5 вариант В и тип 6 вариант В), то доля совпадений будет еще выше: 13 из 17 типов и 18 из 30 вариантов. Столь широкие аналогии нельзя объяснить случайностью или только соседством территорий. Скорее всего, близость набора колчанов населения Приморья VIII—X вв. и Приамурья X—XII вв. была обусловлена активной военной экспансией на Амур государства Бохай⁶¹. Возможно, также, что часть бохайского населения осела в Приамурье после разгрома в 926 г. их государства киданями. В любом случае элементы культуры бохайцев проникли на берега Амура, где, как это видно на примере наконечников стрел, получили дальнейшее развитие. Особенно наглядно это прослеживается в традиции изготовления ступенчатых в сечении наконечников стрел. Самый ранний такой наконечник найден в Приморье на поселении Синие Скалы⁶². Наконечники с таким сечением не известны ни на Троицком могильнике, ни у когурёсцев. В бохайские времена в Приморье ступенчатые в сечении наконечники уже не были редкостью, имеется семь вариантов бохайских наконечников стрел. Но наибольшее распространение ступенчатые в сечении наконечники в Приамурье получили на рубеже I и II тыс. н. э.⁶³ В то же время в Приморье традиция использования таких наконечников угасает. Можно отметить, что на памятниках конца XII — начала XIII в. в Приморье найдено всего два ступенчатых в сечении наконечника (оба на Шайгинском городище), да и то больше характерных для Приамурья, чем для Приморья форм.

Результаты химического и микроструктурного анализа наконечников стрел

Наконечники	Химический состав					Микроструктура	Микротвердость, кг/мм ²
	C	Mn	Si	S	P		
Прямой срезень-лопаточка типа 6, варианта Г (М)	0,31	Отс.	0,25	0,041	0,007	Сорбит	380
Параболический типа 14, вариант В (НП)	0,21	Сл.	Сл.	0,04	0,03	Феррит с участками перлита	151
Кинжаловидный типа 19, вариант А (НМ II)	0,26	»	0,15	0,06	0,05	Феррит с включением перлита	180
Параболический типа 14, вариант А (КС)	0,14	»	Сл.	0,07	0,04	Феррит	151
Клиновидный типа 11 (М)	0,10	»	0,02	0,04	0,06	»	149
Клиновидный типа 11 (КС)	0,14	»	0,27	0,05	0,08	Феррит с крупным зерном, небольшие участки перлита	151
Удлиненно-пятиугольный типа 12 (НМ II)	0,28	»	0,34	0,06	0,04	Сорбит	360
Листовидный типа 8, варианта А (НП)	0,28	Сл.	Сл.	0,07	0,04	Феррит с перлитом	228
Шиловидный типа 18 (НМ II)	0,63	»	0,21	0,05	0,03	Сорбит с участками тростнига	320
Прямой срезень-лопаточка типа 6, варианта Г (КС)	0,46	»	0,3	0,03	0,04	Сорбит	350
Броневый с трапецевидной головкой типа 16 (КС)	0,62	»	0,2	0,05	0,3	Сорбитообразный перлит и феррит (сварной шов)	322
Прямой срезень типа 6, варианта А (НМ II)	0,15	»	Сл.	0,05	0,04	Феррит	419
Секторовидный срезень типа 7 (Н)	0,05	»	»	0,03	0,03	»	135
Треугольный с шейкой, типа 15, варианта Б (КС)	0,2	»	»	0,03	0,07	Феррит с небольшими участками перлита	138
Другой тип 3, варианта А (НМ II)	0,1	»	»	0,04	0,03	Феррит	125
Треугольный с шейкой, типа 15, варианта Б (НМ II)	0,12	»	»	0,02	0,04	»	123

Для технологического анализа отобрана и изучена коллекция из 16 наконечников стрел различных типов. Основой при изучении уровня технологии производства был металлографический анализ. Для определения качества металла, используемого для изготовления стрел, образцы были проанализированы на содержание углерода, марганца, кремния, серы и фосфора, т. е. на элементы, влияющие на свойства металла.

Бохайские кузнецы использовали кричное железо и сырцовую мало- и среднеуглеродистую сталь, полученную в горне, с характерным неравномерным содержанием и распределением углерода. По химическому составу все исследованные образцы настолько мало отличаются друг от друга, что можно говорить об их почти полной идентичности. Наличие фосфора не выходит за пределы 0,02 % (0,07—0,02 %), содержание серы и кремния также низкое, что характерно для железа, полученного путем сыродутного процесса. Почти полное отсутствие марганца (табл. 2) в образцах объясняется, очевидно, отсутствием его в исходных материалах, использованных в процессе получения железа. Металл, как правило, довольно хорошо прокован, содержит не очень большое количество шлаковых включений, что свидетельствует, надо полагать, о довольно высоком профессиональном мастерстве бохайских кузнецов. Правильно подобранный тепловой режим при изготовлении таких небольших по размерам поковок наконечников стрел (ни в одном образце не была выявлена структура видманштетта, свидетельствующая о перегреве заготовки в процессековки) говорит о высоком для того времени профессиональном мастерстве кузнецов.

Бохайские кузнецы, хорошо владевшие операциями свободнойковки металла, могли придавать изделиям самую разнообразную форму (20 типов стрел 35 вариантов), используя для этого разнообразные инструменты в виде штампов и обжимок, без которых невозможно отковать строго профилированные детали наконечников стрел.

Результаты микроструктурных исследований позволяют разделить бохайские наконечники стрел по технологическим признакам на две основные группы. К первой, наиболее многочисленной (62,5 %), можно отнести наконечники стрел, откованные из железа и малоуглеродистой стали, которые не подвергались дополнительно термообработке. Для образцов характерна ферритная и ферритная с участками перлита структура с микротвердостью в пределах 119—180 кг/мм².

Другая группа образцов (37,5 %) представлена наконечниками стрел из среднеуглеродистой сырцовой стали, при изготовлении которых для улучшения рабочих качеств изделия использовались специальные технологические приемы. Выявленная в процессе микроструктурного анализа четырех образцов структура сорбита с микротвердостью 320—380 кг/мм² указывает на то, что окончательной операцией при их изготовлении была закалка с

последующим высоким отпуском (при температурах 500—700 °C)⁶⁴.

Обращает на себя внимание выявленный при микроскопическом исследовании сварной шов. Структура образца — феррит с сорбитообразным перлитом. Структура подобного вида образуется в процессе охлаждения заготовки на воздухе, что обуславливает получение мелкозернистой структуры с хорошими механическими свойствами. После сварки двух (железной и стальной) заготовок кузнец отковал наконечник стрелы, а затем произвел закалку с последующим медленным охлаждением на воздухе, проводя так называемый процесс нормализации. Следует отметить, что качество сварки невысокое, сварочный шов широкий, местами забит шлаками. Из-за этого в местах сварки изделие расслаивается и приходит в негодность. Как широко использовали бохайские кузнецы способ сварки стали с железом при изготовлении стрел — при малочисленности проанализированного материала сказать трудно, но несомненно, что им был хорошо известен процесс сварки различных по качественному составу металлов. В условиях, когда наконечники были разовыми, выплавлять более качественный металл и с более сложной кузнечной технологией считалось нецелесообразным. Несмотря на это, при изготовлении наконечников стрел бохайские кузнецы применяли не только простую ковку из железа и сырцово́й стали, но и специальные технические приемы в виде закалки и даже, возможно, кузнечной сварки, направленные на улучшение рабочих качеств изготавливаемых стрел. Может быть, сложные в техническом исполнении операции при кузнечной обработке черных металлов, такие как сварка, наварка, цементация, применялись бохайскими кузнецами более широко при производстве качественных изделий, рассчитанных на длительный период их эксплуатации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Семениченко Л. Е. Характеристика наконечников стрел Приморья в VIII—X вв. // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. — Владивосток, 1976. — С. 98—111.

² Болдин В. И. Отчет об археологических исследованиях на Новогордеевском городище в Приморском крае в 1986 г. — Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН, ф. 1, оп. 2, № 46, л. 46.

³ Худяков Ю. С. Железные наконечники стрел из Монголии // Древние культуры Монголии. — Новосибирск, 1985. — Рис. 1, 14; 2, 6.

⁴ Деревянко Е. И. К вопросу о вооружении мохэского воина // Археология Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1975. — С. 197—198.

⁵ Медведев В. Е. Приамурье в конце I — начале II тысячелетия (чжурчженская эпоха). — Новосибирск, 1986. — С. 135.

⁶ Семениченко Л. Е. Характеристика... — С. 100—101.

⁷ Пак Дин Ук. Формы наконечников стрел нашей страны и их изменение // Кого минсок. — 1967. — № 1. — С. 32, рис. 7, 4 (на кор. яз.).

⁸ Медведев В. Е. Средневековые памятники острова Уссурийского. — Новосибирск, 1982. — Табл. 89, 24.

⁹ Пак Дин Ук. Формы... — Рис. 7, 1.

- ¹⁰ *Медведев В. Е.* Культура амурских чжурчжэней. Конец X—XI век (по материалам групповых могильников).— Новосибирск, 1977.— Табл. 41, 7, 8.
- ¹¹ *Васильев Ю. М.* Наконечники стрел из могильника Луданникова Сопка // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР.— Владивосток, 1978.— Рис. 18.
- ¹² *Медведев В. Е.* Средневековые памятники...— Табл. 5, 6.
- ¹³ *Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В.* Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений).— Новосибирск, 1984.— Табл. 42, 8.
- ¹⁴ *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье (железный век).— М., 1970.— Рис. 37, 3, 4; *Вострецов Ю. Е.* Типология железных предметов вооружения поселения Синие Скалы // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР.— Владивосток, 1981.— Рис. 1, 26—31.
- ¹⁵ *Культура Когурё.*— Пхеньян, 1972.— Рис. 26, 1, 16 (на кор. яз.); *Пак Дин Ук.* Формы...— Рис. 5, 2, 3.
- ¹⁶ *Деревянко Е. И.* Троицкий могильник.— Новосибирск, 1977.— Табл. 19, 10, 11.
- ¹⁷ *Васильев Ю. М.* Наконечники стрел...— Рис. 5.
- ¹⁸ *Медведев В. Е.* Средневековые памятники...— Табл. 2, 22, 23; 4, 31.
- ¹⁹ *Медведев В. Е.* Культура...— Табл. 40, 26—32.
- ²⁰ *Галактионов О. С.* Характеристика наконечников стрел Шайгинского городища // История, социология и философия Дальнего Востока.— Владивосток, 1971.— С. 83.
- ²¹ *Культура Когурё.*— Рис. 26, 3.
- ²² Там же.— Рис. 26, 15.
- ²³ *Деревянко Е. И.* Троицкий могильник.— Табл. 14, 10.
- ²⁴ *Медведев В. Е.* Общее и особенное в некоторых видах вооружения чжурчжэньской эпохи Приамурья и Приморья // Военное дело древнего населения Северной Азии.— Новосибирск, 1987.— С. 212.
- ²⁵ *Окладников А. П.* Остатки бохайской столицы у г. Дунцзинчэн на р. Муданцзян // СА.— 1957.— № 3.— С. 205.
- ²⁶ *Худяков Ю. С.* Железные наконечники...— Рис. 8.
- ²⁷ *Деревянко Е. И.* Троицкий могильник.— Табл. 19, 8, 9; 41, 6.
- ²⁸ *Медведев В. Е.* Средневековые памятники...— Табл. 11, 10—13, 16.
- ²⁹ *Медведев В. Е.* Культура...— Табл. 41, 18—35.
- ³⁰ *Медведев В. Е.* Приамурье...— Рис. 5, 4.
- ³¹ *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье...— Рис. 37, 6; *Вострецов Ю. Е.* Типология...— Рис. 1, 20.
- ³² *Деревянко Е. И.* Троицкий могильник.— Табл. 46, 5.
- ³³ *Медведев В. Е.* Средневековые памятники...— Табл. 43, 5.
- ³⁴ Там же.— Табл. 11, 17.
- ³⁵ Там же.— Табл. 49, 15, 16.
- ³⁶ *Культура Когурё.*— Рис. 26, 5; *Пак Дин Ук.* Формы...— Рис. 5, 6.
- ³⁷ *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье...— Рис. 37, 1; *Вострецов Ю. Е.* Типология...— Рис. 1, 14, 16.
- ³⁸ *Пак Дин Ук.* Формы...— Рис. 7, 6.
- ³⁹ *Деревянко Е. И.* Троицкий могильник.— Табл. 47, 9.
- ⁴⁰ *Медведев В. Е.* Средневековые памятники...— Табл. 2, 9.
- ⁴¹ *Васильев Ю. М.* Наконечники стрел...— Рис. 33.
- ⁴² *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье...— Рис. 37, 2; *Вострецов Ю. Е.* Типология...— Рис. 1, 4.
- ⁴³ *Медведев В. Е.* Культура...— Табл. 41, 14.
- ⁴⁴ *Медведев В. Е.* Средневековые памятники...— Табл. 4, 28; 5, 7.
- ⁴⁵ *Васильев Ю. М.* Наконечники стрел...— Рис. 32.
- ⁴⁶ *Культура Когурё.*— Рис. 26, 17.
- ⁴⁷ *Деревянко Е. И.* Троицкий могильник.— Табл. 24, 30.
- ⁴⁸ *Галактионов О. С.* Характеристика...— С. 83.
- ⁴⁹ *Худяков Ю. С.* Железные наконечники...— Рис. 3, 4.
- ⁵⁰ *Медведев В. Е.* Приамурье...— Рис. 30, 25.
- ⁵¹ *Пак Дин Ук.* Формы...— Рис. 5, 10.

- ⁵² Вострецов Ю. Е. Типология...— Рис. 1, 5.
⁵³ Деревянко Е. И. Троицкий могильник.— Табл. 29, 1.
⁵⁴ Медведев В. Е. Культура...— Табл. 44, 1—4; 45, 1—7.
⁵⁵ Там же.— Табл. 45, 9.
⁵⁶ Пак Дин Ук. Формы...— Рис. 8, 5.
⁵⁷ Там же.— Рис. 8, 1, 2.
⁵⁸ Галактионов О. С. Характеристика наконечников...— С. 83.
⁵⁹ Медведев В. Е. Культура...— Табл. 44, 15.
⁶⁰ Медведев В. Е. Приамурье...— С. 177—178.
⁶¹ Шавкунов Э. В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье.— Л., 1968.— С. 48—51, 53.
⁶² Андреева Ж. В. Древнее Приморье...— Рис. 37, 2; Вострецов Ю. Е. Типология...— Рис. 1, 4.
⁶³ Васильев Ю. М. Наконечники стрел...— С. 118; Медведев В. Е. Общее и особенное...— С. 210—212.
⁶⁴ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // МИА.— М., 1953.— № 32.— С. 13.

Д. Харрис *

РИМСКИЕ ЛЕГИОНЕРЫ В КИТАЕ

(к постановке вопроса)

Две тысячи лет назад в пустынных землях нынешней пров. Ганьсу построили город. Его называли Лицзянь, что соответствует китайскому названию Рима. Но кто же его создал, кем были высокие светлокожие незнакомцы, пришедшие с Запада?

Кажется невероятным, что римский город построили в Китае за 1300 лет до путешествия Марко Поло. Однако название Лицзянь встречается в официальном списке городов, датированном 5 г. н. э. Профессор Оксфордского университета Х. Дабс в лекции, прочитанной в Китайском обществе 23 ноября 1955 г., дал объяснение данному факту. Его концепция сводится к тому, что основавшие поселение солдаты были legionерами римской армии,

* Австралийский ученый Дэвид Харрис (г. Маунт Баркер, Южная Австралия) последние несколько лет занимается изучением судьбы римских legionеров, попавших в Китай в I в. до н. э. Ему удалось создать небольшой, но дружный интернациональный коллектив, который в своих поисках добился определенных результатов. Они были сообщены одним из координаторов работы В. В. Васенькиным (Калининградский университет) на XXII Всесоюзной научной конференции «Общество и государство в Китае» в Москве и вызвали интерес у специалистов-востоковедов.— (См.: Харрис Д., Васенькин В. В., Комиссаров С. А. Римляне в Китае: перспективы поиска // XXII науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. докл.— М., 1991.— С. 92—94). Ряд сообщений был опубликован также в периодической печати.— См.: Родионов Ю. Пропавший легион // Эхо планеты.— 1989.— № 44.— С. 44—45; Васенькин В. В поисках потерянного города // Калининградский комсомолец.— 1990.— 28 апр., 5 мая.

Перевод данной статьи выполнен А. С. Комиссаровым по оригинальному авторскому тексту с незначительными сокращениями.

потерпевшими поражение от парфян в битве при Каррах (в 53 г. до н. э.). Как писал Плутарх в биографии Красса, после одержанной победы парфяне отправили пленников далеко на восток, в Маргиану (Мерв). Для запада эти люди были полностью потерянны. Но сведения об их судьбе можно отыскать в классических китайских сочинениях, прежде всего, в «Истории ранней Хань», переведенной на английский язык Х. Дабсом. Это фундаментальное творение обычно приписывается официальному придворному историографу Бань Гу (32—92 гг. н. э.). Фактически же работу начал его отец Бань Бяо, а завершила младшая сестра Бань Чжао (45—115 гг. н. э.), которая являлась одной из выдающихся представительниц интеллектуальной элиты Китая¹. Как придворные историографы члены семьи Бань имели доступ к императорским архивам, в которых хранились рабочие записи бесед, документы, протоколы советов.

Среди этих материалов находился, вероятно, журнал, который вел во время одной из кампаний генерал Чэнь Тан. Именно он в 36 г. до н. э. на западных рубежах Китая захватил в плен необычных солдат. Когда войска Чэнь Тапа готовились атаковать город хуннского правителя Чжи-чжи, генерал с удивлением увидел, что ворота города обороняют более сотни пехотинцев, стоящих по обе стороны ворот в построении, подобном рыбьей чешуе. До этого китайцы никогда не видели, как сдвигаются щиты в построении, называемом римлянами «тестудо», или «черепаша». Хунны устремлялись в битву неорганизованными массами. Китайцы использовали большие щиты для защиты своих лучников. Но дикто в этой части света не использовал маневр с щитами, соединенными вместе. Чэнь Тан не был знаком также с таким видом городских укреплений, как земляная стена, перед которой находился двойной палисад из дерева. С точки зрения Х. Дабса, такое фортификационное сооружение было обычным для римлян, но не использовалось ни китайцами, ни хунну². Войска Чэнь Тана штурмовали и захватили город. Одержав победу, генерал приказал казнить 1518 вражеских солдат, но оставил в живых 145 военнопленных, которых Х. Дабс считает римлянами. Чэнь Тан сделал запись о штурме города в журнале, а также приказал художникам запечатлеть свою победную атаку. По мнению Х. Дабса, рисунок отличается от традиционных китайских картин: он выполнен в форме римских триумфов, подобных тем, что проходили по улицам Рима по случаю побед Помпея или Цезаря. А ведь в армии Красса, разбитой при Каррах, были ветераны Помпея.

Х. Дабс подробно изучил древнекитайские документальные свидетельства и обнаружил немало интригующих фактов. Например, в 9 г. н. э. узурпатор Ван Ман, следуя конфуцианской доктрине «чжэн мин» («исправления имен») приказал переименовать все населенные пункты в соответствии с обстоятельствами их возникновения. На какое-то время Лицзянь стал называться Цзелу, что примерно означает: «пленники, захваченные при штурме города»³.

*
* *

В конце 1988 г. автору удалось посетить место к юго-западу от г. Юнчан (пров. Ганьсу), где, по предположениям Х. Дабса, находился Лицзянь. Как сообщил секретарь по вопросам культуры при местном руководстве Чжан Юй, развалины древнего города в настоящее время скрыты постройками современной деревни, поэтому детальный осмотр места затруднен. В ходе проведенных консультаций в Ланьчжоу и Пекине китайские ученые пришли к однозначному выводу, что Лицзянь, несомненно, существовал. Его название неоднократно встречается в городских кадастрах. А ведь китайцы очень редко давали иноязычные названия своим городам. Например, в упомянутом списке 5 г. н.э. из 1587 городов только два носят «иностранные» названия, причем оба были заселены пришельцами с Запада. По мнению специалистов, с которыми консультировался автор, Лицзянь исчез много веков назад в результате войн, землетрясений, песчаных бурь и наводнений.

Город Лицзянь зафиксирован на исторических атласах Китая⁴. В 1989 г. профессор Гуань Ицюань (исторический факультет Института национальностей, г. Ланьчжоу) представил новые карты, на которые он нанес еще четыре города, которые были основаны жителями Лицзяня. Согласно топонимическим изысканиям профессора Гуаня, одно из последующих названий Лицзяня — Чжэрлайчжай⁵. Еще одно из его названий можно перевести как Черный город, иногда называемый также Город Черной Лошади. Рядом с ним, в устье речной долины, располагалась Крепость Красного Утеса. Сочетание этой топонимики в одном пункте должно указать точное местоположение Лицзяня.

С этой информацией автор вновь отправился на осмотр окрестностей Юнчана. Секретарь Чжан Юй подтвердил, что деревня, под которой, по его мнению, находятся развалины древнего города, ныне называется Чжэсачжань (Zhe Sa Zhan), но раньше она действительно называлась Чжэрлайчжай. В километре на юго-запад, на другом берегу речного русла, удалось обнаружить разрушенные стены поселения, которое называлось Город Черной Лошади. К югу от долины виднелись низкие стены, расположенные под скалистым утесом. Чжан Юй определил это городище как Хуншиай (Hong Shi Ai), т. е. Крепость Красного Утеса.

*
* *

В 1990 г. для обсуждения полученных доказательств со специалистами, автор совершил специальную поездку по странам Европы, СССР и Китаю, где провел ряд консультаций. В Риме состоялась встреча с генеральным директором Итальянского энциклопедического института профессором В. Каппеллетти, ко-

торый проявил интерес к проблеме Лицзяня. Профессор отметил, что наши исследования могут пролить новый свет на культурные и торговые контакты и миграции между Востоком и Западом, независимо от того, будут ли подтверждены выдвинутые гипотезы. Он дал любезное согласие написать независимое заключение на нашу работу.

В Ташкенте мы встретились с доктором З. Узмайевой, которая 20 лет проводит раскопки в Мерве — городе, где, по мнению Х. Дабса, находились в плену римляне из легионов Красса. До нее в этом районе в течение 40 лет работал профессор М. Е. Массон. Доктор З. Узмаева заверила нас, что никаких следов присутствия римских пленников в Мерве в I в. до н. э. обнаружено не было. В Ташкенте состоялась беседа с доктором Э. Ртвеладзе, который представил свидетельства того, что римляне оставили свой след в районе к востоку от Мерва. Наиболее интересными нам показались материалы о латинских надписях, вырезанных на стенах в Кара-Камаре (Черной Пещере). Одна из них трактуется как посвяtitельная «Непобедимому Митре», в другой упоминается легион *Apollinaris* (15-й легион) и собственное имя (Гирекс — ?)⁶. Хотя надписи сделаны позже битвы при Каррах, приведенная выше надпись в пещере доказывает сам факт существовавшей у парфян практики отправлять римских военнопленных далеко на восточные рубежи своей державы.

В Алма-Ате профессор К. Байпаков указал на нашей карте место возможного расположения столицы шаньюя Чжи-чжи, взятой штурмом войсками Чань Тана 2 тыс. л. н. Развалины городища расположены в 15 км к востоку от современного г. Джамбула. Защитные сооружения нетипичны для данного региона, возможно, они были возведены римлянами. Однако их остатки еще ждут тщательного изучения.

После этих консультаций мы отправились в Китай. К сожалению, в этот раз нам не удалось выбраться с очередной разведкой на развалины Лицзяня, поскольку остатки Лицзяня были объявлены национальным культурным достоянием и для их посещения требовалось специальное разрешение.

В то же время в Ланьчжоу продолжали успешно трудиться китайские члены «Рабочей группы по проблеме Лицзяня». Профессор Ма Хунлян привлек для изучения карты местности, сделанные методами аэро- и космической разведки. По его мнению, мы нашли только малую часть древнего города, тогда как его основная часть расположена выше в горах. Продолжает изучение древних летописей профессор Гуань Ицюань, которого заинтересовала дальнейшая судьба жителей Лицзяня.

*
* *
*

По нашему мнению, для решения поставленных в статье вопросов необходимо организовать международную комплексную экспедицию. Ее силами будут не только осуществлены планомер-

ные раскопки, но и проведены необходимые картографические и лингвистические исследования⁷. Плодотворной может оказаться работа по реализации программы изучения генетических характеристик современных жителей уезда Юнчан, среди которых, возможно, будут обнаружены потомки легионеров.

В целом проблема раннего появления римлян на территории Китая и их дальнейшей судьбы является ярким примером взаимодействия культур Востока и Запада и в качестве такового идеально вписывается в программу «Великий Шелковый путь», осуществляемую под эгидой ЮНЕСКО.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: *Синицын Е. П.* Бань Гу — историк древнего Китая. — М., 1975. — *Прим. пер.*

² Следует подчеркнуть, что именно отлпчия в вооружении, боевом строении и фортификации позволили древним авторам зафиксировать необычных воинов, а современным исследователям — отождествить их с римлянами. Это наглядно доказывает, что во всяком случае в древности комплекс вооружения и военное дело в целом имели выраженную этнокультурную специфику. — *Прим. пер.*

³ Вышеперечисленные данные взяты из работы Х. Дабса. — См.: *Dubs H. H. A Roman City in Ancient China.* — L., 1957. — (The China Society). Пользуясь случаем, автор приносит благодарность г-ну Алану Трелору, преподавателю истории (в отставке) Университета Новой Англии (г. Армидейл, Австралия), любезно предоставившему эти материалы. Гипотезу о связи Лицзяня с римскими легионерами см.: *T'ong Pao.* — Vol. 34. — P. 249—264; *Zhongguoshi wangjin.* — 1985. — N 2. — P. 57—74; на русском языке: *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)/Предисл., пер. и примеч. В. С. Таскина.* — М., 1973. — Вып. 2. — С. 128—130.

⁴ См.: *Чжунго лиши дитуцзи (Исторический атлас Китая)/Под ред. Тан Цисяня.* — Пекин, 1982. — Т. 2. — С. 33—34, 57—58. — (Диту чубаньше).

⁵ Так в английском тексте — *Zher Lai Zhai.* — *Прим. пер.*

⁶ См.: *Ргвеладзе Э. В.* Из недавних открытий узбекистанской искусствоведческой экспедиции в Северной Бактрии — Тохаристане // ВДИ. — 1990. — № 4. — С. 143—144; *Устинова Ю. Б.* Наскальные латинские и греческая надписи из Кара-Камара // Там же. — С. 145—147. По мнению ученых, имя в надписи следует читать не как Гирекс, а как два слова: сокращение имени Гай и титул или прозвище Рех (царь). Ю. Б. Устинова допускает, что надписи могли оставить легионеры 15-го легиона, которые попали в плен к парфянам в 66 г. н. э., когда Рим потерпел сокрушительное поражение от Парфии в борьбе за Армению. «...Некоторых из них судьба могла забросить даже в Кара-Камар», — пишет исследовательница. — *Прим. пер.*

⁷ Определенный дополнительный материал может появиться и в ходе специальных оружейно-ведческих исследований, цель которых — проанализировать оружейный комплекс (и шире — военное дело) ханьского Китая и сопредельных государств с позиций возможности влияния на него римских традиций. — *Прим. пер.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ВДИ	— Вестник древней истории
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
ТТКАЭЭ	— Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

ЧАСТЬ 1

ЭПОХА БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ

<i>Молодин В. И.</i> Новый вид бронзовых клинков в погребениях кротовской культуры	4
<i>Кожин П. М.</i> Сибирская фаланга эпохи бронзы	16
<i>Варёнов А. В.</i> Китайская манипула ипского времени	41
<i>Худяков Ю. С.</i> Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху бронзы	65
<i>Гаврилюк А. Г., Таиров А. Д.</i> Эволюция некоторых форм савромато-сарматских мечей	73
<i>Кулемзин А. М., Насонов М. Ю.</i> Исследование механических свойств клинков тагарских бронзовых клинков	89
<i>Иванов Г. Е.</i> Новые находки оружия раннего железного века в степном Алтае	95

ЧАСТЬ 2

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

<i>Худяков Ю. С.</i> Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии	107
<i>Горелик М. В.</i> Защитное вооружение степной зоны Евразии и прилегающих к ней территорий в I тыс. н. э.	149
<i>Бородовский А. П.</i> Плети и стеги в экипировке раннесредневекового всадника юга Западной Сибири	179
<i>Нестеров С. П., Слюсаренко И. Ю.</i> Панцирь и шлем из могильника Шапка	189
<i>Медведев В. Е., Крамцов В. А.</i> Наконечники копий чжурчжонской эпохи	197
<i>Исмаилов Р. Б., Худяков Ю. С.</i> Панцирь из городища Бузук-Тобе	204
<i>Плотников Ю. А., Батсайхан З.</i> Сабля из Гобийского Алтая	212
<i>Леньков В. Д., Шавкунов В. Э.</i> Железные наконечники стрел бохайцев Приморья	214
<i>Харрис Д.</i> Римские легионеры в Китае	226

Научное издание

ВОЕННОЕ ДЕЛО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Редакторы *Н. М. Анджиевская, Т. В. Романенко*

Художник *Л. Л. Мордохович*

Технический редактор *Т. Н. Драгун*

ИБ № 50569

Сдано в набор 05.04.93. Подписано к печати 20.07.93. Формат 60×90¹/₈. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 14,5; Усл. кр.-отт. 14,8. Уч.-изд. л. 16,8. Тираж 700 экз. Заказ № 591. С134.

Ордена Трудового Красного Знамени ВО «Наука». Сибирская издательская фирма. 630090 Новосибирск, ул. Советская, 18.

Новосибирская типография № 4 ВО «Наука». 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

СИБИРСКОЕ ОБЩЕСТВО
СОДЕЙСТВИЯ СПОРТУ

КЛУБ БОЕВЫХ ИСКУССТВ
„МАНГУСТА”

Президент клуба С. Ю. Попов
Главный тренер А. А. Черных

Клуб „Мангуста” – неоднократный призер
Всероссийских чемпионатов по тазквондо и
каратэдо, лауреат международных фестивалей
по у-шу.

Тренеры клуба обучались у китайских ма-
стеров.

Адрес: 630055 Новосибирск, ул. Мусы Джалиля, 14

Телефон: 32-13-45, 32-67-31

Факс: 32-67-32

«НАУКА»
НОВОСИБИРСК